

Сквозь
волшебное
кольцо

Сквозь
волшебное
кольцо

Шотландия

Северное
море

Индия
Испания

Англия

Норвегия

Италия

Франция

Бристоль

Лондон

Кентербери

Сент-Джонс

море

Восточное
море

море

море

море

море

море

*Сквозь
волшебное
кольцо*

Ирландские
саги
и сказки

Валлийские
легенды
и сказки

Шотландские
сказки
и легенды

Английские
сказки

*Британские легенды
и сказки*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987

Перевод с английского
Н. В. Шерешевской

Послесловие
С. И. Бэлзы

Иллюстрации и оформление
Л. И. Орловой

© Издательство «Правда»,
1987.
Составление.
Послесловие.
Иллюстрации.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирландские саги и сказки

*Из собрания кельтского фольклора
Джозефа Джекобса
и других изданий*

*Из книги Шамаса Мак Мануса
и из собрания
Джозефа Джекобса*

Строитель Гоб	13
Умная жена	16
Ученый Фиоргал	19
Воскресение Рафтери	27
Три монаха-отшельника	33
Лиса и гуси	34
Ученик вора	36
Жена Гоба	40
Поэт Маклонин и пахарь из Дал Каса	44
Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира	45
Піанам, Піанам, Мара-Фанам	49
Семь пшеничных зерен	52
Повелитель ворон	54
«Рори спасет Ирландию!»	58
Ученые Мангрета	60
Король Птиц	66
Правая рука святого Ултена	68
Как удалось перехитрить самого Рафтери	69
Семейная распря	71
Мудрость Кормака	75

*Из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис
и оксфордского издания Айлин О'Фойлин*

Бой Кухулина с Фердиадом	79
Про короля, про святого и про гусыню	87
Поле ромашек	91
Мудрая Унах	95
Черный Вор	101
Надменная принцесса	115
Зачарованный Геройд Ярла	119

Из собрания Уильяма Батлера Йейтса

Белая форель	123
Нокграфтонская легенда	126
Души в клетках	131
Господин и слуга	143
Дурное место	150
Мунахар и Манахар	158
Ленивая красавица и ее тетушки	162
Графиня Кэтлин О'Шей	167
Вольнщик и пак	171
Озеро исцеления	174
Завороженный пудинг	180

Валлийские легенды и сказки

Из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис,
оксфордского
издания Гвин Джонса
и собрания
Джозефа Джекобса

Из легенд о короле Артуре

I. Поиски Олвен	195
II. Как Тристан нашел Изольду	209
Дева Озера	212
Солнце Лланфабона	217
Добрая душа	218
Кэдуладер и козы	222
Лопата земли	225

Шотландские сказки и легенды

Из оксфордского издания Барбары Кер Уилсон,
из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис
и сборника Аллана Стюарта

Я — сам!	229
Крошка-Мальшка	232
Петух и Лиса	234
Лиса и Пустельга	235
Там Лин	236
Сэр Майкл Скотт	240
Как Майкл Скотт в Рим ходил	244
Два скрипача из Стратспи	247
Русалка и неверный Эндрю	252
Отважный охотник Финлей	256
Кошель золота за пару штанов	262
Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид	265
Синяя шапочка	268
Рыжий Этгин	272
Вилли и поросенок	277
Серебряная дудочка Маккримонса	280
Джон Рид и русалка	283
Черный Родерик	286

Из древних легенд о фьанах

I. Путешествие Финна в Лохланн	291
II. Смерть Дирмеда	295
Легенда о Макбете	301
Томас-Рифмач	307

Английские сказки

Из собрания английского фольклора
 Джозефа Джекобса,
 из двухтомника «Британские сказки»
 Эмейбл Уильямс-Эллис
 и оксфордского издания Джеймса Ривза

Сказка про трех поросят	317
Мистер Майка	320
Как Джек ходил счастья искать	322
Источник-на-краю-света	324
Три умные головы	328
Малютка брауни	331
Бабушкин дедушка	334
Дочка пекаря	336
Кто-всех-одолеет	338
Воду заперли	343
Дьявол и портняжка	345
Волшебный рог	348
Рыба и перстень	350
Джек Хэннефорд	353
Сон коробейника	356
Сорочье гнездо	360
Джек-Лентяй	362
Кэт-Щелкунчик	364
Господин всех господ	369
Три желания	371
Джоан и хромой гусопас	373
Мистер Виноградина	378
Джек и бобовый стебель	381

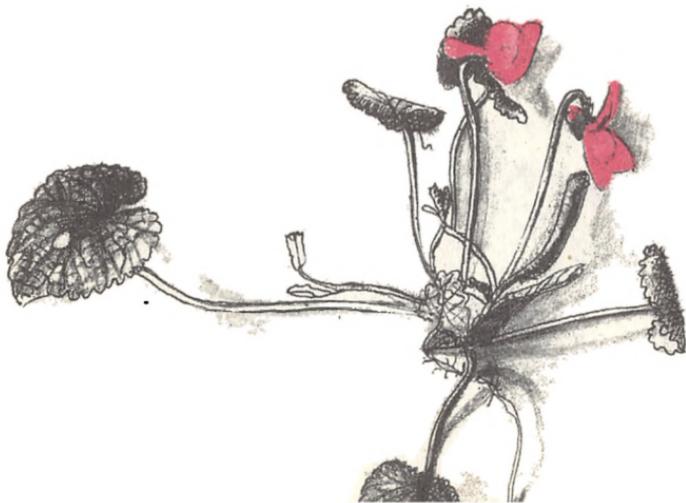
Волшебная мазь	407
Ничто-Ничего	409
Осел, столик и дубинка	414
Джек и золотая табакерка	418
Питер-Простачок	424
Ночной пассажир	429
Синяя Борода	430
Выгодная сделка	434
Его Величество король Томас	438
Мальшка Том и великан Денбрас	440
Ночная погоня	445
Тростниковая Шапка	447
Король Иоанн и кентерберийский аббат	451
Чайлд Роланд	454
Ученик чародея	459
Дик Уиттингтон и его кошка	461
Том Тит Тот	467
<i>Послесловие С. И. Бэлзы</i>	<i>472</i>

*Из собрания кельтского фольклора
Джозефа Джекобса и других изданий*

*Из книги Шамаса Мак Мануса и из собрания
Джозефа Джекобса*

Строитель Гоб

ОТ ВАМ старинная история про Гоба-строителя. Когда великий Гоб-ан-Шор, самый искусный строитель, каких знала древняя Ирландия, да к тому же умнейший во всей Ирландии человек, за исключением, правда, его жены — кстати, не забыть бы, что я должен кое-что рассказать вам о ней, — так вот, когда Гоб отправился в те далекие времена во Францию строить тамошнему королю дворец, он прихватил с собой и своего юного сына.

Был жаркий летний день, и оба очень устали, особенно мальчик: он был слабее и не привык путешествовать.

В полдень они достигли Круах Горма, и Гоб сказал мальчику:

— Сын мой, перенеси своего старого отца через горы!

Удивленный малыш возмутился:

— В своем ли вы уме, отец! Не могу же я выполнить невозможное, сами знаете!

— Что ж, тогда вернемся домой, — сказал Гоб.

И они повернули домой.

На другое утро Гоб сказал сыну:

— Сегодня мы двинемся опять, да поможет нам бог!

И они пошли.

Было жарко, и, как и накануне, когда они достигли подошвы Круах Горма, оба страшно устали. И Гоб сказал сыну:

— О сын мой, перенеси меня через горы!

Мальчик ответил:

— Отец, но вы и впрямь потеряли весь ваш разум. Мне самому-то, бедному, не подняться на эту гору, а еще вас переносить!

— Ну, тогда мы снова вернемся домой, — сказал Гоб.

И они опять повернули домой.

В эту ночь, когда Гоб уже лег, мать спросила сына:

— Вот уже два утра подряд вы с отцом отправляетесь во Францию, но каждый вечер возвращаетесь назад. Что это значит?

— Мама, — отвечал сын, — мне кажется, наш отец совсем сошел с ума. Каждый раз, когда мы достигаем Круах Горма и я просто валюсь с ног от усталости, этот человек, ты только представь себе, просит меня, слабого и маленького, перенести его через горы!

— О мой мальчик, — говорит ему мать, — прежде чем ты сможешь выйти в большой мир, тебе надо еще многому научиться. Завтра утром твой отец опять тронется с тобою в путь и произойдет опять все то же самое, лишь только вы достигнете Круах Горма. И когда он попросит тебя перенести его через горы, ты начни ему рассказывать «Лесную кукушку», или «Королеву Одинокого острова», или «Принцессу с Холма-на-краю-света» — словом, любую из прекрасных ирландских сказок, какие я по вечерам рассказывала тебе. Рассказывай и продолжай идти, увидишь, что будет!

Сын пообещал матери исполнить все, как она посоветовала. И когда на другой день они подошли к Круах Горму и Гоб опять попросил: «О мой сын, перенеси меня через горы!» — мальчик, словно не расслышав его просьбы, спросил:

— Отец, вы когда-нибудь слышали сказку про трех сыновей ирландского короля, которые решили украсть дочь арабского шейха?

— Слышал, — ответил старик, — но мог бы слушать еще много раз.

И мальчик стал рассказывать ее с начала и до конца, эту милую-милую сказку, с тем же упоением, с каким рассказывала когда-то его мать. И когда он произнес последние чудесные слова этой длинной-предлинной истории, старый отец поднял глаза и посмотрел сначала вперед, потом назад, потом вверх и вниз: Круах Горм был уже позади!

— О мой мальчик! — воскликнул Гоб. — Ты сын своей матери! Сегодня ты так легко перенес нас обоих через горы.

Что ж, по правде говоря, и меня самого наши чарующие старинные сказки не раз переносили через горы, иногда такие неприступные!

И вас, мои читатели, кому добрую половину своей жизни приходится ломать стену житейских трудностей, я приглашу, когда к вам придет очередная бессонница, на трехнедельные кани-

кулы в зачарованные холмы и долины тех самых магических гор, которые сделали меня новым человеком, — в страну наших сказок, страну королей и королев, поэтов и пророков, ученых и колдунов, умных жен и глупых мужей, а может быть, даже и фей, и привидений, и говорящих птиц и зверей (которые говорят куда умнее, чем иные люди). Чтобы скоротать время, я, быть может, нет-нет да исполню для вас улаждающие душу стихи и непременно расскажу вам с полсотни восхитительных сказок.

Наверное, вы и не знаете, что среди всевозможных духов встречаются такие, которых зовут у нас ухажерами. В облике простого смертного, притом весьма недурного собой, ухажер поджидает на пустынном вересковом болоте хорошенькую девушку и начинает за ней ухаживать. И если она, неразумная, позволит ему себя поцеловать, ее ждет вечное проклятие и смерть, а душа ее улетит за возлюбленным в его волшебную страну.

Мойра Манахан, сейчас уже увядшая, сгорбленная и седая, но когда-то носившая прекрасное имя — Цветущая Ветка Долины Эйни, Мойра в дни своей цветущей молодости повстречала вот такого ухажера, но по божьей милости избежала рокового поцелуя. И все же, когда он ухаживал за ней («Ах, ни один ирландский парень не шептал мне на ушко таких сладких и обольстительных слов!» — вздыхала она потом), он снял с пальца кольцо и дал ей взглянуть через него на зачарованный мир. И она увидела танцующих и резвящихся эльфов и шестьдесят прекрасных юношей, играющих в пятнашки посреди дивной зеленой долины.

«Ах! — воскликнула в восторге Мойра, рассказывая мне свою историю. — Ах! после того, что я там увидела, ни одно зрелище у нас на земле уже не радовало меня!»

Без всякого злого намерения или пагубных последствий я дам и вам поглядеть через это волшебное кольцо, и когда вы хоть краешком глаза увидите волшебную страну народной фантазии, она вас покорит куда больше, чем все улады вашей светской жизни. А если я ошибаюсь, я прокляну того гуся, чьим пером написал здесь это обещание, и поджарю его на костре, чтобы отомстить за вас.

Так слушайте!

Умная жена

А ПРОТЯЖЕНИИ всей истории Ирландии — длинной, бурной и удивительной — не было, мне думается, женщины, равной по уму жене Гоб-ан-Шора, кроме, пожалуй, одной, имя которой Сав, жены самого О’Доннела. Да, это была необыкновенная женщина.

Про жену Гоба я вам расскажу позже, только б не забыть.

Сам О’Доннел, принц Доневолийский, по-своему тоже был очень умен. Как-то раз на пасхальной неделе он принимал у себя при дворе именитого испанского гостя, и не хватило вдруг яблок. Он тотчас послал слугу в ближайшее аббатство, однако скупая братия ответила, что, увы, от старых запасов ничего не осталось и пока не поспеет новый урожай, яблок у них не будет.

Тогда О’Доннел приказал отправить монахам в подарок связку свечей. И посланец, который отнес их, вернулся обратно с корзиной чудеснейших яблок.

О’Доннел тут же сочинил на гэльском языке остроумное двустихие и отослал его с выражением своей благодарности в аббатство: мол, он потрясен открытием, что свечи помогают яблокам созревать раньше времени.

Да, только начали-то мы с вами говорить о его жене Сав, еще более умной, чем он. История о том, как он нашел ее, дочь бедняка из бедняков, и пленился ее мудростью, уже сама по себе превосходна, и, может быть, я поведаю вам ее, когда будет веселей у меня на душе. А сейчас я хочу рассказать вам, как Сав перехитрила своего любимого мужа.

Когда он впервые был пленен ее ясным умом и думал удивить эту босоногую девушку известием, что собирается на ней жениться и сделать ее хозяйкой своего сердца и своего дома, то

удивляться пришлось ему самому, так как она наотрез ему отказала. Как только он успокоился, он спросил ее о причине такого безрассудства. И Сав ответила:

— Слепленный любовью, вы сейчас не замечаете ни моего положения, ни моей бедности. Но придет день, когда, если я осмелюсь разгневать великого О'Доннела, он забудет, что я ничем не хуже его, если не лучше, и ввергнет меня снова в ту нищету, из какой поднял.

Клятвы О'Доннела, что этого никогда не случится, не поколебали ее. Он просил ее, и умолял, и преследовал день за днем, с понедельника до воскресенья, и опять день за днем, пока наконец Сав — подобно Сэлли Данлейви, когда та согласилась выйти замуж за большого и неуклюжего Мэнни Мак Граха, чтобы отделаться от него, — согласилась стать его женой.

Но она потребовала от О'Доннела клятвы, что если придет день — а он наверное придет, — когда О'Доннел пожалеет о совершенной им глупости, станет ее попрекать и прикажет убираться назад, ей разрешено будет забрать из его замка все, что она сама выберет и сумеет унести у себя на спине за три раза.

Счастливый О'Доннел громко смеялся, соглашаясь на это ее чудное условие.

Они поженились и были счастливы. У них рос уже сын, в котором оба души не чаяли. И в течение целых трех лет О'Доннел сдерживал свой буйный нрав и не обижал ту, которую нежно любил, хотя его частенько подмывало на это, когда ей удавалось, и весьма умело, расстроить вероломные планы этого самодержца.

Но однажды она зашла слишком уж далеко, и это позволило королевским придворным посмеяться над былым величием короля.

У короля шел прием. Его жена сидела с ним рядом и с беспокойством наблюдала, какой страх он внушает всем, даже когда удовлетворяет просьбы одного просителя за другим. Вдруг какой-то босоногий монах дерзко шагнул прямо к королю. Быть может, ему и следовало вести себя поскромнее, но он был явно обижен.

— Ты кто такой? Что у тебя за просьба? — О'Доннел замахнулся плеткой, чтобы поставить раба на место.

Но человек этот не оробел, напротив — еще более дерзко и вызывающе он ответил:

— Посланник бога я, О'Доннел! Господь прислал меня, чтобы потребовать от тебя исправить все зло, какое ты совершил.

Королева сдержала удар, который О'Доннел готов был обрушить на голову этого безумца. Она рукой остановила своего мужа и очень спокойно ответила разгорячившемуся монаху:

— Мы слышали много хорошего о твоём господине. Передай ему, чтобы он ничего не боялся и приходил сюда сам. Пусть смиренно сложит к нашим ногам свою обиду, и тогда он узнает, как добр и милостив великий О'Доннел.

В тот день при дворе вспыхнули беспорядки.

Взбешенный О'Доннел тут же явился в покои жены и сказал:

— Ах ты шлюха! Но так мне, дураку, и надо! Что хорошего мог я ожидать, женившись на нищенке, дочери нищего! Долой из моего замка и с глаз моих! Навсегда!

— Прекрасно, — ответила спокойно Сав. — Но я заберу с собой самые большие ценности, какие только захочу.

— Забирай что угодно! — крикнул он. — Все равно я еще дешево от тебя отделался!

И все же он с болью смотрел, как она собирает все редчайшие и самые ценные украшения, какие делали его замок предметом всеобщей зависти. Но в гордыне своей он не промолвил ни слова. В полном молчании наблюдали он и весь его двор, как она перенесла свою ношу через разводной мост и, сложив ее на той стороне, вернулась назад.

— Что последует за этим? — храбро спросил он, стоя рядом с дивившимся на все это сыном и держа его за руку.

Повернувшись к нему спиной, Сав сказала:

— Посади ко мне на плечи нашего сына!

На мгновение О'Доннел остолбенел. Но он тут же вспомнил о прославленной неустрашимости всех О'Доннелов и не моргнув глазом оторвал частицу своего сердца — сына своего, посадив его на плечи этой жестокой.

Она перенесла сына через мост и опустила на мешок с бриллиантами, золотом и прочими драгоценностями, а сама вернулась опять.

— Ну, а теперь?

О'Доннел был тверд, как скала, и, как гранит, был тверд его вопрос: «Ну, а теперь?»

— А теперь, — ответила эта необыкновенная женщина, — самое ценное. Теперь ты садись ко мне на спину, моя самая тяжелая ноша!

В старину говорили:

Очень мудро поступил наш Колм, когда еще в шестом веке, основав в Йоне свою знаменитую школу и поселение монахов и ученых, он запретил брать с собой корову. «Куда привели вы корову, — говорил этот мудрый человек, — туда за ней последует и женщина. А куда пришла женщина, туда последуют и неприятности».

Ученый Фиоргал

КОГДА я читаю теперь о замечательных ученых, которые удивляют все человечество, я спасаюсь от чувства благоговения, обращаясь к воспоминаниям о заветном местечке у камина в доме Туатала О'Сливина в те далекие времена, когда я был молодым и самодовольным школьным учителем в Глен Куах и полагал, что я — кладезь премудрости, с которым по учености не сравниться никому от самой границы Карн-на-Уин до морского побережья у Банлах и от ущелья Барнес Мор до утесов Слав Лиг, — да, так я вспоминаю заветное местечко возле пылающего очага в доме Туатала и его рассказ об ученом Фиоргале, поведанный, пожалуй, не без умысла, в чем я тогда не сумел разобраться.

Много воды утекло со времен ученого Фиоргала: кто жаловался тогда на зубную боль, вот уже целая тысяча лет как и думать о ней позабыл. В те дни ученых Ирландии знали и чтити во всем белом свете. Постигнув всю земную премудрость, знаменитые ирландские ученые так заносились в своей славе, что отправлялись в путешествия на восток и на запад и вызывали на спор, самый затейливый, какой только можно было придумать, любого из прославленных мудрецов.

Когда объявлялось такое вот необыкновенное состязание в учености между двумя великими самодовольными учеными мужами, доктор бросал своего пациента, хотя тот еще не успел отдать богу душу, жених бросал невесту, а часовой — свой пост, хо-

тя и видел вторгающуюся армию, король — свой трон, а нищий — суму, — словом, каждый готов был расшибиться в лепешку, только бы увидеть, кто кого положит на обе лопатки. Все просто с ума посходили из-за этих споров, и страна начала приходить в полный упадок, а ни старый, ни малый и не чаяли этого, пока находилось еще достаточно дураков, с кем бы можно было поспорить о том, кто из всех ученых Ирландии наимудрейший.

Когда же это неистовство достигло высшей точки — ученые были увенчаны славой, а страна оказалась на краю гибели, — на родину из странствий вернулся ученейший из ученых, имя которого, кроме всех его званий, было Фиоргал Ученый. Сей муж, овладев всеми знаниями, какие только можно было получить у себя в Ирландии, затем утер нос всем колледжам в Европе и в Азии, вызывая там на спор и на состязание величайших философов и каждый раз выходя победителем, да к тому же обогащая свои великолепные познания в каждой новой стране, какую он посещал. Имя его и слава прогремели на весь свет, и вот Фиоргал снова в Ирландии, в своем родном Керри.

Весть о его возвращении повергла в страх всех ирландских мудрецов.

Прибыв в Керри, Фиоргал не ел, не пил, пока не отправил в Тару к верховному королю Ирландии вызов сильнейшим из сильных его ученых, которых король имел обычаем содержать при своем дворе в немалом числе. Это был вызов на последнее состязание на мировое первенство, причем в споре этом словами объясняться запрещалось — только знаками. Фиоргал назначил день и месяц своего прибытия в Тару. В тот день и должно было решиться — вечная слава этому городу или вечный позор.

А надо вам сказать, что король ирландский был человеком весьма здравомыслящим и прекрасно знал, что его приближенные готовы в любую минуту поднять против него народ и с позором лишить его короны. Поэтому, просыпаясь утром, он первым делом хватался за голову: на месте ли его корона...

Вызов Фиоргала Ученого озадачил короля, как никого в его королевстве, — правда, виду он не показал. Придворные же его очень обрадовались — все, кроме ученых, конечно. Королевские мудрецы прославились на весь свет, ибо до того дня они не знали поражений и всегда и во всем выходили победителями. Однако теперь они поняли, что перед Фиоргалом Ученым им не устоять, — ведь он разбил наголову и опозорил всю Европу, а уж их разобьет и опозорит и подавно.

Чем ближе подходил день великого спора, назначенный ученым Фиоргалом, тем хуже чувствовали себя мудрецы короля; скорбь и уныние царили среди них. И наконец они толпою явились к королю и взмолились любым путем спасти их и королевский двор от бесчестия в глазах всего света.

И что ж, королевское сердце было тронуто, да и каменное сердце смягчилось бы при виде их скорбного состояния. Не откладывая в долгий ящик, король тут же стал ломать себе голову, что же предпринять.

И вот послушайте! Время от времени до короля доходили разговоры о некоем черноусом человечке, на редкость умном, по имени Темный Патрик. Жил он среди донеголских холмов, и, хотя нога его не ступала ни в один колледж, а книги не приходилось ему даже в руках держать, всем вокруг было известно о его ясном и трезвом уме. Немало удивительных загадок разгадал он, когда его просили об этом, но остался столь же скромным, сколь и бедным. Он мирно жил в маленькой хижине, возделывал свой клочок земли и не желал ничего лучшего, чем уважение своих соседей, таких же бедняков, как и он сам.

Король отправил в Донегол гонца за Темным Патриком, чтобы тот явился во дворец в Тару. И когда Патрик прибыл, король рассказал ему все и спросил, чем он может помочь.

А Темный Патрик покачал головой, да и говорит:

— Не знаю. Ученость, — говорит, — это штука мудреная. Но я постараюсь сделать, что сумею, только не поручусь, что это поможет.

— Ладно, — молвил король, покорившись судьбе.

Темный Патрик постарался разузнать, кто при дворе самый бестолковый: белое от черного не отличит. И все в один голос сказали — Джонни Одноглазый, сын торговца яблоками. Глупее его не только при дворе, но и во всей Ирландии не найти, хоть обыскать ее из конца в конец.

— Ну, — сказал тогда Патрик, — стало быть, Джонни Одноглазому и побить Фиоргала Ученого.

Придворные умники так и взбунтовались: неужели, вопрошали они короля, его величество позволит, чтобы какой-то деревенский шут, этот Темный Патрик из Донегола, навлек вечный позор на его величество, на них самих и на всю страну?!

Но Темный Патрик сказал:

— Мой повелитель, быть может, кто-либо из твоих ученых сам хочет встретиться с Фиоргалом и нанести ему поражение? Коли так, доброе имя твое вне опасности, и я тебе вовсе не ну-

жен, а потому пожелаю тебе всего наилучшего и двинусь обратно на север.

И он обвел взглядом толпу мудрецов, желая увидеть, кто из них хочет выступить против Фиоргала. Но ученые мужи лишь переглядывались между собою, однако ни один не осмелился посмотреть королю в глаза и сказать: «Я встречу с ним!»

— Раз так, — молвил король, — раз ни один из вас не осмеливается выступить против Фиоргала, по какому праву вы мешаєте этому доброму человеку делать то, что он хочет?

Что верно, то верно.

Наконец прибыл сам великий Фиоргал, а с ним и его грозная свита из сильнейших ученых Манстера. Фиоргал едва поклонился королю — столь велик и надменен он был. Он прошествовал в большой зал, приготовленный специально для состязания — для него и его спутников, являвших самый цвет учености, — и уселся на трон по одну сторону помоста на глазах у изумленной толпы зевак, ученых и знати, заполнивших зал до отказа. Затем он вызвал противника, чтобы начать состязание.

На королевских ученых лица не было, в то время как остальные зрители, а их были тысячи, еле сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху при виде Джонни Одноглазого в профессорской мантии, когда его вводили в зал, помогали подняться на помост и усестся на троне напротив знаменитого Фиоргала.

Фиоргал с кривой усмешкой на губах разглядывал героя, который осмелился выступить против него. Презрительный взгляд, которым наградил его в ответ Джонни Одноглазый, привел в восторг весь зал и вселил радость в королевское сердце.

Когда король увидел, что все готово, он позвонил в колокольчик. Это означало: противники могут начинать состязание — самое славное из всех, какие знала Ирландия!

Начал Фиоргал Ученый. Он поднял один палец перед своим противником, и в тот же миг Джонни показал ему два пальца, на что Фиоргал поднял три пальца. Тогда королевский герой погрозил ему кулаком. Фиоргал достал темно-красную вишню и съел ее, Джонни Одноглазый в ответ съел зеленый крыжовник.

Зрители в неистовом возбуждении тут же решили: что бы все это ни значило, а дело оборачивается против Джонни, так как он даже потемнел лицом от гнева.

Фиоргал быстро вынул из кармана яблоко и поднял его. Тогда Джонни поднял полбуханки хлеба, которую вытащил у себя из-за пазухи. Он был просто в бешенстве — это видели все, — в то время как Фиоргал оставался спокоен, словно форель в озере.

Фиоргал поднес яблоко ко рту и откусил от него. В тот же миг Джонни поднялся с хлебом в руке и запустил им Фиоргалу прямо в голову, так что даже сшиб его с ног!

Тут королевские ученые повскакали со своих мест с намерением прогнать Джонни Одноглазого и четвертовать его, но не успели они и рта раскрыть, как Фиоргал Ученый, вскочивший с места раньше их, пересек помост, схватил руку Джонни в свои и пожал ее. А затем повернулся к онемевшим зрителям и произнес:

— Господа! По доброй воле и громогласно я признаю, что впервые за долгие годы своей славной жизни Фиоргал Ученый побежден!

Всех как громом поразило.

— Я изъездил весь свет,— продолжал Фиоргал,— побывал во многих знаменитых колледжах, вступал в спор с величайшими учеными мира, но мне суждено было приехать в Тару к ученым верховного короля, чтобы встретить наимудрейшего и удивительнейшего ученого, который благодаря своей всепостигающей мудрости во всем превзошел меня и побил в этом споре. Но я не разбит,— сказал он,— я горд, что судьба принесла мне поражение от неповторимого гения!

Тут поднялся король и молвил:

— Будьте любезны, объясните собравшимся здесь господам, что произошло между вашей ученой светлостью и моим ученым героем.

— Сейчас объясню,— сказал Фиоргал.— Я начал с того, что поднял один палец, и это означало: бог один. На что сей ученейший муж справедливо заметил, подняв два пальца, что, кроме бога-отца, мы поминаем еще двоих: сына и святого духа. Тогда, думая, что я ловко поймал его, я поднял три пальца, что должно было означать: «А не получается ли у тебя три бога?» Но ваш великий ученый и тут нашелся: он тотчас сжал кулак, отвечая, что бог един в трех лицах.

Я съел спелую вишню, говоря, что жизнь сладка, но великий мудрец ответил, проглотив зеленый крыжовник, что жизнь вовсе не сладка, но тем и лучше, что она с кислинкой. Я достал яблоко, говоря, что, как учит нас библия, первым даром природы человеку были фрукты. Но ученый муж поправил меня, показав хлеб и заявляя этим, что человеку приходилось добывать их в поте лица своего.

Тогда, призвав на помощь весь мой разум, знания и вдохновение, я надкусил яблоко, чтобы сказать: «Вот ты и попался. Объяс-

ни-ка, коли сумеешь». Но тут — подумать только! — этот благородный и неповторимый гений бросает в меня свой хлеб и, не дав опомниться, сшибает меня с ног. И этим, как вы сами понимаете, напоминает, что именно яблоко было причиной падения Человека. Я побежден! Вечный позор мне и бесчестье. Одного лишь прошу я — отпустите меня с миром и предайте вечному забвению.

Так ответил королю Фиоргал Ученый.

И вот со стыдом и позором Фиоргал Ученый и его свита поджав хвосты покинули королевский замок. А вокруг Джонни Одноглазого, который прослушал речь Фиоргала разинув рот, собрались все великие доктора и ученые короля. Они подняли его к себе на плечи и трижды три раза совершили с ним полный круг по двору королевского замка. Затем они опустили его на землю и заставили короля собственноручно увесить Джонни всеми значками, медалями и учеными орденами, какие только имелись в королевстве, так что у бедняги даже согнулась спина от тяжелой ноши.

— А теперь, — молвил король, подымаясь с трона, — я напомию вам, что имеется еще один человек, которого мы забываем, но которого нам грех не помнить и не чтить. Я говорю о Темном Патрике из Донегола. Пусть он отзовется и выйдет вперед!

Из дальнего угла комнаты, из-под хоров поднялся черноусый человечек и поклонился королю.

— Темный Патрик, — обратился король к черноволосому человечку из Донегола, — мне хотелось бы оставить тебя при моем дворе. Я дам тебе любое жалованье, какое ты назовешь, и вся работа твоя будет — находиться всегда у меня под рукой, чтобы в любое время я мог получить от тебя совет. Так назови же свое жалованье, и, каково бы оно ни было, оно — твое!

— Ваша милость, — отвечал Темный Патрик, — примите от чистого сердца нижайшую благодарность за вашу снисходительность и доброту ко мне, недостойному. Но простите меня, если, прежде чем ответить на ваше предложение, я осмелюсь воспользоваться правом каждого ирландца задать один вопрос.

— Говори, — молвил король.

И Темный Патрик повернулся к совершенно опешившему Джонни Одноглазому, который весь сгорбился под тяжестью своих медалей, и, указывая на него, произнес:

— Мой вопрос будет вот к этому ученому мужу, восседающему на помосте. Всем собравшимся, — обратился он к Джонни, — Фиоргал Ученый милостиво сообщил здесь свое толкование

немного спора, который проходил между вами и в котором вы, с помощью вашего гения, побили первого в мире ученого. Не могли бы и вы оказать честь всем присутствующим и рассказать, что вы сами думаете об этом?

— Отчего ж не рассказать, расскажу! — ответил Джонни, то есть, простите, ученый муж. — Нет ничего проще. Этот самый парень, которого вы выставили против меня, да бесстыднее бездельника я в жизни своей не встречал, к счастью. Так вот, сперва ему потребовалось задеть мою личность: задрал кверху палец, чтоб подразнить, что я одноглазый. Ну, я взбесился и показываю ему два пальца, — мол, мой один глаз стоит твоих двух. Но он дальше-больше надсмехается и показывает три пальца, чтоб и вам захотелось потешиться: вот, мол, перед вами три глаза на двоих. Я показал ему кулак, чтоб он знал, что ждет его, если не уймется. Но тут он съел вишню и выплюнул косточку, говоря, что ему наплевать на меня. А я съел зеленый крыжовник, — мол, и мне наплевать на тебя со всеми твоими потрохами. Когда же этот негодяй вынул яблоко, чтобы напомнить мне, что я всего-навсего сын мелкого яблочного торговца, я вытащил двухпенсовый хлеб, который нес домой к обеду как раз о ту пору, как меня схватили и приволокли вот сюда. Да, так я вытащил хлеб — ничего тяжелей под рукой не нашлось, — чтоб он знал, что если не одумается, я ему сейчас голову размозжу. Но охальник сам накликал себе конец: поднял яблоко ко рту и откусил от него, — мол, когда ты был юнцом, ты частенько воровал яблоки у своей бедной хромой старой матери и убегал с ними, чтобы съесть потихоньку. Это было последней каплей! Я запустил буханкой этому нечистивому прямо между глаз и пришиб его. Вот вам и великая победа, — закончил Джонни.

— Величайшая победа! — повторил Темный Патрик. — И я, — обратился он к Джонни, — поздравляю вас, ваше ученое степенство, и всех ученых мужей, присутствующих здесь, со столь удивительной победой!

— И в самом деле, огромная победа, — молвил король, взяв понюшку табаку. — И я приказываю вам, ученые господа, — продолжал он, — отвести вашего ученого главу в самые пышные покои нашего славного замка и впредь оказывать ему всевозможный почет и уважение. Ну, а что же будет с тобой, Темный Патрик? — спросил король.

— Как раз об этом я и собирался сейчас сказать, — ответил Темный Патрик. — К сожалению, я вынужден отказаться от вашего милостивого предложения, ваше величество. Такому темному

и бедному горцу, как я, не подобает оставаться при вашем дворе, где пребывают столь великие ученые мужи, каких я имел честь наблюдать. Ученость, как я уже смел заметить, — мудреная штука! Я от всего сердца и смиренно благодарю вас, ваше величество, — он низко поклонился королю, — и желаю вам здравствовать! А мне сейчас самая пора отправиться в путь-дорогу к маленькой хижине среди донеголских болот.

Его величество и так и эдак пытался удержать Темного Патрика, но безуспешно. Патрик привязал к палке, с которой всегда путешествовал, свой узелок, и любой, кто бы вздумал поглядеть ему вслед, увидел бы, как этот человечек одиноко, но бодро шагает по дороге на север.

В старину говорили:

Дом без ребенка, собаки или кошки — дом без любви и радости.

Воскресение Рафтери

ВЫПОЛНЯЮ мое давнишнее обещание — вот вам первый пример искусства шанахи¹. История моя будет про знаменитого Рафтери, одного из достославных бродячих артистов Коннахта, по праву считавшегося самым удивительным шанахи во всем Кривине, в чем мне самому удалось убедиться.

Только, чур, перескажу я вам эту историю, как моей душе угодно.

Так вот...

Рафтери был не только скрипачом — он был человеком. Первейшим человеком и лучшим скрипачом, какой когда-либо ступал по земле в кожаных башмаках. Свет не знал сердца более щедрого, чем у него.

О! в его скрипке слышались и завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши² под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот и красота небес, свист черного дрозда и песня жаворонка, легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Его напев, подобно ветру среди камышей, то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей, которые всегда окружали его. И самая черная душа светлела, гордость уступала кротости, а суровость таяла как снег в мае.

¹ Шанахи — бродячий сказитель и музыкант в Ирландии.

² Банши — так называют в Ирландии духов в образе женщины, стоны которого предвещают смерть.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы послушать его. Каждая пядь земли между четырьмя морями ведала о его славе. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, оказавшись во власти его музыки. Звуки его скрипки отдавались в каждом уголке человеческого сердца. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потрепанная куртка.

Деньги он презирал. Любовь! Только любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете.

Только любовь — улада его сердца — могла вывести его из могилы и привести на свадьбу Динни Макдермота и Мэри.

И только любовь, одна лишь любовь, была их богатством — отважного Динни и красотицы Мэри в ту ночь, когда они поженились. В четыре пустые стены вернулись они из церкви: холодная вода да ночной мрак за окном — вот и все.

Но что им было за дело до этого, раз поженились они по любви? Мэри отказала самому скряге Макгленахи из Хилхеда со всеми его коровами, пастбищами и рыбалками. А Динни смело отвернулся от Нэнси Мур из Мервах с ее ста фунтами, семью телятами и двумя сундуками с приданным из чистого льна, которые он получил бы, — помани только пальцем. Но он взял в жены Мэри.

И вот они оказались одни-одинешеньки в своей жалкой лачужке в свадебную ночь, вместо того чтоб пировать, как это обычно полагается. Одни-одинешеньки — да, да! Ведь все рассудительные люди просто возмутились, что оба упустили случай разбогатеть и поправить свои дела — случай, посланный самим небом, — эти телята и денежки Нэнси Мур и рыбалки, пастбища да еще двадцать коров того скряги в придачу.

А? Упустить такие прекрасные предложения, как будто это так, пустяки! И пожениться сломя голову, как дурачки какие-нибудь, не имея за душой ни полушки.

Но всем этим умникам было не понять — куда им! — что Динни и Мэри просто бежали от искушения поддаться всеобщему благоразумию и обвенчаться с золотом, — вот они и поженились по любви. Ну и, конечно, все почтенные люди отвернулись от них и оставили влюбленную парочку одну, в полном одиночестве, но зато полную любви друг к другу в эту первую ночь после их свадьбы.

Но вот поднялась щеколда, и к ним в дом вошел сгорбленный старичок со скрипкой под уже почерневшей зеленой курткой. Он пожелал доброго вечера и присел на стул, который Динни придвинул для него поближе к огню.

— Ну и длинный путь я проделал,— сказал скрипач.— И голоден же я! Если б, добрые люди, вы дали мне чего-нибудь к ужину, я бы спасибо сказал вам.

— Ха! Ха! Ха!— рассмеялись оба дружно.— Ужинать? Так знайте, хотя мы только сегодня сыграли свадьбу, на ужин у нас ничего, кроме любви. Право же! Будь у нас хоть что-нибудь, чем можно было бы набить желудок, мы с радостью и от чистого сердца отдали бы большую долю вам или какому-либо другому гостю.

— Как!— воскликнул гость.— Вы поженились только по любви? И у вас нечего даже бросить в горшок?

— Конечно!— ответили оба.— Ха! Ха! Ха! И теперь мы за все расплачиваемся.

— И это не такая уж дорогая цена,— говорит Мэри.

— Совсем недорогая!— говорит Динни.

— Да благословит вас господь!— промолвил скрипач, который все это время наблюдал за ними исподлобья.— Коли так, вы не останетесь внакладе.— И спрашивает:— Доводилось вам слышать историю про Рафтери?

— Рафтери? Еще бы! Или ты смеешься над нами? Только глухие или мертвые не слышали про великого Рафтери.

Тут старый скрипач кладет скрипку и смычок к себе на колени и говорит:

— А ну, пошлите-ка весточку соседям, чтобы приходили да приносили свадебные подарки. И не какие-нибудь, а самые лучшие, мол, на свадьбе будет играть сам Рафтери.

— Рафтери?— воскликнули оба, когда речь вернулась к ним.

— Ну да, Рафтери— это я,— говорит скрипач, снова беря свою скрипку.

Так и подпрыгнуло сердце у обоих от радости, и все мирские заботы рассеялись, как туман с гор.

Новость, подобно лесному пожару, облетела всю округу: сам Рафтери, великий Рафтери, о котором наслышано даже дитя в колыбели, но кого редким счастливым удалось видеть, будет играть на свадьбе у Динни Макдермота! Все словно голову потеряли, побросали работу и, забыв про жадность, похватили лучшие подарки для новобрачных и поспешили к их дому.

Барни Броган принес копченую свиную грудинку, а Джимми Макдой баранью ногу. Замон Ог пришел, согнувшись в три погибели под тяжестью целого мешка картошки, а миссис Макколин, как гора,— полные руки постельного белья. С полотном, которое принесла Молли Макардл, могла соперничать лишь фланель Сорхи Руа. Но им не уступали и бочонок масла Пэдди, прозванного Привидением, да и овсяные лепешки Ройсин Хилфerti, ко-

торые могли пригодиться и впрок. Даже Баках Боог притащил свой подарочек: сахар и чай. К всеобщему изумлению, появился и знаменитый скряга Матта Мак-а-Нирн, еле волоча корзину с кричающими утками и гогочущими гусями.

О, большущий сарай потребовался бы, чтобы схоронить все богатство, какое привалило в эту ночь Динни и Мэри,— целые груды добра и всякой всячины, эти их свадебные подарки. И Рафтери простым кивком головы благодарил за них каждого мужчину и каждую женщину. А они думали про себя: будь они хоть трижды богаты, все равно оставаться им в неоплатном долгу перед Рафтери. Они боялись даже громко чавкать на этом свадебном пиру,— а пир получился и впрямь на славу, лучший пир во всей округе, так уж все тогда и решили,— чтоб не пропустить хоть словечко или шутку, которые Рафтери то и дело отпускал со своего почетного места за столом. Его шуточки кололи, и жалили, и уязвляли, и все же они заставляли смеяться даже тех, кому он прямо-таки наступал на любимую мозоль.

Ну и гордилась наша парочка, Динни и Мэри, своим свадебным ужином, самым лучшим, самым богатым, самым веселым-развеселым, какие только видели зеленые горы Ирландии! Да им и было чем гордиться. Больше того, каждый ребенок тех гостей, которые побывали у них в ту ночь, рассказывал детям своих детей, кто украшал почетное место за столом на свадьбе у Динни Макдермота в ту ночь.

А когда пиршество закончилось и все прибрали, Рафтери поставил свой стул прямо на стол, в углу, сел, вскинул на плечо скрипку и провел по ней смычком. Все, кто были там, затаили дыхание: им послышалось в скрипке завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. Красота небес и одинокость болот звучали в ней, и свист черного дрозда, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой затаивших дыхание слушателей. И самая черная душа светлела, гордость уступала кротости, а суровость таяла как снег в мае. И не было никого среди них, кто, хоть раз услышав его музыку и подпав под ее сладостные чары, не пожелал бы навсегда остаться в их власти.

Но вот настала минута платить скрипачу за услуги, и тут Рафтери взял свою шапку и прошелся с нею по кругу,— ни один скрипач не делал этого прежде.

И что же, кто, покоренный его игрой, поклялся себе дать шепстенсовик, подавал шиллинг, а кто решил дать шиллинг,

расщедрился на целую крону. И когда Рафтери обошел всех в доме, шапка оказалась полным-полнехонька, даже с верхом.

А после все до одного, — конечно, то еще действовали волшебные чары музыки, — трясли Динни руку, целовали Мэри в губки, просили господ бога благословить их брак и убирались во-свояси. А за ними и Рафтери сунул свою скрипку под старую, уже почерневшую, зеленую куртку, пожал руку оторопевшему Динни, расцеловал Мэри и, поручив богу беречь их счастье, двинулся в путь. Оба лишь рты разинули, вытаращили глаза и не могли вымолвить ни словечка.

И только шапка старика, доверху набитая серебром, которая так и осталась на столе, вернула Мэри дар речи.

— Он забыл свою шапку с деньгами! — закричала она.

— погоди, я сейчас его окликну! — сказал Динни, бросаясь к дверям.

Но не успел он там очутиться, как дверь раскрылась, и в дом вошел Пэт-коробейник со словами:

— Бог в помощь!

— Бросай свой мешок, Пэт, — кричит ему Динни, — скорей верни этого старика со скрипкой, которого ты только что встретил!

— Какого черта еще? — спрашивает Пэт.

— Да Рафтери! Рафтери! Ты сейчас встретил самого великого Рафтери! Он играл на нашей свадьбе и забыл свою шапку с деньгами. Беги за ним!

— Рафтери, — повторяет Пэт. — Ты что, спятил? Да его, Рафтери, могилу я помогал закапывать еще три недели назад, в графстве Голуэйском. Бедный скиталец!

— Да, Рафтери... — повторяет он про себя, печально качая головой, пока Динни и Мэри как громом пораженные застыли посреди комнаты. — Рафтери, нищий богач, который мог бы умереть богачом, а ушел на тот свет с тремя полупенсовиками в кармане, без целой рубахи на плечах. Рафтери! Тьфу, пропасть!

Что и говорить, Рафтери был не только скрипачом, — он был человеком, лучшим из лучших! Человеком и скрипачом. Никто, равный ему, не ступал еще по земле в кожаных башмаках, не было еще на свете сердца более щедрого, чем у него.

О! в его скрипке слышались завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот, и красота небес, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей. И самая черная душа светлела, гордость сникала, а самое жесткое сердце становилось мягким, как воск.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы услышать его скрипку, — слава его облетела каждую пядь земли между четырьмя морями. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, пока звучала его чарующая музыка. В каждом уголке человеческого сердца отдавались звуки его скрипки. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потрепанная куртка.

Деньги он презирал. Только любовь. Любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете. Музыка, Красота и Любовь — вот его богатство, которое он оставил, уходя в могилу. Да, с тремя полупенсовиками в кармане, в драной рубашке на плечах, он умер богачом, наш Рафтери...

В старину говорили:

Восхвалять бога достойно, но мудрый не станет клясть и дьявола.

Три монаха-отшельника

В ТЕ ДАЛЕКИЕ времена, когда в Ирландии было много отшельников, три святых монаха, отвратившись от суеты мирской и пустой болтовни, решили покинуть свет, чтобы обрести покой, божественную тишину и отрешенность на уединенном острове Иниш Койл. Они выстроили себе из камня лачугу и там, в тишине, предавались посту, созерцанию и размышлениям.

За весь год этой святой жизни они не произнесли ни единого слова.

Когда же первый год прекрасного служения всевышнему завершился, один из них молвил:

— Разве наша жизнь не исполнена добра?

В конце второго года второй монах ответил:

— Исполнена.

А когда третий год был на исходе, третий святой отец поднялся, опоясавшись, взял свой псалтырь и молвил:

— Я уйду, чтобы обрести тишину. На Иниш Койл для меня слишком много речей.

В старину говорили:

Все раздражает ее, но кошка просто разбивает ей сердце.

Лиса и гуси

СЯКИЙ знает, что одно лишь появление лисы нагоняет страх на гусей, но отчего это так, известно очень немногим.

На прогалине, в лесу, подрались раз две гусыни. Обе из одной стаи, обе схватились за один сладкий листок. Прибежали два гусака, узнать, что случилось, ну и сами тут же пустились в драку, — каждый за ту гусочку, которая ему больше приглянулась.

А потом подросла и вся стая, разделилась на два лагеря, и такой тут бой разгорелся, такой галдеж поднялся, что все звери в лесу всполошились.

Пришла с расследованием и лиса и сказала, что не подобает братьям и сестрам, родным и двоюродным, тетям и дядям вступать в столь постыдный спор. Пусть-де лучше пойдут к умному судье, расскажут ему все как есть и попросят разрешить их дело миром.

На это гуси ответили, что они не знают ни одного судьи. Тогда лиса скромно заметила, что люди считают ее большим знатоком законности.

— Так-то оно так, да мы слышали, что все законники очень жадные, — сказали гуси. — Наверное, вы потребуете с нас слишком большой гонорар.

Разве не стыдно ей будет брать деньги со своих лучших друзей, отвечала им лиса. Она с удовольствием рассудит их просто так, из любви к гусям.

И было решено, что лиса разберет это дело. Она потребовала, чтобы две зачинщицы спора пошли с нею домой и рассказали

ей всю историю. И они пошли с нею, и она заперла за ними дверь, чтобы никто не мог помешать их беседе.

Немного погодя лиса вышла и сказала, что необходимо присутствие двух гусаков, и они пошли за ней.

Еще через некоторое время лиса вышла за двумя свидетелями. Все захотели быть свидетелями. Но лиса выбрала двух самых больших и жирных, так как свидетели должны быть представительными, сказала она.

Немного погодя она вышла еще за двумя, чтобы они выступали защитниками. И опять, так как ей хотелось собрать у себя представительных лиц, она выбрала самых гладких и жирных. На этот раз один скромный гусенок заметил, что сама лиса с каждым появлением выглядит все толще, круглее и больше. Ну да, объяснила лиса, она просто-таки распухает от показаний, которые она получает в процессе ведения дела.

После этого прошло немало времени, но ни лиса, ни кто-либо из их собратьев не появлялся, и гуси, сколько их там осталось от стаи, решили войти в дом и узнать, что происходит. Они нашли лису спящей на великолепнейшей пуховой перине, но ни одного гуся рядом. Они разбудили лису и спросили, где их братья. Лиса с изумлением огляделась вокруг и воскликнула:

— Ну кто бы подумал, что встречается такой обман, такое вероломство в этом испорченном мире!

— Что вы хотите этим сказать? — спросили гуси.

— Когда я уже совершенно обессилела от их доводов и ложных показаний и была вынуждена, махнув на все рукой, прилечь на часок и соснуть, я спросила, могу ли я положиться на них и просить их посторожить, пока я сплю. И они в один голос поклялись мне, что могу. В простоте душевной и наивности я без колебаний, без сомнений поверила их слову. А куда же они теперь делись? О, неверные! О, подлые обманщики! Оставьте со мной двоих, — продолжала она, — самых больших, жирных, самых уважаемых, чтобы я не чувствовала себя так одиноко, а остальным я приказываю отправиться за этими низкими предателями, схватить их и привести ко мне. И пока вы не найдете их и не приведете сюда для достойного наказания, не смейте показываться мне на глаза!

И с этого дня, как встретятся гуси, так и пойдет у них: га-га-га, га-га-га. Весь свет слышит, как они гогочут, кричат друг другу: «А-гу-си-где? А-гу-си-где?» Все еще надеются услышать новости о словонарушителях.

В старину говорили:

Там были только проповедник да пастор, но кошелек мой как в воду канул.

Ученик вора

ТАРИННЫЕ сказания пренебрегают мелкой моралью. К примеру, в «Ученике вора» сказитель с гордостью расписывает плута и обманщика, однако и мастера своего дела, и юные слушатели души в нем не чают. Вот эта поучительная история.

Король, сильно раздосадованный, что сын его кучера Джек тащил из замка все что ни попало, приказал отцу обучить молодого мошенника какому-нибудь ремеслу — любому, какое тот выберет. Но чтобы заслужить у короля прощение себе и своему отцу, юный плут должен был к концу семилетнего обучения так овладеть своим ремеслом, чтобы выполнить любые три задания короля.

Раз уж Джеку предоставили полный выбор, он последовал своим наклонностям и остановился на воровстве. Вместе с отцом они отправились в путь и путешествовали, пока не встретили в далекой стороне вора из воров. И тот согласился за верную семилетнюю службу сделать из Джека такого же мастера своего дела, как и он сам.

К концу седьмого года Джек вернулся домой, и отец отвел его к королю для испытания.

— Какое ремесло он выбрал? — спросил король у отца.

— Воровство. Теперь уж он мастер воровать!

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал король. — Завтра я посылаю в Дублин моего верного пастуха, чтобы он купил для меня две дюжины овец. Учти, когда он отправляется в путь,

он не растает с заряженным мушкетом! Ты должен завтра же украсть у него этих овец, но так, чтобы не нанести вреда ни себе, ни ему. Пусть он даже и не узнает об этом. И привести овец ко мне.

В ту же ночь Джек стащил у королевского сапожника лучшую пару башмаков и взял их с собой на дублинскую дорогу. Там он взобрался на холм, чтобы ему повиднее было. Как только он завидел пастуха, возвращавшегося со стадом овец, он бросил посреди дороги один красавец башмак, но перед тем до безобразия измазал его грязью, а сам отошел немного по направлению к замку и положил на дорогу второй башмак, как раз на самую середину. Потом спрятался поблизости.

И уж будьте уверены, когда честный пастух дошел до первого башмака, он взглянул на него, перевернул испачканный башмак ногой и в душе обругал того дурака, который потерял или бросил на дороге только один красавец башмак: ну кому он нужен, если нет пары? И пошел дальше со своим стадом, пока не дошел до второго башмака, чистенького и нарядного. Когда он увидел его, он отвел свое стадо на лужок, положил на землю мушкет, чтобы легче было бежать, и давай бог ноги — за первым башмаком.

А тем временем Джек подхватил его мушкет и погнал стадо напрямиком к замку.

Король очень удивился.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но, пожалуй, это было слишком просто. Вот завтра я посылаю моих двух самых надежных пахарей на паре отборнейших коней вспахать поле за холмом, которое я собираюсь засеять пшеницей. Я дам им мушкеты, а кроме того, пошлю с ними двух вооруженных стражников. Все четверо будут предупреждены, что заплатят головой, если проглядят тебя и не пристрелят, когда ты станешь воровать у них коней. И все же ты должен привести сюда ко мне этих коней завтра к вечеру, еще засветло. А ежели не приведешь или не будешь мертвым лежать на поле, я велю доставить тебя сюда и сам своими руками пристрелю!

Джек проспал эту ночь крепко и сладко, на рассвете побывал у холма, накрыл зайчиху в ее гнездышке, словил ее и принес домой. А те четверо вышли в поле и весь день пахали, не спуская глаз со всего, что делалось вокруг. Когда же солнце коснулось земли, они принялись распрягать коней, чтобы отвести их домой, и тут уж все четверо вволю посмеялись и над трусом Джеком, и над простаком королем.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг крикнул один из них.

Через канавы ковыляла хромая зайчиха. Все четверо побросали всё и припустились за ней. Но зайчиха оказалась не такой уж хромой и задала хорошенького стрекача. Каждому казалось, что он вот-вот схватит ее. Когда же наконец они ее поймали и вернулись с победой на поле — вот те раз! — коней как не бывало. И мушкетов тоже!

Король и удивился и пришел в ярость, когда увидел вечером, как Джек входит во двор его замка, неся на плече четыре мушкета и ведя за собой коней.

— Ты лихой негодяй, — молвил он. — Ничего не скажешь! И все же не такой уж ты лихач, чтобы я не смог тебя обойти. Завтра ночью, — продолжал он, — тебе предстоит последнее испытание. И уж оно-то будет последним в твоей жизни! Когда мы с королевой отойдем завтра вечером на покой, у входных дверей нашего замка будут стоять шесть вооруженных слуг, другие шесть у внутреннего входа, и еще шесть расположатся у дверей нашей спальни. У всех будут заряженные мушкеты, которые они не посмеют выпустить из рук от самой вечерней зари до первого петуха. Всем им будет велено стрелять в любого, кто только подойдет. Мало того, и я и моя жена тоже положим возле себя по заряженному мушкету. И вот тебе последняя пустячная задача, чтобы ты смог доказать свое искусство: сумей-ка за ночь, до рассвета, выкрасть из-под нас с кровати простыню!

Вскоре после полуночи короля разбудил какой-то шум за окном. Немного погодя он различил голову человека, пытающегося влезть в комнату. Король прицелился и выстрелил. Негодяй свалился и больше не показывался. Тогда король вскочил — и к окну. Он увидел свою жертву на земле у подножья приставной лестницы и сказал королеве, что сам потихоньку уберет труп, чтобы избежать шума, который, чего доброго, поднимут следователь и суд. Потом вылез из окна и спустился по лестнице, чтобы похоронить убитого.

Через несколько минут королева видит, как он снова влезает в окно.

— Мне нужна простыня, чтобы завернуть в нее этого негодяя и унести труп, — говорит он шепотом, вытаскивает из-под королевы простыню и исчезает с нею в окне.

Полчаса спустя король возвращается через окно.

— Закопал его?

— Закопал, слава богу. Теперь он больше уж не сможет беспокоить нас, этот плут.

— А почему ты не принес назад нашу прекрасную простыню?

— Какую простыню? О чем ты говоришь?

— Да простыню, за которой ты вернулся через окно, чтобы унести труп.

— Что? Что? — вскричал король. — Помогите! Помогите! Горим! Грабят! Убивают!

Тотчас спальня наполнилась вооруженными людьми. Но было уж поздно. Мошенник Джек, мастер своего дела, успел украсть с постели из-под короля и королевы простыню. А чтобы разбудить короля и заставить его выстрелить, Джек поднял к окну мертвеца с королевского кладбища. Добродетель вознаграждается.

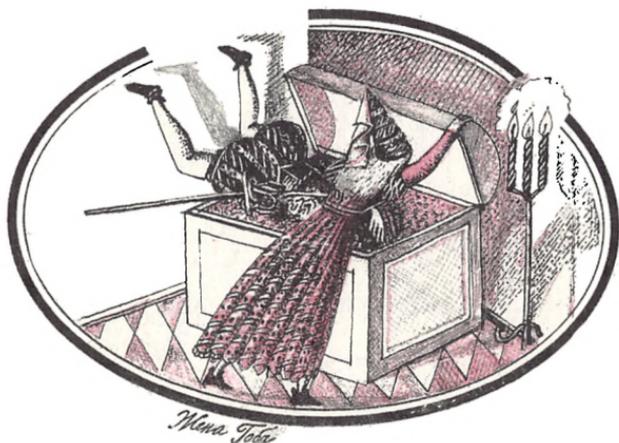
И Джек был пожизненно назначен хранителем королевского замка.

А своим слушателям сказитель расписывает его, как бес-смертного героя.

В старину говорили:

Хорошая песнь может быть и немногословна.

Жена Гоба

БЫЛО БЫ просто стыдно, рассказав вам, как я это сделал недавно, о великом Гобе, не вернуться к нему опять, чтобы доказать вам: каким бы мудрым он ни был, все равно он оказался не умнее своей жены. За истинную мудрость и чтут ее память.

Отец Гоба, еще до того как тот прославился своей мудростью, решил с его матушкой, что юноше пришло время жениться. И он отправился вместе с самим Гобом вокруг Ирландии, чтобы найти девушку, которая не уступала бы по уму представителям семьи, в какую должна была потом войти.

Каждой избраннице старик задавал три вопроса, чтобы проверить и оценить ее ум.

Как отличить верхний конец ободранного ивового прутика от нижнего, если сам прутик всего двенадцати дюймов в длину и с обоих концов одинаковой толщины?

Кто сумеет отвести на ярмарку в Бэллинслое целое стадо овец и вернуть обратно и стадо, и его стоимость?

Если я велю вам катить меня на колеснице из Коннахта ко двору верховного короля в Таре, насколько вы приблизитесь к краю пропасти в Круханских горах, но так, чтобы никто из нас не испытывал беспокойства?

Все девушки гордо заявили, что первые два вопроса неразрешимы, и не дали заманить себя в эту ловушку. Что же касается третьего, то каждая старалась превзойти остальных в искусстве управлять колесницей и называла, в скольких дюймах от пропасти она сумеет проехать: кое-кто из них всего в полдюйма или даже в четвертой доле, а одна, — она уже считала себя победитель-

ницей,— заявила, что станет насвистывать джигу, когда будет проезжать от пропасти на расстоянии всего в полволоска!

И только одна-единственная девушка, мудрая и остроумная, ответила на все три вопроса. Она-то и стала женой Гоба.

Она распознала концы прутика, бросив его в реку: нижний, более тяжелый конец, лег по течению, а верхний, более легкий, смотрел в обратную сторону.

Она отвела на ярмарку в Бэллинслое стадо овец, продала их руно,— ведь это главная их ценность,— и вернула хозяину и овец и их стоимость.

Ну, а колесницей она управляла умнее всех: объезжала каждую пропасть как можно дальше, сколько позволяла ей ширина дороги.

— Ты будешь достойной женой моему сыну,— молвил старик.

И в самом деле, она оказалась достойной, что сумела доказать не один раз. Вот как она перехитрила самого короля испанского.

Это случилось в то время, когда сей правитель, самый тщеславный из всех правителей на земле, решил воздвигнуть дворец, который бы затмил все другие дворцы на свете. А для этого в Испанию пригласили единственного человека, который сумел бы осуществить его замыслы,— великого Гоб-ан-Шора.

Не доверяя королям и их затеям, жена Гоба не хотела его отпускать. Но Гоб, польщенный и гордый такой честью, не дал себя задержать. Тогда она сказала ему:

— Раз ты все-таки уезжаешь, я тебя очень прошу, запомни: когда ты прибываешь ко двору великого человека, заводи сразу же близкую дружбу с женщинами, живущими там. Не пренебрегай даже судомойкой! И ты будешь частенько получать полезные сведения. Если ты знаешь, о чем думает судомойка, ты узнаешь и то, о чем думает ее господин. Ночью король рассказывает свои секреты королеве. Утром королева рассказывает их своей прислужнице. Та, не теряя времени, передает их поварихе. И вот еще не настала новая ночь, а уже все великие секреты становятся тайной любой женщины в пределах одной мили от замка.

Гоб запомнил наставление жены и еще до того, как работа его дошла до середины, он уже знал от придворных служанок, что в ту самую минуту, когда он полностью закончит новый дворец, его ждет смерть. Король хотел быть уверен, что Гоб никогда не построит другому королю дворец, который превзошел бы его собственный. Но Гоб помалкивал, пока новое здание — самое величественное, какое ему приходилось когда-либо воздвигать,— не было завершено до последнего камешка.

— Готово? — спросил король.

— Готово, — ответил Гоб.

— Ну как, удалось? — спрашивает король.

— Величайшая удача в моей жизни! — отвечает Гоб. — Только вот малость...

— Что такое? — спрашивает король.

— Подойдите сюда и взгляните, — говорит Гоб, приглашая короля подойти вплотную к стене, у которой стоял сам. — Вы замечаете, что, начиная с середины и дальше вверх, эта стена имеет наклон? Ваш каменщик оказался небрежен.

— Клянусь небом, вы правы! — воскликнул король, и немудрено: попробуйте встать вплотную к любому высокому строению и посмотреть вверх, вам тоже покажется, что оно наклонилось. — И ведь этого не исправить, не разрушив всего здания!

— Исправить я могу, — говорит Гоб. — К счастью, незадолго до приезда сюда я изобрел инструмент как раз для такого вот случая. Завтра же утром я отправляюсь за ним к себе в Ирландию!

— Только не вы сами! — говорит осторожный король. — Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира и человечества, и я не могу вам позволить рисковать ею в бушующем море в такую погоду. Я пошлю моего слугу!

— Но инструмент этот очень ценный, и моя жена не доверит его ни одному слуге, — возразил Гоб.

— Тогда я пошлю главного начальника моей личной охраны, — говорит король.

— Все равно она отдаст его только мне, — говорит Гоб.

— Я вас не выпущу, клянусь небом! — воскликнул король.

— Только мне! — И вдруг Гоба осенило: — Мне или сыну самого короля.

— Тогда поедет мой собственный сын и наследник! — молвил король. — Назовите мне этот инструмент, который сын мой — радость моего сердца — должен попросить у вашей жены.

Подумав всего секунду, Гоб ответил:

— Инструмент, который он должен попросить у моей жены, называется Кор-ан-агойд-хэм.

Это название — Кор-ан-агойд-хэм — Гоб только что сам придумал. Если перевести его с гэльского, оно означало «крюк-и-веревка» и годилось не только для названия инструмента, которым можно было выполнить эту работу, но и намекало на темные замыслы короля. Гоб надеялся, что его умная жена поймет, когда услышит его просьбу, что в ней кроется загадка, и разгадает ее.

Когда к жене Гоба вошел не ее муж, а сын испанского короля, у нее сразу зародилось подозрение. А как только она услы-

шала, что муж ее ждет крюк и веревку, у нее и вовсе не осталось сомнений, что он попал в западню.

И она решила отплатить вероломному королю тем же.

— Ну что же, принц,— сказала она, поднимая крышку большого сундука, стоявшего в кухне,— наклонитесь — и на дне этого сундука вы найдете то, за чем прислал вас мой муж.

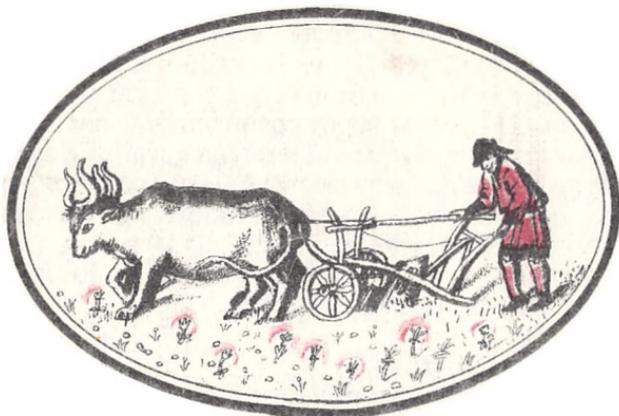
И когда он перегнулся через край сундука, она взяла его за ноги и столкнула вниз, потом захлопнула крышку и заперла сундук. А в Испанию отправила весточку, что они получают назад в трепетные объятия своего возлюбленного наследного принца в тот самый час, когда вернется домой ее муж.

И конечно: и ее муж и их принц благополучно оказались на своих местах в самом скором времени.

В старину говорили:

Когда ищешь себе жену, глаза можешь оставить дома, но уши прихвати с собой.

Поэт Маклонин и пахарь из Дал Каса

АК СЛУЧИЛОСЬ, что когда поэт Маклонин, живший в девятом веке, путешествовал по Голвею, он повстречался с пахарем из Дал Каса, что в Клэре. Тот возвращался в свои родные места, получивши в награду за двенадцатимесячный труд в Голвее корову да плащ. Когда этот бедняк из Дал Каса узнал, что перед ним сам знаменитый Маклонин, он попросил его сложить поэму.

И Маклонин подивил своего слушателя поэмой в честь далкасовцев, за что тут же получил от довольного крестьянина все его двенадцатимесячное вознаграждение.

Но крестьянину воздали сторицей его столь же гордые и патриотичные далкасовцы,— за верность землякам и щедрость к поэту. Когда они узнали о его поступке, они встретили его с почестями и одарили десятью коровами за каждую четверть его собственной коровы.

В старину говорили:

Кто хотел раздробления Ирландии, думал только о себе.

Потенный лорд-мэр и потеннейший хозяин трактира

КОНЧИКЕ мизинца простого бедняка с Донеголских гор, жившего в давно прошедшие времена, было больше мудрости, нежели сейчас у большинства наших самых известных юристов или философов.

Звали этого бедняка Темный Патрик.

Не солидные фолианты в дорогих переплетах сберегли для потомков его историю и образцы его мудрости. Нет, их сохранили сердца людей.

Лучше всех и с удивительной достоверностью рассказывал истории о Темном Патрике, как я знаю, Фиоргал О'Галлехор. Тот самый Фиоргал О'Галлехор, который всю свою жизнь провел под шум ревущего, рычащего, бурлящего, бегущего, ниспадающего, несущегося, бешеного водопада Хвост Серой Кобылы, что стремглав падает с высоты в тысячу футов в долину Эйни из трех горных озер Лугэй Мора. Вы могли бы услышать от него и замечательную историю о суде Темного Патрика.

Однажды, — а случилось это давным-давно, еще во времена Темного Патрика, — вся Ирландия словно раскололась надвое по случаю самого обыкновенного спора, возникшего в Дублине. Начался он между двумя закадычнейшими друзьями, каких только знал этот славный город, — между почтенным лорд-мэром и почтеннейшим хозяином трактира «Голова».

Бывало, силком не выгатишь лорд-мэра из трактира «Голова» от его друга Неда, — хоть водой их разливай, — ни ночью, ни днем, ни утром. А уж самым заветным временем дня, которого

лорд-мэр ни за что бы не пропустил, было время обеда: запахи кухни знаменитого повара «Головы», как он любил говорить почтеннейшему хозяину трактира, были ему милее волшебных ароматов райской кухни.

Но, как это часто бывает, закадычные друзья повздорили, и, чтобы досадить, хозяин трактира потребовал судом от своего новоиспеченного врага плату за запахи от обедов в течение трех лет!

Это было невиданное доселе судебное дело, пожалуй, самое щекотливое, какое когда-либо имели удовольствие разбирать верховные судьи Дублина. По этому случаю они разделились на два лагеря. Затем на две буйные партии раскололся и весь Дублин. И вскоре эти безумные волнения охватили всю Ирландию: одна половина населения стояла за хозяина трактира и требовала, чтобы почтенный лорд-мэр выплатил все по чести, другая же половина объявила почтеннейшего хозяина «Головы» просто разбойником с большой дороги, да еще самым опасным среди них. Более того, они угрожали почтенному лорд-мэру, что вздернут его, если он выложит хоть один медный грош этому отъявленному жулику.

В плачевное состояние впала бедная Ирландия, — население так увлеклось решением, кто прав, кто виноват в этом великом споре, что все позабыли и про свое поле, и про скотину, про дом и про жену; все шло к гибели и разорению.

И тогда мудрый бедняк с Донеболских гор, Темный Патрик, до глубины души опечаленный грозящей его стране бедой, бросил свою лопату, начистил башмаки и отправился в Дублин.

Когда Темный Патрик прибыл туда и дублинцы узнали, что какой-то бедный простачок горец собирается рассудить дело, которое оказалось не под силу умнейшим головам страны, это вызвало столько веселья и насмешек, что в них чуть было не потонула вся вражда и не прикончилось это дурацкое дело.

Недолго пришлось дублинским насмешникам убеждать судей прекратить потасовку и мордобой и предоставить кресло судьи бедному простачку с гор: то-то будет праздничек, долгожданный для дублинцев, говорили они, самый шумный и необыкновенный за последние сто лет.

И в самом деле, это оказался редкий денек для дублинских весельчаков, когда на судейское кресло сел маленький чернорабочий горец и принялся выслушивать враждующие стороны, свидетелей и защитников, с вытянутыми лицами выкладывающих ему суть дела.

Темный Патрик терпеливо выслушал всех до конца, а потом спросил хозяина трактира, который предъявил иск в триста фун-

тов стерлингов за запах от тысячи обедов, сколько бы стоили эти обеды человеку, который не только бы их нюхал, но и ел.

— Полная цена их один фунт за один обед, а за все — тысяча фунтов, — ответил хозяин «Головы». — Хотя на самом деле, — продолжал он, — запах настоящего обеда стоит и всей половины его, но, так как всю мою честную и благородную жизнь я славился щедростью, добротой и любезностью, я требую с этого негодяя даже меньше одной трети, то есть всего триста фунтов — ничтожный счет. Ну да ладно! Доброта для меня превыше всего.

Затем Темный Патрик обратился к почтенному лорд-мэру и попросил его послать домой своего слугу за мешком с тысячей соверенов¹.

— Но я их все равно не возьму! — сказал благородный хозяин трактира. — Никто на свете не заставит меня взять больше, чем триста фунтов, хоть на один золотой!

— Ты-шш-шш! — успокоил его Темный Патрик.

Недоумевающей толпе оставалось лишь удивляться и ждать, куда слуга почтенного лорд-мэра обернется с поручением. Затем Темный Патрик предложил главному судье подойти и самостоятельно пересчитать на глазах у всех соверены, потом опустить их обратно в мешок и вручить лорд-мэру. И в то время как все в зале суда сидели затаив дыхание и гадали, что же будет дальше, он велел лорд-мэру приблизиться к хозяину трактира и протянуть ему мешок с деньгами.

— Вы видите этот мешок? — спросил Темный Патрик у хозяйина «Головы».

— Вижу, конечно, — ответил хозяин трактира.

— И вы знаете, что в нем?

— Знаю, конечно, — ответил хозяин трактира.

— Подойдите ближе, — сказал Темный Патрик почтенному лорд-мэру, — и потрясите мешок над ухом этого господина.

Лорд-мэр выполнил это.

— Что вы слышите, почтеннейший хозяин? — спросил Темный Патрик.

— Звон тысячи золотых, — отвечал хозяин трактира.

И тогда, обращаясь к суду, Темный Патрик объявил свой приговор:

— Согласно заявлению этого господина, один обед в трактире «Голова» стоит один фунт стерлингов. Следовательно, звон тысячи золотых сполна покрывает запах тысячи обедов. И будьте добры, — обратился он уж теперь к хозяину трактира, — выдать

¹ Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов.

сему почтенному господину лорд-мэру расписку с печатью и подписью, что вами получено все сполна.

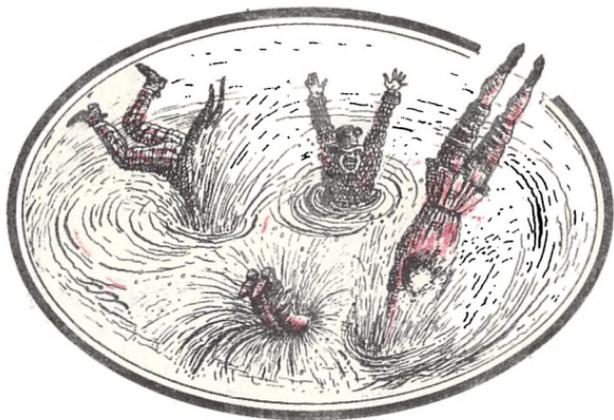
Как только удивленные зрители справились с чувством стыда, а затем и с приступом безудержного веселья, они подхватили бедного горца на руки и, хотя тот сопротивлялся, с триумфом пронесли его по всем улицам Дублина, а потом на коленях умоляли его остаться у них и стать самым-самым верховным судьей. Но Темный Патрик вежливо поблагодарил их и решительно отказался, сказав, что столь ответственную должность может занимать лишь ученый человек, а что ему, бедному и темному горцу, до этого далеко, еще как далеко. А главное, как сказал он, его ждет не дождется крохотное картофельное поле на склоне Карнауинских гор в Донеголе, которое надо прополоть.

И он выскользнул из толпы, которая окружила его, и пошел прямо к маленькой хижине в глухом закоулке, где и провел ночь. Заплатив шесть пенсов за постой и завтрак, он завязал свои вещички в красный платок, перекинул его на терновой палке через плечо и зашагал по дороге на север.

В старину говорили:

Такой уж он человек, докажет, что сам папа римский — протестант.

Пинам, Пана́м, Мара-Фа́нам

ГЛУПЫХ историях Нуала Мак Класки иногда можно отыскать здравый смысл, если покопаться в них поглубже. Но так как копать мы не желали (мы и так докопались до большего, чем нам бы хотелось), а со здравым смыслом мы просто не знали, что делать, рассказ Нуала о Пинаме, Пана́ме, Мара-Фа́наме и Каллиах-Ара́наме для нас, безрассудных босяков, был одновременно «и наукой и развлечением», как говорит лиса, забравшись в курятник.

Пинам, Пана́м, Мара-Фа́нам и Каллиах-Аранам владели одним пшеничным полем.

Когда пшеница поспела:

— Она моя! — сказал Пинам.

— Ан нет, моя! — сказал Пана́м.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фа́нам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать эту тяжбу к лорду, владельцу поместья. И тот велел им разделить поле по бороздам и взять всем поровну, чтобы вышел справедливый дележ.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все борозды поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя! — сказал Пинам.

— Ан нет, моя! — сказал Пана́м.

— К черту вас обоих, она моя! — сказал Мара-Фа́нам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя!— сказал Каллиах-Аранам.

И они снова отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить борозду на копны.

Они снова вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все копны поровну, осталась одна лишняя.

— Она моя!— сказал Пинам.

— Ан нет, моя!— сказал Панам.

— К черту вас обоих, она моя!— сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, она моя!— сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить копну на снопы.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все снопы поровну, остался один лишний.

— Это мой!— сказал Пинам.

— Ан нет, мой!— сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой!— сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, он мой!— сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить сноп по колоскам.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все колоски поровну, остался один лишний.

— Это мой!— сказал Пинам.

— Ан нет, мой!— сказал Панам.

— К черту вас обоих, он мой!— сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, он мой!— сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду. И тот велел им разделить колосок по зернышкам.

Они вернулись домой и сделали, как было сказано. Но вот те раз! Когда они разделили все зернышки поровну, осталось одно лишнее.

— Это мое!— сказал Пинам.

— Ан нет, мое!— сказал Панам.

— К черту вас обоих, оно мое!— сказал Мара-Фанам.

— Пропади вы пропадом все трое, оно мое! — сказал Каллиах-Аранам.

И они отправились решать свою тяжбу к лендлорду, а зернышко прихватили с собой. Лорд взял зернышко и сказал:

— Следуйте за мной!

И он отвел всех четверых к реке, к тому месту, где были страшные водовороты, и бросил зернышко в воду.

Все четверо нырнули за ним и пропали.

Таков был конец Пинама, Панама, Мара-Фанама и Каллиах-Аранама.

В старину говорили:

Дом сгорел, зато ворота целы.

Семь пшеничных зерен

РАССКАЗАХ, которые мы слушали по вечерам, собравшись у горящего торфа, для нас, детей, всегда находилось и что-то новое и поучительное.

Некогда, а было это давненько, жил в одной долине лорд-тиран. Он заставлял работать на себя просто за гроши, — люди спину на него гнули, сердце надрывали, а он знай себе толстел да богател.

И в один прекрасный день пришел к нему молодой горец, простоватый такой, с цепом на плече, и попросил работы. Лорд этот подумал, что вот еще удобный случай обвести вокруг пальца простака, и сказал:

— Работников у меня и так хватает, ну да ладно, если много не запросишь, что ж, поработай!

Парень ответил:

— Если я наймусь к вам на семь лет молотить и за это попрошу столько пшеничных зерен, сколько словлю в рот из-под цепа, да еще земли, чтобы посадить эти зерна, да те, что родятся от них за все время нашего уговора, много это будет, по-вашему, или нет?

Лорд очень хорошо знал привычку добрых пахарей ловить ртом зерна, которые вылетают из-под цепа, и жевать их, пока идет молотьба, и ухватился за счастливый случай нанять — да

еще задаром! — на целых семь лет простака, видно, с крепкими руками, да не с крепким умом.

— По рукам, — сказал лендлорд.

Что ж, за первый год молотьбы парень словил ровно семь пшеничных зерен. На другой год — только шесть. На следующий — пять. Потом четыре. Потом три. Потом два. А в последний год — всего одно зернышко.

Но ведь каждое пшеничное зерно дало ему триста зерен, а потом и триста раз по триста, так что очень скоро все десять тысяч акров земли лендлорда оказались под пшеницей работника. И лендлорд угодил в дом призрения, а парню он задолжал земли больше, чем вся Ирландия, Англия, Шотландия, Испания и Франция, вместе взятые!

В старину говорили:

Сватается к девушке, а женится на деньгах.

Повелитель ворон

МНЕ ОПЯТЬ вспомнился Фиоргал О'Галлехор из местечка, прозванного Хвост Серой Кобыллы, с его хроникой времен Темного Патрика, и я решил привести вам еще один пример мудрости этого маленького человечка. Расскажу о том случае, когда он спас коннахтского короля от сумасшествия и не допустил, чтобы все его королевство превратилось в один огромный сумасшедший дом.

Король Коннахта был добрый король, но у него было три беспутных сына, которые и накликали на него беду. А вышло все из-за того, что они сыграли презлую шутку с очень опасным человеком: самим повелителем ворон — Кромахи.

Кромахи был древним колдуном. Он жил в маленькой хижине в самой чаще леса, впрочем, не так уж далеко от королевского замка. На верхушках деревьев, что нависли над его хижинкой, гнездились вороны. На самом деле это были не вороны, а бесы, — это уж всякому известно, — и служили они своему дьяволу — повелителю Кромахи. Если кто осмеливался разгневать их повелителя и тем заслуживал его проклятие, одна из ворон покидала свое гнездо и всюду следовала за проклятым до его рокового часа.

И вот подобно многим, у кого всего вдоволь, а занятый никаких, три королевских сынка — Диклан, Дармид и Дати — решили в один прекрасный день сыграть над стариком Кромахи просто так, скуки ради, одну из своих шуточек: засадили ему в дымоход каменную плиту. Ну и колдун чуть не задохнулся от дыма.

Взбешенный Кромахи гнался за ними до самого замка и там в присутствии отца, у которого чуть сердце не разорвалось от го-

ря, проклял их и предрек, что первый сын станет вором и так всю свою жизнь и проживет воровством; второй делается убийцей и всю свою жизнь будет заниматься убийствами; а младший превратится в нищего и проживет всю свою жизнь подающим. А потом он проклял и отца, который потакал сыновьям и сделал из них таких вот мошенников, и предрек, что он будет жить, чтобы видеть, как злая судьба постигнет одного за другим всех его сыновей; будет жить и жить, чтобы видеть, каким миленьким делом занимаются всю свою жизнь его чада, пока не пробьет их последний час.

Бедный отец, убитый горем, сразу слег. И в тот же миг в его спальню влетели четыре ворона Кромахи и расселись на четырех столбах его кровати. И не успели рассестись, как тут же принялись зловеще каркать:

— Карр! Карр! Карр!

Несчастный зарылся с головой под одеяла, но вороний крик разносился по всему замку, проникал в каждую комнату, приводя в отчаяние всех смертных, кто находился под крышей замка.

И с каждым днем становилось все хуже.

Днем или ночью, в понедельник ли, в воскресенье, утром, в полдень или в полночь четыре черных дьявола ни на секунду не закрывали свои глотки, не прекращали свое мерзкое карканье.

Чего только не делала армия докторов, епископов, философов и великих ученых, призванных по этому случаю в замок, но дьяволы все равно не сдавались. И не только у одного короля расшаталось здоровье и помутился разум, страдали все грешные, кто жил в замке или возле него; отчаянье охватило все королевство, всем казалось — близок конец света.

Положение стало уже безнадежным, когда эти дурные вести выбрались за пределы Коннахтского королевства и проникли в Донеголские горы. Они дошли и до ушей Темного Патрика на его картофельном поле. Грустно сделалось у него на душе, и вот он захлопнул дверь своей хижины и зашагал в Коннахт.

Когда этот бедняк представился в замке и попросил отвести его в королевскую спальню, слуги хотели было напустить на него собак. Но королева услышала шум и спросила, что случилось. А так как сердце ее разрывалось от горя и отчаянья и она готова была испробовать любое даже самое нелепое средство, она сказала:

— Раз уж никто из наших величайших докторов и ученых не сумел нам помочь, этот темный бедняк хуже все равно нам не сделает. Введите его, и будь что будет!

И Темный Патрик очутился в спальне короля, окруженного толпой философов, архиепископов и им подобных. И все они тут

же стали смекать, что умнее: оскорбиться и покинуть королевский замок или остаться в своих креслах, держась за бока от смеха. Однако из уважения к королеве они решили остаться безучастными, что и исполнили.

Темный Патрик вошел и поклонился им всем, как настоящий придворный, а потом попросил изложить все дело, что и было исполнено. Он поглядел на четырех ворон, рассевшихся на четырех столбах кровати, и велел позвать трех принцев.

Он спросил первого, старшего, принца, как его звать.

— Меня зовут Диклан.

— А какое проклятье наложил на тебя нечистый?

— Он сказал, что я стану вором и всю мою жизнь буду воровать.

Темный Патрик повернулся к королеве, стоявшей рядом с ним и дрожавшей от страха, и сказал ей:

— Тотчас отошлите Диклана в лучшую школу законов в Ирландии. Пусть станет судьей, и ни один законник к нему не придется!

И в тот же миг ворона, что сидела в изголовье на левом столбе кровати, испустила пронзительный крик, от которого у всех мороз пробежал по коже, расправила крылья и вылетела в открытое окно.

Темный Патрик обратился ко второму принцу:

— А как тебя зовут?

— Мое имя Дармид.

— Какое ты заслужил проклятье?

— Я стану убийцей и всю мою жизнь буду совершать убийства.

Темный Патрик повернулся к трепещущей королеве и приказал:

— Немедленно отошлите Дармида в лучшую медицинскую школу. Пусть учится и станет врачом, и ни одну смерть ему не поставят в вину!

И тут ворона, что сидела в ногах кровати на правом столбе, издала пронзительный крик, от которого у многих замерло сердце, раскинула крылья и вылетела в окно.

Темный Патрик обратился к младшему принцу:

— Как твое имя?

— Дати.

— На какое проклятье обрек тебя Кромахи?

— Я буду нищим и всю мою жизнь буду жить подаванием.

Темный Патрик повернулся к задыхающейся от волнения королеве.

— Не теряя драгоценного времени,— сказал он,— отошлите этого юношу в лучшую семинарию. Пусть станет священником, и бог не осудит его за даровой хлеб!

Мерзкий ворон, сидевший на левом столбе в ногах кровати, издал пронзительный крик, расправил крылья и убрался в окно.

Радость, постепенно заполнявшая королевское сердце, заставила его подняться в постели и закричать от счастья. И в тот же миг четвертый и самый зловещий ворон испустил душераздирающий крик, который наверняка уж разнесся на все четыре стороны Коннахтского королевства, и тоже вылетел в окно.

Темный Патрик скромно отказался от всех почестей, которые король и королева на радостях предлагали ему. Он отказался и от поста Главного Советчика, который все епископы, ученые и философы следом за королем и королевой просили его принять. Он сказал им, что он простой и темный горец и не привык жить при дворе, в замке, среди великих ученых мужей, что может быть счастлив только в своей жалкой хижине в Донеголе, возделывая свое крошечное поле,— всего два акра на склоне горы.

И, перебросив через плечо узелок, он тронулся в путь. Тысяча завистливых глаз следила за ним, пока его одинокая фигурка виднелась на дороге, ведущей на север.

В старину говорили:

Не радуйся легким дарам.

„Рори спасет Ирландию!“

ТО ТОТ герой, что добыл свободу, которой заждались все три части Ирландии?

Я расскажу вам.

Мой дядюшка Донал частенько говорил мне, как его дедушка не раз рассказывал ему, что когда Лимерик окончательно сдался Вильгельму Оранскому и уже бесцельно было дольше сопротивляться: на одном холме Ирландии развевался французский флаг, а на другом — Вильгельма Оранского, чтобы ирландские воины могли выбрать, на чью сторону им перейти, и вот, когда ирландцы всей армией во главе с храбрым Патриком Сарсфилдом сдались французам, один простой парень по имени Рори, вызывавший у всех восторг своим бесстрашием в сражениях, взял да не пошел с ними. Капитан Сарсфилд, вставший под флаг короля Людовика, увидел, что Рори остался сам по себе, и окликнул его:

— Рори, разве ты не сдаешься вместе с нами Франции?

— Нет! — твердо ответил Рори.

— Уж не уходишь ли ты к Вильгельму?

— Нет, нет! — ответил Рори.

— Тогда, во имя бога, скажи, кого же ты выбрал?

— Я выбрал Ирландию.

— Ты сошел с ума! Ирландия потеряна. В ней не осталось ни души. Кого же ты собираешься защищать?

— Мы остались в Ирландии! — так ответил Рори, или примерно так. — И я буду за нее сражаться.

— Но за тобой никто не идет, а у Англии ведь сотни тысяч воинов.

— Ничего, за мной будет армия побольше,— ответил Рори,— больше, чем волос у тебя на голове.

— Что ты хочешь сказать?

— Господь пошлет мне на помощь своих ангелов, и он даст им наточенные мечи, и сотни тысяч англичан рассеются перед нами как дым.

— Когда же это будет?— спросил с усмешкой капитан.

— Когда бог пошлет. Может быть, через год, а может быть, через пятьсот лет,— рано или поздно Рори все равно победит!

И, вскинув мушкет на плечо, Рори повернулся и зашагал к холмам.

В старину говорили:

Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

Ученые Мангрета

В ОТ ЕЩЕ один пример изобретательности панахи. Я уже поведал вам несколько историй о мудрости Темного Патрика, правда, как-то поспешно. Зато уж одну историю об изумительной сообразительности этого человека я приведу во всех подробностях. Расскажу ее в точности, как услышал от Туатала О'Сливина: его мысли и слова исказить я не стану.

В давно прошедшие времена, тысячу лет тому назад, Ирландия могла по праву гордиться своими прославившимися на весь мир школами, а в особенности школой в Мангрете, которая считалась самой лучшей, самой серьезной.

Но английский король решил обойти Ирландию и собрал в Оксфорде весь цвет мировой учености, и Мангрету пришлось уступить — Оксфорд взял верх.

Случилось, однако, так, что когда король Манстера посетил Англию и Оксфорд, он во время большого обеда, который давали в его честь, похвастал, что ученые Мангретского университета превосходят всех ученых мира глубиной и возвышенностью познаний. Опровергая это, глава Оксфордского университета так бил кулаком по столу, что перебил все чашки и блюда. Манстерский король тоже разгорячился и, забывшись, бросил оксфордцам вызов: предложил прислать в Мангрет пять самых известных ученых Оксфорда для встречи с пятью мангретцами, чтобы в ученом споре раз и навсегда решить этот вопрос.

Бросив вызов, он тут же подосадовал на себя. Но еще больше подосадовали на него ученые Мангрета, когда узнали об этом. А глава Оксфордского университета обрадовался, что можно будет окончательно посрамить Мангрет, и вещал об этом состязании всем — и ученым и простым смертным. И все просто сгорали от нетерпения поскорее увидеть, как умрет слава знаменитой Мангретской школы.

Мангретцы повесили голову: они-то знали, что Оксфорд сильнее. Один винил другого, и все вместе винули манстерского короля. Профессоров пришлось привязать к постелям, чтобы они не бродили по городу и не пугали всех своим унылым видом.

Постепенно волнение из Манстерского королевства перекинулось на всю Ирландию. И чем ближе подходил страшный день, тем плачевнее становилось положение всей страны, пока наконец горе и печаль, угнетавшие сердце каждого, не стали прискорбной очевидностью. Но скорбь самого манстерского короля была ужаснее всех.

И вот в Мангрете появился небольшого роста крепкий человек — черноволосый и черноусый, по прозвищу Темный Патрик, родом из Донегола, которого соседи все знали и чтили за светлый ум, и напрямиком направился к университету. Никто не обращал внимания на этого темноволосого человечка, лишь указывали ему, как пройти, если он спрашивал. Да и он тоже ничего не говорил ни о себе, ни о том, зачем он пришел.

То был канун великого состязания.

Темный Патрик добрался до школы, как раз когда безысходное отчаянье охватило решительно всех: и в самой школе, и за ее стенами слышны были лишь вопли и стенания. Он пробрался через толпу, которая мешала ему пройти, и попросил отвести его к главе университета.

Когда Темного Патрика ввели к нему, тот спросил:

— Кто ты, добрый человек? Откуда пришел? И что я могу для тебя сделать? Только поспеши с ответом, — отрезал он тут же, — ибо для тебя у меня нет достаточно времени.

И Темный Патрик ответил:

— Не важно, кто я и откуда, хотя мне не стыдно признаться, что я из Донегола. И не думаю, — продолжал он, — что вы можете мне в чем-либо помочь. Однако все равно я благодарю вас. А пришел я, услышав о беде, в которую попали вы, и ваши коллеги, и все здешние люди. Пришел посмотреть, а может, мне, простому смертному, удастся вас выручить.

Великий профессор поглядел на Темного Патрика и на его маленький красный узелок, привязанный к палке, которую он положил на землю возле себя, да как захохочет — то был первый

смех, который вырвался у него за последние тринадцать недель. И когда люди слышали, что глава школы громко смеется, они тут же ввалились все в большой зал, где велась беседа с Патриком, чтобы узнать, что случилось. А когда поняли, зачем явился к ним этот человек, они тоже покатались со смеху, так что стены задрожали.

Их смех достиг ушей манстерского короля, и тот прибежал, чтобы выяснить, какое свершилось чудо. Патрик отвесил королю положенный поклон, но остался невозмутим, словно форель в омуте, потупился в землю и не вымолвил ни словечка.

Великие профессора представили его королю и объяснили цель его прихода: спасти доброе имя и славу Мангретского университета — честь Ирландии. И тут же снова разразились смехом, чуть животы себе не надорвали. Однако король не рассмеялся, нет. Он послушал-послушал, как они смеются, а потом и спросил, какая причина у них для веселья.

— Конечно, вы не можете этого допустить, — молвил он, — и все же есть люди, которые и в глаза не видели вашей школы, но тоже кое-что смыслят, а иногда так тонко во всем разбираются, что могут удивить даже вас своими поступками.

Затем повернулся к Патрику и обратился к нему с вопросом так вежливо и с таким уважением, что уязвленные профессора рты разинули.

— Какой план предлагаете вы, — спросил король, — чтобы спасти доброе имя и славу нашей школы в Мангрете — честь Ирландии?

— Сперва мне хотелось бы узнать, когда вы ожидаете этих пятерых английских профессоров?

— Завтра к двенадцати!

— Хм... А могу я выбрать трех ученых университета, которые понадобятся мне ровно за два часа до этого срока?

— Да, конечно! Хоть тридцать три, если желаете!

Патрик остался доволен и сказал:

— Ну что ж, утро вечера мудреней.

И он был единственным человеком во всей Ирландии, кто спал в эту ночь.

А утром по приказу короля все профессора выстроились в ряд. Тогда пригласили Патрика и предложили ему сделать выбор.

Сначала он попросил выступить на шаг вперед знатока Латыни, лучшего из лучших. Затем лучшего знатока Греческого языка. И наконец первейшего знатока Языка Сверхученой Премудрости.

Просьба его была выполнена.

Тогда он велел принести самую драную одежду, в которую можно было бы нарядить разве только огородное пугало, а также три здоровых молота для дробления камней.

Очень скоро все, что он попросил, лежало перед ним на земле, и Патрик сказал, протягивая отвратительную одежду трем великим профессорам:

— Вот, получайте! Можете уединиться и, не теряя времени, сбросьте с себя все лишнее и облачитесь в эту одежду.

Три великих профессора позеленели от злости, и не то чтоб подчиниться, а готовы были послать Патрика к дьяволу или еще похуже, да только заметили на себе строгий взгляд короля.

— Отправляйтесь же, господа!—сказал король громко и грозно.—Выполняйте просьбу этого джентльмена!

И они ушли переодеваться, а когда вернулись, вот это была картина! Но никто не осмелился даже улыбнуться, в страхе перед королем. Да, зрителям было над чем посмеяться.

Патрик подхватил три молота для дробления камней и сказал трем почтенным старцам:

— Пошли за мной!

И вот в сопровождении трех великих ученых, разодетых, как мы только что описали, Патрик вышел на дорогу, ведущую в Дублин, по которой с минуты на минуту должны были проехать оксфордские профессора.

В миле от университета они остановились у перекрестка. Здесь на груде камней всегда сидел какой-нибудь старик и дробил камни для починки дороги. Патрик велел старику сойти вниз, всунул молот в руки великому знатоку Языка Сверхученой Премудрости и приказал ему подняться на камни и дробить их, как это делают истинные каменотесы из Ньюри. К тому же он дал ему несколько секретных указаний, от которых у того просветлело лицо.

И пошел дальше с двумя остальными. А у следующего перекрестка, который был в трех милях от университета, он вручил молот ученому Греческого языка и тоже велел ему взобраться на груду камней и дробить их. И ему на ухо он дал какие-то указания.

С третьим ученым, великим знатоком Латыни, он шел, пока не дошел до третьего перекрестка в шести милях от университета. И ему тоже всунул в руки молот, усадил на груду камней и также велел дробить их, шепнув какие-то указания.

И вот слушайте! Не успел сей ученый муж усесться на груду камней, как мимо катит карета с пятью оксфордскими старцами, величайшими и знаменитейшими учеными во всем свете. Достигнув перекрестка и не зная, какой дорогой следовать, они остано-

вливают карету, чтобы все выяснить. И, заметив оборванного старика, дробящего камни, решают между собой:

— Вот этот старик каменотес и укажет нам дорогу, если только мы сумеем подобрать достаточно простые слова, чтобы он понял нас.

Они здороваются со стариком каменотесом и спрашивают, выбирая самые простые слова, не будет ли он так любезен показать им верную дорогу в Мангретский университет. Старик каменотес, в свою очередь, приветствует их и дает точнейшие указания, как вернее всего добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшей Л а т ы н и!

У пятерых мудрецов так и перехватило дыхание. Они откинулись назад в карету, и впервые с момента вызова на состязание их смелость поколебалась.

Но они были храбрыми мудрецами, не испугались бы самого дьявола. И как только кучер тронул вперед, они вынули свои записные книжки, куда заносили путевые заметки, и записали:

«В шести милях от Мангретского университета обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистейшей Латыни».

Что верно, то верно.

Когда они подъехали к следующему перекрестку, они опять стали гадать, какая же из четырех дорог им нужна. Выглянули из кареты и увидели еще одного старого каменотеса, усердно дробящего камни. Один из ученых мужей окликнул его, поздоровался и спросил, не укажет ли он верную дорогу в Мангретский университет. Старый каменотес оторвался от своей работы, приветствовал их и точно объяснил, как добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшем Г р е ч е с к о м языке!

Пятеро мудрецов даже сразу осунулись как-то. Они не позволили кучеру ехать дальше и стали советоваться, как умнее поступить: ехать вперед или бежать без оглядки в дублинскую гавань и оттуда домой. Двое проголосовали, чтобы ехать вперед, двое, — чтобы возвращаться, решение осталось за последним. Но он оказался храбрецом — так просто его не запугаешь — и проголосовал в конце концов за то, чтобы ехать вперед.

И вот они двинулись дальше и по дороге внесли такую запись в свои книжки:

«В трех милях от великого университета Мангретского обыкновенные дорожные каменотесы объясняются на чистейшем Г р е ч е с к о м языке».

К этому времени у бедняг англичан душа ушла уже в пятки, и они могли лишь мучительно жалеть, что вместо них это дело не поручили пятерым их злейшим врагам в Оксфорде!

Так слушайте дальше! В миле от Мангрета им попадает третий перекресток. Карета останавливается, один из них высовывается из окошка и опять видит на груди камня старика каменотеса, который что есть мочи бьет по камням. Они все его приветствуют и спрашивают, не может ли он указать им дорогу, ведущую в Мангретский университет. Старик каменотес поднимает голову от работы, отвешивает им вежливый поклон, произносит сначала свое приветствие, а затем указания, как вернее добраться до университета в Мангрете,— и все это на Языке Сверхученой Премудрости!

Пять прославленных профессоров все как один высовываются из окошка кареты и кричат кучеру:

— Немедленно заворачивай лошадей и что есть духу гони в Дублин! — откидываются назад и падают без сознания в объятия друг другу.

Когда они, придя в себя, поняли, что находятся в безопасности на корабле по пути в Англию, они вытащили свои записные книжки и записали:

«В одной миле от бесподобного и величайшего университета в Мангрете даже дорожные каменотесы не желают объясняться иначе, как на Языке Сверхученой Премудрости. Таким образом, мы, совершив своевременное бегство, спасли от вечного позора чистое имя и славу нашей гордости — университета Оксфордского».

В старину говорили:

Три вещи не должны притупляться: меч, лопата и человеческая мысль.

Король Птиц

Ы ВЕДЬ знаем, что крапивник подлая птица — хуже, много хуже даже летучей мыши, — что он просто отъявленный обманщик, а потому и нечего удивляться, что мы охотимся за ним и ловим его.

Несмотря на то, что величиной он всего с ваш палец, крапивник считается королем птиц — титул, который он получил с помощью низкой хитрости.

В дни великого Кольма Килла, святого и пророка, птицы со всего света слетелись, чтобы выбрать себе короля. Но так как каждый метил на этот высокий пост, птицы не смогли прийти к согласию, и очень скоро между ними разгорелась настоящая война — кровавая битва, которая в течение трех лет бушевала во всех лесах света.

Наконец старая мудрая ворона предложила всем предоставить выбор святому Кольму Киллу.

Все согласились, и вот со всех концов земли слетелась тьма-тьмущая птиц, так что от них даже почернело небо над Донеголом, где жил этот святой.

Святой вышел к ним из своей маленькой хижины и спросил, чего они хотят. Птицы ему все рассказали и обещали подчиниться его решению.

Тогда Кольм приказал им спуститься и рассестся на земле. И они опустились и покрыли все холмы, и долины, и ручьи, и даже озера, — ведь их была тьма-тьмущая. И, обращаясь к ним, святой молвил:

— Самая лучшая и самая сильная птица та из вас, которая

сможет взлететь выше всех. Она и должна считаться королем птиц!

Все согласились, что такое решение будет мудрым и справедливым. А затем святой сказал, что подаст им знак, когда взлететь, и та птица, которая поднимется выше всех, по возвращении станет величаться Королем Птиц.

Как только святой подал знак, все птицы взвились вверх, и люди, которые наблюдали их, увидели, как сначала одна из птиц устала и упала вниз; затем другая, бедняжка, устала и упала вниз; потом третья устала и упала вниз, и так все, одна за другой, уставали и падали вниз, пока наконец не осталась одна-единственная птица, которая все еще парила в вышине.

Это был орел.

Но орлу, из тщеславия, показалось мало подняться лишь чуть-чуть выше остальных птиц, чтобы опуститься на землю королем. В своем тщеславии он продолжал взмывать все выше и выше, пока наконец не мог уж подняться еще хоть на дюйм и не в силах был еще хоть раз взмахнуть крыльями.

И когда он замер в воздухе, гордый своим полетом и уверенный, что на землю он опустится Королем Птиц, с его спины вдруг взлетел маленький крапивник—он все время сидел там,—поднялся вверх еще на один фут, а затем опустился на землю Королем Птиц!

Святому пришлось сдержать свое слово и пожаловать королевский титул этому жалкому негодю. Но он был так разгневан на него за эту низкую хитрость, что наложил на него проклятье никогда впредь не взлетать над землей выше, чем он поднялся в тот день над орлиным крылом.

И с того самого дня по сию пору мы можем сами видеть, как крапивник перелетает с куста на куст, с одной изгороди на другую, никогда не взлетая над землей выше нашего колена,—это прибывает его к земле тяжесть святого проклятия.

В старину говорили:

Часто за наш язык мы расплачиваемся разбитым носом.

Правая рука святого Ултена

Легенда

КОГДА-ТО бог одарил святого Ултена сверхъестественной силой. И только один человек в целой Ирландии знал, в чем сила святого Ултена. То был сам Ултен. Великое бедствие обрушилось на Ирландию в сороковых годах шестого столетия — Черная Смерть. Пришлось закрыть все ирландские школы и разослать учеников по домам, где многие из них уже не застали родителей в живых. И святой Ултен открыл тогда дом для осиротевших детей и заменил многим и многим из них мать и отца.

У знаменитого Онгуша Неудачника записана легенда из тех времен как раз об этом человеке.

Случилось так, что к берегам Ирландии прибыла вражеская флотилия. И Дармид, верховный король Ирландии, послал гонца с этой тревожной вестью к Ултену, моля его заступиться перед богом и отвести новую беду, грозящую злосчастному королевству.

Эта весть была передана Ултену как раз в тот момент, когда он кормил детей. Но он поднял против вражеской флотилии свободную левую руку — вызвал бурю и потопил все корабли. А когда к нему явились с благодарностью, он ответил с укором:

— Стыдитесь! Нельзя разве было подождать, пока освободится и правая моя рука? Уж если бы я поднял правую руку, ни одного чужеземного захватчика не знала бы впредь Эйре!¹

В старину говорили:

Соломон был мудр, Самсон — силен, Мафусаил прекрасно знал жизнь, но даже все вместе они не разули бы босоногого.

¹ Эйре — одно из названий Ирландии.

Как удалось перехитрить самого Рафтери

УЖЕ говорил вам про закон гостеприимства в старину. В давным-давно прошедшие времена, — а это и в самом деле было давненько, — когда знаменитый шутник Рафтери держал в благоговейном страхе весь Коннахт, потребовался незаурядный женский ум, чтобы обойти нерушимый закон гостеприимства. Этой женщине удалось без единого упрека и безнаказанно выставить из своего дома столь необыкновенного музыканта, сочетавшего к тому же в себе ум и независимость истинного поэта.

Как и многие его предшественники-поэты, Рафтери частенько злоупотреблял своими привилегиями, чересчур даже, а в особенности когда заигрывал со своей второй возлюбленной — бутылкой.

Однажды он остановился на ночлег в хижине у бедной вдовы. И так-то она спины не разгибала и сердце свое надрывала в заботах о целой куче голодных ребятишек, а тут еще музыкант этот живет себе целых тринадцать недель! И тащи ему все, и угождай, и прислуживай. Наконец стало ясно, что сей великий человек не намерен убраться из дома, пока его не вынесут оттуда на катафалке.

Соседки, которые считали себя поумнее вдовы, советовали ей нарушить старинный обычай и вышвырнуть старичка вон. Но она только головой покачала в ответ на такое позорное предложение и продолжала терпеливо сносить все невзгоды.

Так тянулось до сенокоса, когда косари на лугах ждут подмоги от своих хозяек. Среди тысячи домашних дел женщина должна еще ухитриться заготовить им свясла — копны вязать.

И для этого в углу кухни им оставляют охапку соломы — вить из нее веревки.

Вдова позвала на помощь Рафтери, — до сих пор его не просили даже палец о палец ударить, — и велела ему взять веретешко и крутить. Она подает ему из охапки понемногу соломы, а он вьет веревку.

Но ведь вам известно, что когда вьешь веревку, то шаг за шагом пятишься назад от соломы, которая так и бежит сквозь пальцы. Веревка становится все длиннее, а вы отступаете все дальше и дальше.

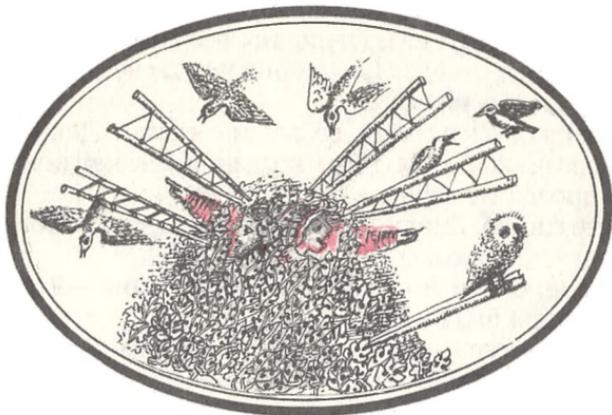
Так Рафтери и пятился, — веревка тянулась, а он пятился, — сначала от очага, у которого стояла вдова, подавая ему солому, а потом и за порог, на свежий воздух, в широкий божий мир, из которого он целых тринадцать блаженных недель был добровольным изгнанником. И тут он услышал, как захлопнулась и защелкнулась дверь, через которую он только что вышел сам, никто его не выпроваживал, не выставлял и не выгонял.

Вот как удалось женскому уму без промаха обойти семью семьдесят раз священный закон ирландского гостеприимства и выставить за дверь самого великого Рафтери.

В старину говорили:

Когда хочешь подарить штаны, не срезай пуговиц.

Семейная распря

ТЕПЕРЬ расскажу вам в назидание недлинную преподобную семейную историю, которая в вашем счастливом доме, конечно, никогда не случится за всю вашу мирную семейную жизнь.

Нелли Макграф и ее муж Динни считались лучшей парой в Пулбегском приходе. Да было бы всем известно, тридцать три года прожили они вместе, а даже не знали, что такое косо поглядеть друг на друга. Так они и умерли бы, пребывая в этом неведении, если бы однажды в сочельник нелегкая не занесла к ним охотника Джонни. Он думал всучить им связку птиц, которых поймал силком на снегу. И парочку Динни купил у него, а Нелли изжарила их к рождественскому ужину.

Динни, добрый человек, съел свою долю с великим наслаждением, а потом, утерев рот и причмокнув от удовольствия, промолвил:

— Спасибо господу богу и тебе, Нелли. Нежнее и вкуснее этих черных дроздов я в жизни ничего не едал!

— Аминь! Благодарю, благодарю его. Такими птицами не побрезговал бы сам король. Я говорю, этими серыми дроздами, не так ли, Динни?

— Черными, Нелли, — повторил Динни.

— Ах, Динни, — возмутилась Нелли, — я тебе говорю, они были серые. Уж мне-то не знать, раз я их ощипывала.

— Да нет же, Нелли, я тебя уверяю, это были черные дрозды. Уж мне-то не знать, раз я их покупал.

— Что у меня, глаз нет, что ли? А, Динни?

— Я всегда полагал, Нелли, что есть. Но все равно, есть ли, нет ли, зато уж я-то глазастый, так все говорят.

— Тогда мне очень жаль, Динни, что ты не можешь отличить серого дрозда от черного.

— Если кое-кто рядом со мной,— сказал Динни,— умел бы глядеть глазами, он бы тоже когда-нибудь научился отличать черного дрозда от серого.

— Я не спору, Динни. Так и знай, спорить я не собираюсь! Но это были серые дрозды.

— Тут не о чем и спорить,— сказал Динни.— Что правда, то правда: дрозды были черные.

— Динни,— сказала Нелли,— не гневи бога! Я же говорю тебе, то были серые дрозды.

— Ты сама гневишь бога, Нелли,— возразил Динни.— Я же говорю тебе — они были черные.

— Серые! — кричит Нелли.

— Черные! — кричит Динни.

Тогда Нелли отправляется мыть посуду и начинает вызывающе напевать про себя, а Динни вытаскивает из кармана трубку, начинает растирать для нее табак и тут же принимается насвистывать.

И вот эта пара, которая до того дня худого слова не сказала друг другу и никогда не ссорилась, перестала разговаривать на целый месяц.

Долго ли, коротко ли, как говорят в сказке, но опять подошло рождество. Нелли приготовила себе и Динни отменный ужин, и когда оба, перекрестясь, сели за стол, Нелли как прыснет со смеху.

— Динни, миленький,— говорит она,— ты помнишь, какого дурака мы с тобой валяли в такой же вот вечер год назад?

И Динни тоже ну хохотать.

— Ох, Нелли,— говорит,— и кто бы подумал, что мы станем разыгрывать из себя таких идиотов?

— И все ни из-за чего,— говорит Нелли.

— И все ни из-за чего,— говорит Динни.— Ну и стыд нам! — говорит.— Из-за какой-то несчастной пары черных дроздов. Да будь они прокляты!

— Ох,— говорит Нелли,— все из-за несчастной пары серых дроздов. Да будь они прокляты!

— Нелли, душечка,— говорит Динни, с укоризной глядя на нее,— уж не собираешься ли ты начать все сначала, и все из-за каких-то жалких черных дроздов?

— Вот еще, стану я распинаться ради каких-то паршивых серых дроздов!

— Да приди в себя, Нелли! Ты же не хуже меня знаешь, что это были черные дрозды.

— Сам приди в себя, Динни,— отвечает Нелли.— Сам знаешь, они были серые.

— Черные!— кричит Динни.— Могу побиться об заклад!

— Серые!— кричит Нелли.— Могу побожиться!

Тут Динни начинает свистеть, а Нелли — напевать. И так они опять друг с другом три месяца не разговаривали, пока не пришли соседи и не помирили их.

Долго ли, коротко ли, как говорят в старинных сказках, прошел еще год, и опять наступило рождество. И когда Динни и Нелли, перекрестясь, сели за славный ужин, который приготовила для обоих Нелли, она опять как расхохочется.

— Ты помнишь, Динни,— говорит,— какого дурака мы с тобой валяли в прошлые два рождества?

— Ох-ох-ох, как не помнить,— говорит Динни.— Ну и дурачье!

— Просто шуты гороховые,— говорит Нелли.

— Посмешище, и больше ничего,— говорит Динни.

— Иногда я просто не могу этому поверить,— говорит Нелли.

— Неразумные дети так бы не поступили,— говорит Динни.

— Дети скорей научили бы нас уму-разуму,— говорит Нелли.

— Теперь ты можешь хоть до утра называть этих птиц серыми дроздами, я буду только улыбаться,— говорит Динни.

— Спасибо, Динни,— говорит Нелли,— но зачем же ты будешь улыбаться, если они и в самом деле были серые?

— Ах, Нелли, Нелли!— говорит Динни.— Ты же знаешь, я не хочу с тобой из-за этого спорить, но я утверждаю, что они были черные!

— Я с тобой тоже не собираюсь спорить,— поддакивает Нелли,— но не станешь же ты опровергать истину. Они были серые!

— А кто опровергает истину?— говорит Динни.— Это были черные дрозды, ты сама знаешь.

— Нет, серые,— говорит Нелли.— Сам бы так сказал, если б не уперся.

— Ведь сегодня же святое рождество, Нелли. Надо говорить правду, стыдись! Признайся, что это были черные дрозды, и покончим с этим!

— Ну да, сегодня святое рождество,— отвечает Нелли.— Сам говори правду. Скажи, что они были серые!

— Ради бога, Нелли, не надо ссориться из-за каких-то тощих черных дроздов!

— Это ты сам ссоришься из-за несчастных серых дроздов.

— Ох, ты все больше выводишь меня из терпения. Я говорю, они были черные!

— А я говорю, серые!

— Черные!

— Серые!

Тут Динни поворачивается спиной, вытаскивает трубку и табак и, не притронувшись к ужину, начинает насвистывать. Нелли не обращает на это никакого внимания и тоже берется за чулок, который до этого штопала, и начинает с усмешечкой напевать про себя.

В эту минуту открывается дверь, и — кто бы вы думали — входит? Сам охотник Джонни со связкой птиц на плече. Динни и Нелли так и подскочили и бросились к Джонни. А тот смотрит на одного, на другого и ничего не понимает.

— Джонни, — говорит Нелли, — как я довольна, что ты пришел!

— И я очень доволен, Джонни, — поддакивает Динни, — что ты именно сейчас пришел.

— Да, и ты сейчас увидишь, что за дурень мой муженек.

— Ну да, Джонни, ты пришел как раз вовремя, чтобы наконец дать понять этой женщине, что она такое.

— Скажите, ради бога, — взмолился Джонни, растерянно переводя взгляд с одного на другого, — о чем у вас спор?

— Да о двух серых дроздах, которых мы купили у тебя в такой же вот вечер два года назад, — говорит Нелли. — Поверишь ли, мой муж все время спорит, что это были черные дрозды.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Динни. — Если бы ты не услышал это своими собственными ушами, Джонни, ты бы не поверил, хоть поклясться мне святым Петром, — эта женщина два года твердит, что ты продал мне не черных дроздов, а серых. Скажи же ей, что это были черные дрозды, и пусть сама убедится, какой она была душой.

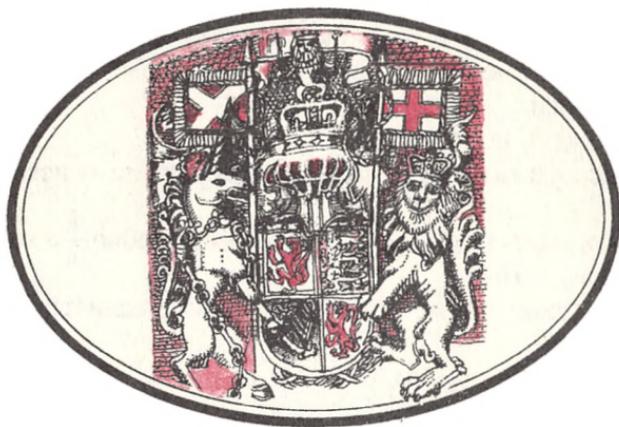
— Джонни, — попросила Нелли, — скажи ему, этому вот мужу моему, все как есть скажи, что они были серые. Пусть ему раз навсегда будет стыдно!

— Что за вздор, Нелли, Динни! — воскликнул Джонни. — Я ужасно огорчен, если вы оба все эти два года только и делали, что шумели да спорили, словно нехристи какие-то, и все из-за пары тощих, жалких, костлявых, никудышных скворцов — черт бы их побрал!

В старину говорили:

Если бы отец сделал из меня сапожника, всем пришлось бы ходить босиком.

Мудрость Кормака

ОГДА в эпоху, давно минувшую, газеты потчевали нас шутивными историями о королях, благополучно отцарствовавших когда-то, я каждый раз мысленно возвращался к королю Кормаку и к правдивым старинным летописям, которые сообщали мне и о нем и о том раннем времени.

— О Кормаке, внук Конала, — спросил Койрбре, — каковы были твои обычаи в юности?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормаке. —

Я слушал лес,
я глядел на звезды,
я избегал тайн,
я молчал в толпе,
я говорил с людьми,
я был кроток на пирах,
я был горяч в бою,
я был нежен в дружбе,
я был великодушен со слабыми,
я был тверд с сильными.

.....
Я не был высокомерен, хотя был силен;

я не обещал ничего, хотя был богат;
 я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом;
 я не говорил плохо о том, кто отсутствовал;
 я не поносил, а восхвалял;
 я не просил, но давал,

ибо только эти обычаи делают юношу мужем и истинным воином.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а каким обычаям следовать мне?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак, — если следовать учению:

Не смейся над старым, если ты молодой;
 и над бедным, если ты богатый;
 и над хромым, если ты проворный;
 и над слепым, если ты зрячий;
 и над больным, если ты здоровый;
 и над тупым, если ты способный;
 и над глупым, если ты мудрый.

.....
 Не будь слишком умен и не будь слишком глуп;
 не будь слишком самонадеян и не будь слишком застенчив;
 не будь слишком горд и не будь слишком скромн;
 не будь слишком разговорчив и не будь слишком молчалив;
 не будь слишком суров и не будь слишком добр.

Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого;

если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать;
 если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать;
 если ты будешь слишком болтлив, на тебя не будут обращать внимания;

если ты будешь слишком молчалив, с тобой не будут считаться;

если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся;
 если ты будешь слишком добр, тебя растопчут.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а какие обычаи хороши для короля?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. — Для него лучше всего: твердость без гнева, настойчивость без спора, вежливость без надменности; пусть он охраняет древние науки, вершит пра-

восудие, вещает истину, почитает поэтов, поклоняется всевышнему богу.

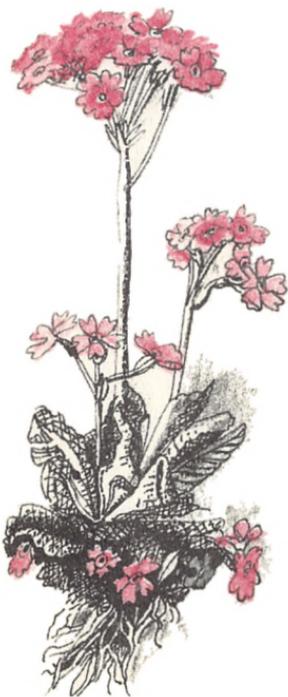
Ему следует спрашивать совета у мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть он будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла, пусть не забывает добро, пусть за столом его будет людей много, а на тайном совете мало, пусть союзы его будут тверды, пусть налоги его будут легки, пусть суждения его и решения будут быстры и ясны.

Ибо именно по этим качествам и узнаются истинные короли.

В старину говорили:

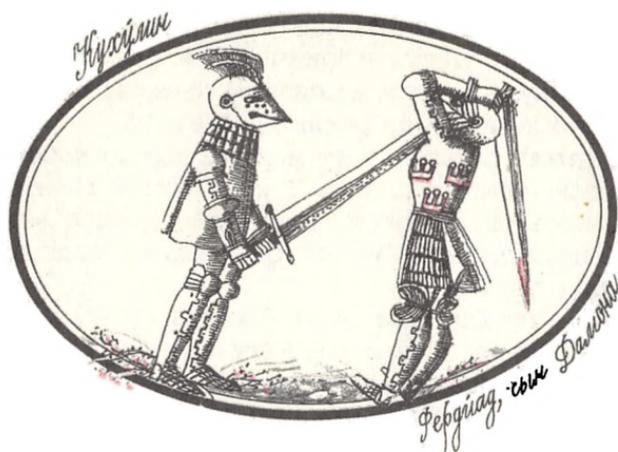
Неловко начать ухаживать за вдовой еще до того, как она вернулась домой с похорон мужа.

*Из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис и оксфордского издания
Айлин О'Фойлин*

Бой Кухулина с Фердиадом

Из древних ирландских саг

ЕРОЙ из героев, славный воин древнего Ульстера, первый среди воинов Красной Ветви короля Конхобара, бесстрашный уладский пес — так называли Кухулина его друзья и враги.

И был еще только один воин в пяти королевствах древней Ирландии, или, как тогда говорили, — в Эрине, который мог сравниться с Кухулином в отваге и боевом искусстве.

То был Фердиад, сын Дамона.

Эти два славных героя — Кухулин и Фердиад — были названными братьями и друзьями. Они вместе росли, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Там прошла их юность, там они познали любовь и возмужали, оттуда, рука об руку, отправились на ратные подвиги в чужие, далекие страны.

Их преданность и верную дружбу скрепила кровь, пролитая во многих опасных битвах, боях и сраженьях. Но случилось так, что, рассердившись на злого и коварного короля Конхобара, Фердиад вместе с другими воинами Красной Ветви покинул Ульстер и ушел на службу к гордой и жестокой коннахтской королеве Мав.

Как раз в ту пору Мав задумала идти войной на королевство Ульстер. Ей давно хотелось показать королю уладов Конхобару, что не он самый сильный король в Эрине.

Она собрала всех своих славных воинов и сама повела их на север в Ульстер. Время для войны она выбрала удачное — короля Конхобара и его воинов одолел тяжкий недуг. Это случилось

с ними к началу каждой зимы — в наказание за то, что однажды король Конхобар надсмехался над богиней войны Махой.

И вот когда все уладские воины обессилели от недуга, королева Мав покинула Коннахт и подошла со своим воинством к самой границе Ульстера — к Северному Проходу.

Узнав, что на Ульстер идет могучее войско королевы Мав, Кухулин послал своего возницу Лойга к богине Махе с великой просьбой, чтобы она сняла свое проклятье с уладов. А пока силы к ним еще не вернулись, Кухулин один вышел защищать Северный Проход от врага.

Проклятье богини Махи его не коснулось: когда с уладами только случилось это несчастье, Кухулин еще не родился.

Не проходило дня, чтобы от руки Кухулина пало меньше ста воинов королевы Мав. Недаром шла о нем слава героя из героев, бесстрашного бойца, победителя во многих битвах.

Мало того, по ночам Кухулин незаметно подбирался к самому лагерю гордой королевы и камнями, метко пущенными из пращи, разгонял всю ее стражу. Так что никому не было от него покоя не только днем, но и ночью.

Тогда надумала королева Мав направить к Кухулину гонцов и послов. Гонцы бегали от нее к палатке Кухулина и обратно, передавая ее вопросы и его ответы. И было решено между ними, что не станет больше королева Мав продвигаться в Ульстер форсированным маршем, а будет каждый день посылать к Кухулину по одному воину для встречи в славном поединке. Условились они, что пока он будет биться в поединке, она может идти со своим войском вперед, но как только воин ее будет убит — коли это случится, — она остановится до следующего дня.

«Лучше уж я буду терять в день по одному воину, чем по сто», — думала коварная Мав.

Но шел день за днем, и Кухулин убивал в честном поединке одного за другим лучших ее воинов. И настал день, когда королева Мав не знала, кто бы еще мог сразиться и выдержать бой с Кухулином.

Пришлось ей созвать большой совет мужей Эрина. Стали мужи Эрина думать и, подумав, сошлись на одном:

— Фердиад, сын Дамона! Ибо в битве, в бою и в сражении он один равен храбрейшему герою Кухулину. Вместе росли они, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной Скатах.

— Удачный выбор! — одобрила королева.

И послали гонцов и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал назад гонцов и послов королевы. Не пошел он на ее зов, ибо знал, чего хотят от него: чтобы вступил он в единоборство с милым другом своим, названным братом и соратником.

Тогда Мав послала к Фердиаду друидов и злых певцов, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания — на позор, посмеяние и презрение, — если Фердиад откажется к ней прийти.

На этот раз Фердиад пошел, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения.

Мав сама вышла к нему навстречу и приняла его с честью и приветом. Потом созвала своих вождей и военачальников и приказала им устроить в честь Фердиада пир.

За столом Фердиад сидел от нее по правую руку. А с другой стороны рядом с ним Мав посадила свою дочь Финдабайр и наказала ей подливать герою лучшие вина, чтобы его кубок никогда не оставался пустым.

Фердиад быстро захмелел и развеселился. Тогда королева стала восхвалять его отвагу, мужество и геройские подвиги и посулила ему несметные богатства, новые земли и свою дочь Финдабайр в жены, если он вступит в единоборство с Кухулином.

Собравшиеся за столом громко приветствовали такие слова королевы.

Все, кроме Фердиада.

Он один сидел молча. Горько было ему даже думать о бое со своим другом, товарищем и побратимом. Он сказал королеве:

— Твои дары поистине щедры и прекрасны, гордая Мав! Но я недостоин их. Никогда я не приму их в награду за бой с милым моим другом Кухулином.

Еще он так сказал королеве:

И сердца наши бились рядом,
И в лесах мы сражались рядом,
На постели одной спали рядом,
Устав, обессилен в жестоком бою...

И поняла тогда Мав, что такую преданность и любовь не разрушить ни лестью, ни подкупом. И задумала она иной план.

Когда Фердиад кончил песню об опасных делах, какие они свершали вместе с Кухулином, она, сделав вид, будто не слыша-

ла, что он только что говорил, обернулась к своим воинам и советникам и спокойно заметила:

— Пожалуй, теперь я готова поверить тому, что говорил о Фердиаде Кухулин.

— А что Кухулин говорил обо мне? — спросил Фердиад.

— Он сказал, что ты слишком опаслив и осторожен, чтобы выступить против него в поединке, — ответила Мав.

Фердиада охватил гнев, и он воскликнул:

— Не следовало Кухулину так говорить обо мне! Не мог он, положив руку на сердце, сказать, что хоть раз я был трусом или выказал недостаток храбрости в наших общих делах. Клянусь моим славным оружием, завтра же на рассвете я первый вызову его на бой, который мне так ненавистен!

И, не прибавив больше ни слова, Фердиад, печальный, вернулся в свою палатку.

В ту ночь не слышно было ни музыки, ни песен среди верных воинов Фердиада. Они видели, как вернулся с королевского пира их начальник и господин, и шепотом вели беседу, с тревогой вопрошая друг друга, что же будет. Они знали, что Фердиад искусен и неустрашим в бою, но они знали, что не менее искусен и столь же неустрашим Кухулин.

Как им было не знать, что когда встречаются в честном поединке два таких бесстрашных героя, одному из них суждено погибнуть!

Фердиад отдыхал до рассвета, а потом велел запрячь колесницу — он хотел явиться на место поединка раньше Кухулина.

Возница вывел коней, запряг колесницу и вернулся в палатку к Фердиаду. Он попытался уговорить своего господина не идти в бой на Кухулина. Фердиад не скрыл от него, как тяжело ему выступать против своего побратима, но уж коли он дал слово королеве Мав, он его сдержит.

Лучше б он не давал ей слова!

Печаль и гнев не оставляли Фердиада при мысли об этом. Он пришел в палатку уладских воинов и, повысив голос, громко сказал, чтобы слышали все:

— Пусть лучше мне погибнуть от руки славного Кухулина, чем ему от меня! А если падет от моей руки Кухулин, не жить и королеве Мав и многим из ее славных воинов. Виною тому обещание, какое она вырвала у меня, когда я был пьян и весел у нее на пиру. Верьте мне!

Потом Фердиад взошел на колесницу и устремился к броду через реку на место поединка. Там он заставил возницу распрячь коней и, разобрав колесницу, велел поставить для себя шатер и накрыть его шкурами. Землю застлали пледами, набросали подушек, и Фердиад лег спать до прихода Кухулина.

А пока он спал, верный Кухулину Фэргус тайно покинул палатку коннахтских воинов и отправился к Кухулину, чтобы сказать ему, с кем ему предстоит биться в грядущий день.

— Клянусь жизнью, — воскликнул Кухулин, услышав эту весть, — не такой разговор хотелось бы мне вести с моим другом и побратимом! Не из страха перед ним, но из любви и нежной привязанности. Но раз уж так случилось, лучше мне погибнуть от руки этого славного воина, чем ему от меня!

И Кухулин лег спать и спал долго. Не хотел он рано вставать, чтобы коннахтские воины не сказали, что ему не спится от страха перед Фердиадом. Солнце стояло уже высоко, когда он наконец поднялся на свою колесницу и поехал к броду через реку на место поединка.

Фердиад уже ждал его и, как только Кухулин сошел с колесницы, приветствовал своего друга.

— Ах, Фердиад, — горестно сказал ему в ответ Кухулин, — раньше я верил, что ты приветствуешь меня как друг. Но теперь этой веры больше нет! Как мог ты променять нашу дружбу на лживые обещания вероломной женщины?

Уязвленный упреками Кухулина, Фердиад воскликнул:

— Не слишком ли затянулся наш разговор? Пора вступить в беседу нашим копьям!

И вот, сблизившись, славные воины стали метать друг в друга легкие копья. Словно пчелы в ясный летний денек, летали между врагами острые дротики, и горело солнце на их крыльях — наконечниках.

Так бились они целый день, время от времени меняя оружие. Но и в защите, и в нападении их искусство было равно, и какое бы оружие они ни выбирали, ни разу оно не обагрилось их кровью. Когда же спустилась ночь, они решили, что на сегодня поединок закончен и пора отдохнуть.

Побросав оружие своим возницам, отважные воины кинулись друг другу на шею и трижды по-братски нежно расцеловались.

Потом возницы приготовили для них постели из свежего камыша, для каждого на своем берегу реки: для Фердиада — на южном, для Кухулина — на северном.

Из Ульстера прискакали гонцы и привезли Кухулину целебные травы и снадобья, чтобы поднять его силы и избавить от боли и усталости его натруженное тело. Кухулин разделил все травы и все лекарства поровну и отослал половину Фердиаду.

А коннахтские воины принесли из лагеря для Фердиада еду и питье. Фердиад разделил тоже все поровну и отослал половину Кухулину.

Ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Наутро, как только засветило солнце, бойцы снова встретились у брода. На этот раз они сражались на колесницах, пуская в ход тяжелые копья. Бой шел весь день, и каждый получил немало жестоких ударов, прежде чем настала ночь и они решили передохнуть. На этот раз оба были так тяжело изранены, что птицы могли влетать в их раны с одной стороны и вылетать с другой.

Но и эту ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Когда же наутро они встретились у брода, чтобы продолжать поединок, Кухулин увидел, что Фердиад уже не тот, что был прежде: и взгляд его стал мрачен, и не мог он уже прямо держаться, а шел согрившись, еле волоча ноги.

Великая печаль охватила Кухулина. Он перешел вброд реку и, приблизившись к Фердиаду, сказал ему:

— Друг мой, товарищ и побратим, вспомни, как мы любили друг друга, как вместе проливали кровь в жестоких битвах, боях и сраженьях. Послушай своего младшего брата: откажись от единоборства у брода!

На это Фердиад ниже опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Кухулину, и сказал с грустью, что не может он нарушить свое слово, данное в злую минуту королеве Мав, и будет биться с Кухулином, пока один из них не победит.

На этот раз они вместе выбрали оружие, и бой начался.

Весь длинный день в полной тишине они метали тяжелые копья, сшибались на острых мечах, рубили, кололи, резали и наносили прямые удары. Только темный вечер заставил их кончить единоборство.

Все так же молча побросали они оружие своим возницам и, не обнявшись, не сказав друг другу доброго слова, мрачно разошлись по своим палаткам.

Ту ночь их кони провели в разных загонах, а возницы — каждый у своего костра.

Рано утром Фердиад поднялся первым и надел свои самые прочные, самые тяжелые, непроницаемые боевые доспехи, чтобы защитить себя от ужасного рогатого копыя — Га-Бўльга, каким славился Кухулин в поединке у брода.

Вскоре вышел к реке и Кухулин, и бой разгорелся, свирепый и беспощадный.

Удары их копий были так сильны, что щиты бойцов прогнулись вовнутрь. Шум битвы их был так велик, что вспугнул всех демонов неба и заставил их носиться в воздухе с громкими криками. Так тяжела была поступь бойцов, что они вытеснили реку из берегов.

Уже близился вечер, когда Фердиад неожиданным выпадом жестоко ранил Кухулина, вонзив свой меч в его тело по самую рукоять, и кровь рекой полилась из раны и затопила брод.

Кухулин не успел ответить, а Фердиад следом за первым ударом нанес второй и третий.

Только тогда крикнул Кухулин своему вознице Лойгу, чтобы подал он рогатое копые Га-Бўльгу. Прицелившись, он метнул его двумя пальцами ноги, и Га-Бўльга, пробив тяжелые доспехи Фердиада, смертельно поразил его.

— Вот и пришел мне конец, мой Кухулин, — произнес Фердиад и рухнул на землю.

Увидев, как падает на землю его друг и названный брат, Кухулин отбросил страшное свое оружие и кинулся к Фердиаду. Он склонился над ним, поднял его на руки и с осторожностью перенес через брод на северную сторону реки — сторону славных уладов. Не хотел он оставлять друга своих юных лет, своего названного брата, соратника в грозных битвах на земле врагов, на южном берегу реки.

Кухулин опустил Фердиада на землю, склонился над ним и стал горько его оплакивать. Забывшись в горе и не думая об опасности, Кухулин долго просидел так возле убитого друга, пока его возница Лойг не посоветовал ему уйти подальше от брода, где в любую минуту на него могли напасть коварные воины королевы Мав.

На слова Лойга Кухулин медленно поднял голову и сказал тихо, печально:

— Друг мой Лойг, знай и запомни: отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрушкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом.

И такую песню сложил Кухулин, оплакивая убитого друга:

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В ученье у Скатах мы были рядом —
У грозной наставницы юных лет
Вместе прошли мы науку побед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В боях жестоких мы бились рядом,
И каждому щит был от Скатах в дар —
За первый успех, за верный удар...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Милый мой друг, мой светоч, брат мой,
Гроза героев, славный герой,
Без страха ты шел в последний бой...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
О лев свирепый, лютый и мудрый,
О вал морской, что о берег бьет,
С пути все сменяя, ты шел вперед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
Любимый друг мой, отважный Фердиад,
Все смерти стоят твоей одной.
Вчера высокой ты был горой.
Сегодня у брода ты встретил смерть.

Про короля, про святого и про гусыню

Ы СЛЫШАЛИ когда-нибудь про доброго короля О'Тула, который жил в давние времена в Ирландии и которому на старости лет выпала нежданная радость?

Да, так вот когда король О'Тул был еще молодым, во всей Ирландии не нашлось бы юноши отважней его. Любимым занятием короля была охота, и с восхода солнца до темного вечера он только и знал, что скакал по болотам, подшпоривая своего коня да науськивая собак.

Жизнь его текла славно и весело, пока король совсем не состарился и не сгорбился. Теперь он уж не мог охотиться целыми днями, будь то лето или зима, будь то дождик или солнце. И пришел день, когда единственное, что осталось бедному старому королю, — это ковлять с палочкой по саду. «Жизнь кончена, — думал он, — если нет больше ни радостей, ни утех».

И вот, чтобы как-то утешить себя и развеселить, король завел себе гусыню. Хотите верьте, хотите нет, но гусыня оказалась добрым другом бедному старому королю.

Какое-то время они совсем неплохо развлекались вдвоем — король О'Тул и гусыня, — и не смейтесь, ничего смешного тут нет. Куда бы она ни залетала, как только он звал ее, она тут же возвращалась и могла хоть весь день ковлять за ним, если ему этого хотелось.

А по пятницам — вы же знаете, что пятница, по священным законам, постный день и мяса добрым христианам есть не положено, — так вот, по пятницам она заплывала подалее в озеро и приносила своему хозяину на обед нежную, жирненькую форель.

Да, это доброе создание было единственной радостью и утешением бедного старого короля О'Тула. Но увы, ничто не вечно на этом свете! И королевская гусыня тоже состарилась, и настал день, когда крылья отказали ей, так же как старому королю ноги, и бедняжка при всем своем желании не могла уже больше развлекать своего хозяина. Что поделаешь!

Король О'Тул был безутешен.

В один прекрасный день старики — мы хотели сказать: старик король и старушка гусыня — сидели на берегу озера и грустили. Король держал гусыню на коленях и с нежностью глядел на нее, а в глазах у него стояли слезы. «Нет, уж лучше умереть или утонуть в этом озере, чем влачить такую жалкую, унылую жизнь», — думал он.

Он выпустил из рук гусыню, и она заковыляла к прибрежным камышам поискать добычи. А король все сидел и думал о своей безрадостной жизни.

Вдруг он поднял голову и увидел перед собой незнакомого юношу, на вид такого скромного и симпатичного.

— Приветствую тебя, король О'Тул! — сказал скромный юноша.

— Вот те на, откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился король.

— Это неважно. Я еще кое-что знаю, — отвечал юноша. — А смею я спросить тебя, добрый король О'Тул, как поживает твоя гусыня?

— Откуда ты знаешь и про мою гусыню тоже? — спросил король.

Ведь гусыни-то в это время видно не было: она охотилась в камышах.

— Я всё про нее знаю. А откуда — это неважно, — улыбнувшись, ответил юноша.

— Но кто же ты такой? — спросил король.

— Честный человек, — ответил юноша.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь? — поинтересовался король.

— Старое делаю новым.

— А-а, значит, ты лудильщик? — решил король.

— Нет, поднимай выше! Что бы ты, например, сказал, если бы я сделал твою старую гусыню опять молодой?

— Опять молодой?! — переспросил король, и его старое лицо так и засияло от радости: о лучшем он и мечтать не мог.

— Ну да, опять молодой, — кивнул в ответ юноша.

Король О'Тул свистнул. Тут же из камышей показалась ста-

рушка гусыня и заковыляла к своему сгорбленному старику хозяину. Что и говорить, старушка была верна ему как собака.

Юноша поглядел на гусыню и сказал:

— Даю слово, я сделаю ее молодой, если хочешь.

— Клянусь здоровьем!— воскликнул король, в свою очередь бросая взгляд на старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости.— Коли ты сделаешь это, я буду считать тебя самым умным юношей во всех семи приходах моего королевства!

— Подумаешь, одолжил,— смеялся, сказал юноша.— А что ты мне все-таки дашь за это?

— Всё, что попросишь!— сказал король.— И это будет только справедливо.

— Ты отдашь мне все земли, какие облетит твоя гусыня в тот день, когда я сделаю ее снова молодой?

— Отдам!— сказал король.

— А на попятный не пойдешь?— спросил юноша.

— Не пойду!— сказал король.

Тогда юноша позвал к себе старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости, подхватил ее на руки, расправил ей крылья и подбросил вверх. Да не только подбросил, но и подул под крылья, чтобы ей легче было взлететь. И— клянусь вам!— старушка взвилась в воздух ну точно орел. И кружилась, и ныряла, и резвилась, словно ласточка.

На старого короля одно удовольствие было смотреть: от удивления он даже рот открыл и радовался, глядя на свою старушку гусыню, которая порхала в небе ну точно жаворонок.

Да, так вот, гусыня сделала большой круг— сначала скрылась из глаз, потом вернулась— и наконец опустилась у ног своего хозяина. Он погладил ей голову и крылья и убедился, что она и в самом деле стала опять молодой и здоровой, и даже еще лучше, чем была.

— Нет, лучшей гусыни свет не видел!— похвалил он ее.

— А что ты хочешь сказать мне?— спросил его юноша.

— Что ты самый умный юноша, какой только ступал по земле ирландской,— ответил король, продолжая любоваться своей гусыней.

— А еще что?

— Что я тебе буду век благодарен.

— А ты сдержишь слово и отдашь мне все земли, какие облетела сейчас гусыня?

— Сдержу и отдам,— сказал король,— и буду всегда рад приветствовать тебя на своей земле, даже если у меня останется всего один акр.

— Я вижу, ты честный и добрый старик,— говорит тогда юноша.— Счастье твое, что ты сдержал слово, не то гусыне твоей больше б никогда не летать!

— Ах, да кто же ты такой? — спрашивает король юношу, уже во второй раз за это утро.

И слышит ответ:

— Я святой Кéвин.

— О господи! — восклицает король и падает на колени, конечно, с великим трудом, так как старые кости его уже не слушались.— Стало быть, выходит, я все утро разговаривал тут и вел беседу с самим святым?

— Ну да,— говорит святой Кевин.

— А я-то думал, что говорю с простым, скромным парнем!

— Я переоделся,— говорит святой,— вот ты меня и не узнал. А пришел я, король О'Тул, чтобы испытать тебя. И я убедился в это утро, что ты честный и добрый король, потому что ты сдержал слово, данное простому лудильщику, за которого ты меня принял. И за это я тебя награжу: пусть твоя гусыня останется молодой!

Вот какая история приключилась со старым королем О'Тулом, хотите верьте, хотите нет.

Поле ромашек

ОДИН солнечный денек — то был не простой денек, а праздник, самый любимый в Ирландии весенний праздник — благовещенье, — вдоль живой изгороди по солнечной тропинке прохаживался молодой паренек. Звали его Том Фитцпатрик. Гуляя по полю, он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук, где-то у самой земли за изгородью.

«Неужели каменка щелкает? — подумал Том. — Для нее будто бы рановато!»

И Тому захотелось взглянуть на раннюю пташку, чтобы своими глазами убедиться, правильно он угадал или нет. Вот он подкрался на цыпочках к изгороди, раздвинул кусты и... И увидел, но только не пташку, а огромный, прямо с ведро, бурый глиняный кувшин.

Однако самое удивительное было другое: рядом с кувшином сидел маленький-премаленький, совсем крошечный старичок. На нем был замусоленный, затасканный кожаный фартук, а на голове красовалась маленькая треуголка.

У Тома на глазах старичок вытащил из-под себя деревянную скамеечку, встал на нее и маленьким кувшинчиком зачерпнул в большом кувшине, потом поставил полный кувшинчик рядом со скамеечкой, а сам сел на землю возле большого кувшина и начал прибивать каблук к башмаку из грубой коричневой кожи — тук-тук, тук-тук.

Это и было то самое «тук-тук», что услышал Том.

«Силы небесные! — воскликнул про себя Том. — Лэпрекон! Ей-ей, лепрекон! Слышать-то я про них слышал, но вот не думал, что они на самом деле встречаются!»

Вы уж, наверное, догадались, что Том имел в виду веселого эльфа-сапожника, которого в Ирландии называют лепрекон. Но самое интересное, что лепрекены умеют шить башмак только на одну ногу — или на правую, или на левую, — так, во всяком случае, о них говорят.

«Мне удача! — подумал Том. — Только теперь нельзя с него глаз спускать, а не то он исчезнет, словно его и не бывало».

И Том подкрался к лепрекону поближе тихо-тихо, словно кошка к мышке, а сам глаз с него не спускал.

— Бог в помощь, соседюшка, — сказал он, а сам уж руку протянул к маленькому сапожнику.

— Спасибо на добром слове, — ответил лепрекон, поглядев на Тома.

— Вот только дивлюсь я, чего это вы в праздник работаете! — говорит Том.

— Это уж мое дело, — отвечает старикашка.

— А не будете вы так любезны сказать, что у вас в этом большем кувшине?

— Отчего ж не сказать, — говорит старичок с ноготок. — В нем прекраснейшее пиво.

— Пиво? — удивился Том. — Гром и молния! Где это вы его раздобыли?

— Где я раздобыл его? Сам сделал! А из чего, угадай!

— Ну, ясно из чего, — говорит Том. — Из хмеля да из солода, из чего же еще.

— А вот и промахнулся! — говорит старичок с ноготок. — Из вереска!

— Из вереска? — удивился Том еще больше, да так и прыснул со смеху. — Ты, видно, за дурака меня принимаешь, так я и пове-рил, что из вереска!

— Не хочешь — не верь, — говорит старичок. — Но я тебе правду сказал. Ты разве не слышал историю про датчан?

— Ну, слышал, а что, собственно, про них слышать-то? — спросил Том.

— Когда датчане в старину жили на нашем острове, они научили нас варить пиво из вереска, и с тех пор моя семья хранит этот секрет.

— Ну и умный вы народец!— воскликнул Том.— А попробовать твоё пиво можно?— спросил он.

Но маленький старикан глянул на него сердито и, нахмурившись, ответил:

— Лучше вам, молодой человек, беречь отцовское добро, чем приставать к честным людям с глупыми вопросами! Оглянись-ка! Не видишь разве, в твой овес забрались коровы и весь его потоптали.— И с этими словами старичок указал пальцем на что-то у Тома за спиной.

Том от неожиданности чуть было не обернулся. Да хорошо, вовремя спохватился, протянул руку— и хватъ малышку лепрекона.

Да вот беда: впопыхах он опрокинул кувшин с вересковым пивом, а стало быть, ему уж не отведать его никогда в жизни! Том ужасно рассердился на старичка лепрекона и пригрозил, что отомстит ему за такие шутки, если лепреконе не покажет, где прячет свои сокровища.

Том был уверен, что у каждого лепреконе, так же как у всех эльфов— в Ирландии их называют еще диниши— зарыт где-нибудь в укромном месте кувшин с золотом.

— Ну, так где же твоё золото?— очень грозно спросил Том. Малютка сапожник притворился испуганным и сказал:

— Через два поля отсюда. Идем, я провожу тебя туда, раз уж так все получилось.

И Том зашагал через поле, не выпуская лепреконе из рук и не спуская с него глаз ни на секунду, хотя ему приходилось и через изгороди перелезать, и прыгать через канавы, и огибать болота.

Уф, наконец-то он добрался до широкого ромашкового поля, и лепреконе, указав на высокую ромашку, сказал со вздохом:

— Рой здесь и найдешь большой кувшин. В нем полным-полно золотых гиней.

Но вот досада, в спешке Том позабыл захватить с собой лопату. Что же теперь делать?

Подумав, он решил, что не остается ничего другого, как бежать домой за лопатой. А чтобы не ошибиться, где потом копать, он достал из кармана красную ленточку и обмотал стебель той ромашки, на которую указал лепреконе. Но тут у него родились кое-какие сомнения, и он сказал лепрекону:

— Поклянись, что не снимешь мою ленточку с этой ромашки!

Лепрекон поклялся верой и правдой, что пальцем не тронет ее, и спросил очень вежливо:

— Надеюсь, я больше не нужен вам?

— Нет. Дело сделано, теперь можешь идти. Скатертью дорожка, желаю удачи.

— Будь здоров, Том Фитцпатрик, — сказал лепрекон. — Пусть на пользу пойдет тебе мое золото, когда ты его откопаешь.

Том опустил маленького сапожника на землю, и тот отправился восвояси.

А Том, как вы сами можете себе представить, кинулся со всех ног домой, нашел лопату и вернулся тут же на ромашковое поле.

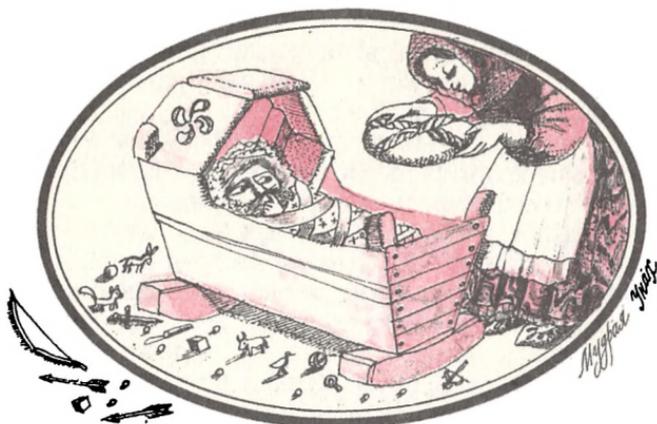
Но что это? Что увидел он, вернувшись на поле?

Лепрекон свое слово сдержал: красной ленточки Тома он не трогал, что верно, то верно. Но зато обвязал точно такой же красной ленточкой стебель каждой ромашки на поле!

Бедняга Том! Что же ему теперь оставалось — перекопать все поле? Но это было невозможно. В поле было не меньше добрых сорока ирландских акров!

Пришлось Тому возвращаться домой с пустыми руками и с лопатой на плече.

Мудрая Унах

АК ВЫ УЖЕ знаете, жил когда-то в Ирландии герой-великан по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн.

Каких только историй не рассказывали про этих двух героев, про их свирепые битвы и смелые дела! Но мы-то вам поведаем совсем иную историю. Скорей всего, это не очень правдивая история, а просто сказка про великанов, какую придумали, устав рассказывать про их геройские дела и желая над ними посмеяться.

Да, так вот, Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же когда Финна не было дома, его жене, Унах, приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами лезть наверх. Не так-то это легко, как вы сами себе можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы Финну были видны все четыре стороны — и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести ему визит, он знал об этом заранее. А Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты и всякие сюрпризы.

Правда, он мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот палец, нащупать послед-

ний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена, Унах, мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

— Что случилось, Финн? — спросила его жена, Унах.

— О горе мне и погибель! Он идет сюда, — ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

— Кто идет сюда? — удивилась Унах.

— Ужасное чудовище Кухулин! — ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что, хоть муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сердился и топал ногой, весь остров содрогался. А однажды он так хлопнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь — о горе ему и погибель! — Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

— Если я спрячусь от него, — сказал Финн, — я стану посмешищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, — нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но только вот как?

— А далеко он сейчас? — спрашивает у Финна жена.

— Около Данганона, — отвечает Финн.

— А когда он должен быть здесь? — спрашивает Унах.

— Завтра к двум часам дня, — отвечает Финн и со стоном добавляет: — Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

— Ну, ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, — говорит Унах. — Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

— Выручай, голубушка! Ради всех святых выручай! А не то он меня или зажарит, как зайца, или осрамит перед всеми нашими великанами. О, бедный я и несчастный!

— Стыдись, Финн! — говорит Унах. — Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты гово-

ришь? Ну что ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови меня больше своей верной Унах, если я не обедеду вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой большущих плоских сковородок, — на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлебы.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет. Затем приготовила большой сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую воду один за другим с дюжину вилок капусты.

Уже настал вечер — вечер накануне того дня, когда должен был прийти Кухулин. И вот последнее, что сделала Унах, — она разожгла яркий костер на одном из соседних холмов, что стоял ближе к дороге, засунула по два пальца в рот и три раза громко свистнула.

Это означало, что для странников дом Финна гостеприимно открыт — такой обычай был у ирландцев еще с незапамятных времен. И Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял уже на страже, и когда он увидел в долине выскочившего, как церковная колокольня, своего врага Кухулина, он бросился бегом домой и влетел в комнату, где сидела Унах, блее сливочного сыра, который она приготовила для высокого гостя.

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил Финн.

— Ах, право, Финн, ну что ты так разволновался, — с улыбкой сказала Унах. — Пойдем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши дети давно уже выросли из нее. Вот тебе моя ночная рубашка и чепец — они вполне сойдут за детские. Надевай их и ложись в колыбель, подожди ноги, и как-нибудь ты уж уместись в ней, а я накрою тебя одеялом. Только смотри лежи и помалкивай, что бы ни случилось. Сегодня ты должен разыгрывать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но когда в дверь его дома раздался громкий стук, он так и задрожал, лежа в своей колыбели.

— Заходи и будь желанным гостем! — крикнула Унах, открывая дверь чудовищу ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это был великан Кухулин.

— Мир дому сему, — сказал он громовым голосом. — Это здесь проживает знаменитый Финн?

— Ты угадал! — сказала Унах. — Входи, располагайся как дома, добрый человек.

— А вы, часом, не госпожа Финн будете? — спрашивает Кухулин, входя в дом и усаживаясь на широкий стул.

— Ты опять угадал. Я жена славного и могучего великана Финна.

— Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

— Ах ты господи! — всплеснула руками Унах. — Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет его у моря на северном берегу, ну, знаешь, там, где ирландские великаны строят плотину, чтобы посуху добираться до Шотландии. Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот бедный Кухулин встретился сегодня с моим Финном. Он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок!

— Да будет тебе известно, что Кухулин — это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним, — сказал Кухулин, хмурясь. — Вот уже двенадцать месяцев, как я гонюсь за ним, и не он меня, а я его сотру в порошок!

— О господи! Наверное, ты никогда не видал моего Финна? — сказала Унах, покачав головой.

— Как же я мог видеть Финна, — сказал Кухулин, — если он всякий раз удирает у меня из-под носа, точно бекас на болоте?

— Это кто же — Финн удирает у тебя из-под носа, несчастная ты малявка! — говорит Унах. — Да клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда тебе не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение: не зря ли он пришел в этот дом? Они помолчали немного, потом Унах заметила:

— Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

— Какую услугу? — спросил Кухулин.

— Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он три-

жды потянул себя за средний палец правой руки — в этом пальце таилась вся его сила! — а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его ни о чем подобном.

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно, что закрыть дверь.

— Раз уж ты настолько любезен, — сказала она, — может, ты еще одну услугу мне окажешь?

— Какую же? — спрашивает Кухулин.

— Да ничего особенного, — говорит она. — Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлась такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но этого оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки — итого девять раз! — и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину, в милю длиной и в четыреста футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день — она называется Ламфордское ущелье.

— Большое тебе спасибо, — сказала Унах. — А теперь пойдем в дом, и я мигом приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хоть вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и, наконец, достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

— Милости прошу, не стесняйся, — сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и, наконец, большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

— Сто чертей и одна ведьма!

— Что такое? — спросила Унах.

— Такое, что двух лучших зубов моих как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула?

— О,— сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена,— обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не было железной сковороды, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусище и принялось жевать его.

— Попробуй теперь другую лепешку, дорогой Кухулин,— предложила Унах, покачав сочувственно головой.— Может, она будет помягче.

Но и в другой лепешке тоже была запечена сковорода. Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

— Ну вот, ты испугал ребенка!— сказала Унах.— Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону; о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует железный хлеб!.. И сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, была правда!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, припустил вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы, и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

КОНИ КОРОЛЯ КОНАЛА

ДАВНИЕ времена правил в Эйре король, который взял себе в жены королеву, прекрасную и добрую. Она была такой доброй, что все люди в стране любили ее, особенно бедняки, и не проходило дня, чтобы они не появлялись в королевском замке со своими просьбами. У короля и королевы росло три славных сына, и не было никого счастливей их во всем королевстве Ирландском до того самого дня, пока королева не слегла от неведомой болезни. Она почувствовала, что смерть ее близка, и позвала к себе короля, и сказала ему:

— Если я умру и вы женитесь еще раз, обещайте мне отослать моих трех сыновей в самую отдаленную часть королевства, чтобы они не оказались под властью чужой женщины. Пусть они живут там, пока не станут взрослыми.

Король поклялся, что исполнит желание королевы, и она спокойно умерла.

Король горько оплакивал ее год, а то и два и даже не думал брать себе новую жену, пока советники не сказали ему, что для блага государства ему следует жениться. Тогда он приказал выстроить в самой отдаленной части королевства замок и отослал туда своих трех сыновей со слугами и учителями, чтобы они ухаживали за детьми. А потом женился и был опять счастлив, пока новая жена не подарила ему сына.

И вот как-то вскоре после рождения сына король уехал на охоту, а молодая королева вышла погулять в окрестностях замка. Когда она проходила мимо хижины полувывившей из ума старой птичницы, она услышала, как старуха жалуется, что новая королева совсем не заботится о бедных.

— Тебе-то нет дела до бедняков и горемычных людей, что живут у самых стен твоего богатого замка,— кричала ей вслед старуха.— Не то что славной, доброй королеве, которая была женой нашему королю до тебя. Недаром говорят, что благородная леди готова была снять со своих плеч плащ и отдать его любому, кто больше в нем нуждался.

Услышав эти слова, молодая королева остановилась и решила расспросить птичницу о покойной королеве. Она пообещала старухе сотню пестрых коз, сотню овец и сотню коров, чтобы та ей все рассказала, и услышала от нее про трех королевских сыновей, живущих в уединенном замке в самой отдаленной части королевства.

— А когда они вырастут,— закончила старуха,— твоему собственному сыночку негде будет и головы приклонить, словно пташке небесной.

Рассказ старой птичницы встревожил молодую королеву, она испугалась за судьбу своего сына, но старуха успокоила ее:

— Послушайся меня, и я научу тебя, как отделаться от сыновей короля. Заставь короля пригласить их в гости, сюда в замок, а пока они будут гостить здесь, попроси их сыграть с тобой в шахматы. Я дам тебе заколдованную доску, и ты выиграешь. Когда ты выиграешь у всех троих, скажи, что в наказание ты велишь им отправиться за тремя скакунами короля Конала, потому что хочешь трижды объехать на них границы королевства. Они поедут, и ты их больше не увидишь, ведь уж немало героев отправлялось на поиски коней короля Конала и никто из них не вернулся назад. А твой сын станет королем, когда придет время.

Королева пошла домой и в тот же вечер, как только король прискакал с охоты, спросила его, почему он прячет от нее своих сыновей.

— Верни их в замок,— попросила она,— и ты увидишь, что я полюблю их не меньше, чем своего родного сына.

И вот король вернул своих трех сыновей и велел в их честь приготовить великий пир. И все люди в королевстве ликовали, потому что снова видели их в королевском замке.

После пира королева вызвала каждого брата одного за другим сыграть с ней в шахматы. С каждым она играла трижды; два раза выигрывала, а на третий нарочно проигрывала.

Вечером старший из братьев пришел к ней и спросил:

— Какое наказание будет мне и моим братьям за то, что мы проиграли вам?

— Я требую от вас клятвы не спать дважды под одной крышей и не есть дважды с одного стола, пока вы не приведете ко мне трех скакунов короля Конала, потому что я хочу трижды объехать на них границы королевства.

— Но где, скажи, о королева, искать нам коней короля Конала? — спросил старший принц.

— Обойдите четыре части света, — ответила королева, — и в одной непременно найдете их.

— А теперь я назначаю наказание вам, — сказал старший брат, — за ту партию, что вы проиграли мне: я беру с вас клятву подняться на крышу замка и стоять там и смотреть, ни разу не спускаясь вниз, до тех самых пор, пока мы не вернемся со скакунами.

— Отмените ваше наказание, и тогда я отменю свое! — воскликнула королева.

— Если человек в молодости уваливает от первого же наказания, которое назначили ему, то ничего путного из него не получится, — сказал принц. — Мы отправляемся за конями!

На другой день три брата распрощались со своим отцом и отправились на поиски замка короля Конала. И вот, пропутешествовав много дней и не найдя даже следов этого замка, они повстречали какого-то хромого человека в черном колпаке на голове.

— Кто вы такие? И что вас завело в эти края? И куда вы так спешите? — спросил человек в черном колпаке, остановившись перед ними.

— Мы сыновья ирландского короля, — ответил старший из братьев, — и мы ищем трех скакунов короля Конала, чтобы привести их к нашей мачехе.

— Пойдемте со мной,— сказал хромой незнакомец,— проведем вместе ночь, а завтра я отправлюсь с вами и покажу дорогу к замку короля Конала.

Уже смеркалось, братья пошли за незнакомцем и провели ночь в его хижине. А на другое утро ранним-рано человек в черном колпаке разбудил их и сказал:

— Немало отважных героев пытались уже достать коней короля Конала и заплатились за это жизнью. Но,— добавил он,— я вам помогу, и, может быть, вам это удастся. А без меня вам ни за что их не найти.

И вот четверо пустились в путь и еще засветло добрались до замка короля Конала. Однако они дождались полночи и только тогда пошли на конюшню за конями. Велика же была их радость, когда они увидели, что вся стража крепко спит.

Три брата и человек в черном колпаке воспользовались этим, и каждый выбрал себе коня. Но едва они дотронулись до них, как скакуны бешено взвились на дыбы и стали так громко ржать, что подняли на ноги весь замок. Стражники бросились на братьев и вмиг схватили их и человека в черном колпаке. А потом отвели пленников к королю Коналу.

Король Конал сидел в главном зале своего замка на большом троне из чистого золота. По обеим сторонам от него и позади трона стояла стража с обнаженными мечами. А перед ним на жарком огне в огромном котле кипело и пузырилось масло.

— Что такое!— воскликнул король Конал, увидев перед собой человека в колпаке.— Если бы Черный Вор не умер, я бы сказал, что это он и есть!

— Я и есть Черный Вор,— сказал человек в черном колпаке.

— В самом деле?— сказал король.— Ну, мы это еще проверим. А кто эти трое молодых?

— Мы сыновья ирландского короля,— ответили трое братьев.

— Что ж,— молвил король Конал,— начнем с младшего. Только сначала разбросайте-ка огонь под котлом, а то масло все выкипит!

Потом король повернулся к Черному Вору и спросил:

— Ну что, разве этот юноша не близок сейчас к смерти?

— Однажды я был ближе его,— ответил Черный Вор,— и спасся.

— Расскажи-ка,— говорит король,— и если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он сейчас, я дарю ему жизнь.

— По рукам,— сказал Черный Вор и начал свою историю.

ТРИ ЗАКОЛДОВАННЫЕ ДЕВУШКИ

В молодости у меня были земли и несметные богатства. Жизнь моя текла в полном покое и довольстве, пока не явились три ведьмы и не разорили меня дочиста. Тогда я вышел на большую дорогу и стал знаменитым разбойником, самым знаменитым во всем Ирландском королевстве — Черным Вором.

Так вот, эти три ведьмы были дочерьми короля, который правил в то время в Эйре. Днем это были самые прелестные девушки во всем королевстве, а ночью, по заклинанию злого волшебника, они обращались в трех мерзких ведьм.

И так получилось, что, еще до того как мне потерять все свое имущество и выйти на большую дорогу, я отдал приказание моим слугам запасти торфа на целых семь лет — нарезать его и принести ко мне. Возле дома моего выросла огромная куча, такая большая, словно настоящая черная гора. И вот однажды ночью, — это случилось после полуночи, — возвращаюсь я с пирушки домой и что же вижу: три страшных ведьмы хватают из моей кучи торф, бросают его в три корзины, взваливают корзины на спины и уносят его. Так они в ту зиму и таскали мой торф, пока весь не перетаскали.

На другой год я снова сделал запас торфа на семь лет, но ведьмы явились опять и принялись его растаскивать. Тогда как-то ночью я подстерег их, подождал, пока они наполнят корзины, и пошел за ними следом до самых холмов. Я заметил, как они спустились в подземную галерею под скалами на глубине ста двадцати футов. Заглянув вниз, я увидел, что там пылает огонь и ведьмы варят в огромном котле целую тушу вола. Я огляделся по сторонам, чтобы найти, чем бы запустить в них, и, заметив возле самого входа в подземелье огромный валун, стал толкать и катить его, пока он не свалился прямо на ведьм. Валун разбил горшок и расплескал по золе весь бульон.

Я пустился бежать, но три ведьмы вскоре нагнали меня. Чтобы спастись от них, я влез на высоченное дерево, но они меня заметили, остановились внизу и стали разглядывать меня сквозь ветви. Старшая из трех ведьм превратила среднюю в острый топор, а младшую в свирепую гончую собаку. Потом схватила топор и стала подрубать подо мной дерево.

С первого удара ведьма перерубила ствол дерева на целую треть. Она ударила топором во второй раз и перерубила еще на вторую треть. Наконец замахнулась для третьего и последнего удара... но тут как раз прокричал петух, и у меня на глазах топор превратился в хорошенькую девушку, ведьма, которая рубила дерево, в другую хорошенькую девушку, а свирепая гончая — в третью. Сестры взялись за руки и пошли прочь, счастливые и невинные с виду, как любые три девушки в королевстве Эйре.

— Ну,— сказал Черный Вор королю Коналу,— разве я не был тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Пожалуй, был,— согласился король.— Ну что ж, вместо него пойдет его брат! Масло как раз кипит, так что не стоит откладывать.

— И все же,— сказал Черный Вор,— однажды я был к смерти ближе, чем он в эту минуту.

— Послушаем твою историю,— молвил король Конал,— и если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он, мы отпустим на свободу и второго молодца.

И Черный Вор начал свою вторую историю.

ТРИНАДЦАТЬ ЗАКОЛДОВАННЫХ КОТОВ

После того как я разбил трем ведьмам, укравшим у меня торф и весь мой скот, их горшок, они перерезали у меня всех кур, потоптали посевы, в общем, довели меня до такой нищеты, что мне пришлось выйти на большую дорогу, чтобы прокормить жену и всю семью.

Как-то ночью гнал я домой старую клячу и коровенку, чтоб было чем накормить детей, и так устал, тащась вслед за ними, что сел в густом лесу под деревом передохнуть. Было холодно, а так как в кармане у меня лежал камень, я высек огонь, чтобы согреться. Недолго я просидел у костра, как вижу — из темноты со всех сторон, крадучись, появляются тринадцать большущих и жутких котов! Таких больших и страшных, каких свет еще не видывал: двенадцать котов ростом со взрослого мужчину, а три-

надцатый, их вожак, еще того больше. Огромный, свирепый, с дикими зелеными глазами, так и загоревшимися и засверкавшими, когда он уселся у огня и уставился на меня. Остальные расселись по шести с обеих сторон от него и все вместе принялись мурлыкать, да так громко, словно гром загремел в тихой ночи.

Немного погодя главный, рыжий кот, встает, поднимает морду и, глядя на меня через огонь, говорит:

— Не желаю я больше голодать! Дай мне сейчас же чего-нибудь поесть!

— Но у меня ничего нет, кроме вон той белой клячи, которая привязана к дереву позади тебя.

Рыжий кот прыгнул на лошадь и, разодрав ее пополам, одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Те живо расправились с нею и даже обглодали косточки.

Потом все тринадцать вернулись на свои места к огню и уселись вокруг меня, облизываясь и мурлыча так громко, хоть уши затыкай.

Немного погодя главный кот заговорил опять и сказал:

— Мне опять хочется есть. Дай чего-нибудь еще!

— Но у меня ничего нет, кроме этой безрогой коровы, — ответил я.

Рыжий кот набросился на корову и разделил ее пополам, как раньше лошадь. Одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Пока коты-чудовища жрали корову, я снял с себя плащ и обмотал его вокруг пня, а наверх нахлобучил мой колпак. Я хотел, чтобы получилось похоже на меня, потому что хорошо знал, что эти чудовища сделают, когда покончат с коровой. Потом сам влез на дерево.

Коты очень быстро покончили со старой коровой, вернулись на свои места и опять расселись вокруг огня. Вскоре рыжий кот взглянул на пень, который я оставил вместо себя, и сказал:

— Есть у тебя еще чего-нибудь? Я умираю от голода!

Пень, конечно, не ответил, тогда вожак котов перескочил через костер прямо на него и давай его терзать и рвать когтями. Но очень скоро он заметил, что ошибся.

— Ага, — сказал он, — значит, ты удрал! Ну ничего, мы тебя быстренько найдем, куда бы ты ни запрятался!

И он приказал своим двенадцати котам обойти хоть все королевство Эйре, но найти меня. Шесть котов должны были искать

меня под землей, а шесть на земле. Сам же он уселся под деревом. Вскоре коты вернулись, облазив всю землю снизу доверху и не найдя даже моих следов.

Тут рыжий кот случайно посмотрел вверх на дерево и увидел меня.

— Ага,— сказал он.— Вот ты где! Ничего, скоро ты у меня отсюда слетишь. А ну-ка,— приказал он двенадцати котам,— подгрызите это дерево!

Двенадцать котов тут же окружили дерево и принялись подгрызать ствол. Не успел я и глазом моргнуть, как они перегрызли его и свалили на землю прямо перед своим вожакom. Но когда дерево падало, я успел перепрыгнуть на ветки соседнего. Тогда коты стали подгрызать это дерево, и только в последнюю минуту, перед тем как ему упасть, я спасся на третьем дереве.

Так они преследовали меня всю ночь, подгрызая каждое дерево, на котором я прятался, пока я не добрался до самого последнего дерева в этом лесу. Они принялись и его подгрызать, и я просто не знал, как же мне от них теперь улизнуть. Они перегрызли уж полствола, как вдруг, откуда ни возьмись, появляются тринадцать страшных волков: стая из двенадцати волков и один огромный, свирепый — их вожак.

Волки напали на котов, и между ними завязалась кровавая и жестокая битва, пока наконец двенадцать котов и двенадцать волков не оказались замертво распростертыми на земле. И только два вожака продолжали сражаться. Но вот вожак волков нанес рыжему коту ужасный удар; рыжий кот успел лишь схватить волка за голову и за хвост и разорвать его пополам, и оба свалились мертвыми друг на друга.

Тут я спокойно мог сойти с дерева на землю и отправиться домой. И когда я начал спускаться, дерево так и скрипело, так и качалось подо мной — ведь коты почти совсем успели подгрызть его.

— Ну,— спросил Черный Вор,— разве в тот раз я не был ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— И в самом деле, был,— ответил король Конал.— И я дарю ему жизнь, так как своего слова нарушать не собираюсь. Но остается еще третий брат, так что подбавьте-ка жару под маслом,

чтобы оно было горяченькое!— И добавил:— Ну, был ты когда-нибудь ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Еще бы!— отвечал Черный Вор.

— Расскажи-ка,— молвил король Конал,— и если и вправду был, я отпущу его на свободу вместе с его братьями.

И Черный Вор поведал королю Коналу третью историю.

ВЕРОЛОМНЫЙ УЧЕНИК

После того как я уже некоторое время занимался своим ремеслом, я овладел им в таком совершенстве, что взял к себе несколько учеников, чтобы обучить их тому же,— начал свой рассказ Черный Вор.— Среди них был один, молодой, который отличался умом от всех прочих,— с ним я занимался больше всех. Он был очень сообразительный, и ученье давалось ему легко. Довольно скоро я обучил его всему, что знал, и он стал еще более искусным вором, чем я сам.

Это было в те времена, когда на другом конце нашего королевства в каменной пещере жил великан. А так как этот великан обирал и грабил окрестную знать, всем было известно, что его пещера битком набита золотом и разными прочими богатствами. Вот мы и надумали с моим учеником отправиться туда в один прекрасный день и набрать всяких драгоценностей побольше, сколько сможем унести. Отправились мы в путь-дорогу и, пропутешествовав много дней, добрались до пещеры великана, которая находилась в горах.

Это была подземная пещера, спрятанная в скалах. В нее вел лишь один ход — глубокая, темная расселина. Несколько дней мы наблюдали за великаном. Обычно он каждое утро уходил, а вечером возвращался с мешком за плечами, наполненным,— мы могли поклясться в этом,— золотом и драгоценностями.

И вот в одно утро, когда великан ушел, я обвязал моего ученика веревкой вокруг пояса и начал спускать его в дыру между скалами, ведущими в пещеру великана. Но когда он был уже на полдороге, то вдруг как закричит, как завопит, чтобы я его вытянул обратно наверх. Я вытянул его, и он признался, что боится спускаться вниз.

— Спускайся сам,— говорит,— а я подержу веревку и вытащу тебя наверх.

Я спустился и, когда добрался до пещеры великана, увидел огромные желтые груды золота и сверкающие белые кучи серебра и драгоценных камней. Я развязал мешок и насыпал в него всякого добра, сколько под силу поднять одному человеку, а потом отправил мешок на веревке вверх, к моему ученику. После этого я крикнул ему, чтобы он спускал веревку для меня. Сначала ответа не было, потом, слышу, он кричит мне:

— Больше я не буду у тебя учиться! Хватит! Я уже стал воором получше тебя. Будь здоров! Надеюсь, ты проведешь приятный вечер с великаном.

И больше я ничего от него не услышал. Тогда я огляделся, чтобы найти хоть какой-нибудь выход из пещеры великана, но выбраться оттуда было невозможно, даже муха и та не сделала бы ни шагу по крутым и скользким скалам. И тут в углу пещеры я заметил груды мертвых тел. Я залез под них, так как больше спрятаться было негде, и растянулся во весь рост, будто и сам мертвый.

Вечером великан вернулся, неся еще трех мертвецов. Он бросил их в общую груды, как раз рядом со мной, и принялся разжигать огонь в очаге. Когда очаг запылал, он повесил над ним огромный черный котел с водой, взял большую корзину и наполнил ее мертвецами. Я оказался первым, а на меня он набросал еще шестерых. Подтащил корзину к котлу и опрокинул, так что шесть мертвецов упали в кипящую воду, а мне, уж не знаю как, удалось уцепиться за дно корзины. Потом великан забросил корзину вместе со мной в дальний угол пещеры. Так, ненадолго, я был спасен..

Великан поужинал, уселся поудобней в кресло и захрапел. Я улучил минуту и вылез из-под корзины. Потом подошел к выходу из пещеры и что же вижу— вот подвезло, так подвезло!— великан забыл повернуть к стене свою лестницу. Лестница была выдолблена в стволе дерева, и когда великан уходил из пещеры или возвращался в нее, ему стоило лишь повернуть лестницу ступенями к стене, и никто уж не мог ею воспользоваться, разве только такой же силач, как он сам. Я полез вверх по лестнице и мигом очутился на земле.

— Ну, как вы считаете, был я тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Клянусь, ты был достаточно близко!— сказал король.— И я помилую его, как помиловал и его братьев. А теперь твоя очередь! Теперь уж ты сам угодишь в горшок, и делу будет конец. Да-а, наверно, никогда ты не был так близко к смерти, как сейчас!

— Что и говорить, ближе некуда,— молвил Черный Вор.— И все-таки однажды я был еще ближе.

— Когда это?— спросил король.— Расскажи, и, может быть, я отпущу тебя на волю вместе с остальными.

И Черный Вор рассказал историю, как он спасся от трех людоедов.

ТРИ ЛЮДОЕДА

Как-то раз,— начал Черный Вор,— я устал в дороге, да и есть захотелось, вот и подошел к какому-то дому попросить чего-нибудь поесть. Вхожу и вижу молодую женщину, а на коленях у нее младенца. В руках у женщины нож, и она то занесет его над ребенком, словно собирается его убить, то отведет. И при этом горько плачет, а милый ребенок так и смеется, так и заливается от радости.

— Зачем ты все замахиваешься ножом на ребенка?— спросил я у женщины.— И почему так горько плачешь?

Тут она мне рассказала свою историю:

— В прошлом году, когда я была с отцом и матерью на ярмарке, вдруг, откуда ни возьмись, налетели на людей три великана. Никто и опомниться не успел: у кого в руках кусок был, не успел его в рот положить, а у кого во рту — проглотить. Всех дочиста обобрали великаны, а меня схватили и увели от отца с матерью вот в этот дом, а потом сказали, чтоб я стала женой старшему великану. Но я упросила его не жениться на мне, пока мне не минет восемнадцать лет. А мне будет восемнадцать уже через несколько дней, и тогда нет мне спасенья, если до этого кто-нибудь не убьет трех людоедов.

— Но зачем же ты хочешь зарезать этого ребенка?— спросил я.

— Вчера они принесли этого мальчика и сказали, что он — сын короля. Они отдали его мне и велели приготовить из него паштет, и чтобы паштет был готов сегодня к ужину.

— Не убивай мальчика! — сказал я. — У меня тут есть поросенок, можно из него приготовить паштет, они и не спохватятся.

Девушка так и поступила, как я посоветовал ей, и приготовила паштет из поросенка. Три людоеда съели паштет с превеликим удовольствием и только приговаривали, что очень вкусно, да маловато. Потом старший людоед, — он все еще не наелся, — послал младшего брата в погреб, чтобы тот отрезал кусок от какого-нибудь мертвеца и принес наверх. Тот спустился в погреб и, схватив меня, отрезал порядочный кусок от моей ноги чуть повыше колена. Этот кусок пришелся так по вкусу старшему людоеду, что он сам спустился в погреб, чтобы забрать меня и поджарить на огне. Он поднял меня, перебросил через плечо, но не сделал и нескольких шагов, как я вонзил свой нож прямо ему в сердце. И он замертво рухнул на землю.

Потом в погреб спустился средний брат, тоже чтобы найти, чего бы поесть. Он, как и тот, взвалил меня на спину, но я его тоже заколол и уложил на землю рядом с братом.

А младший брат ждал-ждал за столом, когда принесут подкрепление, наконец разозлился и тоже спустился посмотреть, что это так задержало его братьев. Он нашел их распростертыми на земле, стал тормошить их и обнаружил, что они оба мертвые. Он с удивлением огляделся по сторонам и заметил меня. Размахивая над головой огромной железной дубинкой, великан бросился на меня. Он нацелился мне в голову и опустил дубинку с такой силой, что она на три фута вросла в землю. Но я успел увернуться, и ни один волос не упал с моей головы. Пока великан старался вытащить дубинку из земли, я подбежал к нему и трижды всадил ему в бок свой нож.

Он занес дубинку еще раз, прицелился в меня, но я опять увернулся и опять, пока он вытаскивал свою дубинку, трижды ударил его ножом в живот. Но он замахнулся на меня в третий раз, и коварный сучок его дубинки впился в меня и просверлил большую дыру в моем боку. Тут великан свалился на землю и испустил дух. Однако я тоже был очень слаб, кровь так и хлестала из меня. И я уж совсем было приготовился закрыть навеки глаза,

как тут в погреб сбежала по ступенькам девушка. Увидя ее, я приподнялся на локте и крикнул ей:

— Скорей беги за мечом великана, он висит возле его кровати на гвозде, и отруби ему голову!

Она выбежала и тут же вернулась с мечом в руках. Бесстрашно, не хуже любого мужчины, она размахнулась и отрубила людоеду голову.

— Теперь я умру с легким сердцем,— сказал я.

— Нет, ты не умрешь,— сказала она,— я отнесу тебя в соседний погреб, где стоит котел с живой водой, и твои раны сразу заживут, и ты встанешь как ни в чем не бывало.

И она тут же взвалила меня к себе на спину и поспешила в другой погреб, где хранился котел с живой водой. Она подняла меня к краю котла, но тут я совсем потерял сознание. Тогда она погрузила меня в живую воду, и не успела вода коснуться моей кожи, как я уже снова был здоров и полон сил.

— Ну что, близко к смерти я был тогда?— спросил Черный Вор короля Конала.

— Конечно,— ответил король,— но если бы и не был, я все равно не бросил бы тебя в котел, а подарил бы тебе жизнь, как и остальным, потому что, не будь тебя, и меня бы не было сегодня здесь — ведь я и есть тот самый ребенок, которого должны были запечь в паштете людоедам на ужин.

— Мой отец знал, что жизнь мне спас Черный Вор,— молвил король,— и он обыскал весь свет, чтобы найти тебя и наградить, но так и не нашел. Поэтому милости просим к нам, будешь дорогим гостем, и в честь твою я прикажу приготовить великий пир.

Ну вот, попиروвали, а потом король одарил Черного Вора и золотом, и серебром, и чем только можно, а трем сыновьям короля Эйре дал трех коней, чтобы они отвели их и показали своей мачехе.

— Когда она объедет на них все королевство,— сказал король Конал,— отпустите коней, и они прискачут обратно ко мне.

И вот три брата привели в королевство Ирландское трех коней короля Конала и явились к мачехе, которая с того самого дня, как они ушли, стояла на крыше замка и ждала, пока они вернутся.

— Вы привели скакунов? — удивилась мачеха.

— Да, привели, — ответили братья. — Но мы не собираемся отдавать их вам насовсем. Ваше задание было: отправиться за скакунами короля Конала и привести их сюда. Мы это выполнили!

И с этими словами они отпустили коней. Как ветер, помчались скакуны назад к королю Коналу.

— Могу я теперь спуститься в замок? — спросила мачеха.

— Пока еще нет, — сказал младший из братьев. — Ведь еще я не назначил вам свое наказание за партию, которую выиграл у вас до нашего отъезда.

— А какое твое наказание? — спросила злая королева.

— Оставайтесь на этом месте до тех пор, пока не найдется еще трех королевских сыновей, которые согласились бы отправиться за конями короля Конала.

Как только королева услышала это, она замертво свалилась с крыши замка.

Надменная принцесса

Или некогда на свете весьма достойный король, и была у него дочь-раскрасавица, другой такой и не сыщешь. Но зато уж гордячка похуже Люцифера: ни одного короля или принца не соглашалась себе в мужья выбрать. Отец просто устал от нее и решил в последний раз пригласить во дворец всех знакомых и незнакомых королей, принцев, герцогов и графов. Они явились все как один и на другой же день после завтрака выстроились на лужайке, чтобы принцесса прошла перед их строем и сделала наконец свой выбор.

Один был толст, и она сказала:

— Зачем мне этот Пивной Бочонок!

Другой был худ и тощ. Ему она сказала:

— Мне не нужен Шомпол!

Бледнолицему она сказала:

— К чему мне Бледная Немочь?

А краснощекому заявила:

— Зачем мне этот Петушок?

Только перед последним она задержалась на мгновенье: он был слишком хорош и лицом и осанкой. Ей хотелось отыскать в нем хоть какой-нибудь недостаток, но она не нашла ничего приметного, кроме полукруга вьющихся каштановых волос под подбородком. Она залюбовалась им, но виду не подала.

— Мне не нужны Бакенбарды!

Ну, все уехали ни с чем, а король очень рассердился и сказал:

— Вот я проучу тебя, привереда! Первому же нищему или бродячему певцу отдам! Кто первый зайдет, тому и отдам!

И все так и случилось. На другое утро возле дворца появился парень — весь в отрепьях, с волосами до плеч, с густой рыжей бородой, которая закрывала ему почти все лицо, и запел под окнами.

Когда он кончил, двери приемной распахнулись, певца пригласили войти, позвали священника, и принцесса была обвенчана с Бородой. Она кричала и угрожала, но отец не обращал на нее внимания.

— Вот тебе пять гиней, — сказал он жениху. — Забирай свою жену долой с глаз моих, и чтоб я вас обоих больше не видел!

И жених увел принцессу, убитую горем. Единственным утешением для нее были ласковый голос и благородные манеры ее мужа.

— Чей это лес? — спросила она, когда они проезжали через лес.

— Короля, которого вы вчера называли Бакенбардами.

Тот же ответ она услышала и о лугах, и о полях, и, наконец, о прекрасном городе.

«До чего ж я была глупа, — подумала принцесса про себя. — Он был совсем недурен, и я могла выйти за него замуж».

Наконец они добрались до убогой хижины.

— Зачем вы меня сюда привели? — спросила бедная принцесса.

— Этот дом был раньше только моим, а теперь он и ваш!

Она ударилась в слезы, однако вошла в дом, так как очень устала и захотела есть.

О боже! Ни накрытого стола, ни пылающего огня в хижине. Пришлось ей помочь мужу развести огонь и сварить обед, а потом еще и со стола убрать.

А на другой день он велел ей надеть грубое платье и простой платок. Когда она прибралась в доме и справилась с остальными делами, он притащил охапку ивовых прутьев, содрал с них кору и показал ей, как плести корзины. Жесткие ветки ранили ее нежные пальцы, и она заплакала. Что ж, тогда он попросил зачинить ему одежду, но иголка уколола ей пальчик, пошла кровь, и она опять ударилась в слезы.

Он не мог видеть ее слез, а потому принес ей корзину с глиняной посудой и послал на базар продавать. Это оказалось са-

мым тяжелым испытанием. Но она выглядела такой хорошенькой и печальной — словом, казалась такой милашкой, что все плошки, кувшины и тарелки были распроданы еще до полудня.

Единственным знаком ее былой гордости оказалась пощечина, которую она влепила какому-то щеголю, когда тот предложил ей зайти и распить с ним бутылочку.

Что ж, муж остался очень доволен и на следующий день послал ее с другой корзиной посуды. Но, увы! Удача изменила ей. Какой-то пьяный егерь наехал на корзину, его конь прошелся прямо по посуде и перебил всю вдребезги. Принцесса с плачем вернулась домой, и на этот раз муж остался совсем недоволен.

— Как видно, ты не годишься для дела, — сказал он. — Пойдем, я устрою тебя при дворце судомойкой. Повариха мне приятельница.

Пришлось бедняжке еще раз поступиться своей гордостью. Она работала не покладая рук. Старший лакей бесстыдно полез было к ней целоваться, но она так закричала, что повариха как следует наподдала ему метлой, чтоб в другой раз неповадно было.

Каждый вечер принцесса возвращалась домой к мужу и приносила в карманах завернутые в бумагу остатки с кухни.

Через неделю после того, как она поступила работать на кухню, там поднялась ужасная суматоха. Готовилась свадьба короля, но никто не знал, кто невеста. И вот вечером повариха набила принцессе карманы холодным мясом да кусками пудинга и говорит:

— Подожди уходить, давай сначала поглядим на пышные приготовления в большом зале.

И только они подкрались к двери зала, чтобы заглянуть в щелочку, как вдруг оттуда выходит сам король — красавец, глаз не отведешь, — и не кто иной, как сам король Бакенбарды.

— Твоей хорошенькой помощнице придется расплачиваться за любопытство, — говорит он поварихе. — Пусть станцует со мной джигу!

И не спрашивая, хочет она или нет, король взял принцессу за руку и повел в зал. Заиграли скрипки, и он начал с ней танцевать. Не успели они сделать нескольких па, как из ее карманов полетели мясо и ломти пудинга. Все громко рассмеялись, а принцесса со слезами на глазах бросилась к двери. Но король ее тут же нагнал и отвел в небольшую гостиную.

— Разве ты не узнаешь меня, дорогая? — спросил он. — Ведь и король Бакенбарды, и твой муж — уличный певец, и пьяный егерь — это я. Твоему отцу было все про меня известно, когда он отдавал тебя мне. Просто ему хотелось укротить твою гордость!

О, она не знала, куда деваться от испуга, от стыда и от радости. Но любовь победила, принцесса склонила голову к мужу на грудь и заплакала, как ребенок. Потом служанки увели ее и помогли ей одеться со всем совершенством, на какое способны женские руки и булавки. А тут и родители ее приехали. И пока все сгорали от любопытства, чем же все кончится у короля с хорошенькой девушкой, он сам со своей королевой, которую в нарядном платье они и не узнали сначала, и еще один король с королевой, ее родители, вошли в зал, и тут началось такое веселье и ликование, какое вам вряд ли посчастливится когда-нибудь увидеть.

Загарованный Геройд Ярла

Легенда

ДАЛЕКИЕ времена в Ирландии среди знаменитых Фитцджеральдов был один великий человек. Звали его просто Джеральд. Однако ирландцы, относившиеся к этому роду с особым почтением, величали его Геройд Ярла, то есть Граф Джеральд. У него был большой замок у самого Маллимаста, или, вернее, надежная крепость, устроенная внутри холма, окруженного земляным валом. И когда бы правители Англии ни нападали на его родную Ирландию, именно он, Геройд Ярла, всегда выступал на ее защиту.

Он не только в совершенстве владел оружием и всегда шел первым в сражениях, но был также силен и в черной магии и мог принимать чей угодно облик. Его жена знала об этом его искусстве и много раз просила мужа открыть ей хотя бы одну из его тайн, но тщетно. В особенности же ей хотелось, чтобы он предстал перед ней в каком-нибудь диковинном образе, однако он все время откладывал это под тем или другим предлогом.

Но она не была бы женщиной, если бы в конце концов не настояла на своем. Только Геройд предупредил ее, что если она хоть сколько-нибудь испугается в то время, как он изменит свой обычный облик, он уж не обретет его вновь, пока не сменятся многие и многие поколения.

Что! Да разве она достойна быть женой Геройда Ярла, если ее так легко испугать! Пусть только он исполнит ее прихоть, тогда увидит, какой она герой!

И вот в один прекрасный летний вечер — они как раз сидели в это время в гостиной — Геройд на миг отвернулся от жены, пробормотал несколько слов, и не успела она и глазом моргнуть, как он вдруг исчез, а по комнате закружил красавец щегол.

Госпожа и в самом деле оказалась храброй, как и говорила, но все же чуть испугалась, хотя прекрасно овладела собой и оставалась спокойной, даже когда щегол подлетел к ней, уселся ей на плечо, встряхнул крыльшками, притронулся своим маленьким клювом к ее губам и залился чарующей песней. Щегол кружил по гостиной, играл с госпожой в прятки, вылетал в сад, возвращался обратно, усаживался к ней на колени и притворялся спящим, потом опять вспархивал.

И вот когда обоим уже надоели эти забавы, щегол в последний раз вылетел на вольный воздух, но тут же вернулся и бросился к своей госпоже прямо на грудь, — за ним следом летел злой ястреб.

Жена Геройда Ярла громко вскрикнула, хотя нужды в том не было никакой: ястреб влетел в комнату с такой стремительностью, что очень сильно ударился о стол и тут же испустил дух. Госпожа отвела глаза от трепыхавшегося ястреба и посмотрела туда, где только что находился щегол, но уж больше никогда в своей жизни она не увидела ни щегла, ни самого Геройда Ярла.

Раз в семь лет по ночам граф объезжает на своем скакуне низменность Карра, что в графстве Килдэр. В тот день, когда он исчез, серебряные подковы его скакуна были толщиной в полдюйма. Когда же подковы эти станут тонкими, словно кошачье ушко, Геройд Ярла снова вернется к жизни, выиграет великую битву с англичанами и будет верховным королем Ирландии целых двадцать лет — так рассказывает легенда.

А пока Геройд Ярла и его воины спят в глубокой пещере под скалой Маллимаста. Посредине пещеры, во всю ее длину, вытянулся стол. Во главе стола сидит сам граф, а по обеим сторонам от него один за другим в полном вооружении все его воины. Их головы покоятся на столе. Боевые кони их взнузданы и оседланы и стоят позади своих хозяев, каждый в своем стойле.

Но придет день, когда сын мельника, который родится с шестью пальцами на каждой руке, затрубит в рог и кони забьют копытами и заржут, а рыцари проснутся и вскочат в седла, чтобы ехать на войну.

В те ночи, когда Геройд Ярла объезжает низменность Карра, случайный путник может увидеть вход в эту пещеру. Около ста лет назад один барышник оказался таким вот запоздалым путником, к тому же он был подвыпивши. Он заметил в пещере свет и вошел. Освещение, полная тишина и вооруженные воины так потрясли его, что он тут же протрезвел. Руки у него задрожали, и он уронил на каменный пол уздечку. Легкий шум гулким эхом разнесся по длинной пещере, и один из воинов — тот, что сидел к барышнику ближе других, — приподнял голову и спросил охрипшим голосом:

— Уже пора?

Но барышник догадался ответить:

— Пока еще нет, но уже скоро.

И тяжелый шлем снова упал на стол.

Барышник постарался поскорее выбраться из пещеры, и с тех пор никто больше не слышал, чтобы кому-нибудь еще привелось в ней побывать.

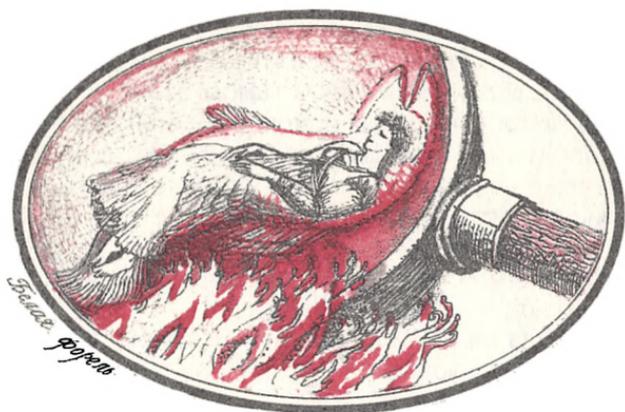

*Из собрания
Уильяма Батлера Йейтса*

Белая форель

Конгская легенда

НАВНЫМ-ДАВНО, в далекую-предалекую старину жила в замке над озером прекрасная девушка. Говорили, что она помолвлена с королевским сыном. Они должны были уж обвенчаться, как вдруг совершилось убийство: жених был убит (господи, помилуй нас!) и сброшен в озеро. И конечно, он уже не мог сдержать своего обещания и жениться на прекрасной девушке. Что ж, тем хуже...

История рассказывает нам, что бедная девушка, потеряв королевского сына, лишилась рассудка — слишком нежное у нее было сердце (да простит ей господь, как нам прощает) — и от тоски по нем стала чахнуть. Больше ее никто и не видел. Поговаривали, будто ее унесли феи.

И вот послушайте! Через некоторое время в том озере появилась белая форель. Люди не знали, что и думать об этом, потому что никогда прежде в глаза не видывали форели. Проходили годы, а белая форель оставалась все на том же месте, где вы ее можете увидеть и поньше. Это случилось так давно, что мне и рассказать вам трудно, во всяком случае даже самые древние старики в деревне уже слышали о ней.

В конце концов люди решили, что это не форель, а русалка. А как же иначе? И никто никогда не трогал белую форель и не причинял ей вреда, пока не появились в тех местах забулдыги солдаты. Они принялись потешаться и насмехаться над людьми, что те так думают, а один из них (будь ему неладно — да простит мне господь такие слова!) даже поклялся, что поймает белую форель и съест на обед, — вот негодяй-то!

Ну что бы вы сказали про такое злодейство? Само собой, солдат этот словил белую форель, отнес домой, поставил на огонь сковородку и бросил на нее бедняжку. Как закричит она человеческим голосом, а солдат — вы только подумайте! — за бока держится от смеха. Ну и разбойник в самом деле!

Когда он решил, что один бочок у форели уже подрумянился, он перевернул ее, чтобы зажарился и другой. И представьте себе, огонь даже не тронул ее, ну нисколечко, а солдат подумал, что это какая-то странная форель, которая не поджаривается вовсе.

— И все же мы ее еще разок перевернем, — сказал этот безбожник, не ведая, что ждет его впереди.

Так вот, когда он решил, что другой бочок уже поджарился, он снова перевернул форель, и — вот так дело! — другой бочок ее подрумянился не больше первого.

— Эх, неудача! — сказал солдат. — Да ладно. Попробую-ка еще разок перевернуть тебя, моя милочка. Хитри не хитри!

И с этими словами солдат перевернул бедную форель еще раз, потом еще, но никаких следов от огня так и не появилось на ней.

— Ну, — молвил этот отчаянный негодяй.

Конечно, сами понимаете, хоть и был он отчаянный негодяй, такой, что хуже некуда, все же мог бы он понять, что поступает дурно, раз видел, как все его попытки кончались неудачей! Так вот.

— Ну, — молвил он, — а может, ты, моя маленькая веселенькая форелька, уже достаточно прожарилась, хоть на вид ты и не готова? Может быть, ты лучше, чем кажешься, так что даже пальчики оближешь, а?

И с этими словами он берется за нож и вилку, чтобы отвечат форели. Но что это! Только он воткнул нож в рыбу, как раздался душераздирающий крик, — душа в пятки уйдет от такого, — форель соскочила со сковороды и упала прямо на пол, а с того самого места, куда она упала, поднялась прекрасная девушка — такая прекрасная, что глаз не отведешь, прекрасней он в жизни не видывал, — одетая во все белое и с золотой лентой в волосах, а из руки ее струей текла кровь.

— Смотри, куда ты поранил меня, негодяй, — сказала она и показала ему на руку.

У него аж в глазах потемнело.

— Разве ты не мог оставить меня в покое? — сказала она. — Зачем ты меня потревожил и выловил из воды? Зачем оторвал от дела?

Тут он задрожал, как собака в мокром мешке, потом наконец пробормотал что-то и взмолился о пощаде:

— Простите меня, миледи! Я не знал, что вы были заняты делом, а то бы не стал вам мешать. Ведь я же настоящий солдат и уж такие-то вещи понимаю!

— Конечно, я была занята делом, — сказала девушка. — Я ждала моего верного возлюбленного, который должен был приплыть ко мне. И если он приплыл, пока меня не было и я по твоей вине не увижу его, я превращу тебя в лосося и буду преследовать до скончания века, пока трава растет, пока воды текут!

Ага, у солдатика душа ушла в пятки, когда он подумал, что его превратят в лосося, и он взмолился о прощении. На что молодая леди ответила:

— Отрекись от своей дурной жизни, негодяй, не то раскаешься, да будет поздно. Стань добрым человеком и смотри, никогда не пропускай исповеди. А теперь, — молвила она, — отведи меня обратно и опусти снова в озеро, откуда ты меня выловил.

— О миледи, — воскликнул солдат, — разве у меня нет сердца, что я буду топить такую прекрасную девушку, как вы?

Но не успел он вымолвить и слова, как девушка исчезла, а на полу он увидел маленькую форель. Что ж, он положил ее на чистую тарелку и бросился бежать со всех ног: он боялся, что возлюбленный девушки придет без нее. Он бежал и бежал, пока не достиг снова той же пещеры, и бросил форель в озеро. И в ту же минуту вода в том месте покраснела, — верно, из раны все еще текла кровь, — но вскоре течение смыло все. А у форели и по сей день на боку маленькое красное пятнышко в том самом месте, куда попал нож.

Да, так вот, было бы вам известно, с того дня солдат этот стал другим человеком, он исправился, начал аккуратно ходить на исповедь и три дня в неделю соблюдал пост, хотя рыбы в эти дни он не ел: после страха, какого он натерпелся, рыба у него в животе и не ночевала, — вы уж извините меня за грубое выражение.

Во всяком случае, он стал, как я уже говорил, другим человеком. С течением времени он оставил армию и под конец даже превратился в отшельника. Рассказывают, что он все время молился о спасении души Белой Форели.

Нокграфтонская легенда

ПЛОДОРОДНОЙ долине Эхерлоу у самого подножия хмурых Голтийских гор жил некогда один бедный человек. На спине у него был такой большущий горб, что казалось, будто ему на плечи посадили другого человека. А голова у него была такая тяжелая, что когда он сидел, подбородок его покоился на коленях, как на подпорке. Крестьяне даже робели при встрече с ним в каком-нибудь уединенном месте. И хотя бедняга был безобидным и невинным, как младенец, выглядел он таким уродом, что его с трудом можно было принять за человека, так что даже некоторые дурные люди рассказывали про него всякие небылицы.

Говорили, будто он хорошо разбирается в травах и умеет ворожить. Но что он действительно хорошо умел делать, это плести из соломы и тростника шляпы да корзины. Этим он и зарабатывал себе на жизнь.

Лисий Хвост — так прозвали его, потому что он прикалывал к своей соломенной шляпе веточку «волшебной шапочки», или лисохвоста, — всегда получал лишнего пенни по сравнению с другими за свои корзины, и, может, именно поэтому некоторые завистники рассказывали про него всякие небылицы.

Как бы там ни было, а в один прекрасный вечер возвращался он из городишка Кахир по направлению в Каппаг, и, так как коротышка Лисий Хвост шел очень медленно — ведь на спине у него был большущий горб, — уже совсем стемнело, когда он добрал до старого Нокграфтонского холма, расположенного по правую сторону от дороги.

Он устал и измучился, а тащиться надо было еще очень далеко, всю бы ночь пришлось шагать,— просто в отчаянье можно было прийти от одной мысли об этом. Вот он и присел у подножия холма отдохнуть и с грустью взглянул на луну.

Вскоре до его слуха донеслись нестройные звуки какой-то дикой мелодии. Коротышка Лисий Хвост прислушался и подумал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь восхитительной музыки. Она звучала как хор из нескольких голосов, причем один голос так странно сливался с другим, что казалось, будто поет всего один голос, и однако же все голоса тянули разные звуки. Слова песни были такие.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт.

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник.

Затем коротенькая пауза, и опять сначала все та же мелодия.

Лисий Хвост затаил дыхание, боясь пропустить хоть одну ноту, и внимательно слушал. Теперь он уже явственно различал, что пение доносилось из холма, и, хотя вначале музыка так очаровала его, постепенно ему надоело слушать подряд все одну и ту же песню без всяких изменений.

И вот, воспользовавшись паузой, когда Да Луан, Да Морт прозвучало три раза, он подхватил мелодию и допел ее со словами:

Агуш Да Дардин.
И Среда.

И так он продолжал подпевать голосам из холма — Понедельник, Вторник, а когда снова наступала пауза, опять заканчивал мелодию со словами: «И Среда».

Эльфы Нокграфтонского холма — а ведь это была песня эльфов — пришли просто в восторг, когда услышали добавление к своей песенке. И тут же решили пригласить к себе простого смертного, который настолько превзошел их в музыкальном искусстве. И вот коротышка Лисий Хвост с быстротою вихря слетел к ним.

Восхитительная картина открылась его глазам, когда он, подобно легкой пушинке в кружащемся вихре, спустился внутрь холма под звуки дивной музыки, лившейся в такт его движению. Ему воздали величайшие почести, так как сочли его лучшим из лучших музыкантов, и оказали сердечный прием, и предлагали

все, что только ему угодно, окружили его заботливыми слугами — словом, так за ним ухаживали, точно он был первым человеком в стране.

Вскоре Лисий Хвост увидел, как из толпы эльфов вышла вперед большая процессия, и хотя приняли его здесь очень любезно, ему все же сделалось как-то жутко. Но вот от процессии отделилась одна фея, подошла к нему и молвила:

Лисий Хвост! Лисий Хвост!

Слово твое — к слову,

Песня твоя — к месту,

И сам ты — ко двору.

Гляди на себя ликуя, а не скорбя:

Был горб, и не стало горба¹.

При этих словах бедный коротышка Лисий Хвост вдруг почувствовал такую легкость и такое счастье — ну хоть с одного скачка допрыгнет сейчас до луны. И с неизъяснимым удовольствием увидел он, как горб свалился у него со спины на землю. Тогда он попробовал поднять голову, но очень осторожно, боясь стукнуться о потолок роскошного зала, в котором находился. А потом все с большим удивлением и восхищением стал снова и снова разглядывать все предметы вокруг себя, и раз от разу они казались ему все прекраснее и прекраснее; от этого великолепия голова у него пошла кругом, в глазах потемнело, и наконец он впал в глубокий сон, а когда проснулся, давно уже настал день, ярко светило солнце и ласково пели птицы. Он увидел, что лежит у подножия Нокграфтонского холма, а вокруг мирно пацуют коровы и овцы.

И первое, что Лисий Хвост сделал, — конечно, после того, как прочел молитву, — завел руку за спину — проверить, есть ли горб, но от того не осталось и следа. Тут Лисий Хвост не без гордости оглядел себя — он стал таким складненьким шустрым крепышом. И, мало того, он еще обнаружил на себе совершенно новое платье и решил, что это, наверное, феи сшили ему.

И вот он отправился в Каппаг таким легким шагом да еще вприпрыжку, словно всю свою жизнь был плясуном. Никто из встречных не узнавал его без горба, и ему стоило великого труда убедить их, что он — это он, хотя, по правде говоря, то был уже не он, во всяком случае, если говорить о красоте.

Само собой, история про Лисий Хвост и его горб очень быстро облетела всех и вызвала всеобщее удивление. По всей стране, на много миль вокруг, все — и старый и малый — только и знали, что говорили об этом.

¹ Перевод Р. Кушнирова.

И вот в одно прекрасное утро, когда довольный Лисий Хвост сидел у порога своей хижины, к нему подошла старушка и спросила, не укажет ли он ей дорогу в Каппаг.

— Зачем же мне указывать вам туда дорогу, добрая женщина,— сказал Лисий Хвост,— если это и есть Каппаг. А кого вам здесь нужно?

— Я пришла из деревни Дисы,— отвечала старушка,— что в графстве Уотерфорд, чтобы повидаться с одним человеком, которого зовут Лисий Хвост. Сказывают, будто феи сняли ему горб. А видишь ли, у моей соседушки есть сын, и у него тоже горб, который будто доведет его до смерти. Так вот, может, если б ему попользоваться тем же колдовством, что и Лисий Хвост, у него бы горб тоже сошел. Ну, теперь я все тебе сказала, почему я так далеко зашла. Может, про это колдовство все разубаю, понимаешь?

Тут Лисий Хвост все в подробностях и рассказал этой женщине,— ведь парень он был добрый,— и как он присочинил конец к песенке нокграфтонских эльфов, и как его горб свалился у него со спины, и как в придачу он еще получил новое платье.

Женщина горячо поблагодарила его и ушла восвояси, счастливая и успокоенная. Вернувшись назад в графство Уотерфорд к дому своей кумушки, она выложила ей все, что говорил Лисий Хвост, и вот они посадили маленького горбуна на тележку и повезли его через всю страну.

А надо вам сказать, что горбун этот с самого рождения был дрянным и хитрым человеком.

Путь предстоял длинный, но женщины и не думали об этом, только бы горб сошел. И вот к самой ночи они довели горбуна до старого Нокграфтонского холма и оставили там.

Не успел Джек Мэдден — так звали этого человека — посидеть немного, как услышал песню еще мелодичней прежней, которая доносилась из холма. На этот раз эльфы исполняли ее так, как сочинил им Лисий Хвост.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Агуш Да Дардин.

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник
И Среда,—

пели они свою песню без всяких пауз. Джек Мэдден так спешил отделаться от своего горба, что даже не подумал дожидаться,

пока эльфы закончат песню, и не стал ловить подходящего момента, чтобы подтянуть их мотив, как сделал это Лисий Хвост. И вот, прослушав их песенку семь раз подряд, он взял да и выпалил:

Агуш Да Дардин,
Агуш Да Хена.

И Среда,
И Четверг,—

не обращая внимания ни на ритм, ни на характер мелодии, не думая даже, к месту или не к месту будут эти слова. Об одном он только думал: раз один день хорош, значит, два лучше, и если Лисий Хвост получил один новенький костюм, то уж он-то получит два.

Не успели слова эти сорваться с его губ, как он был подхвачен вверх, а потом с силой сброшен вниз, внутрь холма. Вокруг него толпились разгневанные эльфы, они шумели и кричали, перебивая друг друга:

— Кто испортил нашу песню? Кто испортил нашу песню?
А один подошел к горбуну ближе остальных и произнес:

Джек Мэдден! Джек Мэдден!
Слово твое — не ново,
Речи — песне перечат,
И сам ты — некстати.

Был ты бедный, стал богатым,
Был горбат, стал дважды горбатый¹.

И тут двадцать самых сильных эльфов притащили горб Лисьего Хвоста и посадили его бедному Джеку на спину, поверх его собственного. И он так крепко прирос к месту, словно искуснейший плотник прибил его гвоздями. А затем эльфы выкинули беднягу из своего замка. И когда наутро мать Джека Мэддена и ее кумушка пришли посмотреть на него, они нашли его полумертвым у подножия холма со вторым горбом на спине.

Можете себе представить, как они посмотрели друг на друга! Но ни словечка не промолвили, так как побоялись, как бы не вырос горб и у них. С мрачным видом они повезли неудачливого Джека Мэддена домой, и на душе у них было тоже так мрачно, как только может быть у двух кумушек. И то ли от тяжести второго горба, то ли от долгого путешествия, но горбун в скором времени скончался, завещая, как они рассказывали, свое вечное проклятие тому, кто впредь станет слушать пение эльфов.

¹ Перевод Р. Кушнирова.

Души в клетках

ДЖЕК ДОГЕРТИ жил в графстве Клэр, на самом берегу моря. Джек был рыбаком, как и его отец и дед. Как и они, он жил совсем один, не считая жены, и всегда на одном месте. Люди не переставали удивляться, отчего это семья Догерти так цепляется за этот дикий участок, расположенный вдали от населенных мест и затертый меж громадных источенных скал, откуда виднеется лишь бескрайний океан. Но у Догерти были на то свои веские причины.

На всем побережье это был единственно пригодный для жилья участок. Здесь находилась удобная бухточка: лодка могла укрыться в ней так же уютно, как птичка-топорок в своем гнезде. Гряда подводных скал выходила из этой бухты прямо в открытое море.

Когда в Атлантическом океане разыгрывался шторм — а это бывало частенько — и в сторону берега дул сильный западный ветер, немало богатых судов разбивалось на этих скалах. И тогда на берег выбрасывало целые кипы прекрасного хлопка, или табака, или тому подобного, большие бочки с вином или ромом, бочки с коньяком и с голландским джином. Словом, бухта Данбег для всех Догерти являлась как бы небольшим, но доходным именем.

Это не означает, что они не проявляли человечности и доброты к потерпевшим морякам, если кому-нибудь из них выпадало счастье добраться до берега. И в самом деле, сколько раз Джек пускался в своей утлой лодчонке — правда, та не могла сравниться со спасательным парусником честного Эндрю Хеннеси, хотя морские волны она разрезала не хуже какого-нибудь

глупыша¹, — чтобы протянуть руку помощи потерпевшей кораблекрушение команде. Если же судно разбивалось вдребезги и команда погибала, стоило ли бранить Джека, что он подбирал все, что ему попадалось?

— Разве кто-нибудь страдает от этого? — говаривал он. — Король? Да храни его бог. Но ведь все знают, что он и так достаточно богат и как-нибудь обойдется без того, что выбрасывает море.

И все же, хоть Джек и жил таким вот отшельником, он был славным и веселым парнем. Никто другой, уж будьте уверены, не сумел бы уговорить Бидди Махони покинуть уютный и теплый отцовский дом в самом центре Энниса и отправиться за столько миль, чтобы жить среди скал, где самые близкие соседи — тюлени да чайки. Но Бидди знала, что для женщины, желавшей покоя и счастья, лучшего мужа, чем Джек, и не надо. Не говоря уж о рыбе, Джек снабжал половину всех благородных семейств в его округе еще и находками, которые заплывали в его бухту. Так что Бидди не ошиблась в своем выборе. Ни одна женщина не ела, не пила и не спала так сладко, как миссис Догерти, и не выглядела такой гордой на воскресном богослужении.

Немало видов перевидал Джек и чего только не наслушался, а, представьте себе, остался неустрашим. Водяных и русалок он не боялся нисколечко, напротив — первым и самым горячим желанием его было встретиться с ними с глазу на глаз. Джек слышал, будто они очень похожи на людей, но что знакомство с ними к добру не приводит.

Да, так вот, ему никогда не доводилось хотя бы мельком увидеть русалок, когда те покачиваются на морской глади, окутанные дымкой тумана: почему-то лодку его всегда относило в противоположную сторону. Немало упреков выпало на долю Джека от Бидди — без шума, как умела она одна, — за то, что он целые дни пропадает в море, а возвращается домой без рыбы. Но откуда было бедняжке Бидди знать, за какой рыбкой гонялся ее Джек!

А Джеку было обидно: жить в таком месте, где водяных и русалок, что омаров в море, и ни разу не видеть их. И уж больше всего злило его то, что и отец его и дед частенько с ними встречались. Он даже помнил, как еще в детстве слышал про своего деда, — тот первым в их семье поселился в этой бухте, — будто у него такая дружба связалась с одним водяным, что если бы не страх перед гневом завященика, он бы усыновил его.

В конце концов судьба смиловилась над Джеком, решив, что будет только справедливо, если он познает все, что было открыто его отцу и деду. И вот в один прекрасный день, когда он

¹ Г л у п ы ш — морская птица.

греб вдоль берега на север и зашел чуть дальше обычного, не успел он обогнуть какой-то мыс, как вдруг увидел нечто непохожее ни на что, виденное им прежде. Оно восседало совсем неподалеку на скале, выдававшейся в море. Тело его казалось зеленым, насколько можно было разглядеть на таком расстоянии. И Джек мог бы поклясться, хотя это и представлялось невероятным, что в руках у него была красная треуголка.

Джек битых полчаса простоял там, все глаза проглядел, никак не мог надивиться, а тот за все время не шевельнул ни рукой, ни ногой. Наконец у Джека лопнуло терпенье, и он ну свистеть и звать его. Но водяной — а это был, несомненно, он — поднялся, надел себе на макушку красную треуголку и бросился вниз головой со скалы в море.

После этого Джека заело любопытство; он то и дело направлял свои шаги к тому месту, но больше ни разу не видел сего морского джентльмена в красной треуголке. И в конце концов он решил, что все это ему просто пригрезилось.

Но вот как-то в один ненастный день, когда морские валы вздымались выше гор, Джек Догерти надумал взглянуть на скалу водяного — прежде он выбирал для этого ясную погоду — и вдруг увидел это странное существо. Оно то взбиралось на самую вершину скалы, то бросалось с нее вниз головой, то снова взбиралось вверх и опять бросалось вниз.

Теперь Джеку стоило лишь выбрать подходящий момент, то есть по-настоящему ветреный денек, и он мог любоваться водяным сколько душе угодно. Однако этого ему показалось мало, теперь ему уже хотелось завести близкое знакомство с водяным.

Он и в этом преуспел.

В один ветреный день только Джек добрался до места, откуда мог разглядеть скалу водяного, как разыгрался шторм, да с такой неистовостью, что Джеку пришлось укрыться в одной из пещер, которых так много на побережье. И там, к величайшему удивлению, он увидел своего водяного: нечто с зелеными волосами, большущими зелеными зубами, красным носом и свиными глазками. У водяного был рыбий хвост, ноги в чешуе и короткие руки, вроде плавников. Одежды на нем не было, только под мышкой он держал красную треуголку. Казалось, он о чем-то глубоко задумался.

Несмотря на всю свою храбрость, Джек слегка оторопел, но тут же решил: сейчас или никогда! Смело подошел к задумавшемуся водяному, снял шляпу, отвесил низкий поклон и промолвил:

— К вашим услугам, сэр!

— И я к твоим услугам, Джек Догерти, с превеликим удовольствием! — ответил водяной.

— Вот так дело, откуда же ваша честь знает, как меня зовут? — удивился Джек.

— А как же мне не знать, друг ты мой, Джек Догерти? Ведь я был знаком с твоим дедушкой еще задолго до его женитьбы на Джудии Риган, твоей бабушке. Ах, Джек, Джек, я так любил твоего дедушку! В свое время он был достойнейшим человеком. Ни до него, ни после, ни на земле, ни под землей никто не умел, как он, тянуть коньячок прямо из раковины. Я надеюсь, дружище, — молвил старикашка, весело подмигнув Джеку, — надеюсь, ты окажешься достойным внуком своего деда!

— За меня не беспокойтесь! — отвечал Джек. — Если бы моя матушка вскармливала меня на одном коньяке, я бы до сих пор не прочь был оставаться сосунком.

— Вот это дело! Рад слышать речи мужа. Нам с тобой следует поближе познакомиться, хотя бы в память о твоём дедушке. Должен сказать, Джек, что отец твой был слабоват, голова у него была не очень-то крепкая.

— Я думаю, — говорит Джек, — что так как ваша честь проживает под водой, вам приходится крепко выпивать, чтобы согреться в таком сыром, неудобном и холодном месте. Я сколько раз слышал, как говорят: пьет, словно рыба. А где, осмелюсь я вас спросить, вы достаете выпивку?

— А сам ты где ее достаеть, Джек? — спрашивает водяной, зажимая его красный нос между большим и указательным пальцами.

— Бу-бу-бу! — завопил Джек. — Теперь я знаю где! И я полагаю, сэр, ваша честь имеет там внизу сухой и надежный погреб, чтобы хранить ее?

— Мой погреб пусть тебя не волнует, — с усмешкой говорит водяной, подмигивая Джеку левым глазом.

— Ну, разумеется, сэр! — и Джек продолжает: — Вот бы взглянуть на него.

— Отчего же нет? — говорит водяной. — Если мы встретимся вот здесь в следующий понедельник, мы с тобой еще потолкуем об этом.

И Джек с водяным расстались лучшими друзьями на свете.

В понедельник они встретились, и Джек несколько не удивился, заметив у водяного две красные треуголки: под одной рукой и под другой.

— Не будет ли с моей стороны нескромно, сэр, спросить вас, — сказал Джек, — зачем ваша честь захватила сегодня с собой

две шапки? Уж не собираетесь ли вы одну отдать мне, чтобы я мог успокоить мое любопытство?

— Нет, нет, Джек! Не так-то легко достаются мне эти шапки, чтобы раздавать их направо и налево. Но я приглашаю тебя спуститься на дно и отобедать со мной. Для того, собственно, я и принес эту шапку, чтобы ты мог со мной отобедать.

— Господи, спаси нас и помилуй! — воскликнул Джек в изумлении. — Неужели вы хотите, чтобы я спустился на соленое, мокрое дно океана? Да я захлебнусь и задохнусь в этой воде, не говоря уж о том, что могу утонуть! Каково тогда придется бедняжке Бидди без меня-то? Что она на это скажет?

— Ну какое тебе дело, что она скажет, молокосос ты? Кого трогает воркотня твоей Бидди? В былое время вот и дед твой вел такие же разговоры. А сколько раз натягивал он себе на голову вот эту самую шапку и смело нырял вниз вслед за мной! Немало отменных обедов и раковин, наполненных добрым коньяком, отведали мы с ним там внизу, под водой.

— Вы правду говорите, сэр? Без шуток? — спрашивает Джек. — О, тогда пусть я не знаю печали всю мою жизнь и еще один день, если окажусь хуже моего деда! Пойдемте, но только уж без обмана. Эх, где наша не пропадала! — воскликнул Джек.

— Ну, вылитый дедушка! — умилился старикашка. — А теперь пойдем, и делай все, как я.

Оба покинули пещеру, вошли в воду и немного отплыли, пока не достигли скалы. Водяной взобрался на вершину, Джек за ним. По ту сторону скала была отвесна, как стена дома, а море под ней казалось таким глубоким, что Джек чуть было не струсил.

— Внимание, Джек! — сказал водяной. — Надень на голову эту шапку и помни: глаза ты должен держать все время открытыми. Хватайся за мой хвост и следуй за мной, а там будь что будет!

И он нырнул, а Джек смело нырнул следом за ним. Они уносились все дальше и дальше, и Джеку казалось, что этому конца не будет. Ох, как бы ему хотелось сидеть сейчас дома, возле очага, вместе с Бидди! Но что было толку мечтать об этом, когда он проделал уже столько миль под волнами Атлантического океана? И он продолжал цепляться за хвост водяного, такой скользкий.

Наконец, к величайшему удивлению Джека, они выбрались из воды, и он обнаружил, что очутился на сухой земле на самом дне океана. Они вылезли на сушу как раз напротив хорошенького домика, искусно выложенного устричными раковинами. Водяной обернулся к Джеку и пригласил его войти.

Джек словно онемел: то ли от удивления, то ли от усталости после столь стремительного путешествия под водой. Он огляделся, но не увидел ни единого живого существа, за исключением разве что крабов да омаров, которые целыми толпами спокойно разгуливали по песку. Над головой было море, похожее на небо, а в нем, подобно птицам, кружили рыбы.

— Ты что молчишь, старина? — спрашивает водяной. — Осмелюсь думать, ты и не предполагал, что у меня здесь такое уютное заведение, а? Ты что, захлебнулся, задохнулся или утонул? Или о своей Бидди беспокоишься?

— О, только не это! — говорит Джек, показывая в веселой усмешке все зубы. — Но кто бы мог подумать, что увидит здесь что-либо подобное?

— Да ладно, пойдем-ка лучше посмотрим, что нам приготовили поесть.

Джек и в самом деле был голоден и очень обрадовался, заметив тонкий столб дыма, подымавшийся из трубы, — значит, приготовления шли полным ходом. Он проследовал за водяным в дом и увидел там прекрасную кухню, в которой чего только не было.

В кухне стоял великолепный стол с полками для посуды, а на них целая гора горшков и сковородок. Готовили две молоденьких русалочки. Отсюда хозяин провел Джека в скупо обставленную комнату. В ней не было ни стола, ни стульев, ничего, кроме пней и досок, чтоб сидеть на них и есть. Однако в очаге пылал настоящий огонь, и это несколько успокоило Джека.

— Пошли, я покажу тебе, где храню сам знаешь что, — сказал водяной, лукаво поглядывая на Джека.

Он открыл маленькую дверцу и ввел Джека в роскошный погреб, уставленный всевозможными бочками: большими, средними и маленькими.

— Что ты на это скажешь, Джек Догерти? А? Не так уж плохо живется здесь под водой?

— Я никогда в этом и не сомневался! — ответил Джек, явно предвкушая удовольствие и искренне веря тому, что сказал.

Они вернулись в комнату и обнаружили, что обед их уже ждет. Никакой скатерти на столе, конечно, не было, но что за дело? Разве дома у Джека она всегда бывала? Зато обед сделал бы честь лучшему дому в стране в праздничный день. Изысканнейшая рыба! А что в этом удивительного? Палтус, осетр, косорот, омары, устрицы и еще двадцать сортов были разложены на досках. А к ним всевозможнейшие заморские напитки, иначе как же еще согреться?

Джек напился, наелся до того, что уж кусочка в рот больше взять не мог, и тогда, подняв раковину с коньяком, промолвил:

— За ваше здоровье, сэр! Вы меня извините, конечно, но это чертовски странно, ваша честь, что мы с вами так давно знакомы, а я, собственно, не знаю, как вас зовут.

— Твоя правда, Джек! — согласился водяной. — Я как-то об этом не подумал, но лучше поздно, чем никогда. Зовут меня Кумара.

— Какое удачное имя, сэр! — воскликнул Джек, наполняя еще одну раковину. — За ваше здоровье, Куу, желаю вам прожить еще полсотни лет!

— Полсотни лет? — повторил Кумара. — Нечего сказать, одолжил! Если б ты пожелал мне пятьсот лет, тогда еще было б о чем говорить.

— Силы небесные! — воскликнул Джек. — Ну и долго вы живете здесь под водой. Да-а, ведь вы знали моего дедушку, а он вот уже больше шестидесяти лет как помер. Наверно, у вас здесь не жизнь, а малина.

— Да уж будь уверен! А теперь на-ка, Джек, отведай вот этого возбуждающего.

Так они опустили раковину за раковиной, однако, к своему необычайному удивлению, Джек обнаружил, что выпивка нисколько не ударяет ему в голову. Скорей всего это было потому, что над ними находилось море, которое охлаждало их разум.

Старик Кумара чувствовал себя в своей стихии и спел несколько песенок. Но Джек, даже если б от этого зависела его жизнь, больше одной запомнить не смог.

Рам фам будл буу,
Рипл дигл нити доб;
Дамду дудл Куу,
Рафл тафл читибу!

Это был припев к одной из них. И, сказать по правде, никто из моих знакомых так и не сумел уловить в нем хоть какой-нибудь смысл. Что ж, такая же история и с большинством наших современных песен.

Наконец водяной сказал Джеку:

— А теперь, дружок, следуй за мной, и я покажу тебе мои диковинки!

Он открыл малюсенькую дверь, ввел Джека в большую комнату, и тот увидел целую уйму всяких безделиц, которые Кумара подбирал на дне морском. Но более всего внимание Джека привлекли какие-то штучки, вроде панцирей от омаров, выстроенные в ряд вдоль стены прямо на земле.

— Ну, Джек, нравятся тебе мои диковинки? — спрашивает старик Куу.

— Клянусь, сэр, — говорит Джек, — это достойное зрелище! А не будет с моей стороны дерзостью спросить, что это за штучки, вроде панцирей от омаров?

— Ах, эти? Клетки для душ, что ли?

— Что, что, сэр?!

— Ну, эти вот штучки, в которых я держу души?

— О-о! Какие души, сэр? — Джек был поражен. — Я полагаю, у рыб нет душ.

— Ну, конечно, нет, — ответил совершенно спокойно Куу. — Это души утонувших моряков.

— Господи, спаси нас и помилуй! — пробормотал Джек. — Но где же вы их достаете?

— Нет ничего проще! Когда я замечаю, что надвигается хорошенький шторм, мне нужно лишь расставить пару дюжин этих панцирей. Моряки тонут, души отлетают от них и попадают прямо в воду. Каково-то приходится бедняжкам в непривычном холоде? Тут и погибнуть недолго. Вот они и укрываются в моих панцирях. А когда душ набирается достаточно, я отношу их домой. Им здесь и сухо и тепло. Разве это не удача для бедных душ — попасть в такие прекрасные условия, а?

Джек просто оторопел и не знал, что и сказать. Так ничего и не ответил. Они вернулись в столовую и выпили еще коньячку. Он оказался превосходным. Но было уже поздно, да и Бидди могла начать волноваться, а потому Джек поднялся и сказал:

— Я думаю, мне пора уже двинуться в путь.

— Как хочешь, Джек, — сказал Куу. — Выпей-ка перед дорогой прощальную. Тебе предстоит холодное путешествие.

Джек был воспитанным человеком и знал, что от прощальной рюмки не отказываются.

— Интересно, — только заметил он, — сумею ли я найти дорогу домой?

— Да что ты волнуешься, — сказал Куу, — ведь я провожу тебя.

И они вышли из дома. Кумара взял одну из треуголок и надел ее Джеку на голову задом наперед, а потом посадил его к себе на плечи, чтобы легче было подбросить его.

— Ну вот, — сказал он, подбрасывая Джека вверх, теперь ты вынырнешь в том самом месте, откуда нырял. Только не забудь, кинь назад мою шапку.

Он еще подтолкнул Джека, и тот взлетел вверх, словно пухляк, — буль, буль, бульк — все вверх, вверх сквозь воду, пока не достиг скалы, с которой прыгал. Там он нашел удобное местечко и вылез, а потом уж бросил вниз красную шапку. И та пошла ко дну, словно камень.

В это время на прекрасном вечернем небе заходило летнее солнце. Сквозь облака, мерцая, проглядывал месяц. Одинокая звезда и волны Атлантического океана горели в золотом зареве заката. Заметив, что уже поздно, Джек поспешил домой. Однако дома он ни словом не обмолвился Бидди о том, где он провел день.

Джека очень тревожило положение бедных душ, запертых в омаровых панцирях. Он голову себе сломал, думая, как бы их освободить оттуда. Сперва он хотел было переговорить обо всем со священником. Но чем священник мог им помочь? И какое дело Кумаре до какого-то там священника? Да и, кроме того, Кумара был славным парнем, он вовсе и не думал, наверное, что причиняет кому-нибудь зло. К тому же Джек в нем уже души не чаял. Правда, если бы узнали, что он обедает с водяным, чести ему это бы не прибавило.

В общем, Джек решил, что самое лучшее будет пригласить Куу к себе обедать, напоить его, — если это удастся, — а потом стащить у него шапку, спуститься на дно и опрокинуть все панцири. Однако для этого в первую очередь надо было убрать с дороги Бидди: Джек был достаточно предусмотрителен, чтобы не доверять тайну женщине.

И вот он сделался вдруг ужасно набожным и заявил Бидди, что во имя спасения их душ ей не мешало бы навестить источник Святого Иоанна, что возле Энниса. Бидди согласилась с этим и наконец в одно прекрасное утро, на рассвете, тронулась в путь, строго наказав Джеку присматривать за домом.

Когда берег опустел, Джек отправился к скале, чтобы подать Кумаре условленный сигнал, а именно: бросил здоровый камень в воду. Не успел Джек бросить, как наверх всплыл Куу.

— С добрым утром, Джек, — сказал он. — Что тебе от меня надо?

— Да пустяки, не о чем и говорить-то, — отвечает Джек. — Вот решил пригласить вас к себе пообедать, если не сочтете это слишком большой вольностью с моей стороны. В общем, милости просим!

— С удовольствием, Джек, отчего же нет! А в котором часу?

— В любом, какой вам больше подходит, сэр. Ну, скажем, в час, чтобы вы могли вернуться домой засветло, если захотите?

— Есть! Жди, — сказал Куу. — Не робей!

Джек вернулся домой, приготовил роскошный рыбный обед и вытаскил побольше лучших своих заморских вин — вполне достаточно, чтобы спить двадцать человек. Куу явился минута в минуту, со своей красной треуголкой под мышкой. Обед был го-

тов, они сели и принялись есть и пить, как подобает настоящим мужчинам.

Джек не переставал думать о бедных душах, заточенных в клетки на дне океана, и то и дело подливал старине Куу коньяку, надеясь свалить его под стол, и все уговаривал его спеть. Но бедняга Джек забыл, что над их головами не было моря, которое охладило бы его разум. Коньяк ударил ему в голову и сделал свое дело. А Куу, держась за стенку, пошел домой, оставив своего хозяина немым, как треска в страстную пятницу.

Джек так и не очнулся до другого утра. А утром до чего же грустно ему стало!

— Нечего и думать, будто можно спить этого старого пьяницу, — сказал он. — Но как же тогда я освобожу из омаровых панцирей бедные души?

Он размышлял над этим почти весь день, и наконец его осенило.

— Нашел! — сказал он, хлопая себя по колену. — Могу побиться об заклад, что Куу никогда за всю свою долгую жизнь не пробовал нашего потина¹. Вот это по нем! Стало быть, и хорошо, что Бидди еще целых два дня не будет дома. Попробую-ка еще разок его спить.

И Джек опять позвал Куу. Куу посмеялся над ним, что у него некрепкая голова, и сказал, что он своему дедушке и в подметки не годится.

— А ты испытай меня еще раз, — предложил Джек. — Ручаюсь, что напою тебя допьяна, потом отрезвлю, а потом опять напою.

— Весь к вашим услугам, — ответил Кумара.

Теперь уж во время обеда Джек следил, чтобы его рюмка была всегда хорошенько разбавлена, зато Кумаре он наливал только самый крепкий коньяк. А под конец и говорит:

— Послушайте, сэр, а вы пили когда-нибудь потин? Настоящая горная роса!

— Нет, — говорит Куу. — А что это такое? Откуда?

— Секрет! — говорит Джек. — Но уж напиток что надо. Считайте меня болтуном, если он не лучше в сто раз какого-нибудь коньяка или рома. Братец моей Бидди прислал пару глотков в подарок, в обмен на коньяк, и я сохранил его специально, чтобы угостить вас, старинного друга нашей семьи.

— Ну что ж, посмотрим, каков он, — говорит Кумара.

Потин оказался и в самом деле хорош. Первый сорт. А какой запах! Куу был в восторге. Он пил и тянул «Рам бам будл буу», и опять, и еще раз. И хохотал, и пританцовывал, пока наконец не

¹ Потин — ирландский самогон.

свалился на пол и не захрапел. Тут Джек, — ведь он очень старательно следил, чтобы самому остаться трезвым, — подхватил красную треуголку — и бегом к скале. Нырнул и очень быстренько добрался до обиталища Кумары.

Кругом было тихо, как в полночь на кладбище. Ни одной русалки, ни молоденькой, ни старухи. Джек вошел и опрокинул все панцири, но ничего не увидел, услышал только что-то вроде легкого свиста или щебетания, когда опрокидывал их один за другим.

Он был очень удивлен, но потом вспомнил, как священники часто говорили, что никто живой не может увидеть душу так же, как ветер или воздух. Сделав все, что было в его силах, Джек расставил панцири на свои места и пожелал бедным душам счастливого плавания, куда бы они ни плыли. А потом стал подумывать о возвращении назад. Надел, как надо, шапку, то есть задом наперед, и вышел. Но тут он обнаружил, что вода находится слишком высоко над ним и добраться до нее нет никакой надежды: ведь под боком не было Кумары, который подбросил бы его вверх.

Джек обошел кругом в поисках лестницы, но не нашел ее; и ни единой скалы не было видно поблизости. Наконец он заметил местечко, над которым море повисло ниже всего, и решил попробовать здесь. Только он подошел туда, как какая-то огромная треска случайно опустила вниз хвост. Джек подпрыгнул и ухватился за него. Удивленная треска рванулась вверх и потащила Джека за собой.

Как только шапка коснулась воды, Джека понесло прочь, и он взлетел вверх, как пробка, увлекая за собой бедную треску, которую забыл выпустить из рук. Вмиг он очутился на скале и без промедления бросился к дому, радуясь доброму делу, которое совершил.

А тем временем у него дома творилось вот что. Не успел наш друг Джек уйти на это свое душеосвободительное предприятие, как домой вернулась Бидди из своего душеспасительного путешествия к святому источнику. Как только она вошла в комнату и увидела на столе сваленные в беспорядке бутылки и прочее, она воскликнула:

— Миленькое дело! Вот негодяй! И зачем только я, несчастная, выходила за него замуж! Распивает здесь со всякими бродягами, пока я хожу молиться за спасение его души. Батюшки, да они выпили весь потин, который прислал мой родной брат. Да и все спиртное, которое ему доверили продать.

Тут она услышала какие-то странные звуки, вроде мычания. Она поглядела вниз и увидела свалившегося под стол Кумару.

— Да поможет мне святая дева Мария! О господи! Я столько раз слышала, как человек превращается в зверя от пьянства! Боже мой, боже мой! Джек, голубчик мой, что же я буду с тобой делать? Или, вернее, что я теперь буду делать без тебя? Разве может приличная женщина жить с таким зверем?

И с этими воплями Бидди выбежала из дома и бросилась сама не зная куда, как вдруг услышала хорошо знакомый ей голос Джека, напевающего веселую песенку. Ну и обрадовалась Бидди, когда увидела его целым и невредимым и поняла, что он не превращался в черт-те кого.

Пришлось Джеку выложить ей все начистоту. И хотя Бидди все еще была в сердцах на Джека за то, что он не сказал ей об этом раньше, она согласилась, что он сослужил бедным душам великую службу.

И они рука об руку отправились домой. Джек разбудил Кумару и, заметив, что тот еще не в себе, просил его не унывать, сказал, что это часто случается с порядочными людьми, а все оттого, что он еще не привык к потину, и посоветовал, чтоб полегчало, опохмелиться. Но Кумаре, как видно, уже и так хватало. Он поднялся, едва держась на ногах, и, не сумев выдать из себя ни одного путного слова, соскользнул в воду, чтобы путешествие в соленом море слегка охладило его.

Кумара так и не хватился своих душ. Они с Джеком по-прежнему оставались лучшими друзьями на свете. И, судя по всему, Кумара ни разу не заметил, как Джек освобождает из чистилища души. Он придумывал сотни предлогов, чтобы незамеченным проникать в дом под морем, и каждый раз опрокидывал панцири и выпускал души на волю. Его только злило, что он так и не увидел их. Но он знал, что это невозможно, и этим довольствовался.

Их дружба тянулась несколько лет. Но вот в одно прекрасное утро, когда Джек, как обычно, бросил вниз камень, ответа не последовало. Он бросил еще один, и еще, но ответа все равно не получил. Он ушел и вернулся на другое утро, но все напрасно. А так как красной шапки у него не было, он не мог спуститься и посмотреть, что случилось со старым Куу, и решил, что старик, или старая рыба,— словом, кто бы он там ни был, либо помер, либо убрался из их краев.

Господин и слуга

БИЛЛИ МАК ДЭНИЕЛ, наверное, тоже был когда-то молодым и подавал надежды: лихо отплясывал на святом празднике, мог запросто осушить пинту или две, умел ловко работать дубинкой. Боялся он только одного — а вдруг нечего будет выпить? И заботился лишь об одном — кто заплатит за выпивку? И не думал ни о чем, кроме веселья.

Пьян он был или трезв, у него всегда находилось крепкое словцо и меткий удар — кстати, лучший способ завязывать и кончать спор.

Плохо только, что боялся, заботился и думал этот самый Билли Мак Дэниел лишь об одном, а потому попал в дурную компанию. И уж будьте уверены, нет ничего хуже хороших людей, попавших в дурную компанию!

Так случилось, что в одну ясную, морозную ночь, вскоре после рождества, Билли возвращался домой один. Светила круглая луна. И хотя стояла такая ночь, о какой можно только мечтать, он совсем продрог.

— Право слово, — стуча зубами, говорил он, — глоток доброго вина не помешал бы погибающему от холода человеку. Я бы не отказался сейчас даже от целой кружки лучшего вина!

— Что ж, дважды тебе не придется просить, Билли! — сказал маленький человечек в красной треуголке, обшитой золотым галуном, и с большущими серебряными пряжками на башмаках, такими огромными, что казалось просто чудом, как он мог передвигаться в них.

И он протянул Билли стаканнице с себя ростом, наполненный таким прекрасным вином, какое вряд ли вам удавалось видеть или пробовать.

— За ваши успехи, мой маленький дружок! — сказал Билли Мак Дэниел, несколько не смутившись, хотя прекрасно знал, что человек принадлежал к нечистым. — За ваше здоровье! И почтеннейше благодарю. Эка важность, кто платит за выпивку. — Он подхватил стакан и осушил его до дна одним глотком.

— Успехи так успехи, — сказал человек. — И я сердечно рад тебя видеть, Билли. Только не думай, что тебе удастся провести и меня, как других. Доставай, доставай свой кошелек! Расплачивайся по-джентльменски.

— Что? Я должен тебе платить? — возмутился Билли. — Да я могу взять и засунуть тебя к себе в карман, как какую-нибудь смородину.

— Билли Мак Дэниел, — сказал маленький человек, очень рассердившись, — ты будешь моим слугой семь лет и один день! Вот как мы с тобой поквитаемся. Так что готовься следовать за мной.

Услышав это, Билли уже начал жалеть, что так дерзко разговаривал с человеком, и, сам не зная отчего, вдруг почувствовал, что должен всюду следовать за ним. Целую ночь напролет без единой передышки он шагал за ним вверх и вниз, через изгороди и канавы, по болотам и зарослям. А когда начало светать, человек обернулся к Билли и сказал:

— Сейчас ты можешь отправляться домой, но берегись, Билли, если посмеешь не явиться сегодня вечером на крепостной вал. Только попробуй, вот увидишь, тебе же хуже придется! А будешь мне хорошим слугой, и я тебе буду добрым хозяином.

Билли Мак Дэниел отправился домой. И хотя он устал и вконец измучился, он так и не сомкнул глаз, все думая о человеке. Однако он побоялся не выполнить его приказания и к вечеру поднялся и отправился на крепостной вал. Только он туда добрался, как маленький человек подошел к нему и сказал:

— Сегодня ночью, Билли, я собираюсь совершить длинное путешествие. Так что оседлай-ка мне коня. Для себя тоже можешь взять скакуна, ты поедешь со мной, а то после вчерашней ночной прогулки небось устал.

Билли подумал, что это очень мило со стороны его господина, и в ответ поблагодарил его.

— Но простите, сэр, — сказал он, — что я осмеливаюсь спросить вас, а где ваша конюшня? Поблизости я не вижу ничего, кроме этого вала, какого-то старого боярышника там, в углу по-

ля, ручейка, протекающего у подножия холма, да вот этого болота напротив нас.

— Не задавай вопросов, Билли! — сказал человек. — Отправляйся к болоту и принеси мне два самых крепких тростника, какие найдешь.

Билли подчинился, а про себя с удивлением подумал: зачем это человеку? Срезал два самых толстых тростника, какие сумел найти — у каждого на стебле торчала коричневая цветущая головка, — и принес их своему господину.

— Влезай, Билли! — сказал человек, беря у него один тростник и усаживаясь на него верхом.

— Но куда, ваша честь, я должен влезать? — спросил Билли.

— На коня, вот как я, куда же еще, — ответил человек.

— Вы меня, наверное, совсем за дурака принимаете, — сказал Билли, — коли заставляете сесть верхом на какой-то тростник. Уж не хотите ли вы меня уверить, что этот тростник, который я только что сорвал вон на том болоте, и есть конь?

— Влезай! Влезай! Без разговоров, — сказал человек, глядя очень сердито. — Лучший конь, на каком тебе доводилось ездить, и в подметки этому не годится.

Что ж, Билли подумал, что это шутка, но побоялся рассердить хозяина и уселся верхом на тростник.

— Боррам! Боррам! Боррам! — трижды выкрикнул его господин, что на человеческом языке означает расти, увеличиваться.

Билли повторил вслед за ним. Тростники начали расти, расти, наконец превратились в великолепных коней и понеслись во весь дух. И тут Билли обнаружил, что сидит на коне задом наперед, потому что, когда он усаживался на тростник, он просто не думал, что делает. Довольно-таки неудобно было сидеть носом к конскому хвосту, но конь сорвался с места так стремительно, что перевернуться было уже невозможно и оставалось только крепче держаться за его хвост.

Наконец путешествие кончилось и они остановились у ворот богатого дома.

— А теперь, Билли, — сказал человек, — делай все в точности, как я, и следуй за мной. А так как ты не сумел отличить голову коня от хвоста, помни, ты не должен вертеть головой, пока не сможешь точно сказать, стоишь ты на голове или на ногах: учти, старое вино может заставить говорить даже кошку, но также может сделать немым человека.

Тут человек произнес несколько чудных словечек, которые Билли не понял, но тем не менее умудрился повторить следом за

ним. И оба пролезли в замочную скважину сначала одной двери, потом другой, пока наконец не очутились в винном погребе, в котором хранились всевозможные вина.

Маленький человечек напился до чертиков. Билли ни в чем не хотел от него отставать и тоже выпил.

— Вы лучший господин на свете, ей-ей! — говорил Билли человечку. — Кто будет следующий, наплевать. Мне очень нравится служить у вас, если вы и дальше станете давать мне как следует выпить.

— Ни в какие сделки я с тобой не вступал, — сказал человек, — и не собираюсь. Подымайся и следуй за мной!

И они убрались восвояси через замочные скважины. Каждый взобрался на тростник, оставленный у входной двери, и не успели сорваться с их губ слова: «Боррам, Боррам, Боррам!» — как оба уже неслись галопом, расшвыривая перед собою облака, будто снежные комья.

Когда они вернулись к крепостному валу, человечек отпустил Билли, приказав ему явиться на то же место и в тот же час на следующий вечер. Так они и разъезжали одну ночь туда, другую сюда, когда на север, когда на восток, когда на юг, пока во всей Ирландии не осталось ни одного достойного винного погреба, в котором бы они не побывали. Более того, они теперь знали букет всех вин, какие хранились в этих погребах, пожалуй, лучше самих дворцовых.

И вот как-то вечером, когда Билли Мак Дэниел, как обычно, встретился с человечком на крепостном валу и направился было к болоту за конями для очередной поездки, его господин сказал ему:

— Билли, сегодня мне понадобится еще один скакун, может случиться, что возвращаться мы будем в большей компании, чем едем туда.

И Билли, который теперь уже прекрасно знал, что задавать вопросы не следует, не стал ждать приказаний своего господина, а взял да принес еще один тростник. Ему не терпелось узнать, кто же все-таки будет возвращаться в их компании.

«Может, мой брат-слуга, — думал Билли. — Тогда уж он будет ходить на болото за конями каждый божий вечер. А я ничем не хуже своего господина, по-моему, я такой же истинный джентльмен, как он».

Так-то вот. И они отправились. Билли вел третьего коня, и в дороге они не остановились ни разу, пока не добрались до приглядного фермерского домика в графстве Лимерик. Он стоял чуть ниже старого Карригоганиельского замка, который был выстроен, как говорят, самим великим Брианом Бору. В доме шел

настоящий пир горой, и человек на минуту остановился у двери послушать. Потом вдруг повернулся к Билли и сказал:

— Знаешь, Билли, завтра мне стукнет ровно тысяча лет!

— Да что вы? Ну, дай бог вам доброго здоровья,— говорит Билли.

— Никогда не повторяй этих слов, Билли!— испугался старичок.— Иначе я пропал, и все по твоей милости.— И он продолжал:— Послушай, Билли, раз уж завтра исполняется тысяча лет, как я живу на этом свете, я думаю, мне пришла самая пора жениться, а?

— Я тоже так думаю,— согласился Билли.— Вне всяких сомнений даже, если только вы и в самом деле намерены жениться.

— За этим я и притаился сюда в Карригоганиель,— сказал старичок.— Сегодня вечером в этом самом доме молодой Дарби Райли собирается жениться на Бриджет Руни. Она высокая и миленькая, к тому же из хорошей семьи, и я решил поэтому сам на ней жениться и забрать ее с собой.

— А что скажет на это Дарби Райли?— спросил Билли.

— Молчи!— сказал человек и очень строго поглядел на него.— Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты задавал мне вопросы.

И без дальнейших объяснений он забормотал те самые чудные словечки, с помощью которых пролезал в замочную скважину легко, будто воздух. А Билли считал себя чудо каким умным, что ухитрился повторять их следом за ним.

Они оба проникли в дом, и, чтобы получше разглядеть гостей, человек вспорхнул, словно воробей какой-нибудь, на толстую балку, которая проходила через весь потолок над головами пирующих. Билли последовал его примеру и уселся на другую балку к нему лицом. Но так как он не очень-то привык сидеть в подобных местах, ноги его неуклюже болтались в воздухе, и было совершенно ясно, что в этом деле он не ухитрился точно следовать примеру маленького человечка,— тот сидел, согнувшись в три погибели. Будь он портным хоть всю свою жизнь, ему бы не устроиться удобней, чем вот так, подогнувши под себя ноги.

Так они и сидели там, господин и слуга, и глядели вниз на пирующих. А под ними расселись священник с волынщиком, отец Дарби Райли с двумя братьями Дарби и сыном его дяди. Сидели там и отец с матерью Бриджет Руни. Эта парочка очень гордилась в тот вечер своей дочкой. Что ж, у стариков было на это полное право! Потом четыре сестры невесты в новеньких с иголочки лентах на шляпках и ее три братца—такие умытые

и умненькие на вид, ну прямо три мальчика из Манстера. Еще дяди, и тетки, и кумушки, и всякие там двоюродные — в общем, хватало, дом был набит битком. А стол просто ломился от еды и питья. Даже если б вдвое больше набралось народу, и то хватило бы каждому.

И вот в тот самый момент, когда миссис Руни с благоговением приступила к первому куску поросячьей головы с белой капустой, невеста вдруг возьми да чихни. Все сидевшие за столом вздрогнули, но ни один не сказал: «Дай бог тебе доброго здоровья!» Каждый подумал, что это сделает священник, как и следовало бы ему по долгу службы. Никому не хотелось разевать рот, чтобы вымолвить хоть словечко, потому что, к несчастью, все рты были заняты поросячьей головой и зеленью. И через минуту уже за свадебным столом продолжались шутки и веселье. Обошлось без святого благословения.

Однако Билли и его господин с высоты своего положения не остались безучастными наблюдателями к этому происшествию.

— Ха! — воскликнул маленький человечек и от радости задрыгал одной ногой, которую вытащил из-под себя.

Глазки его так и забегали, так и загорелись странным огоньком, а брови поднялись и изогнулись наподобие готического свода.

— Ха! — сказал он, злорадно поглядывая то вниз на невесту, то вверх на Билли. — Наполовину она уже моя! Пусть только еще два разочка чихнет, не погляжу ни на священника, ни на псалтырь, ни на Дарби Райли — моя, и все тут!

Красотка Бриджет опять чихнула, но так тихо и при этом так покраснела, что, кроме маленького человечка, почти никто этого не заметил или сделал вид, что не заметил. И уж никто и не подумал сказать ей: «Дай бог тебе доброго здоровья!»

А Билли все это время не сводил с бедной девушки глаз, и на лице его была написана глубокая печаль. Он все думал: как это ужасно, что такая вот симпатичная молоденькая девятнадцатилетняя девушка, с огромными голубыми глазами, нежной кожей и с ямочками на щеках, пыщущая здоровьем и весельем, должна выйти замуж за маленького уродца, которому стукнуло без одного дня тысячу лет!

Как раз в эту решающую минуту невеста чихнула в третий раз, и Билли, что было мочи, выкрикнул:

— Дай бог тебе доброго здоровья!

Почему вырвался у него этот возглас — то ли потому, что он пожалел невесту, то ли просто в силу привычки, — он и сам не мог толком объяснить. И только он произнес это, маленький человечек вспыхнул от ярости и разочарования, прыгнул с балки,

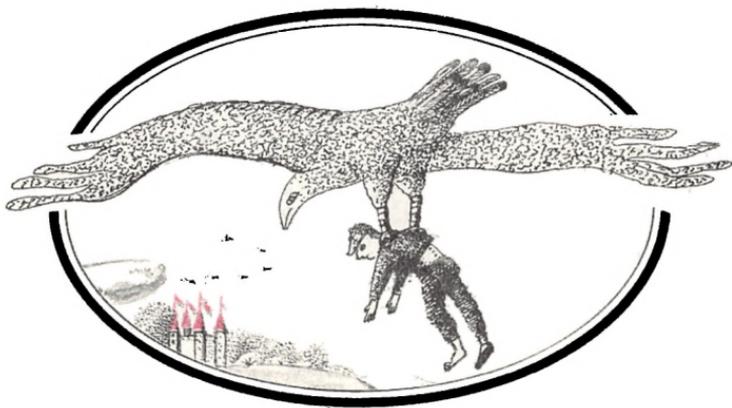
на которой сидел, и, выкрикнув пронзительно, словно испорченная вольнка: «Я тебя увольняю, Билли Мак Дэниел, а в награду получай!» — дал бедному Билли такого здоровенного пинка в зад, что злополучный слуга растянулся лицом вниз, руки в стороны на самой середине праздничного стола.

Уж если Билли удивился, то можете себе представить, как-во было изумление пирующих, когда его так вот бесцеремонно сбросили прямо на них. Но он рассказал им свою историю, и отец Куни отложил в сторону нож и вилку и тут же, не сходя с места и не теряя времени, обвенчал молодых.

А Билли Мак Дэниел отплясывал ринку на их свадьбе, да и угостили его на славу, что, на его взгляд, было лучше танцев.

Дурное место

Легенда

ОЕ-КТО, наверное, и слышал о знаменитых приключениях Дэниела О'Рурка, но немного найдется таких, которые знают, что причиной всех его злоключений над землей и под водой было лишь одно: он заснул под стенами башни пака¹.

Я хорошо знал этого человека. Он жил у подножия Худого Холма, как раз по правую руку от дороги, если вы идете в Бэнтри. Он был стариком, когда рассказал мне свою историю, да, уже стариком с седой головой и красным носом.

Услышал я эту историю из его собственных уст 25 июня 1813 года. Он сидел под старым тополем и потягивал из своей трубки. Вечер был на редкость хорош.

— Меня часто просят рассказать об этом, — начал он, — так что вам я буду рассказывать уже не первому. Видите ли, до того, как стало слышно о Бонапарте и всяком таком прочем, молодые господа часто ездили за границу. Вот и сын нашего лендлорда вернулся из чужих стран, из Франции и Испании. И, само собой, по этому случаю был дан обед, для всех без разбору: для знатных и простых, богатых и бедных.

Что и говорить, в старину господа действительно были господами, вы уж извините меня за такие слова. Конечно, они могли и побранить вас слегка и, может, даже дать кнута разок-другой, да что мы теряли от этого в конце-то концов? Они были такими покладистыми, такими воспитанными. У них всегда был открытый дом и тысячи гостей. Рентой они нас не донимали. И вряд ли

¹ Па к — дух в облике животного.

нашелся бы хоть один из арендаторов, кто бы не испытал на себе щедрость своего лендлорда, да и не единожды за год. Теперь уж все не то... Ну, дело не в этом, сэр. Лучше я вам буду рассказывать свою историю.

Так вот, у нас было все, что только душе угодно. Мы ели, пили и плясали. И молодой господин наш пошел танцевать с Пегги Бэрри из Бохерин, — это я к тому, о чем только что говорил вам. Хорошенькой парочкой они были тогда, оба молодые, а сейчас уж совсем сгорбились. Да, короче говоря, я, видимо, сильно подвыпил, потому что до сих пор, хоть убейте, не могу вспомнить, как я выбрался оттуда. Хотя выйти-то я оттуда вышел, это уж точно.

Так вот, несмотря на это, я все-таки решил про себя: зайду-ка к Молли Кронохан, знахарке, перемолвиться словечком насчет замороженного теленка. И начал переправляться по камням через баллишинохский брод. Тут я возьми да и заглянись на звезды, да еще перекрестился. Зачем? Но ведь это же было на благоещенье! Нога у меня поскользнулась, и я кубарем полетел в воду.

«Ну, конец мне! — подумал я. — Сейчас пойду ко дну». И вдруг я поплыл, поплыл, поплыл, из последних сил своих, и сам даже не знаю, как прибился к берегу какого-то необитаемого острова.

Я бродил и бродил, сам не ведая где, пока меня не занесло наконец в большое болото. Так наяривала луна, что было светло, точно днем; она сверкала, как глаза у вашей красотки, — простите, что я заговорил о ней. Я глядел на восток, на запад, на север и на юг — словом, во все стороны, и видел лишь болото, болото и болото. До сих пор не могу понять, как же я туда забрался? Сердце у меня заледенело от страха, так как я был твердо уверен, что найду там свою могилу. Я опустил на камень, который, по счастью, оказался рядом со мной, почесал в затылке и запел сам себе отходную.

Вдруг луна потемнела. Я взглянул вверх и увидел, как нечто словно движется между мною и луной, но что, решить я не мог. Нечто камнем упало вниз и заглянуло мне прямо в лицо. Вот те на, да это оказался орел! Самый обыкновенный орел, какие прилетают из графства Керри. Он поглядел мне в глаза и говорит:

— Ну, как ты тут, Дэниел О'Рурк?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр, — отвечал я. — Надеюсь, и вы тоже, — а сам про себя удивляюсь, как это орел заговорил вдруг по-человечески.

— Что занесло тебя сюда, Дэн? — спрашивает он.

— Да ничего! — отвечаю ему. — Хотел бы я снова очутиться дома целехоньким, вот что!

— А-а, ты хотел бы выбраться с этого острова, не так ли, Дэн?

— Именно так, сэр,— говорю я.

Тут я поднимаюсь и рассказываю ему, как хватил лишнего и свалился в воду, как доплыл до этого острова, забрел в болото и теперь вот не знаю, как из него выбраться.

— Дэн,— говорит он, подумав с минуту,— хотя это и очень нехорошо с твоей стороны — напиваться на благовещенье, но в общем-то ты парень приличный, непьющий, аккуратно посещаешь мессу и никогда не швыряешь камнями в меня или в моих братьев, не гоняешься за нами по полям, а поэтому — я к твоим услугам! Садись верхом ко мне на спину да обхвати меня покрепче, а не то свалишься, и я вынесу тебя из этого болота.

— А ваша светлость не смеется надо мной? — говорю я. — Слышанное ли дело, кататься верхом на орле?

— Слово джентльмена! — говорит он, кладя правую лапу себе на грудь. — Я предлагаю серьезно. Так что выбирай: или принимаешь мое предложение, или помирай с голоду здесь в болоте! Да, между прочим, я замечаю, что от твоей тяжести камень уходит в болото.

И это была истинная правда, потому что я и сам заметил, как камень с каждой минутой все больше оседал подо мной. Выбора не оставалось. Я всегда считал, что смелость города берет, о чем и подумал тогда, и сказал:

— Благодарю вас, ваша честь, за такую сердечность. Я принимаю ваше любезное приглашение!

Затем взобрался орлу на спину, крепко обнял его за шею, и орел взмыл в воздух, подобно жаворонку.

Тогда я и не предполагал о ловушке, которую он готовил мне!

Выше, выше и выше, бог знает как высоко залетел он.

— Постойте,— говорю я ему, думая, что он не знает верной дороги к моему дому, конечно, очень вежливо, потому что кто его разберет, ведь я был целиком в его власти. — Сэр,— говорю я,— при всем моем глубочайшем уважении к мудрым взглядам вашей светлости я хотел бы, чтобы вы спустились немного, так как сейчас вы находитесь как раз над моей хижинкой и можете меня туда сбросить, за что я буду бесконечно благодарен вашей милости.

— Ай да Дэн! — воскликнул он. — Ты что, за дурака меня считаешь? Погляди-ка вниз на соседнее поле, разве ты не видишь двух людей с ружьями? Это не шуточки, ей-ей, когда тебя вот так возьмут да подстрелят из-за какого-то пьяного болвана, которого тебе пришлось подхватить с холодного камня на болоте.

«Черт бы тебя побрал», — подумал я про себя, но вслух ничего не сказал: что пользы было в этом?

Вот так-то, сэр, а он все продолжал лететь вверх и вверх. Через каждую минуту я снова просил его спуститься вниз, но тщетно.

— Скажите, ради бога, сэр, куда вы летите? — спросил я его.

— Попридержи-ка свой язык, Дэн, — говорит он мне. — Займись лучше своими делами, а в чужие не вмешивайся!

— Вот те на, я полагаю, это как раз мое дело! — сказал я.

— Помалкивай, Дэн! — крикнул он.

И больше я ничего не сказал.

Наконец мы прибыли — вы только представьте себе куда — на самую луну! Сейчас вы уже не можете этого видеть, но тогда, то есть еще в мое время, на боку у луны торчало что-то вроде серпа.

И Дэниел О'Рурк концом своей палки начертил на земле фигуру, похожую на серп.

— Дэн, — сказал орел, — я устал от такого длинного полета. Вот уж не думал, что это так далеко.

— А кто, милостивый государь, — говорю я, — просил вас так далеко залетать? Я, что ли? Не просил я вас разве, не умолял и не упрашивал остановиться еще полчаса назад?

— Теперь говорить об этом поздно, Дэн, — сказал орел. — Я до чертиков устал, а потому слезай-ка с меня! Можешь сесть на луну и ждать, пока я отдышусь.

— Сесть на луну? — говорю я. — Вот на эту маленькую кругленькую штучку? Да я тут же свалюсь с нее и расшибусь в лепешку. Вы просто подлый обманщик, вот вы кто!

— Вовсе нет, Дэн, — говорит он. — Ты можешь крепко ухватиться за этот серп, что торчит сбоку у луны, и тогда не упадешь.

— Нет, не хочу, — говорю я.

— Может, и не хочешь, — говорит он совсем спокойно. — Но если ты не слезешь, мой дружок, я сам тебя стрягну и дам тебе разок крылом, так что ты живо очутишься на земле и уж костей своих не соберешь, они разлетятся, как росинки по капустным листьям ранним утречком.

«Ну и ну, — сказал я себе, — в хорошенькое положение я попал. Зачем только я увязался за ним!»

И, послав в его адрес крепкое словцо — по-ирландски, чтобы он не понял, — я скрепя сердце слез с его спины, ухватился за серп и сел на луну. Ну и холодное это сиденье оказалось, скажу я вам!

После того как он вот таким образом благополучно ссадил меня, он оборачивается ко мне и говорит:

— Доброго утра, Дэниел О'Рурк! Я думаю, теперь мы в расчете! В прошлом году ты разорил мое гнездо (что ж, он сказал сущую правду, только как он узнал об этом, ума не приложу), и за это ты теперь насидишься здесь вволю. Хочешь не хочешь, а будешь торчать здесь на луне, как пугало огородное.

— Значит, все кончено? — говорю я. — Ты что же, так вот меня и оставишь здесь, негодяй? Ах ты, мерзкий, бессердечный ублюдок! Так вот как ты услужил мне! Будь же проклят сам со своим горбатым носом и со всем твоим потомством, подлец!

Но что было толку от этих слов? Он громко расхохотался, расправил свои огромные крылья и исчез, словно молния. Я кричал ему вдогонку: «Остановись!» — но с таким же успехом я мог бы звать и кричать хоть весь век, он бы не откликнулся. Он улетел прочь, и с того самого дня и поныне я его больше не видел, — пусть беда всегда летает вместе с ним!

Я оказался в безвыходном положении, уверяю вас, и в отчаянье рыдал так, что не мог остановиться. Вдруг в самой середине луны открывается дверь, да с таким скрипом, словно ее целый месяц не отворяли, хотя, я думаю, ее просто никогда не смазывали, и выходит из нее... Ну, кто бы вы думали? Лунный человек, я сразу узнал его по волосам.

— Приветствую тебя, Дэниел О'Рурк! — сказал он. — Как дела?

— Очень хорошо, благодарю, ваша честь, — ответил я. — Надеюсь, и у вас тоже.

— Как тебя занесло сюда, Дэн?

Тут я ему рассказал, как хватил лишнего в доме хозяина, как был выброшен на пустынный остров и заблудился в болоте и как мошеник орел обещал меня вынести оттуда, а вместо этого занес вот сюда, на луну.

— Дэн, — говорит лунный человек, когда я кончил, и берет понюшку табаку, — тебе не следует здесь оставаться.

— Уверяю вас, сэр, — говорю ему, — я сюда попал совершенно против своей воли. Как же я теперь назад вернусь?

— Это твое дело, Дэн, — говорит он. — Мое дело сказать тебе, что здесь ты оставаться не должен. Так что выметайся, да поживее!

— Я вам ничего плохого не делаю, — говорю я, — только вот держусь за серп, чтобы не упасть.

— Вот этого ты и не должен делать!

— Ах, простите, сэр, — говорю я, — а нельзя ли мне узнать, большая ли у вас семья? Может, вы дали бы приют бедному пут-

нику? Я полагаю, вас не часто беспокоят такие вот гости, как я. Ведь путь-то сюда неблизкий.

— Я живу один, Дэн,— ответил он.— А ты лучше отпусти этот серп!

— Клянусь, сэр,— говорю я,— с вашего разрешения, я не отпущу его! И чем больше вы будете просить, тем крепче я буду держаться. Так я хочу!

— Лучше отпусти, Дэн,— опять говорит он.

— Раз так, мой маленький приятель,— говорю я, измеряя его взглядом с головы до ног,— в нашей сделке будут два условия: вы уходите, если желаете, а я с места не сдвинусь!

— Ну, мы еще посмотрим, как это получится,— сказал лунный человечек и ушел обратно к себе, но, уходя, так хлопнул дверью, что я подумал: сейчас и луна и я вместе с нею рухнем вниз. Было ясно, что он здорово рассердился.

Так вот, я уж внутренне подготовился помериться с ним силами, как тут он снова выходит с острым кухонным ножиком в руках и, не говоря ни слова, ударяет им два раза по ручке серпа, за которую я держался,— клянги!— она разламывается пополам.

— Эй, Дэн, доброго утра!— крикнул этот злобный и подленький старикашка, когда увидел, как я полетел прямо вниз, ухватившись за остаток ручки.— Благодарю за визит! Гладенькой дорожки, Дэниел!

Я не успел ему ответить, так как меня крутило, и вертело, и несло вниз со скоростью гончей собаки.

— О господи!— воскликнул я.— Хорошенькое это занятие для приличного человека, да еще глухой ночью, если бы кто увидел! Ну и влип я!

Но не успел я выговорить эти слова, как вдруг — взззз! — над моей головой пролетела стая диких гусей, которая направлялась не иначе как с моего заветного болота в Бэллишенафе, а то как бы они узнали меня? Старый гусак, вожак их, обернулся и крикнул мне:

— Это ты, Дэн?

— Я самый,— ответил я, нисколько не удивившись, что он заговорил, потому что к тому времени я уж начал привыкать ко всякой такой чертовщине, а кроме того, с ним мы были старые знакомые.

— С добрым утром, Дэниел О'Рурк,— сказал он.— Как твое здоровье сегодня?

— Прекрасно!— ответил я.— Сердечно благодарю!— а сам тяжело вздохнул, потому что как раз его-то мне и недоставало.— Надеюсь, и твое тоже.

— Я имею в виду твое падение, Дэниел,— продолжал он.

— А-а, ну конечно,— ответил я.

— Откуда это ты несешься так? — спросил гусак.

Тут я ему рассказал, как я напился и попал на остров, как заблудился на болоте и как обманщик орел занес меня на луну, а лунный человек выпроводил меня оттуда.

— Я тебя спасу, Дэн,— сказал гусак.— Протяни руку и хватай меня за ногу. Я отнесу тебя домой.

— Твоими бы устами да мед пить! — сказал я, хотя про себя все время думал, что не очень-то доверяю ему.

Но помощи ждать было неоткуда, поэтому я схватил гусака за ногу и полетел вместе с остальными гусями со скоростью ветра. Мы летели, летели и летели, пока не очутились прямо над океаном. Я это сразу понял, потому что справа от себя увидел Ясный Мыс, торчащий из воды.

— Милорд,— сказал я, решив на всякий случай выразаться как можно учтивее,— пожалуйста, летите к земле!

— Что ты, Дэн,— ответил он,— пока это никак невозможно. Ведь мы летим в Аравию.

— В Аравию! — воскликнул я.— Так это же где-то далеко-далеко, в чужих землях. Ах, что вы, мистер Гусь, неужели в вас нет сострадания к бедному человеку?

— Ты-ш, ты-ш ты, глупец,— сказал он,— попридержи-ка свой язык! Уверю тебя, Аравия очень приличное место и как две капли воды похожа на Западный Карбери, только там чуть побольше песка.

И как раз когда мы с ним переговаривались, на горизонте показалось судно, гонимое ветром,— ну просто заглядишься.

— Послушайте, сэр,— говорю я,— сбросьте меня, пожалуйста, на это судно!

— Но мы находимся не точно над ним,— ответил он,— и если я тебя сейчас сброшу, ты плюхнешься прямо в воду.

— Нет, что вы,— говорю я,— мне же виднее, оно сейчас точнее-хонько под нами. Выпустите же меня скорее!

— Выпустить так выпустить, дело твое,— сказал он и разжал лапы.

Увы, он оказался прав! Конечно, я плюхнулся прямо на соленое морское дно. Очутившись на самом дне, я совсем уж было распрощался с жизнью, как вдруг ко мне приблизился кит, почесываясь после ночного сна, заглянул мне в лицо и, не произнеся ни единого слова, поднял свой хвост и еще разок окатил меня холодной соленой водой, так что сухого места на мне не осталось. И тут я услышал — причем голос мне показался очень знакомым:

— Вставай ты, пьяный бездельник! Убирайся отсюда!

Я открыл глаза и увидел перед собой мою Джуди с полным ушатом воды, которую она выливала на меня.

Дело в том, что хотя в общем Джуди была хорошая жена — дай бог ей доброго здоровья, — она совершенно не выносила, когда я напивался, и тут уж давала волю рукам.

— Подымайся-ка! — сказала она опять. — Худшего места ты не мог себе найти во всем приходе? Ишь разлегся под самыми стенами старой башни пака! Могу представить, как спокойненько ты отдохнул тут!

Что и говорить, разве я отдыхал? Все эти орлы, и лунные человечки, и перелетные гуси, и киты, которые переносили меня через болота, заносили на луну и сбрасывали оттуда на соленое морское дно, чуть с ума меня не свели.

Но теперь я твердо знал: что бы ни случилось, я уже никогда не лягу отдыхать на дурное место.

Мунахар и Манахар

АВНЫМ-ДАВНО жили на свете Мунахар и Манахар. Много воды утекло с тех пор. А коли сказано, что они жили давным-давно, стало быть, теперь их уж нет на белом свете.

Мунахар и Манахар всегда ходили вместе рвать малину. Но сколько бы Мунахар ни набрал, Манахар все съедал. И Мунахар наконец сказал, что пойдет срезать хворостину, чтоб проучить негодную «скотину»: это он про Манахара, который съел всю его малину, всю до одной ягодки.

Вот пришел Мунахар к хворостине.

— Да поможет тебе бог! — сказала хворостина.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе хворостины, — говорит хворостина, — пока не достанешь ножа, чтоб срезать меня.

Пошел Мунахар к ножу.

— Да поможет тебе бог! — сказал нож.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за ножом, ножом, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе ножа, — говорит нож, — пока не достанешь точило, чтоб заострить меня.

Пошел Мунахар к точилу.

— Да поможет тебе бог!— сказало точило.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за точилом, точилом, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе точила,— говорит точило,— пока не достанешь водицы, чтоб смочить меня.

Пошел Мунахар к воде.

— Да поможет тебе бог!— сказала вода.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за водицей, водицей, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе водицы,— говорит вода,— пока не достанешь оленя, чтоб переплыть меня.

Пошел Мунахар к оленю.

— Да поможет тебе бог!— сказал олень.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за оленем, оленем, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе оленя,— говорит олень,— пока не достанешь собаку, чтоб поймать меня.

Пошел Мунахар к собаке.

— Да поможет тебе бог!— сказала собака.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за собакой, собакой, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе собаки,— говорит собака,— пока не достанешь маслица, чтоб умаслить меня.

Пошел Мунахар к маслу.

— Да поможет тебе бог!— сказало масло.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за маслицем, маслицем, чтоб умастить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе маслица,— говорит масло,— пока не достанешь кошку, чтоб наскребла меня.

Пошел Мунахар к кошке.

— Да поможет тебе бог!— сказала кошка.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за кошкой, кошкой, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умастить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе кошки,— говорит кошка,— пока не достанешь молочка, чтоб напоить меня.

Пошел Мунахар к корове.

— Да поможет тебе бог!— сказала корова.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за коровой, коровой, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умастить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе молочка,— говорит корова,— пока не принесешь мне охалку сена вон от тех косарей.

Пошел Мунахар к косарям.

— Да поможет тебе бог!— сказали косари.

— Да помогут вам бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот к вам за охалкой сена, сена, чтоб отнести корове, корове, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умастить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе охапки сена,— говорят косари,— пока не до-
станешь для нас у мельника формы для кекса.

Пошел Мунахар к мельнику.

— Да поможет тебе бог!— сказал мельник.

— Да помогут тебе бог и дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за формами для кекса, чтоб дать их косарям, коса-
рям, чтоб дали мне охапку сена, сена, чтоб отнести корове, коро-
ве, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку,
чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку,
чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб
смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать
хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, кото-
рый съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе форм для кекса,— говорит мельник,— пока
не принесешь мне воды в решете вон из той речки.

Взял Мунахар решето и пошел к реке. Наклонился, зачерп-
нул решетом воды, но не успел поднять его, как вода вся выте-
кла. Опять зачерпнул, опять вся вода вытекла.

Так бы ему и черпать не перечерпать до нынешнего дня, кабы
не ворон, пролетавший над его головой.

— Грязь! Грязь!— крикнул ему ворон.

— А, ей-богу, неплохой совет,— согласился Мунахар.

Взял на берегу красной глины и замазал у решета дно — ни
одной дырочки не осталось. Теперь уж решето не выпускало во-
ду, и Мунахар отнес мельнику полное решето воды, и мельник
дал ему формы для кекса, и он отнес формы для кекса косарям,
и косари дали ему охапку сена, и он отнес охапку сена корове,
и корова дала ему молока, и он отнес молоко кошке, и кошка
наскребла масла, и масло умаслило собаку, и собака стала охо-
титься за оленем, и олень поплыл по воде, и вода намочила то-
чило, и точило заострило нож, и нож срезал хворостину, хворо-
стину, чтоб проучить... Но Манахара и след простыл, уж будьте
спокойны!

Ленивая красавица и ее петлушки

ИЛА когда-то на свете бедная вдова, и была у нее дочка — красивая, как день ясный, но ленивая, что ваша хрюшка, — вы уж простите меня за такое сравнение. Во всем городе не было другой такой труженицы, как бедная мать. А уж как она искусно пряла! И заветной мечтой ее было, чтобы и дочка у нее выросла такой же искусницей.

Но дочка вставала поздно, усаживалась завтракать, даже не помолившись, а потом весь день слонялась без дела. За что бы она ни бралась, все словно жгло ей пальцы. А уж слова она тянула, как будто говорить ей было трудней трудного, а может, язык у нее был такой же ленивый, как она сама. Немало горя хлебнула с нею бедная матушка, но ей все как с гуся вода — знай себе хорошеет.

И вот в одно прекрасное утро, когда дела шли хуже некуда, только бедная вдова раскричалась по поводу налогов на муку, как мимо ее дома проскакал сам принц.

— Ай-ай-ай, голубушка! — удивился принц. — У тебя, наверное, очень непослушное дитя, если оно заставляет свою мать так сердито браниться. Ведь не могла же эта хорошенькая девушка так рассердить тебя!

— Ах, что вы, ваше высочество. Конечно, нет! — ответила старая притворщица. — Я только пожурела ее за то, что она слишком усердно работает. Поверите ли, ваше высочество, она может за один день испрядь три фунта льна, на другой день наткать из него полотна, а в третий нашить из него рубах.

— О небо! — удивился принц. — Вот девушка, которая пришла бы по душе моей матушке. Ведь моя матушка — лучшая прядильщица в королевстве! Будьте так любезны, сударыня, наденьте, пожалуйста, на вашу дочку капор и плащ и посадите ее сзади меня на коня! Ах, моя матушка будет так восхищена ею, что, быть может, через неделку сделает ее своей невесткой. Право слово! Конечно, если сама девушка не будет иметь ничего против.

Так-то вот. Женщина не знала, что делать от радости и смущения, да и от страха, что все раскроется. Она не успела еще ни на что решиться, как юную Энти уже усадили позади принца и он ускакал со своей свитой прочь, а у матери в руках остался увесистый кошелек. Долго после этого она не могла прийти в себя, все боялась, как бы с ее дочкой не приключилась беда.

Принцу трудно еще было судить о воспитании и об уме Энти по нескольким ответам, которые он еле вырвал у нее. А королева так и обомлела, увидев на коне позади своего сына крестьянскую девушку. Но когда она разглядела ее хорошенькое личико и услышала, что Энти умеет делать, королева решила, что девушке просто цены нет! А принц улучил минутку и шепнул Энти, что если она не прочь выйти за него замуж, она должна во что бы то ни стало понравиться матери-королеве.

Так-то вот. Вечер подходил к концу. Принц и Энти чем дальше, тем больше влюблялись друг в друга. Только неотступная мысль о пряже то и дело заставляла сжиматься ее сердце. Когда настало время сна, королева-мать отвела Энти в нарядную спальню и, пожелав ей спокойной ночи, указала на большую охапку превосходного льна и молвила:

— Ты можешь начать завтра же утром, во сколько захочешь, и я надеюсь, что к следующему утру мы увидим славную пряжу из этих трех фунтов льна!

В эту ночь бедная девушка почти не сомкнула глаз. Она плакала и сетовала на себя, что не слушала советов матушки.

Наутро, как только ее оставили одну, Энти с тяжелым сердцем принялась за работу. И хотя ей дали прялку из настоящего красного дерева и лен, о каком можно только мечтать, у нее каждую минуту рвалась нитка. То она получалась тонкая, точно паутина, то грубая, словно бечевка для плетки. Наконец она отодвинула свой стул, уронила руки на колени и горько заплакала.

И в этот самый момент перед ней выросла маленькая старушонка с удивительно большими ступнями и спросила:

— О чем ты, красавица?

— Да вот, я должна весь этот лен к завтрашнему утру превратить в пряжу. А у меня и пяти ярдов тонкой нити из него не получается.

— А ты не постыдишься пригласить на свою свадьбу с молодым принцем нищую Большеногую Старуху? Пообещай пригласить меня, и, пока ты сегодня ночью спишь, все три фунта льна превратятся в тончайшую пряжу.

— Конечно, я приглашу тебя, и с удовольствием, и буду заботиться о тебе всю мою жизнь!

— Вот и прекрасно! Ты пока оставайся в своей комнате до вечернего чая, а королеве можешь сказать, чтобы она приходила за пряжей завтра утром, хоть на заре, если ей угодно.

И все случилось, как старушка пообещала. Пряжа получилась тонкая и ровная, ну словно тончайшая леска.

— Вот молодец девушка! — сказала королева. — Я велю принести сюда мой собственный ткацкий станок из красного дерева. Только сегодня тебе больше не надо работать. *Поработать и отдохнуть, поработать и отдохнуть* — вот мой девиз! Ты и завтра успеешь соткать пряжу. А там, кто знает...

В этот раз девушку мучил страх еще больше, чем в прошлый: теперь она очень боялась потерять принца. Но все равно она ведь не умела даже приготовить основу ткани и не знала, как пользоваться челноком. И она сидела в великом горе, как вдруг перед ней выросла маленькая и совершенно квадратная старушка: такие широкие у нее были плечи и бока. Гостя сказала, что ее зовут Квадратной Старухой, и заключила с Энти ту же сделку, что и Большеногая Старуха.

Ну и обрадовалась королева, когда раным-рано поутру нашла готовое полотно — такое белое и тонкое, словно самая лучшая бумага, какую вам только доводилось видеть.

— Ах, какая милочка! — сказала королева. — А теперь развлекайся с дамами и кавалерами. И если завтра ты из этого полотна нашьешь славных рубах, одну из них ты сможешь подарить моему сыну. И хоть тут же выходи за него замуж!

Ну как было не посочувствовать на другой день бедной Энти; вот-вот принц будет ее, а может, она потеряет его навеки! Но она набралась терпенья и ждала с ножницами и ниткой в руках до

самого полудня. Прошла еще минута, и тут она с радостью увидела, как появилась третья старушка. У старушки был огромный красный нос, и она тут же сообщила Энти, что потому ее так и зовут Красноногая Старуха. Она оказалась ничуть не хуже других, и когда на другой день королева пришла со своим ранним визитом к Энти, дюжина славных рубашек уже лежала на столе.

Что ж, теперь дело оставалось лишь за свадьбой. И уж будьте уверены, свадьбу устроили на широкую ногу. Бедная матушка тоже была среди прочих гостей. За обедом старая королева не могла говорить ни о чем, кроме славных рубашек. Она мечтала о том счастливом времени, когда после медового месяца они с невесткой только и станут, что прясть, ткать да шить рубахи и сорочки.

Жениху были не по душе такие разговоры, а невесте и подавно. Он хотел уж было вставить свое слово, как к столу подошел лакей и сказал, обращаясь к невесте:

— Тетушка вашей милости, Большеногая Старуха, просит узнать, может ли она войти?

Невеста вспыхнула и готова была сквозь землю провалиться, но, к счастью, вмешался принц:

— Скажите миссис. Большеногой, что всем родственникам моей невесты и я и она всегда сердечно рады.

Старушка с большими ногами вошла и уселась рядом с принцем. Королеве это не очень понравилось, и после нескольких слов она довольно злобно спросила:

— Ах, сударыня, отчего это у вас такие большие ноги?

— Э-э, матушка! Верите ли, ваше величество, почти всю свою жизнь я простояла у прялки. Вот от этого!

— Клянусь честью, моя любимая,— сказал принц невесте,— ни одного часа я не позволю тебе простоять у прялки! Тот же самый лакей опять объявил:

— Тетушка вашей милости, Квадратная Старуха, хочет войти, если вы и прочие благородные господа не возражают.

Принцесса Энти была очень недовольна, но принц пригласил гостью войти. Она уселась и выпила за здоровье каждого присутствующего.

— Скажите, сударыня,— обратилась к ней старая королева,— отчего это вы так широки вот тут, между головой и ногами?

— Оттого, ваше величество, что всю свою жизнь я просидела у ткацкого станка.

— Клянусь властью! — сказал принц. — Моя жена не будет сидеть у станка ни одного часа.

Опять вошел лакей.

— Тетушка вашей милости, Красноносая Старуха, просит позволения присутствовать на пиру.

Невеста еще гуще покраснела, а жених приветливо сказал:

— Передайте миссис Красноносой, что она оказывает нам честь!

Старушка вошла, ей оказали всяческое уважение и усадили рядом с почетным местом за столом. А все гости, сидевшие пониже ее, поднесли к носу кто бокалы, кто стаканы, чтобы спрятать свои улыбки.

— Сударыня, — обратилась к ней королева, — не будете ли вы так добры рассказать нам, отчего это ваш нос такой большой и красный?

— Видите ли, ваше величество, я всю свою жизнь склоняла голову над шитьем, и оттого вся кровь прилиwała к носу.

— Милая, — сказал принц Энти, — если я когда-нибудь увижу в твоих руках иголку, я убегу от тебя за тысячу миль!

А ведь по правде говоря, мальчики и девочки, хотя эта история и забавная, мораль в ней совсем неправильная. И если кто-нибудь из вас, озорники, станет подражать Энти в ее лени, сами увидите, вам уж так не повезет, как ей. Во-первых, она была очень, очень хорошенькая, вам всем далеко до нее, а во-вторых, ей помогали три могущественные феи. Теперь фей нет, нет и принцев или лордов, которые проезжают мимо и захватывают вас с собой, трудолюбивые вы или ленивые. И в-третьих, еще не известно, так ли уж счастливы были принц и она сама, когда на них свалились всякие заботы и волнения жизни.

Графиня Кэплин О'Шей

Легенда

В ДАЛЕКУЮ старину объявились однажды в Ирландии два неизвестных купца. Никто о них прежде не слышал, и, однако, они прекрасно изъяснялись на языке этой страны. Черные волосы их перевивала золотая лента, их одежды отличались редким великолепием. Оба казались примерно одного возраста: они выглядели лет по пятьдесят, так как лоб им избороздили морщины, а бороду уже тронула седина.

В гостинице, где остановились эти важные купцы, попытались было разузнать об их намерениях, но тщетно,— те вели скрытный и уединенный образ жизни. Занятий у них не было никаких, и они целыми днями только и делали, что считали да пересчитывали золотые монеты, которые хранили в больших денежных мешках: через окна их комнаты можно было увидеть желтый блеск этих монет.

— Господа,— сказала им в один прекрасный день хозяйка гостиницы,— как же так получается, вот вы такие богачи и могли бы, кажется, поддержать людей в беде, а ни одного благочестивого дела не сделали!

— Прекрасная хозяйюшка,— молвил один из них,— мы не хотели предлагать милостыню честным беднякам, боясь, что нас обманут всякие притворщики. Но пусть Нужда постучится к нам в дверь, и мы откроем ей!

На другой день, когда разнесся слух, что богатые незнакомцы приехали, чтобы раздавать всем свое золото, их дом осадила

толпа людей. Правда, оттуда все выходили с разным видом: у одних на лице была написана гордость, у других — стыд.

Оказывается, эта парочка бродячих торговцев скупала для дьявола человеческие души.

Душа пожившего человека стоила двадцать золотых, и ни пенни больше: у Сатаны было достаточно времени, чтобы узнать ей цену. Душа женщины стоила пятьдесят, если та была хороша собой, и целых сто, если уродлива. Ну, а уж за душу молоденькой девушки поднимай цену выше! За свежие, чистые цветы платят дорого.

В те времена жила в этом городе графиня Кэтлин О'Шей, ангел красоты. Все ей поклонялись, а для бедняков она была единственной надеждой. Как только услышала она, что эти злодеи, воспользовавшись народной бедой — в городе в это время был голод, — крадут у бога человеческие души, она тотчас позвала к себе дворецкого.

— Скажи, Патрик, — обратилась она к нему, — сколько золотых монет в моих сундуках?

— Сто тысяч.

— А сколько драгоценностей?

— На ту же сумму, что и золота.

— А что стоит все имущество в моих замках, мои леса и земли?

— Вдвое больше, чем у вас денег и драгоценностей.

— Что ж, прекрасно, Патрик. Продай все, кроме золота, конечно, и принеси мне, что выручишь. Я хочу сохранить только этот дом.

За два дня приказания благочестивой Кэтлин были выполнены, и все богатства ее были розданы беднякам соответственно их нужде.

Однако это не входило в расчеты дьявола, как передает нам предание, — ведь для него не осталось душ, которые он мог бы скупить. И вот с помощью неверного слуги эти подлые купцы проникли в покои благородной дамы и похитили последние остатки ее богатства. Напрасно она изо всех сил боролась, чтобы спасти содержимое своих сундуков: жулики Сатаны были сильнее. Конечно, если бы Кэтлин смогла перекреститься, добавляет легенда, она бы обратила их в бегство, но она защищалась, и поэтому руки у нее были заняты. Кража совершилась.

И когда вскоре бедняки обратились к ограбленной Кэтлин за помощью — увы, это оказалось бесполезно. Она более не могла уж поддержать их в нужде. Ей пришлось предоставить их искушению дьявола.

А между тем должно было пройти восемь дней, пока хлеб и прочая провизия в изобилии прибыли бы в город из восточных стран. Эти восемь дней были целой вечностью! Восемь дней требовали огромных денег, чтобы спасти всех от голода. Беднякам предстояло либо погибнуть голодной смертью, либо, отвергнув заповедь святого евангелия, совершить низкую сделку и продать свои души — лучший дар щедрой руки всемогущего. А у Кэтлин уже не было ничего, даже свой последний дом она отдала страждущим.

Двенадцать часов провела она в слезах и стенаниях, бия себя в лилейно-белую грудь. А затем в порыве отчаяния поднялась решительно и отправилась к продавцам человеческих душ.

— Что вам угодно? — спросили те.

— Вы покупаете души?

— Да, кое-что еще удается купить, несмотря на ваши старания, синеглазая святая. А что скажешь?

— Сегодня я пришла заключить с вами сделку, — ответила она.

— Какую же?

— У меня есть душа для продажи, но она стоит дорого.

— Разве это имеет значение, если она драгоценная? Душа, как бриллиант, ценится по чистоте.

— Это моя душа.

Сатанинские посланники так и задрожали, даже коготки свои выпустили под лайковыми перчатками. Серые глазки их так и загорелись. Душа самой Кэтлин, чистая, незапятнанная, непорочная, — вот это добыча!

— Сколько же ты просишь, красавица?

— Сто пятьдесят тысяч золотом.

— Изволь! — ответили торговцы и протянули Кэтлин пергамент с черной печатью, который она, содрогнувшись, подписала.

Денежки ей были тут же отсчитаны.

Вернувшись домой, она сказала дворецкому:

— Вот, раздай это! На эти деньги, что я даю тебе, бедняки протянут оставшиеся восемь дней, и больше ни одна душа не попадет к дьяволу!

Потом она закрылась в своих комнатах и приказала никому ее не тревожить.

Прошло три дня. Она никого не звала и сама не выходила.

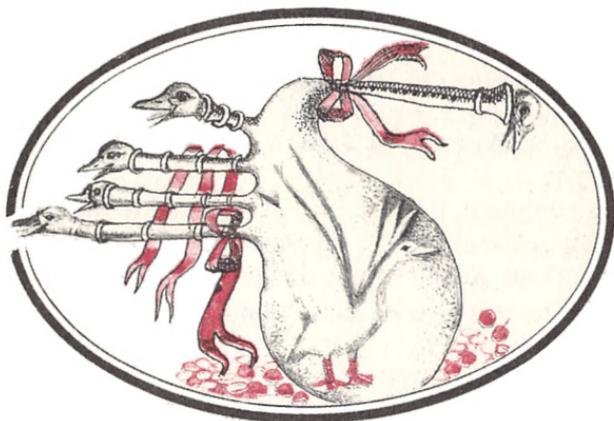
Когда же дверь отворили, то нашли ее холодной и недвижимой. Она умерла от печали.

Но бог объявил торг этой души — столь прекрасной в своем милосердии — недействительным: ведь она спасла своих сограждан от вечных мук.

Спустя восемь дней множество кораблей доставили голодающей Ирландии несметные запасы зерна. Голод кончился.

Что же касается тех торговцев, то они исчезли из гостиницы, и никто так и не узнал, что с ними случилось. Правда, блэкуотерские рыбаки поговаривают, будто по приказу Люцифера их заточили в подземную тюрьму до тех пор, пока они не сумеют снова заполучить душу Кэтлин, которая на этот раз ускользнула от них.

Волынщик и пак

АВНЫМ-ДАВНО жил в Данморе, что в графстве Голуэй, один придурковатый паренек. Он страсть как любил музыку, а выучить больше одной песенки так и не сумел. Песенка эта называлась «Черный бродяга». Разные господа часто приглашали его для увеселения, и он получал за это немалые денежки.

Как-то раз поздно вечером волынщик этот возвращался из дома, где происходили танцы. Он был порядком навеселе. Поравнявшись с мостиком, от которого было рукой подать до материнского дома, он нажал на свою волынку и заиграл «Черного бродягу».

Тут сзади к нему подкрался пак и перебросил его к себе на спину. У пака были длинные рога, и волынщик крепко ухватился за них.

— Сгинь, гнусная скотина! — крикнул он. — Отпусти меня домой! У меня в кармане десятипенсовик для моей матушки. Ей ну-жен нюхательный табак.

— Наплевать мне на твою мать, — сказал пак. — Держись лучше! Если упадешь, свернешь себе шею и загубишь свою волынку. — А потом добавил: — Сыграй-ка мне «Шан Ван Вохт»!

— Но я не умею, — отвечал волынщик.

— Не важно, умеешь или нет, — говорит пак, — начинай, и я тебя научу.

Волынщик задул в свою волынку, и такая мелодия у него получилась, что он и сам удивился:

— Ей-богу, ты замечательный учитель музыки! Ну, а куда ты меня тащишь, скажи?

— Сегодня ночью на вершине Скалы Патрика в доме банши¹ большое торжество, — говорит пак. — Вот я туда тебя и несу, чтоб ты нам поиграл. И поверь моему слову, тебе неплохо заплатят за труды!

— Вот здорово! Значит, ты избавишь меня от путешествия, — сказал волынщик. — А то, видишь ли, отец Уильям наложил на меня епитимью: велел совершить паломничество к Скале Патрика, потому что на последний Мартынов день я стащил у него белого гусака.

Пак стрелой пронес его над холмами, болотами и оврагами, пока не достиг вершины Скалы Патрика. Тут он трижды топнул ногой, тотчас растворилась огромная дверь, и они вместе прошли в великолепную комнату.

Посреди комнаты волынщик увидел золотой стол, вокруг которого сидело чуть ли не сто старух-банши. Они все разом поднялись и произнесли:

— Сто тысяч приветствий Ноябрьскому Паку! Кого это ты с собой привел?

— Лучшего волынщика во всей Ирландии, — ответил пак.

Одна банши топнула ногой, тотчас в боковой стенке открылась дверь, и волынщик увидел... Кого бы вы думали? Да того самого белого гусака, которого он стащил у отца Уильяма.

— Но ей-богу же, — воскликнул волынщик, — мы с моей матушкой до последней косточки обглодали этого гуся! Только одно крыльшко я дал Рыжей Мэри. Она-то и сказала пастору, что это я украл гуся.

Гусак прибрал со стола, а пак сказал:

— Сыграй-ка этим дамам!

Волынщик начал играть, и банши пошли танцевать. Они отплясывали, пока у них не подкосились ноги. Тогда пак сказал, что нужно заплатить музыканту, и каждая банши вытащила по золотому и вручила волынщику.

— Клянусь зубом святого Патрика, — сказал волынщик, — теперь я богат, точно сын лорда!

— Следуй за мной, — сказал пак, — я отнесу тебя домой.

¹ Б а н ш и — в ирландской мифологии дух, стоны которого предвещают смерть.

И они тут же вышли. Только вольнщик приготовился усесться верхом на пака, как к нему подошел белый гусак и подал ему новую вольнку.

Пак быстренько донес вольнщика до Данмора и сбросил его возле мостика. Он велел ему сразу отправляться домой и на прощанье сказал:

— Теперь у тебя есть две вещи, которых не было прежде,— это разум и музыка.

Вольнщик дошел до материнского дома и постучался в дверь со словами:

— А ну,пусти-ка меня! Я теперь разбогател, словно лорд, и стал лучшим вольнщиком во всей Ирландии!

— Ты просто пьян,— сказала мать.

— Да нет же,— говорит вольнщик,— и капли во рту не было!

Когда мать впустила его, он отдал ей все золотые монеты и сказал:

— Погоди еще! Послушай, как я теперь играю.

И он задул в новую вольнку, но вместо музыки у него получилось, будто все гусыни и гусаки Ирландии принялись гоготать разом. Он разбудил соседей, и те принялись потешаться над ним, пока он не взялся за свою старую вольнку и не исполнил им мелодичную песенку. А потом он рассказал им, что с ним приключилось в эту ночь.

На другое утро мать пошла полюбоваться на золотые монеты, однако на их месте она увидела лишь сухие листья, и больше ничего.

Вольнщик отправился к пастору и рассказал ему всю историю, но пастор ни одному слову его не захотел верить, пока он не взялся за новую вольнку, из которой полилось гоготанье гусаков и гусынь.

— Прочь с глаз моих, воришка! — возопил пастор.

Но вольнщик и с места не сдвинулся. Он приложил к губам свою старую вольнку — чтобы доказать пастору, что он рассказал ему чистую правду.

С тех пор он всегда брал только старую вольнку и исполнял на ней мелодичные песенки, и до самой его смерти не было в целом графстве Голуэй лучшего вольнщика, чем он.

Озеро исцеления

Легенда

БЫ видите это озеро? — спросил мой собеседник, устремляя свой взгляд на утес, возвышавшийся над Лохлейгом¹. — Хотя вам это и покажется невероятным, но, несмотря на всю свою непривлекательность, — вон как оно заросло ирисом и всякой другой травой, — озеро это считается самым знаменитым во всей Ирландии, вы уж поверьте мне! Млад и стар, богач и бедняк, — словом, всякий из близка и далека идет к нему, чтобы излечить цингу, язвы и прочие недуги. Как будто сам всевышний позаботился, чтобы все члены наши были целыми и невредимыми, ибо это великое несчастье, когда они отказываются служить нам. Да вот, лишь на прошлой неделе побывал здесь у нас один очень важный француз. Приплелся он сюда на костылях, а домой к себе вернулся здоровехоньким, как огурчик, даю вам слово! Правда, он и расплатился с Билли Рейли недурно за то, что тот вылечил его.

— Скажите, пожалуйста! А как же это Билли Рейли вылечил его?

— Как-как! Так и вылечил! Взял шест подлинней да сунул его в озеро до самого дна, а потом вытащил на нем столько глины, сколько хватило бы и на тысячу болячек.

— Какой такой глины?

— Ну, какой? Черной, конечно! Ведь на дне озера полным-полно этой черной грязи, которой можно вылечить хоть целый свет.

¹ Л о х — по-ирландски озеро.

— Да, стало быть, это и впрямь знаменитое озеро...

— Еще бы, конечно, знаменитое! — согласился мой собеседник. — Но не только потому, что оно исцеляет, нет-нет. Всем известно, что на дне его находится прекрасный город, в котором живет добрый народец, как две капли воды схожий с христианами. Ей-ей, истинную правду вам говорю! Шамас-а-Снейд сам видел их, когда отправился за своей пестрой коровенкой, которую у него украли.

— А кто же украл ее?

— Сейчас я вам все расскажу! Шамас — это бедный паренек, который жил со своей старой матерью в жалкой лачуге на самом гребне холма. Они перебивались кое-как, но так или иначе сводили концы с концами. Был у них клочок земли, который приносил немного картошки, да еще вот Пеструшка давала им глоток молока. Словом, по тем временам им приходилось не так уж туго. К тому же Шамас был мастером на все руки и, когда пас корову, срезал вереск и вязал веники. А мать продавала их в базарный день и приносила домой табаку, соли и всего прочего, без чего трудно обойтись даже бедняку.

Но вот как-то раз Шамас поднялся в горы выше обычного — он искал вереск подлинней, так как горожанки не очень-то любят низко наклоняться, а потому предпочитают веники с длинными ручками. Пеструшка его была умна, что любой из нас, грешных. Она следовала за Шамасом по пятам, словно комнатная собачонка, так что присматривать за ней почти и не надо было. В тот день она отыскала на круглой лужайке сочный мох, зеленый, как лук, и спокойно паслась. А Шамаса порядком разморило, что могло случиться со всяким в такой безоблачный летний денек, и он прилег на траву отдохнуть, — вот как мы с вами сейчас отдыхаем на этих камнях.

И что же! Не успел он немножко полежать, как вдруг увидел, что вокруг него разыгрались... Кто бы вы думали? Пыхтуны! Целая толпа пыхтунов. Это эльфы такие: они никогда не вынимают трубки изо рта и очень любят ухаживать за девушками, когда те пасут в уединенных долинах коров или овец.

Одни пыхтуны подбрасывали мяч, другие поддавали его ногой, а третьи подпрыгивали, словно кошки, и ловили его на лету. Все они были такие ловкие и проворные, что Шамас с восхищением следил за их игрой. Но больше всех ему понравился маленький загорелый пыхтунчик в красной шапочке, который всех

подряд сбивал с ног, словно расшвыривал поганки. Раз ему даже удалось завладеть мячом, наверное, на целых полчаса. Тут уж Шамас не удержался и крикнул:

— Браво, мой маленький игрок!

Но не успел он рта закрыть, как — шлеп! — мяч попал ему прямо в глаза, так что искры из них посыпались. Бедняга Шамас решил, что ослеп, и завопил:

— Тысяча проклятий!

Но в ответ услышал лишь громкий смех.

— С нами крестная сила! — пробормотал он. — За что?!

Тут он протер себе хорошенько глаза и почувствовал, что как будто полегчало: он уже смог различить солнце и небо. Постепенно он видел уже все — все, кроме своей коровы и проказников пыхтунов. Должно быть, они растворились в утреннем тумане. Но куда вот девалась Пеструшка? Шамас искал ее и там и сям, но он мог бы проискать ее и до сегодняшнего дня и все равно не нашел бы, и в этом нет ничего удивительного — ведь эльфы-то утащили ее за собой.

Однако Шамас-а-Снейд ничего этого не знал и отправился домой к матери.

— А где корова, Шамас? — спросила старушка.

— Да шут с ней, с коровой, матушка, — ответил Шамас. — Не знаю я, где она!

— Разве так отвечают несчастной, старой матери, ты, олух!

— Ох, матушка, не подымайте вы шума по-пустому! — сказал Шамас. — Цела она, наша старая Пеструха, никуда не делась, право же. Вот если б глаза у меня были на палках, я бы увидел, где она сейчас. Да, кстати вот, о глазах. Ну и повезло же мне! Еще немножко, и нечем бы мне стало присматривать за нашей Пеструшкой.

— О господи! Что же такое случилось с твоими глазами?

— Да все эти пыхтуны, господь спаси нас и помилуй. Засадили мячом мне прямо в глаза! Битый час я не видел ничего, ну ничегошеньки.

— Так, может, они и утащили нашу корову? — спросила мать.

— Не-ет, черта с два! — сказал Шамас. — Корова наша хитра, что твой судья, на то и воля божья. И не такая она дура, чтобы

идти за пыхтунами, когда я нашел для нее сегодня не траву, а просто объеденье!

Так мать с сыном и проговорили всю ночь про свою корову, а утром отправились ее искать. Обыскав все вершины и низины, Шамас вдруг заметил, что из болота торчат... Эге, да никак рога его Пеструшки?

— Матушка! Матушка! — закричал он. — Я ее нашел!

— Где же, мой мальчик? — кричит старушка.

— Да вот, в болоте! — отвечает Шамас.

Тут бедная старушка как завопит не своим голосом. Со всей округи сбежались соседи и вытащили корову из болота. Побожиться можно было, что это та самая Пеструшка. А все ж не та! Вот вы скоро и сами это увидите.

Шамас и его мать отнесли мертвую скотину домой, содрали с нее шкуру, а тушу повесили над очагом. Конечно, то, что они остались без капли молока, было очень тяжело, и, хотя теперь они получили вдоволь мяса, все равно навеки его не хватило бы. Да к тому же еще соседи косо поглядывали на них: мол, что это они собираются есть дохлятину?

Но хуже всего было то, что они и в самом деле не могли есть это мясо, потому что, когда его сварили, оно оказалось жестким, как мертвечина, да еще черным, словно торф. Вы с таким же успехом могли бы вонзить зубы в дубовую доску, как в это мясо, только потом вам пришлось бы усесться подальше от стены, чтобы не разбить об нее свою башку, стараясь выдрать из этого мяса зубы. Так что в конце концов им пришлось бросить это мясо собакам. Но даже те от него отвернулись. И вот оно было выкинуто в канаву, где и сгнило.

Эта неудача стоила бедняге Шамасу много горьких слез — ведь теперь ему приходилось работать с двойным усердием. И он с зари до зари пропадал в горах за вереском.

В один прекрасный день он проходил со связкой веников на спине мимо вот этих самых холмов и вдруг увидел свою Пеструшку! Ее пасли два рыжих человечка.

— Ба, никак это корова моей матушки? — говорит Шамас-а-Снейд.

— Никак нет! — отвечает один человечек.

— Да, конечно, она! — говорит Шамас, бросая веники на землю и хватая корову за рога.

Тогда — что бы вы думали! — рыжие человечки изо всех сил гонят корову вот к этому самому обрыву. Один толчок — и она летит кувырком вместе с Шамасом, который словно прирос к ее рогам. Один всплеск, и воды озера сомкнулись над ними, и Шамас вместе с коровой пошел ко дну.

Но только Шамас-а-Снейд подумал, что пришел ему конец, как вдруг увидел перед собой великолепнейший дворец из драгоценных камней и самоцветов. И хотя он был совершенно ослеплен великолепием этого дворца, все же у него хватило ума не выпускать из рук рога своей коровенки. Мало ли что с ней могли еще сделать? А когда его пригласили зайти во дворец, он отказался.

Но вот раздался страшный шум, двери замка растворились, и оттуда вышли сто прелестнейших леди и джентльменов.

— Что нужно этому смертному? — спросил один из них, казавшийся господином.

— Мне нужна корова моей матушки! — ответил Шамас-а-Снейд.

— Но это ведь не корова твоей матери, — сказал господин.

— То есть как так! — вскричал Шамас-а-Снейд. — Да я ее как свои пять пальцев знаю!

— А где ты ее потерял? — спрашивает господин.

Тут Шамас подходит к нему и выкладывает все: как он отправился в горы, увидел там пыхтунов, которые играли в мяч, как мяч попал ему в глаза и как пропала его корова.

— Пожалуй, ты прав, — говорит господин и вытаскивает кошелек. — Вот тебе за двадцать коров, получай!

— Э, нет! — говорит Шамас. — Меня на мякине не проведешь. Отдавай мою корову — и баста!

— Ну и чудак человек, — говорит господин. — Лучше оставайся здесь, поживи во дворце!

— А мне и с матушкой неплохо живется.

— Дурак! Да оставайся здесь, будешь жить во дворце.

— А мне и в матушкиной хижине хорошо, — говорит Шамас.

— Будешь гулять здесь по садам, фрукты рвать, цветочки.

— По мне, уж лучше вереск в горах рвать.

— Будешь есть и пить сладко.

— Хм, да раз Пеструха опять у меня, картошка с молоком всегда уж будут.

— Ой-ой-ой!— закричали вокруг него леди.— Неужели ты заберешь корову, которая дает нам к чаю молока?

— А что же? Моей матушке молоко нужно побольше вашего. И она получит его! Так что хватит мне зубы заговаривать. Отдавайте-ка мою корову!

Тут они окружили его и стали предлагать целые горы золота за корову, но Шамас наотрез отказался. Тогда, убедившись, что он упрям, как осел, они принялись его тузить.

Но все равно он до тех пор не выпускал из рук рога коровы, пока наконец резкий порыв ветра не вынес его из дворца. И вмиг он очутился со своей Пеструшкой на берегу озера. Вода была совсем спокойной, будто ее не тревожил никто с самого детства Адама,— а это было давненько, сами понимаете.

Так-то вот. Отвел Шамас-а-Снейд свою корову домой, а уж как матушка ей обрадовалась! Но только она промолвила: «Боже мой, никак наша скотинка!» — коровенка тут уже развалилась, словно сухой брикет из торфа. Таков был конец Пеструшки Шамаса-а-Снейда.

— А сейчас,— сказал мой собеседник, подымаясь с камней,— пойду-ка погляжу на мою коровенку, а то, не ровен час, утащат ее пыхтуны!

Я заверил его, что ничего подобного не случится, и на этом мы расстались.

Завороженный тудинг

МОЛЛИ РОУ РАФЕРТИ была отпрыском — я имею в виду дочью — того самого старика Джека Раферти, который прославился тем, что всегда носил шляпу только на голове. Да и вся семейка его была со странностями, что уж верно, то верно. Так все считали, кто знал их хорошенько. Говорили даже, — хотя ручаться, что это истинная правда, я не стану, чтоб не соврать вам, — будто если они не надевали башмаков или, там, сапог, то ходили разутые. Правда, впоследствии я слышал, что, может, это и не совсем так, а потому, чтобы зря не оговаривать их, лучше не будем даже вспоминать об этом.

Да, так, значит, у Джека Раферти было два отпрыска, Пэдди и Молли. Ну, чего вы все смеетесь? Я имею в виду сына и дочь. Все соседи так всегда и считали, что они брат с сестрой, а правда это или нет, кто их знает, сами уж понимаете; так что с божьей помощью и говорить нам тут не о чем.

Мало ли какие еще безобразия про них рассказывали, даже и повторять тошно. Вот будто и старый Джек и Пэдди, когда ходят, сначала одной ногой шагают вперед, а потом уж только другой, все не как у людей.

А про Молли Роу говорили, что у нее престранная привычка, когда спит, закрывать глаза. Если это и в самом деле так, тем хуже для нее, ведь даже ребенку ясно, что когда закроешь глаза, то ничего ровным счетом не видно.

В общем-то, Молли Роу была девушка что надо: здоровая, рослая, упитанная, а миленькая головка ее горела словно огонь — это из-за огненно-рыжих волос. Потому ее и прозвали

Молли Роу, то есть Рыжая. Руки и шея у нее по цвету не уступали волосам. А такого премиленького приплюснутого и красного носа вы уж наверное ни у кого не встречали. Да и кулаки — ведь бог наградил ее еще и кулаками — очень сильно смахивали на большие брюквы, покрасневшие на солнце.

И — чтобы уж до конца говорить только правду — по нраву она была тоже огонь, как и ее голова, и ничего в этом удивительного нет, ну, горячая, так ведь кто не испытал на себе сердечной теплоты всех Раферти? А так как бог ничего не дает напрасно, то здоровые и красные кулачищи Молли — если только все, что мы сказали о них, была правда — служили ей не для украшения, а для дела. Во всяком случае, имея в виду ее бойкий характер, можно было не опасаться, что они изнежатся от безделья, и на это уж имелись верные подтверждения.

Ко всему, она еще и косила на один глаз, правда, в некотором роде это даже шло ей. Но ее будущему бедняге мужу, когда бы она завела его, следовало бы на всякий случай вбить себе в голову, что она видит все даже за углом и уж, конечно, раскроет все его темные делишки. Хотя ручаться, что это именно потому, что она косяка, я не стану, чтоб не соврать вам.

Ну вот, и с божьего благословения Молли Роу влюбилась. Так случилось, что по соседству с нею жил врожденный бродяга по прозвищу Гнус Джилспи, который страдал даже еще большей красотой, чем она сама. Гнус, да хранит нас всевышний, был, что называется, проклятым пресвитерианцем и не желал признавать сочельника — вот нечестивец-то, — разве что только, как говорится, по старому стилю.

Особенно хорош Гнус был, если разглядывать его в темноте, впрочем, как и сама Молли. Что ж, ведь доподлинно известно, если верить слухам, что именно ночные свидания и предоставили им счастливый случай уединиться от всех людей, чтобы обрести друг друга. А кончилось все тем, что вскоре обе семьи стали уже всерьез подумывать о том, что же делать дальше.

Брат Молли, Пэдди О'Раферти, предложил Гнусу два выхода на выбор. Говорить о них, может, и не стоит, однако один поставил-таки Гнуса в тупик, но, хорошо зная своего противника, Гнус довольно быстро уступил. Так или иначе, свадьбы было не миновать. И вот решили, что в следующее же воскресенье преподобный Сэмюел М'Шатл, пресвитерианский священник, соединит влюбленных.

А надо вам сказать, что за все последнее время это была первая свадьба между проклятым иноверцем и католичкой, ну и, конечно, с обеих сторон посыпались возражения. Если бы не одно обстоятельство, этой свадьбе никогда не бывать. Правда, дядя невесты, старый колдун Гарри Конноли, мог бы успокоить всех недовольных с помощью средства, известного ему одному, но он вовсе не желал, чтобы его племянница выходила замуж за такого парня, а потому всеми силами противился этому браку. Однако все друзья Молли не обращали на него внимания и стояли за свадьбу. И вот, как я уже говорил вам, было назначено воскресенье, которое навсегда бы соединило влюбленную парочку.

Долгожданный день настал, и Молли, как ей и подобало, отправилась слушать мессу, а Гнус — в молитвенный дом. После этого они должны были снова встретиться в доме Джека Раферти, куда после обедни собирался заглянуть и католический священник, отец М'Сорли, чтобы отобедать с ними и составить компанию пресвитеру М'Шатлу, который и должен был соединить молодых.

Дома не осталось никого, кроме старого Джека Раферти и его жены. Ей надо было состряпать обед, потому что, по правде говоря, несмотря ни на что, ожидался пир горой.

Быть может, если бы знать все наперед, этому самому отцу М'Сорли следовало, помимо обедни, совершить еще обряд венчания, — ведь друзей Молли все-таки не очень устраивало, как освещает брак пресвитер. Но кто бы стал об этом заботиться: свадьба тут — свадьба там?

И вот что я вам скажу: только миссис Раферти собралась завязать салфетку с большущим пудингом, как в дом вошел разъяренный Гарри Конноли, колдун, и заорал:

— Громом вас разрази, что вы тут делаете?!

— А что такое, Гарри? Что случилось?

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна взошла и вон уж куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и трижды перекреститесь во имя четырех великомучениц! Вы разве не знаете, как говорит пророчество: «Скорее наполни горшок до краев» (он, наверное, хотел сказать: не переполняйте чаши терпения). Вы что, каждый день видите, как наше светило проваливается в тартарары? Выходите скорее, говорю я вам! Взгляните на солнце и увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

О господи, тут Джек как бросится к двери, и жена его поскакала, словно двухгодовалая кобылка. Наконец оба очутились за домом, возле перелаза через изгородь, и принялись высматривать, что не так в небе.

— Послушай, Джек,— говорит ему жена,— ты что-нибудь видишь?

— Лопни мои глаза, ничего,— отвечает он.— Разве только солнце, которое скрылось за облаками. Слава богу, ничего как будто не стряслось.

— А если не стряслось, Джек, что же такое с Гарри, ведь он всегда все знает?

— Боюсь, это все из-за свадьбы,— говорит Джек.— Между нами, не так уж благочестиво со стороны Молли выходить замуж за проклятого иноверца, и если бы только не... Но теперь уж ничего не поделаешь, хотя даже вот само солнце отказывается смотреть на такие дела.

— Ну, уж что до этого,— говорит жена, заморгав глазами,— раз Гнусу подходит наша Молли, то и слава богу. Только я-то знаю, в чьих руках будет плетка. И все-таки давай спросим Гарри, что это с солнцем.

Они тут же вернулись в дом и задали Гарри вопрос:

— Гарри, что же такое стряслось? Ведь ты один во всем свете можешь знать, что случилось.

— О!— сказал Гарри и поджал рот в кривой усмешке.— У солнца колики, его всего скрючило, но не обращайтесь внимания. Я только хотел вам сказать, что свадьба будет еще веселее, чем вы думали, вот и все.— И с этими словами он надел шляпу и вышел.

Что ж, после такого ответа оба вздохнули свободно, и, крикнув Гарри, чтобы он возвращался к обеду, Джек уселся со своей трубкой и хорошенько затянулся, а его жена, не теряя времени, завязала салфетку с пудингом и опустила его в горшок вариться.

Какое-то время все так вот и шло, спокойно и гладко. Джек попыхивал своей трубкой, а жена готовила, стряпала, словом, торопилась, как на охоте. Вдруг Джеку,— он все еще сидел, как я и сказал, устроившись поудобнее у очага,— почудилось, будто горшок шевелится, словно пританцовывает. Ему это показалось очень странным.

— Кэтти,— сказал он,— что за чертовщина у тебя в этом горшке на огне?

— Обыкновенный пудинг, и больше ничего. А почему ты спрашиваешь?

— Ого,— говорит он,— разве горшок станет ни с того ни с сего танцевать джигу, а? Гром и молния, погляди-ка на него!

Батюшки! И в самом деле горшок скакал вверх, вниз, из стороны в сторону, такую джигу отплясывал, только держись. Но любому было сразу видно, что он танцует не сам по себе, а что-то там внутри заставляет его выписывать подобные кренделя.

— Клянусь дырками моего нового пальто,— закричал Джек,— там кто-то живой, иначе горшок никогда бы не стал так подпрыгивать.

— О господи, ты, наверно, прав, Джек. Тут дело нечисто, кто-то забрался в горшок. Вот горе-то! Что же нам теперь делать?

И только она это сказала, горшок как подпрыгнет, точно прима-балерина какая-нибудь. И от такого прыжка, который утер бы нос любому учителю танцев, с горшка слетела крышка, из него собственной персоной выскочил пудинг и ну скакать по комнате, словно горошина на барабане.

Джек стал божиться, Кэтти креститься. Потом Джек закричал, а Кэтти завопила:

— Во имя всего святого, не подходи к нам! Тебя никто не хотел обижать!

Но пудинг направился прямо к Джеку, и тот вскочил сначала на стул, а потом на кухонный стол, чтобы улизнуть от пудинга. Тогда пудинг поскакал к Кэтти, и она во всю глотку стала выкрикивать свои молитвы, а этот ловкий пройдоха пудинг подскакивал и пританцовывал вокруг нее, как будто забавлялся ее испугом.

— Если б только достать мне вилы,— заговорил Джек,— я б ему показал! Я бы всю душу из него вытряс!

— Что ты, что ты!— закричала Кэтти, испугавшись, что в этом деле замешано колдовство.— Давай поговорим с ним по-хорошему. Мало ли, на что еще он способен. Ну, успокойся,— обратилась она к пудингу,— успокойся, миленький. Не трогай честных людей, которые даже не собирались тебя обижать. Ведь это не мы, ей-ей не мы, это старый Гарри Конноли заворожил тебя. Гоняйся за ним, если тебе так уж хочется, а меня, старуху, пожалей. Ну, тише, тише, голубчик, не за что меня так пугать, вот те крест — не за что.

Что ж, пудинг, казалось, внял словам женщины и поскакал от нее опять к Джеку. Но тот, убедившись вслед за женой, что пудинг и впрямь заколдован, а стало быть, разговаривать с ним

лучше помягче, решил, подобно жене, обратиться к нему с самыми нежными словами.

— Верьте, ваша честь, — сказал Джек, — моя жена говорит такую правду. Клянусь здоровьем, мы были бы чрезвычайно благодарны вам, если бы ваша честь немного успокоились. Конечно, мы прекрасно понимаем, не будь вы истинным джентльменом, вы вели бы себя совершенно иначе. Гарри, старый негодник, вот кто вам нужен! Он только-только прошел по этой дороге, и если ваша честь поспешит, вы его вмиг нагоните. Однако, клянусь моим отпрыском, учитель танцев не зря тратил на вас время! Всего хорошего, ваша честь. Гладенькой вам дорожки! Желаю вам не встречаться со священником или ольдерменом!

Когда Джек кончил, пудинг, казалось, понял его намек и, не торопясь, поскакал к выходу, а так как дом стоял у самой дороги, пудинг сразу же свернул к мосту по тому самому пути, которм только что прошел старый Гарри.

Само собой, конечно, Джек и Кэтти выбежали следом за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет, а так как день был воскресный, то, само собой, конечно, по дороге шло народу больше, чем обычно. Что верно, то верно. И когда все увидели, как Джек и его жена бегут за пудингом, вскоре, наверное, целая округа увязалась за ними.

— Что случилось, Джек Раферти? Кэтти, да скажите наконец, что все это означает?

— Ах, это все мой праздничный пудинг! — ответила Кэтти. — Его заморозили, и вот теперь он спешит по горячим следам за... — но тут она запнулась, не желая произносить имени своего родного брата, — за тем, кто его заморозил.

Этого оказалось достаточно. Встретив поддержку, Джек снова обрел отвагу и говорит Кэтти:

— Ступай-ка ты назад! И, не мешкая, приготовь новый пудинг, да не хуже того, первого. Кстати, вот и Бриджет, жена Пэдди Скэнлена. Она предлагает тебе варить его у них дома. Ведь на своем очаге тебе придется готовить остальной обед. А сам Пэдди одолжит мне вилы, чтобы преследовать нахального беглеца до тех пор, пока с помощью моих верных соседей я не подколю его.

Все согласились с этим, и Кэтти вернулась готовить новый пудинг. А тем временем Джек и добрая половина всех жителей пустились в погоню за тем, первым, прихватив с собою лопаты, заступы, вилы, косы, цепи и прочие орудия, какие только бывают на свете. Однако пудинг несся вперед, делая почти что шесть ирландских миль в час, — неслыханная скорость!

Католики, протестанты, пресвитерианцы — кто только не гнался за ним — и все вооруженные до зубов, как я уже говорил вам. И если б бедняга не так спешил, ему бы плохо пришлось. Но вот он подскочил, и кто-то хотел уже посадить его на вилы, да только пудинг подпрыгнул еще выше, и какой-то проныра, желая отломить от него кусок с другого боку, получил вместо пудинга вилы себе в бок. А Большой Фрэнк Фарелл, мельник из Бэллибултина, получил удар в спину, от которого так завопил, что слышно было, наверно, на другом конце прихода. Кто-то отведаль острой косы, кто-то тяжелого цепа, а кто и легкой лопаты, от которой искры из глаз посыпались.

— Куда он идет? — спрашивал один. — Клянусь жизнью, он направляется в молитвенный дом на собрание. Да здравствуют пресвитерианцы, если только он свернет на Карнтолу.

— Душу вынуть из него надо, если он протестант, — орал другие. — Если он повернет налево, на блины раскатать его мало! Мы не потерпим у себя протестантских пудингов!

Ей-богу, добрые соседи вот-вот готовы были из-за этого уже передрасться, как вдруг, на их счастье, пудинг свернул в сторону и стал спускаться по узенькой боковой тропинке, которая вела прямо к дому методистского проповедника. Ну, тут уж все партии принялись единодушно поносить методистский пудинг.

— Да он вовсе методист! — закричало несколько голов. — Но все равно, кто бы он ни был, а в методистской церкви ему сегодня не бывать. Вот мы ему сейчас покажем! Вперед, ребята, берись-ка за вилы!

И все очертя голову бросились за пудингом, но не так-то просто было схватить его. Они уж думали, что прижали его к церковной ограде, как пудинг вдруг ускользнул от них, махнул через ограду, прыгнул в реку и стал быстро-быстро уплывать, прямо у них на глазах, легкий, будто скорлупка.

А надо вам сказать, что пониже этого места, вдоль самой воды, по обоим берегам речки высилась ограда владений полковника Брэгшоу. И как только преследователи натолкнулись на такое препятствие, они тут же разошлись по домам, все до одного, и мужчины, и женщины, и даже дети, не переставая, однако, ломать себе голову, что это за пудинг такой, куда он спешит и что у него на уме.

Конечно, если б Джек Раферти и его жена вздумали поделиться с ними своим мнением, что это Гарри Конноли заморозил пудинг, — в чем они нисколько не сомневались, — бедняге Гарри пришлось бы худо от распаленной страстями толпы. Но у

них хватило ума оставить это мнение при себе, — ведь старый холостяк Гарри был верным другом семьи Раферти. И вот, само собой, поползли разные толки: одни говорили одно, другие другое; партия католиков утверждала, что пудинг ихний, а партия пресвитерианцев отрицала это и настаивала, что нет, он их веры, и все в таком роде.

А тем временем Кэтти Раферти была уже дома и, боясь опоздать к обеду, быстренько приготовила новый пудинг, точь-в-точь такой же, как тот, первый, что убежал. Потом отнесла его к соседке, в дом Пэдди Скэнлена, опустила в горшок и поставила на огонь вариться. Она надеялась, что пудинг будет готов вовремя: ведь они ожидали в гости самого пастора, а тот, как истинный европеец, совсем не прочь был отведать добрый кусок теплого пудинга.

Словом, время летело. Гнус и Молли стали мужем и женой, и более влюбленной парочки вы, наверное, не встречали. Друзья, приглашенные на свадьбу, прогуливались перед обедом, разделившись на дружественные маленькие кружки, болтали и смеялись. В центре всеобщего внимания был пудинг; все стремились установить его личность, потому что, говоря по правде, о его приключениях толковал, наверное, уже весь приход.

Обед между тем приближался. Пэдди Скэнлен сидел с женой у огня и, устроившись поудобнее, ждал, когда закипит пудинг. Вдруг к ним врывается взволнованный Гарри Конноли и кричит:

— Гролом вас разрази, что вы тут делаете!

— А что такое, Гарри? Что случилось? — спрашивает миссис Скэнлен.

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна вон уже куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и поглядите на солнце, говорю я вам! Вот увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

— Постой-ка, Гарри, что это у тебя торчит сзади из-под куртки, а?

— Да бегите скорей! — говорит Гарри. — И молитесь, чтоб не было светопреставления, ведь небо уж падает!

Ей-богу, трудно даже сказать, кто выскочил первым: Пэдди или его жена — так напугал их бледный и дикий вид Гарри и его безумные глаза. Они вышли из дома и принялись искать, что такого особенного в небе. Смотрели туда, смотрели сюда, но так

ничего и не высмотрели, кроме яркого солнца, которое преспокойно садилось, как обычно, да ясного неба, на котором не было ни облачка.

Пэдди и его жена тут же повернули со смехом обратно, чтобы распечь как следует Гарри, — тот и в самом деле был большой шутник.

— Чтоб тебе пусто было, Гарри... — начали было они.

Но больше ничего не успели сказать, так как в дверях столкнулись с самим Гарри. Он вышел, а за ним следом из-под куртки тянулась тонкая струйка дыма, словно из печи.

— Гарри, — закричала Бриджет, — клянусь моим счастьем, у тебя горит хвост куртки! Ты ведь сгоришь! Разве не видишь, как из-под нее дым идет?

— Трижды перекрестись, — проговорил Гарри, продолжая идти и даже не оглядываясь, — ибо пророчество говорит: скорее наполни горшок до краев...

Но более ни слова до них не долетело, так как Гарри вдруг начал вести себя как человек, который несет что-то слишком горячее, — так, во всяком случае, можно было подумать, глядя на поспешность его движений и на странные гримасы, которые он строил, удаляясь от них.

— Что бы такое он мог унести под полой куртки, черт возьми? — гадал Пэдди.

— Батюшки, а не стянул ли он пудинг? — спохватилась Бриджет. — Ведь за ним водятся и не такие еще делишки.

И оба тут же заглянули в горшок, но пудинг оказался на месте — цел и невредим. Тогда они еще больше удивились: что же такое в конце концов он унес с собой?

Но откуда им было знать, чем был занят Гарри Конноли, пока они глазели на небо!

Так или иначе, а день кончился. Угощение было готово, и уже собралось избранное общество, чтобы отведать его. Пресвитер встретился с методистским проповедником еще по дороге к дому Джека Раферти. В предвкушении еды у него разгорелся дьявольский аппетит. Он прекрасно понимал, что может позволить себе такую вольность, а потому даже настоял, чтобы методистский проповедник обедал с ним вместе. Что ж, в те времена, слава богу, священнослужители всех вероисповеданий жили в мире и согласии, не то что теперь, ну да ладно.

И вот обед уже подходил к концу, когда сам Джек Раферти спросил Кэтти про пудинг. И не успел спросить, как пудинг тут же явился, большой и важный, как походная кухня.

— Господа,— обращается ко всем Джек Раферти,— надеюсь, никто из вас не откажется отведать по ломтику пудинга. Я имею в виду, конечно, не того плясуна, который пустился сегодня путешествовать, а его славного добропорядочного близнеца, которого приготовила моя женушка.

— Будь спокоен, Джек, не откажемся!— отвечает пресвитер.— Ты положи-ка вот на эти три тарелки, что у тебя под правой рукой, по хорошему ломтю и пришли сюда, чтоб уважить духовенство, а мы уж постараемся,— продолжал он, посмеиваясь, потому что был большой весельчак и любил поострить,— мы уж постараемся показать всем хороший пример.

— От всего сердца примите мою нижайшую благодарность, господа,— сказал Джек.— Могу поручиться, что в подобных делах вы всегда показывали и, надеюсь, будете показывать нам самый лучший пример. И я только хотел бы иметь более достойное угощение, чтобы предложить его вам. Но мы ведь люди скромные, господа, и, конечно, вам вряд ли удастся найти у нас то, к чему вы привыкли в высшем обществе.

— Лучше яичко сегодня,— начал методистский проповедник,— чем насадка...

«Завтра» — хотел он кончить, но запнулся, потому что, к его великому изумлению, пресвитер вдруг поднялся из-за стола, и не успел проповедник отправить в рот первую ложку пудинга и сказать Джек Робинсон¹, как его пресвитерианское преподобье пустился отплясывать превеселую джигу.

В эту самую минуту вбегает в комнату соседский сын и говорит, что к ним идет приходский священник, чтобы поздравить молодых и пожелать им счастья. И только он сообщил эту радостную весть, как священник уже появился среди пирующих. Однако сей святой отец не знал, что и подумать, когда увидел пресвитера, кружащегося по комнате, словно обручальное колечко. Правда, особенно размышлять ему было некогда, потому что не успел он сесть, как тут вскакивает и методистский проповедник и, сделав руки в боки, таким залихватским манером пускается вслед за его пресвитерианским преподобьем.

— Джек Раферти,— говорит католический отец (да, между прочим, Джек был его арендатором),— что это все означает? Я просто удивлен!

— И сам не знаю,— говорит Джек.— Отведайте вот лучше этого пудинга, ваше преподобье, чтоб молодым было чем похва-

¹ То есть не успел и глазом моргнуть.

стать: мол, сам святой отец угощался у них на свадьбе. А ежели вы не будете, то и никто не станет.

— Ладно уж, ладно,— соглашается священник,— разве чтоб уважить молодых. Только совсем немного, пожалуйста. Однако, Джек, это настоящий разгул,— продолжал он, отправляя себе в рот полную ложку пудинга.— Что же получается, уже все напились?

— Черта с два!— отвечает Джек.— Сдается мне, эти джен-тльмены успели хватить где-то раньше, хотя дом мой полон вина. Куда-нибудь уже заглянули. А что я могу поделывать...

Но не успел Джек закончить, тут вдруг сам святой отец,— а он был человек такой прыткий,— как подскочит на целый ярд; и не успел никто глазом моргнуть, как уже все три священнослужителя отплясывали, да так старательно, словно их нанял кто.

Ей-ей, у меня не хватает слов, чтобы описать, что сделалось с добрыми прихожанами, когда они увидели подобные дела. Некоторые давились от смеха, другие отводили в недоумении глаза; большинство считало, что преподобные отцы просто спятили, а все остальные полагали, что они, наверное, прикидываются, как это частенько с ними бывает.

— Вон их!— кричал один.— Можно со стыда сгореть, глядя на таких служителей церкви. Богохульники! Еще совсем рано, а они уже ни на кого не похожи!

— Вот так чертовщина, да что это с ними?— удивлялись другие.

— Можно подумать, их заворожил кто. Святой Моисей, вы только поглядите, какие прыжки выделяет методистский проповедник! А пресвитер-то, пресвитер! Кто бы мог подумать, что он умеет так быстро работать ногами! Ей-богу, он выкидывает коленца и отбивает чечетку не хуже самого учителя танцев Пэди Хорегана! Смотрите-ка, и священник туда же! Ах, будь ему неладно, ведь не хочет отстать от этих заводил. Да еще в воскресенье, тьфу! Эй, господа, вы что, шуты разве? Пфф, тогда пожелаем успеха!

Но тем было не до шуток, сами понимаете. Представьте же себе, что они почувствовали, когда вдруг увидели, как и сам старый Джек Раферти тоже пустился вприпрыжку вместе с ними, да еще так лихо начал отплясывать, что даже их за пояс заткнул. Право слово, ни одно зрелище не могло бы сравниться с этим. Со всех сторон только и слышались, что смех да подбадривающие крики, все хлопали в ладоши как безумные.

Ну, а когда Джек Раферти бросил резать пудинг и вышел из-за стола, его место сразу же занял старый Гарри Конноли: для того, конечно, чтобы и дальше посылать по кругу пудинг. И только он сел, в комнату вошел — ну кто бы вы думали? — сам Барни Хартиган, вольнщик.

К слову сказать, за ним посылали еще днем, но тогда его не застали дома, а потому он не получил вовремя приглашения и не смог прийти раньше.

— Ба! — удивился Барни. — Раненько вы начали, господа! К чему бы это? Но, черт подери, вы не останетесь без музыки, пока есть воздух в моей вольнке!

И с этими словами он исполнил для всех «Рыбью джигу», а потом «Поцелуй меня, красотка», — в общем, старался, как мог.

Веселье разгоралось дальше — больше, ведь старый плут Гарри оставался все время у пудинга, и этого забывать не следует! Быть может, он нарочно не спешил обносить пудингом всех сразу. Первой он предложил невесте, и не успели бы вы ахнуть, как она уже отплясывала рядом с методистским проповедником, а тот, чтобы не отстать от нее, так бойко подпрыгнул, что все просто со смеху покатались. Гарри пришлось это по вкусу, и он решил тут же подобрать партнеров и остальным. Не теряя ни секунды, он роздал всем пудинг, и вот, кроме него самого да вольнщика, во всем доме не осталось ни одной пары каблуков, которая не отплясывала бы так старательно, как будто от этого зависела сама жизнь.

— Барни, — не удержался Гарри, — попробуй и ты кусочек этого пудинга! Клянусь, ты в жизни не ел такого вкусного пудинга. Ну же, голубчик! Возьми вот хоть столечко. До чего ж хорош!

— Конечно, возьму, — сказал Барни. — Вот еще, от добра отказываться, не на такого напали. Только не тяни, Гарри! Ведь сам знаешь, руки у меня заняты. Разве это дело, оставлять всех без музыки? Все так хорошо под нее пляшут. Вот спасибо, Гарри! И в самом деле, знаменитый пудинг. Ай, батюшки-светы, что это...

Не успел он это выговорить — и вдруг как подскочит вместе со своей вольнкой, как кинется в самую гущу танцующих.

— Ура! Вот это веселье, черт возьми! Да здравствуют жители Бэллибулттина! А ну, еще разок, ваше преподобие, поверните-ка вашу даму! Так, на носок, теперь на пятку. Красота! Еще разок! Так! Ура-а-а! Да здравствует Бэллибултин и ясное небо над ним!

Более прискорбного зрелища, чем это, свет еще не видал и, наверное, не увидит. Так я полагаю. Однако худшее их ожидало еще впереди. Когда веселье было в самом разгаре, вдруг посреди

танцующих появился — ну кто бы вы думали? — еще один пудинг, такой же проворный и веселенький, как тот, первый! Это было уж слишком. Все, в том числе и священники, конечно, наслышались о странном пудинге, а многие даже видели его и знали уж наверное, что он был заморожен.

Да, так вот, как я сказал, пудинг протиснулся в самую толпу танцующих. Но одного его появления оказалось достаточно: сначала три преподобных отца, приплясывая, поспешили прочь, а за ними и все свадебные гости вприпрыжечку, скорей, скорей, каждый к своему дому. И все продолжали плясать, нипочем не могли остановиться, хоть убей их.

Ну, право же, разве не грешно было смеяться над тем, как приходский священник приплясывал по дороге к своему дому, а пресвитер и методистский проповедник вприпрыжку скакали в другую сторону.

Словом, все в конце концов доплясали до своего дома и даже не запыхались. Жених с невестой доплясали до кровати. А теперь и мы с вами давайте спляшем.

Только, перед тем как сплясать, чтобы уж все было ясно, я хочу рассказать вам, что, когда Гарри пересекал в Бэллибултин мост, что на две мили пониже ограды владений полковника Брэгшоу, он вдруг увидел плывущий по реке пудинг. Что ж, Гарри, конечно, дождался его и, как сумел, вытащил. Пудинг выглядел совершенно свеженьким, сколько вода ни старалась. Гарри спрятал его под полу своей куртки и, как вы уже, наверное, догадались, весьма ловко подsunул его, пока Пэдди Скэнлен и его жена разглядывали небо. А новый пудинг заколдовал так же просто, как и первый — напустил на него колдовские чары, и все тут, — ведь всем хорошо было известно, что этот самый Гарри на короткой ноге с бесами.

Что ж, вот я вам и рассказал про приключения спятившего пудинга из Бэллибултина. А что произошло с ним дальше, я, пожалуй, рассказывать не стану, чтоб не соврать вам.

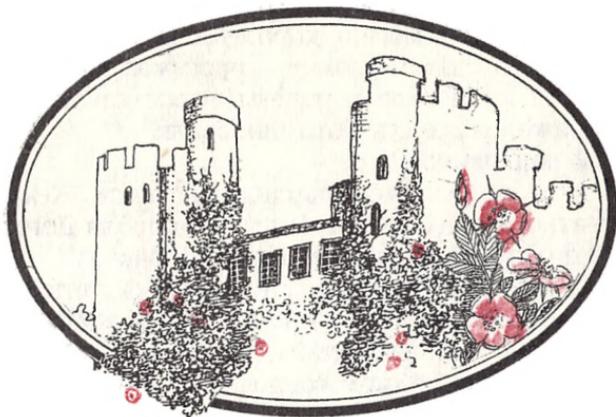

*Из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис,
оксфордского издания Гвин Джонса
и собрания Джозефа Джекобса*

Из легенд о короле Артуре

ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ

АК ХОТЕЛ сам король Кіліс, чтобы жена его была такого же знатного рода, что и он сам.

И вот он женился на принцессе Голáйсид. Все были довольны и с нетерпением ждали, чтобы у них родились дети. Лучше, если сын, наследник.

И сын родился. Его нарекли Кілух; он приходился двоюродным братом королю Артуру.

Но королева Голáйсид тяжело заболела и, чувствуя, что скоро умрет, позвала к себе мужа, могущественного короля, и сказала.

— Скоро я умру, и ты захочешь снова жениться. И все твои ценности и богатства окажутся в руках новой жены, я это знаю. Так не дай свершиться злему делу — пусть у нашего сына будет все, что ему принадлежит по праву! Исполни только одну мою просьбу, и я спокойно умру.

— С охотой выполню любую твою просьбу! — сказал король.

— Обещай, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет красный шиповник.

— Обещаю, — сказал король, впрочем, без всякой охоты.

Королева позвала к себе служителя при кладбище и наказала ему так тщательно пропалывать и подметать ее могилу, чтобы ни травинки, ни цветочка не выросло на ней.

С этим она спокойно умерла.

Семь лет служитель беспрекословно выполнял наказ королевы. Напрасно король каждое утро посылал слуг на кладбище — посмотреть, не вырос ли на ее могиле красный шиповник. Увы, всякий раз он получал один ответ: «Нет еще!»

Но вот служитель церкви состарился и обленился. Постепенно он совсем забросил могилу королевы. И однажды, когда король возвращался с охоты домой и проезжал мимо кладбища, он увидел, что на могиле королевы вырос какой-то куст. Он подъехал ближе, оказалось — это шиповник.

Красный шиповник!

И в скором времени король снова женился. Жёну он взял опять из знатного рода. Она была вдовой короля Догёда, от которого у нее осталась одна-единственная дочка.

Конечно, все королевские ценности и богатства оказались в руках у новой королевы. Все, кроме одного: королевского сына, Килуха. О нем она и не слыхала, никто не считал нужным поведать ей об этом королевском сокровище. А что в этом такого удивительного?

Но в один прекрасный день, гуляя по королевским угодьям, королева набрела на жалкую хижину. Она вошла и увидела у огня сгорбленную старуху. Поговорив о том о сем, королева спросила у нее:

— А что, были у нашего короля дети от прежней королевы?

— Нет, детей не было, — прошамкала старуха.

— Какая я несчастная женщина! — воскликнула королева. — Вышла замуж за человека, у которого даже детей не было!

— Детей не было, а сын есть, — сказала тогда старуха, пожалев королеву. — Принц Килух!

Рассерженная королева поспешила в замок к своему мужу, королю, за ответом.

— Почему вы скрыли от меня принца Килуха?

Потому-то и потому-то, сказал король и пообещал больше так не делать.

В тот же день принца Килуха позвали к королеве.

— Какой красивый у меня пасынок! — сказала королева. — И уже не мальчик. Пора тебе подумать о женитьбе. — Тут она поманила к себе свою родную дочку. — А вот и достойная невеста для любого принца!

Но принц покачал головой:

— Я еще слишком молод, чтобы выбирать себе жену. Боюсь, мне придется отказаться от вашей дочки.

Королева ужасно разгневалась и пригрозила:

— Если ты не женишься на моей дочке, я найплю на тебя злую судьбу. Вот мое предсказанье: если ты не женишься на моей дочке, то и вовсе не женишься, пока не найдешь Олвен, дочь Великана-из-Великанов.

Не успели с уст королевы слететь эти слова, как в сердце принца Килуха зажглась любовь к незнакомой ему Олвен. Он даже изменился в лице, и его отец, король, обеспокоившись, спросил:

— Сын, сын мой, отчего ты краснеешь и бледнеешь, бледнеешь и краснеешь, что с тобой?

— Я краснею и бледнею от предсказания моей мачехи,— ответил Килух.— Как я завоюю сердце юной Олвен, если не знаю даже, где ее найти? Может, вы знаете, отец?

— Увы, нет, мой сын,— отвечал король.— А то, конечно, поведал бы тебе. Я и слыхом не слыхал об этой девушке. Но утешься: у тебя есть двоюродный брат — славный король Артур. Ступай же в Камелот к королю Артуру, позволь ему остричь твои волосы в знак верности и послушания, и тогда он исполнит любую твою просьбу. В присутствии отважных рыцарей и златокудрых жен нашего острова ты расскажешь ему про Олвен и про все остальное.

— Что ж, коли другого не остается, сделаем так,— сказал юный Килух.— Зачем ехать завтра, если можно поехать сегодня. Прощайте!

И, обнявшись с отцом, оказав ему все почести, приличествующие королю, юный Килух покинул отцовский замок и отправился ко двору своего брата Артура.

ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

Под ним был резвый скакун, четырехлесток, с седой гривой, звонкими копытами и золотой уздечкой. Седло блестело золотом и драгоценными камнями. В одной руке — два острых копья с серебряными наконечниками. На поясе — боевой топорик, которым он рассекал ветер быстрее, чем падает в июньский вечер капля росы со стебля наземь. На боку — широкий золотой меч с золотой рукоятью. За плечами — круглый щит с золотым орнаментом и с шишкой из слоновой кости.

Впереди бежали две рыжие с белым брюхом борзые в широких золотых ошейниках, охватывающих шею от плеча до ушей. Они летели перед ним словно белогрудые чайки.

Со спины юноши свисал атласный пурпурный плащ; по углам его красовалось четыре золотых яблока, каждое дороже ста коров, не меньше. А чулки из золотых чешуек и стремяна обошлись, наверное, по триста коров каждое.

Конь так плавно стелился по земле, что на голове Килуха ни один волосок не шелохнулся за все время пути от отцовского дома до ворот замка короля Артура в Камелоте. Лишь комья земли летели из-под копыт скакуна, словно черные ласточки над зеленым полем.

Достигнув ворот замка, Килух крикнул:

— Эй, есть тут привратник?

— Есть! Но лучше уходи, откуда пришел!— был грубый ответ.

— Как звать тебя, чтобы я знал и помнил, кто мой обидчик?— рассердился Килух.

— Глулайд Мертвая Хватка, привратник короля Артура в каждый первый день января.

— Раз ты на сегодня королевский привратник, так открывай мне ворота замка!

— Не открою!

— Почему?

— Уже вонзен нож в сочное мясо, налито вино в кубки и полно гостей в замке Артура. Если ты сын законного короля одного из наших владений или мастер, желающий показать свое ремесло, я открою ворота, а нет— уходи! Вон видишь постоянный двор? Там ты найдешь мясо для своих собак и овес для лошадей, а для себя наперченные отбивные, пенистое пиво и подходящих собеседников. Можешь прийти завтра, в три часа пополудни, когда откроют ворота замка, чтобы выпустить сегодняшних гостей.

— Это мне не подходит,— сказал Килух.— Лучше отвори ворота, не то я ославлю и короля Артура, и тебя, его привратника. Я издам три таких страшных клича здесь у ворот, что земля от ужаса содрогнется.

— Ори себе на здоровье,— сказал спокойно Глулайд Мертвая Хватка, привратник.— Все равно тебе не войти в ворота, пока я не спрошу разрешения у Артура.

И Глулайд вошел в пиршественную залу.

Король Артур спросил его:

— Ты с вестями от ворот нашего замка?

— Да, господин. Я прожил уже две трети жизни, ты тоже. Мы были вместе в походах, в сраженьях, на охоте и на пирах. И я пойду за тобой до конца, каков бы ни был этот конец. Много красивых мужей мы повидали, мой король, но не такого, какой стоит сейчас у твоих ворот.

— Так впусти его в замок!— сказал Артур.— Ему поднесут вина в золотом кубке и подадут жареного барашка. Какой стыд

оставлять на ветру под дождем столь прекрасного мужа! Ты согласен со мною, Кай!

— Клянусь рукою друга,— отвечал Упрямый Кай, что сидел за столом рядом с Артуром,— даже ради столь прекрасного мужа не следует нарушать придворные обычаи и порядки, коли вы спрашиваете моего совета.

— Ты не совсем прав, Кай,— укорил его Артур.— Надо великодушной встречать достойных мужей. Чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет наша слава.

И Глулайд пошел открывать ворота.

Не слезая с коня, Килух въехал по ступеням замка прямо в пиршественную залу и опустил поводья перед троном короля Артура.

— Приветствую тебя, мой король и повелитель!— сказал он.

— Я рад тебе!— ответил Артур.— Прошу отведать нашей еды и выслушать певцов, а завтра, когда я кончу раздавать дары, готов служить тебе.

— Благодарю тебя за гостеприимство, но не за тем приехал я к тебе, мой король,— гордо ответил Килух.— А с великой просьбой!

— Скажи — какой!— молвил Артур.— И она будет исполнена, не сомневайся. Разве сомневаешься ты, что ветер сушит, дождь мочит, солнце всходит и заходит, море разливается, а земля простирается? Но только если твоя просьба в согласье с нашей честью!

— Я прошу постриженья!— сказал Килух.

— Твоя просьба исполнится,— пообещал Артур.— Ты делаешься мне все более мил. Чую сердцем, ты мне родня.— И, взяв золотой гребень и ножницы, украшенные серебром, Артур срезал золотые кудри Килуха.— А теперь,— спросил король,— скажи мне, кто ты?— И, услышав ответ, воскликнул:— Так, значит, ты мой двоюродный брат! Любые дары проси у меня, все, что хочешь, я с радостью тебе отдам.

И Килух сказал:

— Я прошу в жены Олвен, дочь Великана-из-Великанов. Предсказаньем судьбы только ее могу я взять себе в жены. Потому я и пришел к тебе с этой просьбой, выслушай меня в присутствии всех славных рыцарей и нежных дам Британского острова.

И Килух назвал подряд всех славных рыцарей и всех прекрасных дам и королев Британского острова, но если б мы захотели

повторять за ним, вы слушали бы нас с вечера и до утра, с утра и до вечера и утомились бы.

Когда он кончил, Артур сказал:

— Отважный принц, я слыхом не слыхал о юной Олвен и ее родителях. Однако без промедленья разошлю за ней гонцов во все концы земли.

Трудно сказать, где только не побывали гонцы короля Артура, но через год они вернулись в Камелот, зная не больше, чем в тот день, когда его покидали.

— И знать не знаем, и не верим, что есть на свете такая девушка, поверь нам, господин,— сказали они.

— Ты слышишь, принц?— спросил Артур.

— Такое слышать я не хочу и не желаю!— ответил Килух.— Все получают от тебя, что просят, один я остаюсь ни с чем. Если я покину твой замок без Олвен, мой господин, обещаешь твое останется невыполненным и честь твоя пострадает.

Но тут вступил в разговор Кай, сидевший по правую руку от короля Артура.

— Ты неправ, принц,— сказал Кай,— что бранишь Артура. Лучше садись на коня и сам поезжай искать Олвен. Я и мои друзья будем тебе помощниками, и пока ты сам не скажешь, что такой девушки нет на свете, или пока мы ее не отыщем, мы тебя не покинем!

Король Артур его одобрил.

Первым на это дело он и вызвал Кая Упрямого.

Отец Кая сказал однажды о своем сыне: «Если он пошел в меня, у него будет холодное сердце. И сила его будет в упрямстве».

Кай славился тем, что умел сдерживать под водой дыхание целых девять дней и ночей. Раны, какие наносил он врагам, не мог исцелить ни один врачеватель. Когда он хотел, он становился выше самого высокого дерева, а в самый сильный дождь любая вещь, что держал он в руке, оставалась сухой—оттого, что всегда в нем горел огонь гнева. Он был лучшим слугою королю Артуру и первым бойцом в сраженье.

Вторым король Артур вызвал Бедуйра Прекрасного. Славен Бедуйр был тем, что, хотя была у него только одна рука, сражался он за троих. Когда он пускал копьё, оно с одного раза наносило десять ударов.

Третьим король Артур вызвал Кинту́лига.

Кинтулиг был таким же хорошим проводником, в чужой незнакомой стране, как в своей родной, и потому все звали его Кинтулиг Проводник.

Четвертым король вызвал Гури́ра Переводчика. Гурир понимал все языки не только людей, но зверей, птиц и рыб.

Пятым Артур вызвал своего племянника Гавей́на, ибо Гавейн Быстрый еще ни разу не возвращался домой, не добившись успеха. Он был первым ходоком и лучшим наездником среди рыцарей короля Артура.

И последним Артур вызвал Мёну, который умел говорить заклинанья и делать себя и других невидимыми.

И вот, снарядившись, оседлав коней, запасаясь едой и оружием, с благословенья доброго короля Артура, под воркотню привратника, которая казалась им милее звона серебряных колокольчиков, Килух и его верные рыцари отправились на трудные поиски.

ПОИСКИ ОЛВЕН

Они долго бродили по стране, объездили все леса и пустоши острова, пока наконец не оказались на широкой равнине без конца и без края, на которой стояла крупнейшая крепость.

Но не так-то легко было добраться до этой крепости. Рыцари ехали и скакали весь день, а крепость стояла все так же далеко, где-то там впереди на бескрайней равнине.

И второй день скакали они по равнине, пришпоривая своих коней, но крепость казалась все такой же далекой.

Лишь на третий день они приблизились к крепости настолько, что сумели различить огромное стадо овец, пасшихся на лугу перед стенами крепости. Овец было не счесть, а посреди широкой равнины на зеленом кургане стоял пастух в кожаном платье.

Только главным сторожем стада был не сам пастух, а огромный мастиф, ростом с девятигодовалого жеребца. Этот пес славился лютой свирепостью, из пасти его вырывалось такое горячее дыхание, что сжигало дотла все деревья и кусты вокруг. Но он был очень умен, и вдвоем с пастухом они ни разу не потеряли ни одной овцы, ни одного ягненка из всего этого несметного стада.

— Гурир,— сказал Кай,— ты наш переводчик. Пойди перекинься словечком с тем пастухом.

— Ты же знаешь, Кай,— отвечал Гурир,— мой первый долг всюду следовать за тобой.

— Что ж, значит, пойдем вместе,— сказал Кай.

— Да вы не бойтесь...— начал было Мёну.

— Нам бояться? — возмутился Кай.

— Ну да, не бойтесь, я скажу заклинание, чтобы мастиф вас не увидел и не учуял.

— Если считаешь нужным, говори, — с презрением молвил Кай, однако в душе был рад-радехонек, что им удастся обмануть страшного пса.

Час или два шли они через поле, пока не достигли зеленого кургана. Они громко приветствовали пастуха, на что в ответ он только кивнул им.

— Как видно, дела твои идут неплохо, — сказал Кай, показав рукой на несметное стадо овец, сбившихся вокруг зеленого кургана.

— Чтоб у тебя они шли не лучше, — ответил пастух, предоставив Каю и его спутникам самим решать, как толковать такой ответ.

— Чьи же это овцы? — спросил Гавейн Храбрый.

— Откуда вы взялись, такие невежды? — удивился пастух. — Каждый ребенок здесь знает, что это овцы Великана-из-Великанов, а там вон — его крепость!

— Мы так и думали, — нашелся что ответить Гавейн. — А кто ты сам, дружище?

— Я его пастух, Сгилди Быстроногий. Но вы бы не увидели меня здесь в этом жалком платье, если бы не потерпел я урона от Великана-из-Великанов. Теперь скажите: откуда вы? Кто вы такие, что мой пес вас не учуял и не поднял тревогу?

— Мы посланцы короля Артура! — гордо объявил Кай. — И пришли сюда за Олвен, дочкой Великана-из-Великанов.

Пастух так и присвистнул, а мастиф тут же вскочил, услышав свист хозяина.

— О ней и не мечтайте! — воскликнул пастух. — О чем угодно, только не о ней.

— Но почему же? — удивился Килух. — Что плохого в том, что мы хотим увидеть дочку великана — Олвен?

— Многие приходили сюда за тем же, мой юный друг, однако я еще не видел, чтобы хоть один из них живым ушел отсюда. И жизнь свою здесь оставлял, и Олвен! Однако если глаза мне правду говорят, — приглядевшись к принцу, сказал Сгилди, — ты Килух, сын Килиса и Голайсид, его первой королевы, а значит, мой родной племянник!

И Сгилди сошел с холма, чтобы прижать к сердцу юного героя.

— Ты должен непременно повидать мою жену, твою тетю! Пойдем к нам, она тебе во всем поможет. Только помни: ты должен остерегаться ее родственных объятий, ибо нет сильнее ее женщины на свете.

— На свете нет женщины, которой я бы испугался! — ответил безрассудный Килух. — Веди нас, пастух!

— Посмотрим, посмотрим, — заметил Сгилди.

И, приказав псу стеречь стадо, Сгилди повел посланцев короля Артура к воротам своего полуразрушенного дома.

Услышав шум, жена Сгилди выбежала им навстречу.

— Чую, чую сердцем, — воскликнула она, — идет ко мне кто-то родной и дорогой!

— Вот он, — сказал ее муж, указывая на Кая.

И она бросилась к Каю с распростертыми объятьями. Хорошо, что Кай оказался проворнее и успел подсунуть вместо себя здоровенное полено! В тот же миг полено оказалось на земле, раскрошенное в щепки.

— Послушай, женщина, — сказал ей Кай, — ведь если бы ты не полено, а меня так крепко обняла, никогда бы больше мне не знать ничьих нежных объятий.

И он покачал головой, радуясь и ужасаясь одновременно.

— Полезный урок, — как бы про себя заметил пастух.

Потом он отвел всех в дом и угостил чем бог послал. А жена пастуха открыла большой каменный сундук, стоявший возле очага, и оттуда вылез красивый светловолосый юноша.

— Это единственный мой сын, оставшийся в живых, — горько посетовала она. — Остальных убил Великан-из-Великанов. Их было двадцать три... Но я боюсь потерять и последнего.

— Отпусти его с нами! — сказал решительный Кай.

И все верные рыцари в один голос крикнули:

— С нами!

А Кай добавил:

— И знай: если суждено ему умереть, то не раньше моей собственной смерти!

Так они сидели, пили и ели, пока женщина не спросила:

— Что же вас привело сюда? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мы пришли сюда за Олвен, прекрасной дочкой Великана-из-Великанов.

— Да ну? — И она присвистнула точно, как ее муж, пастух. — Радуйтесь, что вас из крепости Великана никто не видел, и возвращайтесь, пока все целы-живы, ко двору Артура.

— Не увидев Олвен, мы не уйдем отсюда! — поклялся Кай.

— А увидев, тоже не победим! — добавил Килух. — Она когда-нибудь приходит сюда, в ваш дом?

— Каждую субботу. Она приходит сюда мыть голову.

— А если послать за ней, она придет сейчас?

Жена пастуха кивнула.

— Поклянитесь, что не обидите ее, тогда я позову, — сказала она.

— Клянемся! — сказали все.

Тут же послали за Олвен, и она пришла — в шелковых алых одеждах, пылавших словно пламя. На шее девушки висело золотое ожерелье, украшенное рубинами и жемчугами. Волосы ее отливали золотом ярче златоцвета, а кожа у нее была белее морской пены. Нежнее лепестков болотной лилии были ее пальцы и ладони, а глаза — яснее соколиных. Грудь и шея — белее лебединой, щеки же — ярче пунцовой наперстянки.

Она вошла в дом и села между Килухом и Сгилди. Тут Килух в первый раз ее увидел, однако ему показалось, что он знает Олвен давно-давно. И он сказал девушке:

— Ты моя давнишняя любовь! Пойдем со мной!

Но Олвен покачала головой.

— Нет, это не принесет нам счастья, — сказала она. — Мой отец взял с меня клятву, что я не покину его без его доброго согласия. Есть предсказанье, что жить ему только до моей свадьбы. Лучше поступи иначе. Пойди к нему и попроси моей руки. И какое бы заданье он ни дал тебе, обещаю исполнить. Когда он получит от тебя, что попросит, ты получишь Олвен! А нет, так вряд ли вам теперь уйти отсюда живыми.

Верные рыцари поклялись исполнить все, как она сказала, и с этим Олвен ушла.

Следом за ней поднялись и они. Мену прочел заклинанье, и они невидимыми обошли стражу у девяти ворот крепости. Ни один пес на них даже не тявкнул. Они вошли в большой зал замка и громко приветствовали Великана-из-Великанов.

— Да знаете ли вы, — взревел Великан, — куда вы попали?

— Знаем, куда и зачем. Мы пришли за твоей дочкой Олвен, чтобы взять ее в жены Килуху, сыну Килиса.

— Я вас не вижу, — сказал Великан. — Где эти негодяи, мои слуги?

Покорные слуги тут же явились.

— Подоприте вилами мои тяжелые веки, — приказал Великан-из-Великанов, — чтобы я увидел будущего моего зятя, мужа моей дочки Олвен.

Все было исполнено. Вилы длиною с высокие деревья подняли тяжелые веки Великана. Он оглядел всех рыцарей и сказал: — Приходите завтра. Тогда узнаете мой ответ.

Они повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил каменное копьё с отравленным железным наконечником и пустил им вдогонку. Но Бедуйр успел схватить копьё единственной рукой и отправить его обратно. Копьё пронзило Великану колено, самую чашечку.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Как теперь я стану взбираться в гору? Это отравленное железо жжет, словно осиное жало. Будь проклят тот кузнец, что ковал его, а вместе с ним и его наковальня!

Эту ночь рыцари провели в доме Сгилди, а утром, раздевшись, с богатыми гребнями в волосах, торжественно вступили в большой зал замка Великана.

— Великан-из-Великанов, — сказали они, — отдай нам твою дочь Олвен, а взамен возьми выкуп. Иначе смерть тебе и погибель!

— Нет, нет и нет! — взревел он. — Еще живы ее четыре прапрабабушки и четыре прапрадедушки. Без них я не могу ничего решить. Приходите завтра! Тогда узнаете мой ответ.

Рыцари повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил второе свое копьё с отравленным наконечником и пустил им вдогонку. Но Мену на всем лету схватил его и отправил обратно. Копьё пронзило грудь Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Теперь у меня все будет болеть внутри, как же я стану пить и есть? Это отравленное железо жжет, словно змеиное жало. Будь проклят кузнечный горн, в котором его ковали!

И на третий день пришли рыцари в замок Великана.

— Больше не запускай в нас копьём, Великан-из-Великанов! — предупредили они. — Не то узнаешь боль и обиду, встретишь смерть и погибель.

— Куда подевались все мои слуги? — взревел Великан. — Несите скорее вилы, поднимите мои тяжелые веки, чтобы я мог взглядеться на будущего моего зятя.

Все было исполнено. Великан посмотрел на Килуха и опять сказал:

— Приходи завтра! Тогда узнаешь мой ответ.

И рыцари повернули, чтобы уйти, но тут Великан-из-Великанов схватил свое третье копьё и пустил им вдогонку. А Килух на

всем лету подхватил его и отправил обратно. Отравленное копьё пронзило глаз Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, мой будущий зять! Уж не думаешь ли ты, что от этого я буду лучше видеть? Теперь я обречен на вечную головную боль, да и глаза, чего доброго, станут на ветру слезиться. Хуже зубов бешеной собаки жжет это отравленное копьё. Будь проклят и кузнец, и его наковальня, и горн, где его ковали!

На четвертый день пришли рыцари в замок снова.

— Где он, что хочет отнять у меня дочь Олвен? — заревел Великан. — Поднимите мои тяжелые веки, я хочу его видеть... Ага, это ты?

— Я, Килух, сын Килиса и Голайсид.

— А ты обещаешь выполнить все мои просьбы? — сказал Великан-из-Великанов.

— Обещаю!

— Обещать-то легко! — сказал Великан. — Но знай, ты получишь мою дочь, только когда выполнишь все мои просьбы и задания.

— Назови их! — сказал Килух. — И все они будут исполнены.

— Видишь там чащи лесные? — спросил Килуха Великан-из-Великанов. — Ты должен вырвать с корнем все деревья и сжечь их, а землю вспахать и засеять пшеницей, чтобы можно было вволю напечь хлеба тебе и моей дочке на свадьбу — и все это за один день!

— Для меня сделать такое проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, хлеб к свадьбе будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне золотой рог Лира Свирепого, сына Лириона, чтобы обносить вином гостей на твоей свадьбе.

— Достать рог для меня проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, рог у нас будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне корзину-самобранку Гвидена Длинноногого, что правит Подводным королевством. Пусть соберутся у нас все люди земли и еще трижды девять, всем хватит еды из этой корзины.

— И корзина у тебя будет, для меня это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, корзина у нас будет, зато другое тебя погубит! Когда я впервые встретил мать Олвен, я посадил девять зернышек льна вон на той равнине, но что с ними

сталось, никто не знает. Найди зерна, посади их снова в землю, чтобы они проросли и дали побеги, собери лен и сотки из него белую фату своей невесте на свадьбу.

— Фата у нее будет, это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, фата у нее будет, зато другое тебя погубит! К вашей свадьбе мне должны расчесать бороду, сам видишь — вся она спуталась и стоит колóm.

Да только расчесать ее можно не простым гребнем. А спрятан тот гребень меж ушей дикого кабана Турх Труйта.

Да только Турх Труйта не найти тебе, пока не поймаешь двух псов — Анеда и Этлема, что мчатся быстрее ветра и добычи своей еще ни разу не упустили.

Да только не поймать Анеда и Этлема никому, кроме охотника Кылдира Дикого, что в девять раз сильнее самого дикого зверя в горах.

Да только не найти тебе охотника Кылдира Дикого, пока не найдешь Гвина, сына Низы, которому Бог поручил стеречь демонов Того Света, чтобы спасти Этот Свет от гибели.

Да только если и найдешь ты Турх Труйта, не одолеешь его простым мечом, а только мечом Великана Урнаха.

Да только никому не отнять меч у Великана Урнаха, кроме самого великого короля Артура.

Да только не станет помогать тебе славный король Артур, владыка и правитель нашего острова. Хватает у него дел и без этого.

Теперь скажи, мой будущий зять, не отпала у тебя охота выполнять мои задания?

— На коней! — вместо ответа крикнул своим рыцарям Килух. — Поскачем прямо к моему брату Артуру. Он поможет достать все, что ты хочешь, и я возьму твою дочь Олвен в жены и твою жизнь в придачу!

При этих словах Великан-из-Великанов оттолкнул вилы, чтобы тяжелые веки закрыли ему глаза в знак того, что разговор их окончен, и Килух со своими верными рыцарями покинул его замок.

КОНЕЦ ВЕЛИКАНА-ИЗ-ВЕЛИКАНОВ И СВАДЬБА ОЛВЕН

Нелегко было выполнить все задания Великана-из-Великанов и достать все дары, какие он назвал Килуху. Да только еще труднее рассказать про то, как славному королю Артуру и его рыцарям удалось это сделать.

— Задания все выполнены? — спросил Артур, когда гребень Турх Труйта был, наконец, в его руках.

— Все!

— Дары все собраны?

— Все!

— Тогда в путь, мой милый брат Килух! — воскликнул славный король. — И ты получишь свою невесту, как обещал я тебе в тот день, когда срезал твои золотые кудри.

И, прихватив с собою драгоценные дары, Килух отправился в путь вместе с Гóру, сыном Сгилди, и всеми верными рыцарями, которые желали только зла и мести жестокому Великану-из-Великанов.

— Мы пришли, чтобы расчесать тебе бороду. Ты готов к этому, Великан-из-Великанов?

— Где эти негодяи, мои слуги? — заревел Великан-из-Великанов. — Подоприте вилами мои веки, чтобы я увидел все дары и сокровища, какие я потребовал с моего зятя, будь он трижды проклят!

Все ему показали и расчесали гребнем Турх Труйта бороду, и Килух спросил:

— Ты доволен?

— Доволен!

— Теперь Олвен моя?

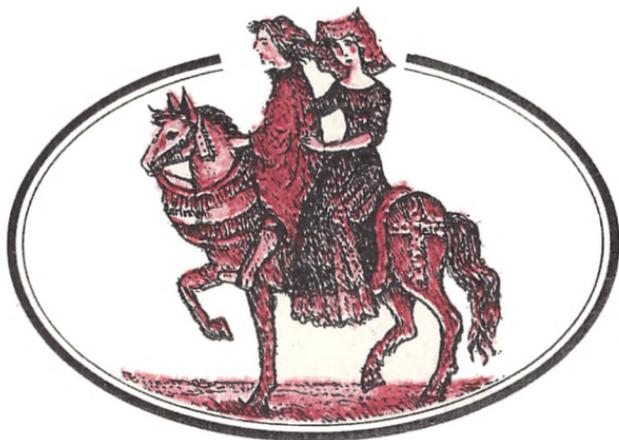
— Твоя! Да только была бы на то моя воля, ты бы ее не получил. Благодарю за все своего двоюродного брата короля Артура! И забирай мою дочку Олвен и мою жизнь в придачу!

Тут Гору, сын Сгилди, схватил Великана-из-Великанов за волосы и оттащил на зеленый курган и там отрубил ему голову, отомстив этим за своих загубленных братьев.

В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов.

Так сбылось предсказанье злой мачехи принца Килуха.

II. Как Тристан нашел Изольду

ПОСЛЕ охоты на кабана Турх Труйта и прочих важных событий на острове Британском настали мир и покой. Король Артур отдыхал от славных подвигов и ратных дел, когда до него дошла весть, что Тристан, сын Тра́луха, и Изольда — Лебединая Шея, жена Марка, сына Майрхьока, убежали на Север, в дубовые рощи Келидонские, как какие-нибудь безродные изгнанники.

Вместо крыши над головой у них густые ветви деревьев, вместо мягкой постели — зеленые листья. На завтрак, на обед и на ужин у них дичь лесная, а винный погреб — прозрачный ручей. Но нет для них ничего дороже их нежной любви, и год им кажется неделей, а неделя — вечным летом.

Следом за вестниками Марк и сам поспешил к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Мой господин, — сказал Марк королю, — мне неизвестно, на чьей ты стороне, но вспомни, что я тебе ближе по родству, чем Тристан, ибо я сын твоей сестры, а следовательно, твой родной племянник. И, стало быть, мне, а не ему пристало ждать от тебя помощи. Я оскорблен и требую отмщения! Выполни свой долг, мой повелитель!

— Это нетрудно сделать! — сказал король Артур. — Однако следует помнить, что Тристан — один из трех самых славных героев нашего острова.

— Мой господин, — возразил Марк, — этот позор пятнает не только мою честь, но и твою. Тристан — твой рыцарь, так неужто ты хочешь, чтобы все говорили, будто он выказывает тебе пренебрежение?

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал Артур.

В тот же день он созвал своих рыцарей, и они поскакали вместе с Марком на Север. Темной ночью они окружили со всех четырех сторон дубовые Келидонские рощи.

Тристан сладко спал, обнимая свою Изольду, и ничего не слышал. А Изольда, как все женщины, была беспокойней и услышала лязг оружия и шепот бойцов, прятавшихся за каждым кустом, за каждым деревом. Она так задрожала в объятьях Тристана, что он проснулся.

Проснулся и спросил:

— Моя милая госпожа, отчего ты дрожишь, ведь я рядом с тобой?

— Не за себя я боюсь, — отвечала Изольда, — но за тебя. Я слышу голоса со всех сторон. Наверное, эти люди пришли, чтобы тебя погубить.

— Разве ты не знаешь, моя госпожа, — громко сказал Тристан, — что судьбой предначертана смерть всякому, кто прольет хоть каплю моей крови? А кроме того, среди этих людей много моих верных друзей — и честный Кай, и свирепый Бедуйр, и обходительный Гвалхмай, и мои названные братья, которые, как и я, служат нашему королю Артуру.

И Тристан с нежной заботой спрятал Изольду в дупле старого дуба, а вечнозеленые листья плюща, падуба и растущего рядом тиса надежно укрыли ее от чужих глаз. Потом он взял в руки свой молнии подобный меч, надел на спину щит, подобный тяжелой грозовой туче, и кинулся туда, откуда громче раздавались голоса и лязг оружия.

Ветви раздвинулись, и перед Тристаном предстал сам Марк, окруженный своими рыцарями.

— Достойный муж, — сказал ему Тристан, — мы, кажется, с тобою в ссоре. Бери свой меч, и мы сейчас решим, кто прав, кто виноват.

Не тут-то было. Марк кликнул своих людей и велел им схватить Тристана, связать и доставить ко двору короля Артура. Но рыцари возмутились.

— Позор на наши бороды, — сказали они, — если мы станем биться за господина, который сам отказался от битвы!

И они отпустили Тристана с миром.

И опять пришел Марк к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Что ж, — сказал Артур, — я так и думал, что это случится. Остается одно: насрать на Тристана наших лучших арфистов, чтобы смягчить его сердце. А следом отправить к нему поэтов и

менестрелей, чтобы от их похвал и славословий Тристан сменил гнев на милость. Вот тогда мы с ним и поговорим.

Так и сделали.

Когда чудесные звуки арфы наполнили Келидонские рощи, и смолкли птицы, и замерли деревья, заслушавшись, сердце Тристана смягчилось.

Он кликнул музыкантов и щедро наградил их золотом и серебром.

Следом за арфами Тристан услышал прекраснейших поэтов и менестрелей. Их песни и слова пленили Тристана и Изольду.

Тристан снял с шеи золотую цепь, украшенную рубинами и жемчугами, и подарил ее главному певцу-поэту, а остальных щедро наградил золотом и серебром.

Так был укрощен его гнев, так пробудились в нем восторг и восхищение. И тогда пред ним предстал Гвалхмай с посланием от короля Артура.

Речи Гвалхмайя были столь обходительны, что Тристан им внял и поехал следом за Гвалхмайем ко двору короля.

Тристан и Марк поклялись хранить мир, пока справедливый королевский суд не рассудит их, — так повелел король Артур.

Но сначала Артур с каждым из них завел беседу, чтобы спросить, не откажется ли тот или другой от леди Изольды по своей воле. Нет, ни тот, ни другой отказываться не хотели.

И тогда король Артур сказал им свое последнее слово:

— Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному из вас, а когда опадут листья — другому. Первым выбирать будет Марк, сын Майрхьона!

— Благодарю тебя, господин мой, — обрадовался Марк. — Выбрать нетрудно!

И он сказал, что пусть Изольда будет ему женой, когда нет листьев на деревьях: ведь зимой время тянется дольше, дни короче, зато ночи длинней.

Король Артур поехал со своими рыцарями в Келидонские рощи и сообщил Изольде свое решение и выбор Марка.

— Мой господин и повелитель! — воскликнула Изольда. — Благослови господь твой справедливый суд!

— Как так? — удивился король.

В ответ Изольда пропела:

Три дерева в нашем растут лесу:
Плющ, падуб и красный тис.
Листвы не теряют они зимой —
Теперь Тристан навсегда будет мой!

Вот как Марк потерял, а Тристан нашел свою Изольду.

Дева Озера

Легенда

ДАВНО-ДАВНО жил в горном Уэльсе юноша, сын вдовы. Как-то раз погнал он коров и овец своей матушки вниз к озеру, где росла высокая и сочная трава. Правда, день выдался неудачный. Вершины гор с утра окутались густым туманом. Но когда он спустился к самому озеру, все вдруг озарилось ярким светом. Однако, приглядевшись внимательнее, юноша увидел, что это не солнце осветило все вокруг, а прекрасная дева, что сидела посреди озера на маленьком островке и расчесывала свои золотые волосы. Ее золотое платье так и сверкало, так и горело, разбрасывая вокруг яркие лучи.

Не подумав, что он делает, юноша вытащил из кармана ломоть черствого ячменного хлеба с сыром, который мать дала ему с собой на обед, и протянул его прекрасной деве, окликнув ее при этом. Дева обернулась, увидела его, поднялась и, словно по мягкой траве, пошла к нему прямо по воде.

Подойдя к самому берегу, она внимательно оглядела хлеб и сыр, которые он ей протягивал, и сказала, покачав головой:

— Черств твой хлеб, слишком черств! Таким хлебом тебе не накормить меня.

Юноша все продолжал протягивать к ней руку с хлебом, но дева уже исчезла.

Вернувшись домой, он все рассказал матери и добавил, что умрет от горя, если не сделает прекрасную деву своей женой. И на другой день мать дала ему в дорогу совсем мягкий, только что испеченный хлеб с сыром — ведь черствый ячменный хлеб де-

вухе не понравился, так, может быть, этот ей покажется лучше?

Юноша долго ждал на берегу, не спуская глаз с озера. И наконец, словно опять заиграло яркое солнце, появилась на озере прекрасная дева с золотыми волосами и озарила все вокруг ярким светом.

На этот раз она показалась юноше еще прекраснее.

Он протянул ей хлеб с сыром, и позвал ее, и сказал, что хочет на ней жениться и умрет, если она отвергнет его любовь. Дева подошла к нему и внимательно оглядела, что было у него в руках, но, покачав головой, тихо сказала:

— Не пропечен твой хлеб! Не пойду я за тебя!

И сколько юноша ни просил, ни умолял, она опять исчезла.

Он вернулся домой таким несчастным, что сразу бросился на кровать и не хотел вставать. Но когда мать спросила его, что случилось, он все ей рассказал.

И вот матушка раздула пожарче огонь в очаге и на этот раз уж испекла не черствую ячменную лепешку и не сырой хлеб, а хрустящую, пышную булку.

На другой день юноша опять погнал стадо к озеру. Долго ждал он у озера, опершись о палку. Все утро светило солнце, но воды озера оставались спокойны. Прошел день. Когда же начало смеркаться, юноша совсем приуныл. Он уж не надеялся увидеть опять свою прекрасную деву.

Грустный и печальный, он собрал всех коров и овец, чтобы гнать их назад домой, и бросил последний прощальный взгляд на озеро, как вдруг, к своему великому удивлению, увидел на воде — нет, не прекрасную деву, а прекрасных черных, гладких коров, которые, словно по мягкой траве, шли прямо по озеру.

Он так и застыл на месте: не могли коровы прийти сюда одни! Наверное, вслед за ними появится и их прекрасная хозяйка.

И вот появилась дева озера, на этот раз еще прекрасней, чем раньше. Юноша сам пошел ей навстречу и протянул хрустящую, пышную булку с сыром. Она взяла булку и, когда юноша снова попросил ее стать его женой, сказала, что согласна, но должна спросить разрешения у своего отца.

Юноша очень обрадовался, но прекрасная дева тут же исчезла. Он не знал, что же ему делать, и звал ее, и хотел даже прыгнуть в воду, чтобы искать ее на дне озера. Однако не успел он ступить в воду, как из озера появилась его прекрасная дева, на этот раз вместе с величественным старцем.

— Если ты обещаешь быть добрым и верным мужем моей дочери,— сказал он,— я согласен отдать ее тебе в жены. И даже дам тебе хорошее приданое. Ты получишь столько коров и столько овец, сколько она сумеет насчитать зараз, не переводя дыхания. Но помни: если ты будешь несправедлив к ней или если ты, пусть даже случайно, заденешь ее чем-нибудь железным, она вернется в родное озеро. И все коровы и овцы уйдут следом за ней.

Юноша с радостью на все согласился. И старик соединил их руки.

— А теперь пора подумать о приданом,— сказал старик и велел дочке считать, не переводя дыхания.

— Раз, два, три, четыре, пять... раз, два, три, четыре, пять...— начала она считать и успела так насчитать семь раз.

И тут же из озера появилось тридцать пять тонкорунных овец.

Во второй раз дева озера насчитала пятнадцать. И тут же из озера вышло четырнадцать черных, гладких коров и один белолобый красавец бык.

Все стадо послушно вышло на берег и последовало за юношей и его невестой к его дому. Молодые жили очень счастливо. Ни у кого во всем Уэльсе не было такого сладкого молока и такого вкусного масла, какое давали их волшебные коровы. А что до овец, то вряд ли у кого-нибудь была лучшая шерсть для пряжи, чем у них. Так что можете сами догадаться, как осторожен был муж, когда держал в руках что-нибудь из железа, чтобы — не дай бог! — не коснуться им нечаянно своей любимой жены.

Шли годы; у них родилось три сына. Сыновья выросли и стали юношами, столь же умными, сколь красивыми. К тому времени отец превратился уже в седого, сгорбленного старика. Но он не горевал, ведь у него было три удачных сына, которые помогали ему во всем, и их ферма с волшебными коровами и овцами по-прежнему процветала.

А прекрасная мать трех сыновей, его жена, оставалась все такой же молодой и красивой, какой была когда-то давно-давно, когда он впервые увидел ее.

И вот однажды была объявлена большая ярмарка, на которую со всех концов страны сгоняли на продажу скот. Оставив трех сыновей дома следить за фермой, муж и жена решили тоже отправиться туда. Они вышли вместе из дому и поднялись в горы, чтобы поймать там двух пони — на них они бы скорее добрались до ярмарки.

А надо вам сказать, что пони паслись как раз на том склоне горы, который спускался к самому озеру, где когда-то юноша увидел прекрасную деву озера.

Жена, словно молодая девушка, легко взбежала по склону горы и сразу поймала за гриву одного пони. Но держать пони за гриву было неудобно, и она крикнула своему старику мужу, чтобы он кинул ей повод.

И муж, не думая, что делает, кинул ей вместо повода уздечку. Ах, какая беда — одной железной скобой уздечка задела ее по руке! Жена грустно поглядела на него и отвернулась. Не сказав мужу ни слова, она отпустила пони и запела тихим, печальным голосом:

Милые мои Чернушки,
Пеструшки, Веснушки,
Вострушки,
И ты, Белолобый,
Седой, удалой,
Домой! Домой! Домой!

Поднялся ветер, небо пожелтело, загремел гром. Но она все пела:

И вы, мои белые,
И вы, мои серые,
Бросайте теплые хлевы
И спешите за мной
Домой! Домой! Домой!

Коровы, которые были привязаны в стойлах, вышли из коровника и спустились вниз к озеру. И четыре серых быка вместе с плугами спустились к воде. И овцы с ягнятами тоже сбежались к озеру.

А через миг на берегу не осталось ни стада, ни прекрасной жены — все скрылись в водах озера.

Муж вернулся домой, плача горькими слезами. Он позвал своих сыновей и рассказал им, что случилось. До этого дня юноши не знали, кем была их прекрасная мать, и когда они услышали всю историю, они как могли принялись утешать отца.

— Не печалься, дорогой отец, — говорили они. — Вот увидишь, наша матушка нас не оставит.

Они и сами верили в это, а потому каждый вечер все трое спускались к берегу озера и ждали. Много-много вечеров... Но воды озера оставались спокойны, лишь легкий ветерок иногда вызывал на них мелкую рябь.

И вот однажды ночью, когда светила полная луна, а три брата, как всегда, сидели на берегу озера, она всплыла наверх — такая же прекрасная, как когда-то, когда была Девой Озера.

Она вышла на берег, приблизилась к своим сыновьям, нежно поздоровалась с ними и сказала, что любит их по-прежнему. И попросила их хорошенько запомнить все, что она им сейчас скажет, и тогда очень скоро они прославятся и станут великими людьми.

Она повела их за собой по берегу озера и дальше в горы, показала им все целебные травы и сказала, как они называются и какие болезни вылечивают. И очанку, которая помогает больным глазам, и пиретрум — от злой лихорадки, и подорожник — залечивать раны, и много других трав. Она сказала, когда какую траву собирать, как их смешивать и варить и какие при этом говорить заклинания.

Все трое внимательно слушали ее и постарались все запомнить. И правда, очень скоро они стали самыми мудрыми и прославленными врачевателями во всем Уэльсе. А когда состарились, передали свое искусство сыновьям и внукам.

Долгие годы, не одну сотню лет, из близка и далека приходили больные к их детям, внукам и правнукам, чтобы они излечили их болезни с помощью искусства, которому научила своих сыновей прекрасная Дева Озера.

Солнце Лланфабона

Легенда

В ДОБРОЕ старое время Лланавонская церковь славилась своим большим серебряным колоколом, звон которого разносился по всей стране. Однако милее всех этот перезвон был лопоухим жителям Лланфабона. И они задумали украсть или, как они сами потом говорили, одолжить у своих добрых соседей лланавонцев их серебряный голос радости и печали.

А проделать это надо было за одну ночь, не то при первых же лучах солнца глазастые жители Лланавона их бы заметили и пустились бы в погоню.

И вот глухой ночью лопоухие, косолапые лланфабонцы прокрались в Лланавон, сняли с колокольни большой колокол — только сначала обмотали его звонкий язык бархатом, обложили соломой да сверху еще обернули его красными фланелевыми рубахами, какие надевают на ночь все мужчины в Уэльсе, — и отправились с драгоценной ношей к себе, в родной Лланфабон.

Они шли тихо-тихо, лишь постукивали о камни их деревянные башмаки да тяжелые посохи, из-под которых летели в темноту яркие искры. Все хранили молчание, и колокол, само собой, тоже.

Но как раз когда они переходили вброд речку Таф, из-за туч выплыла полная луна, и с перепугу лопоухие, косолапые лланфабонцы приняли ее за солнце. Руки у них задрожали, они выронили колокол, и он потонул в реке. Так никто больше и не услышал звонкий голос большого серебряного колокола из Лланавона.

Потом уж лопоухим, косолапым, горбоносим лланфабонцам пришлось во всем признаться своим соседям.

Вот с тех пор глазастые жители Лланавона и называют луну солнцем Лланфабона.

Добрая душа

АВНЫМ-ДАВНО жил-был старичок — добрая душа. Жил он со своей женой, тоже доброй старушкой, в маленьком белом домике неподалеку от Снóудона.

Каждый вечер, после ужина, старичок брал помойное ведро с очистками, и стоило ему сделать каких-нибудь десять шагов — и вот он уже у каменной ограды своего сада. Хоп! И все очистки за оградой — и луковая шелуха, и картофельная кожура, и морковная ботва, и все такое прочее.

А на другое утро приходила соседская свинья и все съедала, хрюкая от удовольствия.

У доброго старичка душа радовалась, глядя на нее. Что и говорить, он и в самом деле был добрый старик.

И вот как-то вечером, как раз когда только-только выплыла луна, старичок, по своему обыкновению, вышел в сад. Десять шагов — и он уже был у своей ограды. Но только он хотел вылить помойное ведро за ограду, как вдруг заметил, что рядом стоит кто-то. Какой-то незнакомец, которого прежде добрый старик в глаза не видывал. Чудной такой, маленький человечек. Одет во все зеленое, только жилет ярко-красный. Фасон его платья был тоже какой-то чудной — старик в жизни своей такого не видел. К тому же еще незнакомец сильно косил. Но больше всего старичка удивили его огромные-преогромные ступни.

— О горе мне, горе! — сказал странный незнакомец. — Неужели это так и будет продолжаться каждый вечер? — И он указал на помойное ведро.

Старик удивился:

— А что такое? Я всю жизнь так делаю, каждый божий вечер!

— В том-то и беда, что каждый вечер! — сказал странный незнакомец и так тяжело вздохнул, что доброму старичку стало его жалко.

— Разве кому-нибудь от этого плохо? — спросил он.

— Хуже некуда! — сказал незнакомец.

— Но только не соседской свинье! — возразил горячо добрый старик. — Она очень любит очистки — и луковую шелуху, и картофельную кожуру, и морковную ботву, и все такое прочее — и каждое утро приходит сюда за ними.

— Все это мне прекрасно известно, — сказал странный незнакомец и опять тяжело вздохнул. — Послушайте, — продолжал он, — а не хотите ли вы встать мне на ноги?

— Встать вам на ноги? — удивился еще больше старик. — Чем же это вам поможет?

— А вот поможет! Тогда я сумею показать вам, в чем беда.

— Ну что ж, попробую, — говорит старичок, ведь он был добрая душа.

«Слава богу, — подумал он, — что у этого косоглазого чудака такие огромные ступни! На них, пожалуй, действительно можно встать».

И вот, держась за каменную ограду, добрый старик встал чудному незнакомцу на ноги и глянул через ограду — как раз туда, куда каждый вечер вот уже тридцать лет своей жизни выливал помойное ведро. И — о чудо! Словно он глянул сквозь землю, будто то была не твердая земля, а чистая, прозрачная вода, и увидел там — нет, вы только представьте себе! — маленький белый домик, точь-в-точь как его собственный. Но бог ты мой, какой он был грязный! Вся его крыша была залита помоями, луковая шелуха засорила каминную трубу, на ступеньках валялась картофельная кожура, в чистом ведре с водой плавала морковная ботва и все такое прочее.

— Вот беда! — сказал старичок. — Ну кто бы мог подумать!

— Да, и все эти очистки через каминную трубу попадают к нам в комнату, — сказал незнакомец, чуть не плача. — И так тридцать лет! У моей жены прямо сердце разрывается от горя, что она не может навести чистоту в нашем доме.

— Вот напасть! — воскликнул старичок. — Что же делать?

— Придумай что-нибудь!

— Что-нибудь да придумаю. Но что?

— Даю тебе день сроку! Завтра я приду к тебе за ответом, а сейчас сойди-ка с моих ног!

Не успел добрый старичок сделать нескольких шагов, как и белый домик, и большеногий чудной незнакомец исчезли, будто их и не было.

Когда старик вернулся домой, жена спросила его, что это он так загулялся при луне. Он все рассказал ей.

— Ах ты батюшки! — воскликнула добрая старушка. — Ну и досталось бедняжке — чистить да мыть свой дом каждый божий день целых тридцать лет подряд!

Почти всю ночь просидели старик со старушкой у камина. Если они и спали, то совсем малость — всё думали да гадали, как им быть.

А наутро, как рассвело, оба поспешили к ограде и заглянули через нее. Но ничего такого не увидели — ни странного, большеногого человечка, ни маленького беленького домика. Только соседскую свинью. Она рыла пяточком землю, да все напрасно — ни луковой шелухи, ни картофельных очисток, ни морковной ботвы — ничего на земле не было. Старичку ее так жалко стало!

И когда настал вечер и показалась луна, он пошел к ограде. Станный человечек — вы уж, верно, догадались, что это был домовый, из тех самых домовых, что охраняют чистоту в доме, — да, так странный человечек уже ждал его там.

— Ну, ты придумал что-нибудь? — спросил он, после того как они вежливо поздоровались.

— Придумал! — сказал добрый старичок.

— А твоя жена одобрила, что ты придумал?

— Одобрила! — сказал старичок.

— Так что же ты придумал?

— Перенесу дверь нашего дома на другую сторону!

Так он и сделал.

Позвал столяра, мистера Уилльямса, и каменщика, мистера Билла Дэвиса — сам-то он уже стар был, чтобы справиться с такой работенкой, — заплатил им не скупясь, и они перенесли дверь его дома на другую сторону. И каждый вечер, после ужина, старичок — добрая душа брал помойное ведро, и стоило ему сде-

лать каких-нибудь десять шагов — вот он уже у ограды своего сада. Хоп! И все очистки за оградой.

За оградой, да только с другой стороны!

С тех пор, наверное, и повелось, что дверь у валлийцев не на ту сторону.

Да, а старичок-то, между прочим, внакладе не остался. С мистером Уилльямсом, столяром, и с Биллом Дэвисом, каменщиком, он расплатился честь честью. И все равно получилось так, что ни гроша он не потратил.

Как же так? — спросите вы.

А так, что каждую субботу, лишь только темнело, добрый старичок и его жена, тоже добрая старушка, находили под своей дверью старинную серебряную монету.

Кэдуладер и козы

ИЛ в горах Уэльса пастух по имени Кэдуладер. У него было большое стадо горных коз. Самую красивую его козу звали Дженни.

Ни у одной козы не было такой гладкой, шелковистой шубы, как у Дженни, потому что каждую пятницу и субботу сами феи расчесывали и приглаживали ее шерсть. И в воскресенье, когда Кэдуладер пригонял своих коз домой, лучше Дженни не было козы в целом стаде.

Если ж говорить об уме, то Кэдуладер считал, что умней Дженни он не встречал никого, не только среди коз, но и среди людей. Поэтому и удивляться нечего, что он души в ней не чаял, да и она платила ему тем же.

Но, как говорится, всему приходит конец. Дженни, видно, тоже так думала и потому в один прекрасный день показала своему хозяину хвост да ускакала в горы.

Кэдуладер кинулся за ней в погоню. Он карабкался вверх по крутым горным тропам и звал ее сначала нежно и ласково, потом с угрозами, а затем уж у него совсем не стало духу звать ее, и он лишь кое-как поспевал за козой.

Горы в этих местах крутые, тропы обрывистые, и только Кэдуладер готов был схватить козу за хвост — хоп! — Дженни перескакивала на другую скалу. Хоп! — и она уже на соседнем утесе, а Кэдуладер опять в дураках.

Дженни словно дразнила его, и это еще больше злило Кэдуладера. И, уж конечно, от синяков, какие он набивал себе, стукаясь об острые камни, настроение у него лучше не становилось. А горные ручьи и водопады, обдававшие его холодными брызгами, и совсем выводили его из себя.

В конце концов Кэдуладер очутился на узком уступе отвесной скалы. Напротив возвышалась такая же крутая скала, а между ними лежала бездна.

Прямо перед ним стояла Дженни и вызывающе глядела на него. По ее насмешливому взгляду Кэдуладер понял, что сделает он еще хоть полшага — она перемахнет через бездну и оставит его с носом, тогда уж навсегда.

— Ну, Дженни, — с трудом переводя дыхание, сказал Кэдуладер, — я бы еще мог простить тебе синяки и шишки, но вот то, что ты дурачишь меня, я никогда тебе не прощу!

Коза отпрыгнула от него в сторону, и он, не подумав, что делает, бросил в нее камнем. Дженни громко вскрикнула и упала вниз на выступ скалы.

Кэдуладер бросился на то место, где она лежала. От его гнева и злости не осталось и следа. Их сменили жалость и горе. Дженни часто дышала и, когда он дотронулся до нее, подняла голову и лизнула ему руку.

— Что я наделал! — воскликнул в отчаянии Кэдуладер.

Из глаз его брызнули слезы. Он сел рядом с Дженни и положил ее голову к себе на колени. Вскоре стемнело, но он все сидел там и гладил, и целовал ее шерсть, прислушиваясь к ее тихому дыханию.

Неожиданно из-за гор выплыла яркая полная луна. Она осветила все вокруг, и тут, к своему изумлению, Кэдуладер вдруг увидел, что Дженни из козы превратилась в прекрасную девушку с длинными шелковистыми волосами и нежными карими глазами. Она уже не казалась умирающей, а, наоборот, довольной, словно кошка, налакавшаяся сливок.

Он очень удивился — а как же мог он не удивиться? — когда она вдруг заговорила с ним человеческим голосом.

— Мой милый Кэдуладер, — сказала она со вздохом, — неужели я поймала тебя наконец?

Кэдуладеру стало как-то не по себе, он совсем не хотел, чтобы кто-нибудь поймал его, да еще таким нелепым образом. К тому же он никак не мог решить, называть ли ее по-прежнему Дженни, и чувствовал себя ужасно неловко. Поэтому он даже обрадовался, когда она встала и, взяв его за руку, повлекла за собой в горы.

Но вот что было странно и даже как-то не очень приятно: рука у Дженни была как рука и кожа мягкая, нежная, а все-таки ему казалось, что он держит не руку, а копыто. Да еще в голосе ее, хотя она говорила с ним очень нежно, пожалуй даже слишком нежно, нет-нет да и проскальзывало козлиное «бе-е-е!», от чего у него мурашки по спине забегали.

«Все ясно,— сказал он себе, глядя на ее белые ножки, скачущие по скалам,— я попал в дурное место. А впереди, наверное, будет еще хуже».

Очень скоро он убедился, что правильно угадал. Они с Дженни очутились на широком плато, расположенном на самой вершине горы, и тут же их окружило несчетное стадо горных коз. Кэдуладер в жизни своей не видел таких рогов и бород и не слышал такого бляения.

Однако Дженни спокойно провела его сквозь стадо, отвечая направо и налево то по-козьи, то по-человечьи. Наконец они остановились перед самым большим и самым старым козлом. Дженни низко поклонилась ему, словно королю.

— Это и есть тот человек?— спросил Козел-король.

— Тот самый,— ответила она.

— Да-а, я ожидал лучшего,— сказал король.— Для человека и то он выглядит довольно жалко.

— После он будет выглядеть лучше,— уверила Дженни козля.

«После чего?»— удивился Кэдуладер, хотя вопрос этот оставил при себе.

— Ну как,— спросил Козел-король, глядя на него красными глазами (вернее, глазами с красными ободками),— согласен ты вступить в нашу компанию?

«Ах, вот почему она сказала, что после я буду выглядеть лучше!»— подумал Кэдуладер.— После того, значит, как меня превратят в козла».

— Никак нет, ваше величество!— одним духом выпалил он.— Я не хочу превратиться в козла и вообще не хочу больше иметь ничего общего с козами!

— Не хочешь стать козлом?— взревел Козел-король.— Ах ты жалкое созданье! Да это мы, хозяева земли, не желаем иметь ничего общего с ничтожными людьми вроде тебя!

И с этими словами Козел-король одним ударом могучих рогов сбросил Кэдуладера со скалы.

Уже настало утро, когда Кэдуладер очнулся и обнаружил, что лежит под высокой скалой головой в кустах, а ногами в болоте. Ярко светило солнце, в небе носились птицы, но Кэдуладеру хотелось одного— скорее домой!

Стоит ли говорить, что свою Дженни он больше в глаза не видел. Да это и не имело такого уж значения, потому что с того дня у него совсем пропал интерес к козам. Он распродал свое стадо и вместо коз купил овец. Так что если бы мы захотели рассказать вам новую историю про Кэдуладера— но не бойтесь, мы не хотим!— ее бы пришлось, наверное, назвать: Кэдуладер и овцы.

Лопата Земли

А САМОЙ границе горного Уэльса жил некогда старый, злой великан. И уж не знаю почему, но он просто терпеть не мог мэра и всех жителей города Шрусбери. Долго он ломал себе голову, как бы им посылнее досадить, и наконец не придумал ничего лучше, как бросить полную лопату земли в реку Северн, чтобы ее запрудить.

«Ха, ха! — думал великан Рёкин (так его звали — вполне приличное имя для старого и злого великана). — Пусть речка выйдет из берегов и затопит весь город вместе с мэром и всеми жителями. Весь-весь!»

И вот это низкое создание в один прекрасный день отправилось в город Шрусбери с полной лопатой земли.

Не знаю уж, как так случилось, но по дороге он заблудился и пришел не к Шрусбери, а к Веллингтону. Уже вечерело, и великану хотелось скорей добраться до места, потому что ноша была тяжелая и он совсем из сил выбился.

Совсем недалеко от города великан встретил сапожника с большим мешком на спине, в котором были старые башмаки да сапоги. Этот сапожник возвращался домой в Веллингтон, где была его лавка, а шел он из Шрусбери, где и набрал все эти башмаки и сапоги для починки.

— Послушай! — окликнул его великан Рёкин. — Далеко еще до Шрусбери?

— До Шрусбери? — переспросил сапожник, запрокидывая голову и глядя вверх. Выше, выше, пока где-то уже совсем высоко он наконец не разглядел то, что было великановой головой, и

она ему совсем не понравилась. Поэтому вместо ответа он спросил: — А что тебе там нужно, я имею в виду в Шрусбери?

— Видишь эту лопату земли? — спрашивает великан, и при этом голос его задрожал от злобы. — Я собираюсь бросить ее в Северн, чтобы река выпшла из берегов и затопила весь Шрусбери: и мэра, и жителей, всех, всех!

Сапожнику такая затея пришлась не по душе.

«Ничего себе — затопить Шрусбери! — подумал он. — Вместе с мэром и всеми жителями. Ну нет, не выйдет!»

Так он подумал. Но на самом-то деле что мог поделывать какой-то ничтожный сапожник с настоящим великаном?

Он опустил на землю мешок, поскреб в затылке и говорит:

— Так, значит, Шрусбери? До него еще порядком! Сегодня тебе туда никак не добраться. Да и завтра, пожалуй, тоже.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает великан.

— Да я как раз иду из Шрусбери, — говорит сапожник и развязывает при этом свой мешок, чтобы великан увидел, что у него там. — Это очень далеко, поверь мне. Видишь, сколько башмаков и сапог я износил, пока шел оттуда?

— О горе мне! — вздохнул великан, и от его вздоха даже горы задрожали. — Тогда лучше я не пойду туда. Я и так совсем из сил выбился. Чтобы еще хоть немного тащить эту тяжеленную лопату с землей, нет уж!

— Если б немного! — подхватил сапожник. — Но туда еще идти и идти!

— Раз так, — говорит великан, — тогда мне, пожалуй, умнее всего сбросить эту землю прямо здесь и вернуться домой.

Сапожник промолчал: он боялся, как бы великан не разгадал его хитрость. Но великан так устал, да и вообще-то был глуповат, что ничего даже не заподозрил. Он опрокинул лопату с землей на том месте, где стоял, вычистил о край лопаты свои сапоги и зашагал прочь в валлийские горы. И больше о нем в Шрусбери не было ни слуху ни духу.

А если вы не верите, что все так и случилось, ступайте по дороге из Шрусбери в Веллингтон и, не доходя до города, сами увидите на том месте, где великан опрокинул лопату земли, высокий холм, который так и называется Рёкин, а рядом холмик поменьше — из той земли, которую великан счистил со своих сапог.

*Из оксфордского издания Барбары Кер Уилсон,
из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис
и сборника Аллана Стюарта*

ИЛИ НА СВЕТЕ мальчик по имени Перси. И, как все мальчишки и девочки, он ни за что не хотел вовремя ложиться спать.

Хижина, где он жил с матерью, была небольшая, из грубого камня, какого много в тех местах, и стояла как раз на границе между Англией и Шотландией. И хотя они были люди бедные, по вечерам, когда в очаге ярко горел торф и приветливо мигала свеча, их дом казался на редкость уютным.

Перси очень любил греться у огня и слушать старинные сказки, какие ему рассказывала мама, или же просто дремать, любуясь причудливыми тенями от пылающего очага. Наконец мать говорила:

— Ну, Перси, пора спать!

Но Перси всегда казалось, что еще слишком рано, и он спорил с ней и препирался, прежде чем уйти, а стоило ему лечь в свою деревянную кроватку и положить голову на подушку, как он тут же засыпал крепким сном.

И вот как-то вечером Перси так долго спорил с мамой, что у нее лопнуло терпение, и, взяв свечу, она ушла спать, оставив его одного возле пылающего очага.

— Сиди, сиди тут один у огня! — уходя, сказала она Перси. — Вот придет старая злая фея и утащит тебя за то, что мать не слушаешься!

«Подумаешь! Не боюсь я злых старых фей!» — подумал Перси и остался греться у огня.

А в те далекие времена в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни, который каждую

ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищал все и отмывал. Мама Перси оставляла ему у двери целый кувшинчик козых сливок — в благодарность за его работу, — и утром кувшинчик всегда оказывался пустым.

Эти малютки брауни были добродушными и приветливыми домовыми, только уж очень легко они обижались чуть что. И горе той хозяйке, которая забывала оставить им кувшинчик со сливками! На другое утро все в ее доме бывало перевернуто вверх дном, мало того, обидевшись, брауни больше и носу к ней не казали.

А вот брауни, который приходил помогать маме Перси, всегда-всегда находил кувшинчик со сливками, и потому ни разу не ушел из их дома, не прибрав все хорошенько, пока Перси и его мама крепко спали. Но у него была очень злая и сердитая мать. Эта старая злая фея терпеть не могла людей. О ней-то и вспомнила мама Перси, уходя спать.

Сначала Перси был очень доволен, что настоял на своем и остался греться у огня. Но когда огонь начал постепенно угасать, ему сделалось как-то не по себе и захотелось скорей в теплую постель. Он уж собрался было встать и уйти, как вдруг услышал шорох и шуршанье в каминной трубе, и тут же в комнату прыгнул маленький брауни.

Перси от неожиданности вздрогнул, а брауни очень удивился, застав Перси еще не в постели. Уставившись на длинноногого брауни с острыми ушками, Перси спросил:

— Как тебя зовут?

— Сам! — ответил брауни, скорчив смешную рожицу. — А тебя?

Перси решил, что брауни пошутил, и захотел его перехитрить.

— Я-сам! — ответил он.

— Лови меня, Я-сам! — крикнул брауни и отскочил в сторону.

Перси и брауни принялись играть у огня. Брауни был очень проворный и шустрый бесенок: он так ловко перепрыгивал с деревянного буфета на стол — ну точно кошка, и скакал, и кувыр-кался по комнате. Перси глаз не мог от него оторвать.

Но вот огонь в очаге почти совсем погас, и Перси взял кочергу, чтобы помешать торф, да, на беду, один горящий уголек упал прямо на ногу малютке брауни. И бедняжка брауни так громко завопил, что старая фея услышала его и крикнула в каминную трубу:

— Кто тебя обидел? Вот я сейчас спущусь вниз, тогда ему не поздоровится!

Испугавшись, Перси шмыгнул за дверь в соседнюю комнату, где стояла его деревянная кровать, и забрался с головой под одеяло.

— Это Я-сам! — ответил брауни.

— Тогда чего же ты вопишь и мешаешь мне спать? — рассердилась старая злая фея. — Сам себя и ругай!

И следом за этим из трубы высунулась длинная, костлявая рука с острыми когтями, схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

Наутро мама Перси нашла кувшинчик со сливками на том же месте у двери, где она оставила его накануне. И больше малютка брауни в ее доме не появлялся. Но хоть она и огорчилась, что потеряла своего маленького помощника, зато была очень довольна, что с этого вечера ей больше не приходилось дважды напоминать Перси, что пора идти спать.

Крошка-Мальшка

ИЛ-БЫЛ мальчишка по имени Крошка-Мальшка. И была у него корова по имени Рогатая-Бодатая. Вот однажды утром Крошка-Мальшка пошел доить Рогатую-Бодатую и говорит ей:

Стой, коровка, мой дружок,
Стой, моя Рогатая,
Подарю тебе рожок,
Ты моя Бодатая.

Он, конечно, имел в виду «пирожок», сами понимаете. Но корова не хотела пирожка и не стояла смирно.

— Фу-ты, ну-ты! — рассердился Крошка-Мальшка и говорит ей опять:

Стой, коровка, моя Рогатая.
Дай молочка, моя Бодатая.
Будь умная, послушная,
Дам тебе пампушку я.

Но корова не захотела стоять смирно.

Что было делать Крошке-бедняжке
С такой Рогатой, с такой Бодатой?

Пошел Крошка-Мальшка домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Мальшка подоить ее!

— Фу-ты, ну-ты! — говорит мама. — Сломай хворостину, побей непослушную скотину.

Пошел Крошка-Мальшка к дереву за хворостиной и говорит ему:

Дай мне хворостину,
А я тебе дам холстину!

Но дерево не хотело холстины и не дало мальчику хворостины. Пошел Крошка-Мальшка опять домой к маме.

— Мама, мама! Не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Мальшка ее подоить!

— Фу-ты, ну-ты! — говорит мама. — Пойди к мяснику, пусть зарежет корову.

Пошел Крошка-Мальшка к мяснику и говорит ему:

Наша Бодатая-Рогатая молочка нам не дает,
Пусть мясник нашу Рогатую-Бодатую убьет!

Но мясник не захотел убивать корову без серебряного пенни. И Крошка-Мальшка опять пошел домой к маме.

— Мама, мама! Не хочет мясник убивать корову без серебряного пенни, не дает дерево хворостины, не хочет Рогатая-Бодатая стоять смирно, не может Крошка-Мальшка ее подоить.

— Ай, ай, ай, — говорит мама. — Пойди к нашей Рогатой, к нашей Бодатой и скажи ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

Вот пошел Крошка-Мальшка опять к Рогатой-Бодатой и сказал ей, что маленькая девочка с голубыми глазками горько-горько плачет по чашке молока.

И корова тут же стала смирно и позволила мальчику себя подоить.

И маленькая девочка с голубыми глазками перестала плакать. И все обошлось как нельзя лучше.

Что не к худшему, то всегда к лучшему.

Петух и Лиса

QДНАЖДЫ Лиса-хитрые-глаза-пушистый-хвост прокра-
лась потихоньку в фермерскую усадьбу и утащила
жирненького, рябенького Петушка.

Тут поднялась страшная суматоха, и все бросились
в погоню за воровкой.
Пришлось Лисе удирать что было духу, однако Петушка из зубов
она не выпустила.

Но Петушок-красный-гребешок-громкий-голосок совсем не
хотел попасть Лисе на обед. И пока она бежала к своей норе, он
все думал да придумывал, как бы ему заставить Лису-воровку
разжать зубы. Вот он и заговорил с ней так ласково, так вкрад-
чиво:

— Ну и глупы же люди, что хотят поймать тебя, Лиса! Куда
им, разве угнаться за тобой!

Лисе понравились такие речи: ведь она была не только хит-
ра, но и тщеславна. А Петушок-красный-гребешок-сладкий-голо-
сок продолжал:

— А все-таки хоть им тебя и не поймать, не так уж это, на-
верное, приятно, когда за тобой гонятся да еще кричат: «Держи
вора! Держи вора!» Я бы на твоём месте сам крикнул им: «Это
мой петушок, а совсем не тот, которого украли!» И люди отста-
нут, а ты спокойно побежишь домой.

Тут Лиса не выдержала, разжала зубы, задрала вверх голову
и закричала:

— Этомойпетушок!

А Петушок-красный-гребешок-хитрый-голосок времени зря
не терял и бросился наутек. Только его Лиса и видела.

Лиса и Пустельга

УСТЕЛЬГА грелась на солнышке, сидя на теплых камнях у реки, и не заметила, как к ней подкралась рыжая Лиса. Раз!— и одним прыжком Лиса очутилась возле задремавшей птички и схватила ее в свои когти.

— Не ешь меня, Лиса!— взмолилась Пустельга.— Отпусти меня, и я тебе знаешь какое яйцо снесу — больше твоей головы!

Лиса решила, что поймала не простую птицу, а особенную, и так ей захотелось получить необыкновенное яйцо, что она выпустила маленькую птичку.

А Пустельга взлетела на дерево и, почувствовав себя в безопасности, принялась поддразнивать глупую Лису:

— Не снесу я тебе яйцо больше твоей головы, не могу я снести такое яйцо! Но зато могу дать тебе три совета. Запомни их, они тебе пригодятся. Мой первый совет: пустым басням не верь! Второй: из мухи не сделаешь слона. И третий...— Пустельга поглядела на голодную Лису и закончила:— Поймала, так держи!

Шам Лин

Легенда

ПРЕКРАСНАЯ Дженет жила в замке своего отца, славного графа Марча.

Вместе с другими девушками она проводила дни в высокой башне замка — они там шили и вышивали шелковые одеяния. Только Дженет не очень внимательно следила, чтобы шов у нее получался прямой и ровный. Она больше любила глядеть в окошко.

А за окном виднелись деревья Картехогского леса, куда девушкам из замка ходить строго-настрога запрещалось. В этом лесу, как говорили, охотились рыцари королевы эльфов, и горе той девушке, которая пошла бы туда гулять и повстречала одного из них!

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день шитье было отброшено в сторону, иголка очутилась на полу, а сама девушка в зеленом лесу.

Гуляя по лесу, Дженет увидела на поляне белого коня, привязанного к дереву. Конь был белее молока, а сбруя на нем сверкала чистым золотом. Дженет пошла дальше и пришла к поляне, усыпанной розами. Не успела она сорвать один цветок, как вдруг перед ней словно из-под земли вырос юноша.

— Зачем ты сорвала белую розу, прекрасная Дженет? — спросил он. — Кто тебе позволил? И как ты посмела прийти в Картехогский лес без моего разрешения?

— Где хочу, там и рву цветы! — ответила Дженет. — А просить у тебя разрешения и не подумаю.

Услышав такой дерзкий ответ, юноша рассмеялся, отчего все семь колокольчиков на его поясе весело зазвенели. Потом сорвал красную розу и, протянув ее Дженет, сказал:

— Не сердись, я пошутил. Для такой красивой девушки я бы не пожалел даже всех роз Картехогского леса!

Весь день Дженет и Там Лин (так звали юношу) гуляли по лесу и танцевали на лужайках под волшебную музыку и нежное пение.

Но вот Дженет заметила, что солнце клонится к закату, и поняла, что пора домой, если она хочет попасть в замок до того, как отец заметит ее отсутствие.

Бедная Дженет так спешила, что почти всю дорогу бежала и очень устала. Когда она, бледная и усталая, вошла в большие ворота замка, придворные дамы, игравшие во дворе перед замком в мяч, спросили ее:

— Что такое увидела ты в лесу, прекрасная Дженет, отчего так устала и побледнела?

Но Дженет им ничего не ответила.

На другой день придворные дамы играли в большом зале в шахматы, а девушки сидели опять в башне и шили. Но Дженет осталась одна. Она смотрела в окошко и думала: хорошо бы сейчас гулять в лесу с молодым рыцарем, танцевать под волшебную музыку и слушать нежное пение...

Задумавшись, она не заметила, как к ней подошел старый лорд, друг ее отца, славного графа Марча.

— Отчего ты грустишь, прекрасная Дженет? — спросил он. — Сдается мне, ты вчера побывала в зеленой стране эльфов. Если только наш граф узнает об этом, нам всем несдобровать.

— Ах, оставьте меня в покое! — рассердилась Дженет.

В ответе ее звучала дерзость, а сердцем она чувствовала, что старый лорд прав: Там Лин был не простой смертный, а рыцарь королевы эльфов. И горе той девушке, что полюбит рыцаря из волшебной страны эльфов. Так говорили все.

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день опять убежала в лес. Долго она блуждала среди деревьев, но ни белого коня, ни его молодого хозяина так и не встретила. Она хотела идти уж домой и сорвала зеленую ветку — чтобы унести ее с собой на память, — как вдруг перед ней словно из-под земли вырос Там Лин.

— Скажи мне, скажи скорей, Там Лин, кто ты? — спросила Дженет.

— Я страж этого леса! — ответил юноша.

— Значит, ты и вправду рыцарь королевы эльфов? — печально сказала Дженет.

— Так меня называют, — ответил Там Лин, — но я родился и вырос среди людей. Меня воспитывал мой дедушка граф Роксбургский, потому что родители мои умерли, когда я был еще ребенком. С тех пор я жил в его замке. Однажды во время охоты вот в этом самом лесу с севера налетел страшный ветер. Граф Роксбургский со своей свитой поскакал домой, а меня одолел какой-то странный сон, и я упал с коня. Проснулся я уже в стране эльфов — это их королева нарочно наслала на нас злой северный ветер, чтобы унести меня к зеленым холмам, в Страну Вечной Юности.

Вспомнив про зеленые холмы, Там Лин замолк, опустил голову и о чем-то задумался. Потом опять заговорил с грустью:

— И с тех пор на мне заклинание королевы эльфов: днем я должен сторожить Картехогский лес, а ночью возвращаться в страну эльфов. Там всегда весело и тепло. Я там в большом почете. Но если бы ты знала, Дженет, как мне хочется разрушить волшебные чары и вернуться к людям!

— Я помогу тебе! — воскликнула Дженет, но тут же добавила тихо: — Если ты хочешь.

Там Лин нежно взял ее руку в свои и вот что сказал:

— Есть только одна ночь в году, когда можно разрушить злые чары королевы эльфов, — это ночь на первое ноября, в канун праздника всех святых. На эту ночь все эльфы и их королева покидают свои зеленые холмы. И я еду с ними. Сегодня как раз такая ночь. Но освободить меня не легко. Отважишься ли ты на это, милая Дженет?

В ответ Дженет лишь спросила, что она должна сделать. И Там Лин сказал:

— Когда пробьет полночь, жди меня у перекрестка четырех дорог. Сначала ты увидишь рыцарей королевы эльфов на вороных конях. Пропусти их и не сходи с места. Потом проскачат всадники на буланых конях. Ты пропусти их. И наконец появятся всадники на белых конях. Я буду среди них. Чтобы ты узнала меня, я сниму с одной руки перчатку. Ты подойди к моему коню, возьми его за золотую уздечку и вырви повод из моих рук. Как только ты отнимешь у меня повод, я упаду с коня, и королева эльфов воскликнет: «Верного Там Лина похитили!» Вот тогда будет самое трудное. Ты должна обнять меня крепко и не отпускать, что бы со мной ни делали, в кого бы меня ни превращали. Только так можно снять с меня заклинание и победить королеву эльфов.

Страшно было бедной Дженет оставаться одной ночью в лесу. Но она помнила, что сказал ей Там Лин, и исполнила все, как он просил. Она схватила его белого коня за золотую уздечку и вырвала повод из его рук, и когда он упал на землю, она обняла его крепко-крепко.

— Верного Там Лина похитили! — воскликнула королева эльфов.

Но Дженет не испугалась и только еще крепче обняла его. Тогда королева, прошептав заклинание, превратила Там Лина в зеленую ящерицу. Дженет прижала ящерицу к сердцу, но тут ящерица превратилась в холодную змею, которая обвилась вокруг ее шеи. Дженет смело схватила змею, тогда змея обернулась в брусок раскаленного железа. Из глаз у Дженет полились слезы, ей было так больно, но Там Лина она все равно из рук не выпустила.

И королева эльфов тогда поняла, что Там Лин потерян для нее навсегда. Она вернула ему его прежний облик и сказала:

— Прощай, Там Лин! Прощай! Лучшего рыцаря потеряла страна эльфов. Если бы знала я вчера то, что узнала сегодня, я бы превратила твое нежное сердце в камень!

И с этими словами королева эльфов исчезла в зеленом лесу. А прекрасная Дженет взяла Там Лина за руку и отвела в замок своего отца, славного графа Марча.

Сэр Майкл Скотт

ЭР МАЙКЛ СКОТТ из Бálвери был самым великим магом, или, как еще говорят, волшебником, каких только знала Шотландия.

Рассказывают, что верными слугами его были духи преисподней, причем одного из них подарил Скотту сам сатана в обмен на его тень. И с тех пор сэр Майкл и вправду перестал отбрасывать тень.

Даже вороной скакун сэра Майкла был не простой, а волшебный.

Случилось однажды, что король Шотландии Александр III послал сэра Майкла ко двору французского короля с важным поручением: добиться кое-каких уступок, на которые король Франции не хотел соглашаться.

— Я бы посоветовал вашему величеству пересмотреть ваши требования,— строго сказал сэр Майкл французскому королю.

Но король Франции ничего не знал о великой силе сэра Майкла Скотта и нисколько не испугался угрозы, прозвучавшей в его голосе. Он только покачал головой.

— Даю вам несколько минут на раздумье, пока мой вороной конь не ударит трижды копытом у ворот вашего замка,— сказал сэр Майкл.

Король и его приближенные так и прыснули со смеху от слов этого заморского выскочки. Однако смех их потонул в громком эхе — это вороной конь сэра Майкла ударил копытом по каменной мостовой перед воротами замка.

И тут же в ответ зазвонили колокола по всей Франции. Большие колокола громко бухали, маленькие тоненько перезванивались. Честные люди, разбуженные колокольным звоном, повскакали со своих постелей, разбойники с большой дороги все попрыгали, а пирующие, не успевшие пригубить вино, так и застыли с кубками в руках. Даже птицы попадали из своих гнезд. Все разговоры в стране смолкли: невозможно было расслышать ни слова в таком звоне и грохоте.

Колокола перестали звонить, только когда вороной конь сэра Майкла во второй раз ударил копытом по каменной мостовой.

От второго удара попадали высокие башни королевского замка.

— Довольно! — вскричал король. — Я передумал! Скажи своему господину, что я на все согласен.

В ответ сэр Майкл низко поклонился французскому королю, чтобы спрятать торжествующую улыбку на своих губах.

Что и говорить, король Александр имел все основания быть тысячу и тысячу раз благодарным своему посланнику.

И вообще, лучше было не сердить сэра Майкла Скотта. Он умел доставлять большие неприятности тем, кто чем-либо раздосадовал его или вызвал его гнев, в чем однажды на собственном опыте убедилась жена одного фермера.

Случилось как-то, что, охотясь в лесу, сэр Майкл вдруг почувствовал сильный голод и, увидев невдалеке фермерскую хижину, отправил своего слугу попросить для себя кусок хлеба.

Слуга постучался в дверь и, когда хозяйка открыла ему, попросил у нее лопоту хлеба для своего хозяина.

— Нет у меня хлеба, — грубо ответила фермерша.

Слуга принюхался и явственно услышал запах свежего хлеба, а заглянув в дверь, увидел пылающий очаг и железные сковороды, на которых пекут хлеб.

С этим он и вернулся к сэру Майклу.

— Хозяйка говорит, что нет у нее хлеба, — сообщил он, — но она неправду говорит. Когда она отворила мне дверь, я сразу услышал запах свежего хлеба.

Сэра Майкла Скотта очень разгневало такое сообщение. Он вытащил из кармана костяшку, или, как еще называют в тех местах, чертов палец, и велел своему слуге вернуться в хижину и незаметно спрятать эту штуку в щель за дверной притолокой.

Не успел слуга выполнить приказ своего господина, как волшебные чары уже начали действовать. Как раз в эту минуту фермерша наклонилась над очагом, чтобы снять с огня последние хлебы, и вдруг ни с того ни с сего ей ужасно захотелось плясать. Она закружилась по кухне, притопывая и разводя руками, и при этом еще запела:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

А муж фермерши с самого утра работал в поле. И вот он подумал: чего это жена так долго не несет ему обед? Стояла самая жаркая пора — сбор урожая, фермер устал и проголодался. Его помощнику дочка давно уже принесла кувшин с пивом и хлеб, а фермерша все не шла. И фермер попросил девушку, чтобы на обратном пути домой она заглянула к его жене и напомнила про обед.

Девушка вернулась в деревню и постучала в дверь фермерской хижинки, но никто ей не ответил, хотя она слышала там шум и топот. Судя по всему, фермерша была в приподнятом настроении, потому что она весело распевала во весь голос.

— Послушай-ка, хозяйка! — крикнула девушка. — Твой муж просил узнать, не забыла ли ты про обед. И велел тебе поскорей нести его в поле!

Шум и пение в хижине продолжались, но ответа девушка так и не получила. А потому она сама открыла дверь и вошла в кухню. Не успела она переступить через порог хижинки, как ее тоже охватило желание поплясать, и она вместе с фермерской женой закружилась в бурном шотландском флине.

Прошел час, но ни девушки с каким-нибудь известием, ни жены с обедом фермер так и не дождался и решил сам пойти узнать, что стряслось. Подойдя к дому, он не вошел сразу в кухню, а сначала заглянул в окно.

Что же он увидел?

Его жена вместе с девушкой как безумные скакали по кухне.

— Хватит дурака валять! — закричал фермер. — Где мой обед? Сейчас не время веселиться.

Он в сердцах распахнул дверь и шагнул на кухню. Но не успел он опомниться, как уже плясал вместе с двумя женщинами, стараясь лишь не отставать от них и не сбиваться с такта. Та-

ким образом вместо соло, а потом дуэта теперь в хижине уже отплясывало бурное трио.

Негостеприимная фермерша осипшим голосом продолжала петь:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

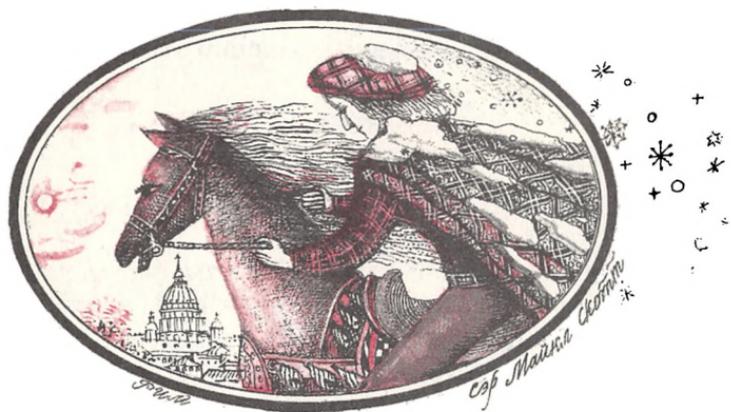
Весь этот день сэр Майкл Скотт охотился в лесу, а когда спустились сумерки, слуга напомнил ему:

— Интересно, как она там пляшет, эта фермерша?

— Ты, верно, хотел сказать, как о н и там пляшут, эта славная тройца? — поправил его сэр Майкл, у которого был свой способ узнавать, где что делается. — Что ж, думаю, она уже получила свое. Теперь можешь вернуться и вынуть чертов палец из-за дверной рамы.

Слуга выполнил все в точности, вытащил чертов палец из-за притолоки, и пляшущая тройца тут же упала без сил на пол и проспала, одни говорят — семь дней, а другие — целую неделю.

Как Майкл Скотт в Рим ходил

ОТ ВАМ еще одна история про Майкла Скотта, знаменитого волшебника, который прославился своими чудесами; того самого, что расколол пополам Эйлдонские горы. По старинному обычаю, принятому среди просвещенных и благочестивых людей Шотландии, каждый год в Рим к папе римскому отправляли посланника, чтобы тот узнал у его святейшества, на какое точно число падает первый день масленицы.

Людам было очень важно знать точный день, потому что от этого зависело, когда справлять все остальные церковные праздники в году. Сразу после масленицы шел великий пост, а через семь недель наступала пасха. И так далее, один праздник за другим в течение всех двенадцати месяцев.

Случилось однажды, что эта честь идти в Рим выпала на долю Майкла Скотта. А так как он в это время был слишком занят, то совершенно запамятовал, какое святое дело ему поручили, и протянул со своим путешествием до самого сретенья, то есть до последнего праздника перед масленой.

Нельзя было терять ни секунды. Если бы кому-нибудь из простых смертных предложили совершить путешествие в Рим и обратно за такой ничтожный срок, он бы ответил, что только безумный на это согласится, а он еще в здравом уме. Но для Майкла Скотта это было сущим пустяком.

Он встал пораньше и отправился на зеленый лужок, где паслись волшебные скакуны, — во лбу у каждого горела белая звезда, а большущие глаза их блестели почище золота.

— С какой скоростью ты можешь мчаться? — спросил Майкл Скотт у первого скакуна на зеленой лужайке.

— Со скоростью ветра!

— Не подойдет, — сказал Майкл и задал тот же вопрос второму скакуну.

— Быстрее ветра! — ответил тот.

— Для меня это медленно! — сказал Майкл.

— А я лечу как мартовский вихрь! — сказал третий скакун.

— Слишком медленно! — сказал Майкл и подошел к последнему скакуну. — Ну, а ты быстро бегаешь? — спросил он его.

— Быстрее, чем хорошенькая девушка меняет возлюбленных! — ответил скакун.

— Вот это мне подходит! — обрадовался Майкл и без лишних слов вскочил на коня, и они отправились в Рим.

Они летели как на крыльях через сушу и моря. Цок-цок, цок-цок, только искры летели из-под копыт — по белым гребням волн, по снежным вершинам гор, по зеленым холмам. Цок-цок, цок-цок! Быстрее времени! И вот уже серые скалы и бурные моря остались позади, и Майкл Скотт на золотых крыльях раннего утра опустился на площадь перед дворцом папы в Риме.

Не мешкая Майкл передал папе весточку, что некий шотландец ожидает его у дверей, и папа римский тут же принял его в своем приемном зале.

— Я посланец верных тебе шотландцев, которые просили узнать, пока еще не миновало сретенье, когда в этот год начнется масленица, — сказал ему Майкл.

— Ты поздно вато пришел, — сказал папа. — Теперь тебе никак не успеть вернуться в Шотландию до того, как пройдет сретенье.

— О, у меня еще уйма времени, — возразил Майкл. — Всего несколько минут назад я был в моей родной Шотландии. И вот я здесь. Стало быть, и назад вернусь так же быстро.

— «Всего несколько минут назад!» — воскликнул папа римский. — Никогда не поверю! Чем ты это докажешь?

Тут Майкл и протяни папе свой берет, который он снял из почтения к его святейшеству.

— Видите снег на нем? — говорит он. — Это снег с шотландских гор, где еще стоит зима.

— Тогда это просто чудо! — воскликнул папа. — И хотя я не верю в чудеса, я все-таки дам тебе ответ на вопрос, за которым ты сюда пришел. Масленица всегда начинается в первый понедельник первого лунного месяца по весне.

Майкл был просто в восторге от такого ответа. Раньше посланцы приносили из Рима только один ответ: масленица в этот год начнется точно в такой-то день. А Майклу удалось узнать секрет, как папа определяет этот день, — вот удача!

— Благодарю вас, ваше святейшество, — сказал Майкл и тут же отправился восвояси.

Вскочив на волшебного скакуна, он добрался до Шотландии так же быстро, как из Шотландии в Рим, и сообщил свою новость землякам.

Два скрипача из Стратспти

ЛАСТЕР И ДЖОН — так звали двух скрипачей, живших в Стратспти. Бедняки из бедняков были эти двое. До того не везло им в последнее время, что решили они податься в Инвернесс. И, уж конечно, в путь они отправились пешком, а не в золоченой карете. А по дороге заходили в деревни и там играли: иногда за несколько пенсов, а случалось, лишь за ужин или за ночлег.

— Надеюсь, в Инвернесе нам больше повезет,— сказал Элстер, когда они были уже близко к цели.

— Во всяком случае, хуже не будет,— сказал Джон, глядя с грустью на свои лохмотья и на большой палец ноги, выглядывавший из башмака.

Но, к сожалению, в Инвернесе их не ждала удача. Когда они добрались наконец до города, наступила зима, и земля спряталась под высокими сугробами снега. Скрипачи достали из футляров свои скрипки и заиграли веселую джигу. Но на улице не было ни души, и некому было их слушать. Добрые жители Инвернеса попрятались по домам и грелись у своих очагов.

— Мы зря стараемся,— вздохнул Джон.— Скрипки в сторону, и поищем-ка лучше, где бы укрыться от этого злющего ветра.

В это время из темноты пустынной улицы вынырнул какой-то старик.

— Добрый вечер, джентльмены,— скрипучим голосом произнес он.— А вы, никак, музыканты?

— Они самые,— ответил Эластер.— Да только в такую ночь вся наша музыка на ветер.

— И в карманах ветер, и в желудке ветер,— подхватил Джон.— Одно слово: горе мы скрипачи.

— Если согласитесь играть для меня, я наполню и ваши желудки, и ваши карманы,— сказал старик.

Не успел он закончить, как Джон и Эластер вскинули скрипки под подбородки и...

О такой удачной встрече они и не мечтали!

— Нет, нет,— остановил их старик, кладя руку Эластеру на плечо.— Не здесь. Пойдемте за мной.

— Странный старик,— успел шепнуть на ухо своему приятелю Джон.

— Э-э, за ним так за ним,— ответил Эластер.

И старик двинулся в путь, а скрипачи за ним. Так они добрались до Тонауричского холма. Поднявшись до середины холма, старик остановился перед большим домом. С улицы казалось, что в доме ни души. Света не было, стояла мертвая тишина. Старик поднялся по ступеням к массивной двери, и, хотя он не успел постучать, дверь перед ним бесшумно растворилась.

Скрипачи замерли на месте и в изумлении поглядели друг на друга. Джону стало не по себе, и он готов был бежать без оглядки, если бы Эластер не напомнил ему, что здесь их ждет тепло и хороший ужин.

Раздосадованный задержкой, старик обернулся к двум друзьям и сердито сказал, чтобы они поспешили, если не надумали нарушить уговор. И только скрипачи переступили порог странного дома, как дверь за ними бесшумно затворилась. Тут они, наконец, увидели свет и услышали шум, крики и смех. Старик провел их еще через одну дверь, и они очутились в роскошном бальном зале невиданной красоты.

В углу стоял длинный стол, заставленный диковинными яствами. От одного их вида у Джона и Эластера слюнки потекли.

За столом сидели прекрасные дамы и кавалеры, разодетые в шелк и атлас, все в кружевах и в украшениях.

— Присаживайтесь к столу и ешьте не стесняясь,— пригласил друзей гостеприимный старик.

Но скрипачи не нуждались в особом приглашении. Давненько им не доводилось так поесть и столько выпить! И когда они уже наелись и напились вдосталь, Джон вдруг заметил, что ста-

рик куда-то исчез. Он сказал об этом своему другу, на что тот ответил:

— По правде говоря, как он выходил из зала, я не видел, но в этом странном доме меня ничто не может удивить. Вставай, Джон, бери-ка свою скрипку, и давай сыграем в благодарность за такой прекрасный ужин.

Скрипачи заиграли, а нарядные кавалеры и дамы пошли танцевать. И чем быстрее мелькали в воздухе смычки, тем быстрее кружились танцоры. Никто и не думал об усталости. Эластеру и Джону показалось, что они играют всего полчаса, когда вдруг в зале опять появился тот старик, так же неожиданно, как исчез.

— Довольно играть!— приказал он.— Скоро рассвет. И вам пора в путь.

С этими словами он вручил скрипачам по мешку с золотом.

— Но мы играли совсем недолго и даже не устали, за что же нам столько денег?— спросил честный Джон.

— Берите и ступайте,— коротко ответил старик.

Молодые люди послушно взяли деньги и ушли, очень довольные своей удачей.

Первым странную перемену в окружающем заметил Эластер, когда они были уже близко от города.

— Откуда здесь эти новые дома?— подивился он.— Ручаюсь, вчера вечером на этом месте был пустырь.

— Вечером было темно,— отвечал Джон,— ты мог их не заметить. К тому же эти дома мне вовсе не кажутся такими уж новыми.

— А этот мост ты вчера видел?— спросил Эластер.

— Точно не помню,— ответил неуверенно Джон.

— Если б он был вчера, мы бы по нему прошли, ведь верно?

Джона начало разбирать сомнение. Все теперь казалось ему не таким, как вчера. Он решил обратиться к прохожему и выяснить, там ли они находятся, где предполагают. Но первый, кого они встретили, оказался очень странно одетый господин, и когда Джон спросил его про мост и дома, он со смехом ответил, что они стоят на этом месте уже давным-давно. Прощаясь с ними, он опять рассмеялся, заметив:

— Ну и чудная вы парочка! С костюмированного бала, что ли, вы идете в этом смешном старомодном платье?

Конечно, новым их платьем назвать было нельзя, но что в этом смешного? И Джон с Эластером подумали, что невежливо смеяться над их платьем, когда сам прохожий одет так нелепо. Однако, оказавшись на улицах города, они заметили, что все мужчины, женщины и дети одеты так же нелепо и странно. И в магазинах была выставлена странная, незнакомая одежда. И даже разговаривали все с каким-то странным, незнакомым акцентом. А самих скрипачей поднимали на смех, когда они обращались к кому-нибудь с вопросами. И все почему-то удивленно таращили на них глаза.

— Давай лучше вернемся в Стратспи, — предложил Эластер.

— Что ж, здесь нас больше ничто не держит, — согласился Джон. — Да и люди здесь мне не очень нравятся. Они обращаются с нами как с какими-то шутами.

И друзья повернули назад, в Стратспи. На этот раз они уж путешествовали верхом — денег у них было вволю, они могли заплатить и за постой, и за обед с вином.

А на скрипке они играли теперь только для собственного удовольствия.

Но, добравшись до родного города, они едва узнали его. Здесь тоже все переменялось: и улицы, и дома, и мосты, и люди — решительно все.

Они зашли к фермеру за молоком, а оказалось, у того уже новая жена. Во всяком случае, ни они ее не узнали, ни она их. И дети, игравшие перед школой, не поздоровались с ними и не подбежали к ним, как делали это обычно. Да и сама школа изменилась, будто стала больше и крышу ей перекрасили.

Тогда они поспешили к своему лучшему другу Джэймсу, местному кузнецу, чтобы рассказать ему, какая им выпала удача, а заодно и спросить, с чего это вдруг все так переменялось в их родном Стратспи и как поживают их общие друзья.

Однако и кузнец оказался совсем незнакомым человеком, какого прежде они и не видели, а про их друзей он и слыхом не слыхал.

Не на шутку встревоженные молодые люди направились к церкви, надеясь там повидать кого-нибудь из знакомых и у них разузнать, что же такое стряслось. Но церковь тоже оказалась уже не той маленькой скромной церквушкой, какую они помнили, а стала больше, богаче, только кладбище рядом с ней не изменилось.

Они отворили калитку и пошли по дорожке между могилами. Вдруг Эластер схватил Джона за рукав.

— Ничего странного, что мы не застали кузнеца Джеймса дома! — воскликнул он. — Вот его могила.

Не веря глазам своим, Джон внимательно прочел надпись на могильной плите.

— Но это же невероятно! — сказал он. — Когда три недели назад мы покидали Стратспи, Джеймсу было всего двадцать лет с небольшим, точно как нам, а здесь написано, что он умер девятью годами от роду.

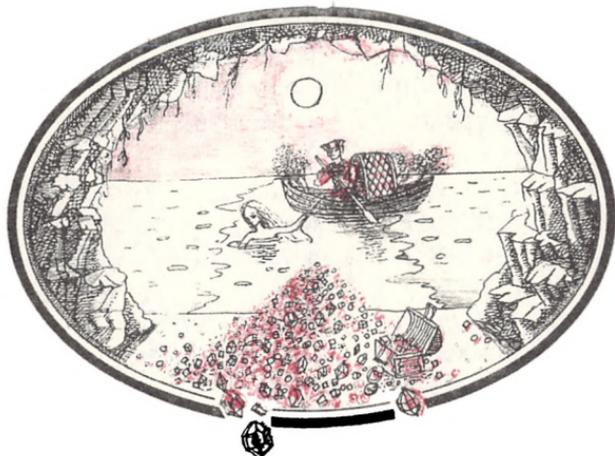
Друзья-скрипачи окинули взглядом другие могилы. Все их знакомые оказались уже похороненными здесь.

— Теперь я все понял! — воскликнул Эластер. — Тогда, в Инвернесе, мы играли для прекрасных фей и их веселых кавалеров, а тот старик, наверное, был сам их король! — и добавил с грустью: — Эх, долго же мы там играли. Слишком долго...

Да, вот так и бывает: кажется, провел в стране эльфов всего полчаса, а вернулся в родные места и никого не узнаешь: кто состарился, а кого уже и на свете нет.

Как на крыльях летит время в этой веселой, вечно юной волшебной стране.

Русалка и неверный Эндрью

ВОТ ВАМ история про молодого Эндрью, которого полюбила русалка.

Эндрью жил на самом севере шотландского берега. Как-то утром, проходя дорóгой вдоль моря, он услышал чье-то пение. Было еще очень рано, и Эндрью никак не ожидал встретить кого-нибудь на берегу.

Сначала он подумал, что это шум прибоя. Он остановился, прислушался и опять услышал пение. Но, оглядевшись по сторонам, увидел только белых моржей, резвящихся в море. Однако, пройдя еще немного, он заметил, что на скале в самом дальнем конце залива кто-то сидит.

А подойдя совсем близко, он, к своему удивлению, обнаружил, что это русалка.

Она расчесывала перламутровым гребнем длинные волосы и пела. Голос ее разливался ну точно соловьиный! Волосы золотились ярче цветов желтого лютика. Кожа у нее была белее морской пены, а глаза зеленее морской пучины.

Эндрью увидел ее лицо в зеркальце, которое она держала в руке. Он потихоньку подкрался сзади и крепко обнял ее. Она вскрикнула, выронила перламутровый гребень и зеркальце и обернулась к Эндрью.

С этой минуты они полюбили друг друга.

Русалка пообещала Эндрью на другой день опять приплыть на это место и, взмахнув хвостом, исчезла в морской пучине.

На другое утро, вынырнув из моря, она протянула Эндрью, как он подумал было, полную горсть разноцветных стеклышек.

— На, возьми,— сказала она ему.— Это тебе от меня подарок, чтобы ты знал, как я тебя люблю.

Эндрию поглядел, что она ему дала,— это оказались настоящие аметисты и рубины, которые так и играли, и горели в лучах утреннего солнца.

— Откуда ты взяла их?— спросил Эндрию.

— Я нашла их, когда проплывала мимо потонувших кораблей, что лежат на дне Пэнтленд-Фертского пролива,— отвечала русалка.

Через несколько дней Эндрию отправился в соседний город и продал там все драгоценные камни. А соседи только дивились, что это он вдруг зажил совсем по-новому. Купил новый дом побольше, стал одеваться в богатое платье, баловать себя дорогой едой и заморскими винами.

С русалкой он встречался почти каждый день, и она все больше к нему привязывалась. Но он вел слишком расточительный образ жизни, и его богатство растаяло так же быстро, как появилось.

— Мне нужны еще драгоценные камни,— сказал он русалке.— Осталось там что-нибудь в Пэнтленд-Фертском проливе?

Она поклялась ему, что камней там так же много, как блестящих чешуек на ее хвосте, и в день их следующей встречи она высыпала ему на колени топазы, горевшие словно глаза у тигра, сапфиры, синее глаз сиамских котов, и изумруды, зеленее глаз ее сестер-русалок.

— Какая ты щедрая!— изумился Эндрию.— И какая ты красивая!— добавил он, нежно ее обнимая.

Однако чем богаче становился Эндрию, тем больше он проводил времени с друзьями и соседями за выпивкой и тем меньше — со своей любимой, русалкой.

Однажды она принесла ему целую пригоршню бриллиантов.

— Просто не знаю, как и благодарить тебя!— сказал восхищенный Эндрию.— Они прозрачны, словно капли росы!

— Нет,— покачала головой русалка.— Словно слезы, какие я пролью, если ты меня разлюбишь,— печально сказала она.

У Эндрию и так было много денег, которые он выручил на продаже драгоценных камней, поэтому бриллианты он решил приберечь. Только несколько камней подарил прекрасным дамам, чтобы завоевать их расположение. Они заказали из этих бриллиантов броши, кольца и серьги и хвастали ими друг перед другом.

И когда Эндрию в следующий раз встретился с русалкой, она упрекнула его в неверности.

— Ах, Эндрью! — с укором сказала она. — Зачем же ты отдашь мои подарки другим дамам?

Эндрью горячо отрицал это, однако в тот же вечер подарил самый крупный бриллиант самой красивой даме в округе.

Русалка за это его опять упрекнула, и они поссорились. Русалке было очень обидно. Сначала она горевала, но потом решила: нет, не позволит она своим земным соперницам отнять у нее Эндрью.

И вот однажды, когда в назначенный день Эндрью пришел на берег моря, он увидел пустую скалу — на этот раз русалка не ждала его, как обычно. Эндрью сам сел на скалу и долго сидел, думая, что она вот-вот покажется.

Вдруг он увидел, что с запада к нему плывет нарядная лодка. Она легко разрешила гладкую поверхность воды, словно острые ножницы шелк, и быстро приближалась к нему. На носу ее сидела русалка. Она окликнула Эндрью, он прыгнул со скалы в море, подплыл к лодке и взобрался на борт.

— Раньше ты без лодки приплывала ко мне, — сказал Эндрью.

— Я хочу увезти тебя с собой, — сказала на это русалка.

— Спасибо, но я не уверен, что хочу уехать с тобой, — сказал Эндрью; он был вполне доволен теперешней своей богатой жизнью.

— Я бы отвезла тебя к мысу Дункансби-Хед, — пообещала русалка.

— Не хочу я в Дункансби-Хед, — сказал Эндрью.

— Там, в пещере, — продолжала русалка, не обращая внимания на нелюбезность своего возлюбленного, — я храню все сокровища, которые я нашла когда-то в Пентленд-Фертском проливе. Те драгоценные камни, что я приносила тебе, лишь отблеск этих несметных сокровищ, и все они хранятся в пещере у мыса Дункансби-Хед.

— А ты правду говоришь? — не поверил Эндрью. — Может, ты мне сказки рассказываешь, чтобы заманить меня?

Русалка уверила его, что ничего не придумала, а сказала чистую правду. Рассказ о несметных сокровищах совсем вскружил голову молодому человеку, и Эндрью согласился поехать с ней.

Хотя на лодке не было ни парусов, ни весел, она летела вперед словно по волшебству, и очень скоро они приплыли к огромной пещере. Русалка бросила серебряный якорь и предложила Эндрью сойти с лодки и спуститься в мрачную пещеру.

Эндрью вдруг начало клонить ко сну, и, войдя в пещеру, он лег на песчаный пол, положил голову на камень и заснул. Сколько он проспал, он сам не знал, но когда проснулся, лунная до-

рожка уже легла от входа через всю пещеру, осветив сверкающие груды драгоценных камней, сваленных в дальнем углу.

Эндрию тут же вскочил на ноги и кинулся в тот угол, уже прикидывая в уме, сколько камней он сможет унести с собой. Однако когда он погрузил руки в груды холодных, горящих бриллиантов, он вдруг заметил, что кисти его рук схвачены тонкой, но прочной золотой цепью, достаточно длинной, чтобы он мог дотянуться до драгоценностей, но не настолько длинной, чтобы он мог выйти из пещеры.

В отчаянье он огляделся, ища глазами русалку. Она сидела на толстом бревне, увитом морскими водорослями, у входа в пещеру.

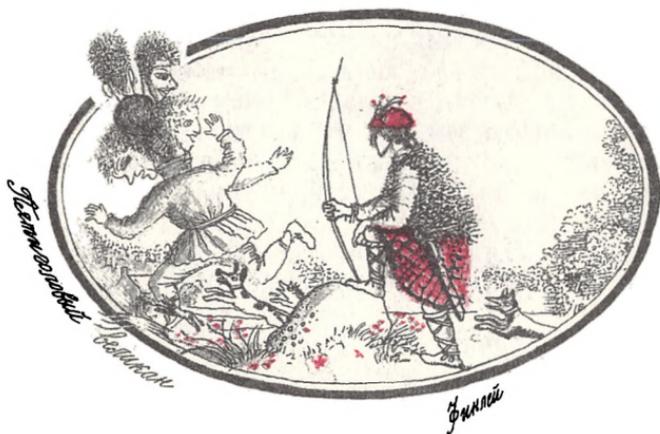
— Зачем ты приковала меня цепью? — спросил ее Эндрию. — Ты пошутила?

Русалка покачала головой.

— Больше я тебе не верю, — сказала она. — Ты разорвал невидимую цепь нашей любви. Но эту золотую цепь не разорвешь. Теперь ты навсегда мой..

Вот как наказала русалка молодого Эндрию за неверность.

Отважный охотник Финлей

ДАЛЕКИЕ-ДАЛЕКИЕ времена в диких горах на самом севере Шотландии жил со своей юной сестрой отважный охотник по имени Финлей.

Каждое утро Финлей уходил с собаками на охоту — за благородным оленем, за куропаткой или за горным зайцем, а сестру оставлял дома. И каждый раз, уходя из дому, он наказывал ей поддерживать огонь в очаге и не открывать окошко, что смотрит на север.

Там, на севере, за снежной вершиной горы в глубокой пещере жили злые великаны. Эти великаны очень любили холодный северный ветер и терпеть не могли жаркий огонь в очаге.

Самой злой и хитрой в семье великанов была старая Кэйлжих.

Ходил слух, что в горной пещере великанов хранятся огромные сокровища и даже волшебные предметы, однако никто еще не отважился подняться за ними туда.

А надо вам сказать, что сестра Финлея была очень безрассудная девушка. Ей никогда не приходилось видеть не только самих великанов, но даже их следов. А что она не могла увидеть собственными глазами, в то она не хотела верить. И потому, уходя из дому, она даже не думала подбросить торфа в огонь, а если дымил очаг, она, нимало не смущаясь, открывала настежь окошко, глядящее на север, чтобы выпустить дым.

И однажды она сделала и то и другое — как раз что брат просил ее не делать: она открыла окно на север и забыла подбросить торфа в огонь, и очаг погас. А выйдя из дома, она увидела на приступке незнакомого красивого юношу. Он ласково привет-

ствовал ее, заговорил о том о сем, и в конце концов она пригласила его зайти в дом.

А надо вам сказать, что этот красивый юноша был не кто иной, как младший из великанов, живших в той самой пещере. А чтобы его не узнали, он принял облик человека. Он попросил девушку дать обещание, что она не скажет брату, кто приходил к ней.

Глупая девушка — лучше бы она не соглашалась на это! Но она поспешила дать юноше обещание. А ему только того и надо было. Теперь он мог так околдовать ее, чтобы она влюбилась в него без памяти.

Он совсем заговорил бедняжку, и наконец она даже согласилась покинуть дом брата и бежать с незнакомым юношей. Хуже того, он взял с нее клятву, что, если брат помешает ей и вступит с ним в бой, она не станет помогать родному брату.

С этим молодой великан покинул дом Финлея.

Настал вечер. Усталый Финлей возвращался после охоты с собаками домой и, не заметив как, забрел в незнакомую ложбину. Его это тем более удивило, что он считал, будто хорошо знает все ложбины и ложбинки в своих горах. Там, в тени рябин и елей, возле прозрачного ручья он увидел хижину. За хижинкой вверх по склону холма тянулось вспаханное поле. На нем уже зеленели всходы, хотя весна в этих суровых горных краях только-только начиналась.

Финлей приказал собакам лежать смирно и ждать, а сам подошел к хижине и постучал в дверь. Ему открыла хорошенькая девушка, и он увидел в хижине старушку.

— Здравствуй, Финлей! — сказала старушка.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился Финлей. — И откуда вы взялись здесь, в наших горах, и ты, и эта хорошенькая девушка, и ваш дом, и рябины, и все такое прочее?

— Зови меня просто Доброй Волшебницей, — сказала старушка. — Эта девушка — моя дочка. Мы здесь, чтобы спасти тебя, Финлей! Хоть ты и отважный охотник, но, случается, и отважного не мешает предупредить об опасности. Знаешь ли ты, что сегодня в твоём доме побывал младший из великанов? И твоя сестра пригласила его в дом, и ему удалось опутать ее злыми чарами. Завтра он придет опять, чтобы убить тебя заколдованным голубым мечом.

— Мне горько слышать это! — сказал Финлей.

— Только ни о чем не спрашивай сестру, — предупредила старушка. — Помни, она теперь во власти злых чар.

Финлей вернулся с собаками домой и ни о чем не спросил сестру.

Наутро он, как всегда, собрался на охоту, но далеко не ушел, а спрятался. И как только на дороге появился великан — ну, тот самый, что притворился красивым юношей и опутал злыми чарами сестру Финлея, — он напустил на него своих собак. Великан так удивился, что даже забыл о волшебном голубом мече, которым хотел убить Финлея.

Да, на беду, собаки подняли громкий лай, и девушка вышла из дома посмотреть, что случилось. Тут великан схватил ее за руку, и они убежали.

Финлей остался один.

Но он знал, что это ненадолго. Скоро к нему в гости пожалуют великаны, чтобы отомстить за своего младшего брата. Он заложил дверь поленом, потом подбросил побольше торфа в очаг, и вскоре посреди хижины уже пылал яркий огонь. Но все равно Финлея пробирала дрожь.

Вдруг он услышал страшный шум, словно гром в горах. Это посыпались большие камни из-под ног великана, спускавшегося с горы.

Великан подошел к дому Финлея и закричал-зарычал-заревел:

— Фи! Фо! Фу! Кто посмел закрыть дверь? Стыд и позор тому, кто не пускает усталого путника в дом!

И он надавил плечом на дверь, вышиб ее и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. Он стоял под прикрытием пылающего очага с луком и стрелами наготове. И как только великан ворвался в хижину, он выпустил первую стрелу. Но она лишь ранила великана. Он взревел от боли и бросился на Финлея.

Неизвестно, что случилось бы с отважным Финлеем, если бы не его верные псы. Они накинулись на великана, и пока он от них отбивался, Финлей успел выпустить из лука вторую стрелу и убил чудовище.

Утром Финлей поспешил в знакомую ложбину к Доброй Волшебнице, прихватив с собой голову великана.

— Ты храбрый юноша! — похвалила его старушка. — Как это тебе удалось?

И Финлей рассказал ей все, как было: как собаки помогли ему одолеть страшного великана.

— Ну, эта битва еще не битва, — сказала Добрая Волшебница. — Битва будет впереди. Береги своих собак!

И эту ночь Финлей был в хижине один, ведь сестра его убежала с молодым великаном. Посреди ночи он опять услышал страшный шум, словно раскаты грома в горах, и даже еще страшней, чем накануне. Опять по склону горы покатались тяжелые камни и раздался громкий стук в дверь хижины.

— Фи! Фо! Фу! — заревел-зарычал великан. — Ты убил моего сына, но меня тебе не убить!

И великан вышиб дверь и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. В свете очага он увидел, что этот великан о пяти головах, одна страшней другой. Разгорелась жаркая битва, и недобровать бы Финлею, если бы не его верные псы. Они хватали и кусали великана, и пока он от них отбивался, Финлей выхватил свой меч и вонзил его чудовищу прямо в сердце.

А утром Финлей опять пошел к Доброй Волшебнице и сказал ей:

— Мне опять помогли собаки. Без них был бы конец!

— Нет, — сказала старушка, — эта битва еще не битва. Битва будет впереди! Слушай меня внимательно, отважный охотник. Сегодня ночью к тебе придет сама старая Кэйллих, чтобы отомстить за мужа и за старшего сына. Но она придет без шума и грома, а тихо и незаметно. Она заговорит с тобой сладким голосом и попросит впустить ее в дом. Но помни: она придет, чтобы отнять у тебя жизнь! Поступай точно, как я скажу тебе, и все кончится хорошо.

И Добрая Волшебница научила отважного Финлея, что ему следует делать, а чего не следует.

Когда пришла ночь, Финлей опять сидел в хижине один и прислушивался к тишине. В очаге горел жаркий огонь. Собаки лежали рядом и грелись.

Вдруг раздался легкий шорох, словно мертвый лист зашуршал на ветру, и Финлей услышал за дверью слабый, дрожащий голос:

— Впустите усталую бедную старушку погреться у очага! Откройте дверь!

Финлей крикнул ей:

— Я впусти тебя в дом, старая, если ты пообещаешь вести себя тихо и никому не причинишь в моем доме вреда.

Старуха пообещала.

И Финлей впустил ее в дом. Она и в самом деле оказалась совсем дряхлой, сгорбленной старушонкой. Поклонившись Финлею, она села возле очага с одной стороны, а он — с другой. Собаки беспокойно сновали по хижине, скаля зубы и глухо ворча.

— Какие страшные у тебя собаки! — дрожащим голосом прошамкала старушонка. — Лучше уж привяжи их!

— Собаки никогда не тронут добрую старую женщину, — сказал Финлей.

— Привяжи их, очень прошу тебя. Я так боюсь злых собак!

— Да мне нечем и привязать их, — сказал он.

— Я дам тебе три волоса с моей головы. Они такие крепкие, что можно сплести из них якорную цепь для большого корабля.

Финлей взял три волоса и притворился, что привязывает собак. На самом же деле он просто приказал им сидеть смиренно в углу.

— Ты уже привязал их? — спросила старуха.

— Сама видишь, как они смиренно лежат, — ответил он.

Старуха посмотрела на собак и успокоилась. Не говоря больше ни слова, они продолжали сидеть у очага, и Финлею вдруг показалось, что старуха начала расти.

— Что с тобой? — спросил он. — Ты как будто растешь?

— Ну что ты! — сказала старуха. — Это холодная ночь виновата. Я замерзла и сжалась в комок, а сейчас отогрелась у твоего очага.

Они опять помолчали. Финлей не спускал глаз со старухи и наконец сказал:

— Ну конечно, ты растешь на глазах! И не отпирайся!

Старуха нахмурилась и сказала сердито:

— Да, расту! А ты убил моего мужа и моего старшего сына!

С этими словами она вскочила и уперлась головой в потолок, так что хижина вся затряслась. Финлей тоже вскочил на ноги, но великанша успела схватить его за волосы. Хорошо еще, что она не могла нарушить свое обещание и напасть на него в его доме. Но она потащила его за порог. Тогда псы вскочили со своих мест и бросились на нее.

Финлей не на жизнь, а на смерть схватился с великаншей. Они катались по земле, дубася друг друга, и, конечно, она одолела бы Финлея, если бы не собаки. Они хватали и кусали ее, и потому Финлею удалось повергнуть ее на землю и приставить к горлу меч.

Тут она как будто смирилась и стала сулить отважному охотнику любые богатства, только бы он отпустил ее.

— Я отдам тебе все сокровища из нашей пещеры! — говорила великанша.

— Нет! — отвечал охотник.

— Ты получишь заколдованный меч, который разит без промаха человека и зверя!

— Нет! — отвечал охотник.

— Я дам тебе волшебную палочку, которая может превратить каменный столб в славного воина и славного воина в каменный столб!

— Нет! — ответил охотник и вонзил свой меч великанше прямо в сердце.

Так велела ему Добрая Волшебница.

Потом он приложил красный мох, сфагнум, к своим ранам и наутро был уже здоров. Он отправился к хижине Доброй Волшебницы и рассказал ей все, как было, как собаки помогли ему одолеть старую Кэйллих.

— Теперь ты герой, Финлей!— сказала Добрая Волшебница.— Вот это была битва так битва!— И она погладила собак.

— Скажи,— спросил Финлей Добрую Волшебницу,— а как раздобыть сокровища великанов и заколдованный меч, разящий без промаха?

— Сегодня ночью мы с дочкой так и так собирались пойти в пещеру великанов, чтобы забрать у них мою волшебную палочку,— сказала Добрая Волшебница.— Если хочешь, можешь пойти вместе с нами.

Отважный Финлей с радостью согласился. И когда вышла луна, все трое пустились в путь к пещере великанов. Добрая Волшебница велела дочке и Финлею набрать побольше сухого вереска. Этот вереск она сложила у входа в пещеру и разожгла костер.

— Великаны не любят огня,— сказала она,— и мы их выкурим из пещеры.

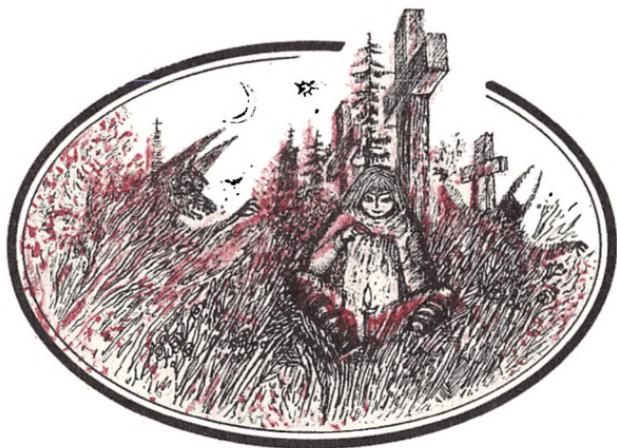
Так оно все и вышло. Дым от горящего вереска пошел в пещеру, и вскоре оттуда высунулась голова молодого великана. Глаза у него слезились от дыма, он чихал и совсем задыхался.

— Только не стреляй в него!— крикнула Финлею Добрая Волшебница, увидев, что он целится в великана из лука.— Я лучше превращу его в каменный столб, как только найду свою волшебную палочку.

Но молодой великан уже смекнул, в чем дело. Вернувшись в пещеру, он схватил за руку сестру Финлея и выскочил с нею из пещеры. Потом что было силы дунул на огонь и, укравшись за дымовой завесой, исчез из глаз...

Не прошло и недели, как Финлей женился на хорошенькой дочке Доброй Волшебницы. Они зажили вполне счастливо. Нужды они не знали— ведь все сокровища великанов достались им. И бояться никого не боялись— ведь их охраняли верные псы Финлея.

Кошель Золота За пару штанов

КРЕСТИВ ноги, портной сидел на столе и дошивал парчовый камзол, когда к нему заглянул сам лорд, владелец замка Сэддл с его окрестностями.

— С добрым утром, портной,— приветствовал его лорд.— Вижу, ты все еще трудишься над моим камзолом.

— Отличная материя, милорд,— ответил портной, не отрывая глаз от работы.— Одно удовольствие шить из такой.

Спешить лорду было некуда, и, не зная, чем себя занять, он прислонился к двери и стал смотреть, как портной шьет.

— Ты слышал, он опять появился на монастырском кладбище?— продолжал разговорчивый лорд.

Портной кивнул.

— Сам дьявол,— добавил лорд.

Портной опять кивнул.

Эх, шел бы лорд своей дорогой и дал бы спокойно поработать. Ему бы только языком чесать, этому лорду!

Так подумал портной. Но вслух, конечно, ничего не сказал.

— Да, уж такого смельчака не сыскать, который отважился бы провести ночь на кладбище,— не унимался лорд.

Портной промычал что-то.

— Ты согласен со мной?— продолжал лорд.

— Право, не знаю, сэр,— ответил портной.

Тут лорд достал из кармана увесистый кошель с золотыми монетами и потряс им в воздухе.

— Хочешь, побьемся об заклад?— предложил он.— А то все сидишь да строчишь. Спорим на этот кошель золота: не проси-

деть тебе ночь на кладбище за работой и чтоб к утру были готовы новые штаны!

Портной ничего не ответил, он откусывал в это время нитку.

— Ну, что скажешь, портной? — не отступал лорд. — Поспорим?

Портной поднял голову и поглядел прямо на лорда.

— Если вы сейчас уйдете и дадите мне спокойно дошить камзол, поспорим!

Его ответ, казалось, прозвучал спокойно, однако портной не на шутку взволновался.

Он был человеком бедным и привык трудиться за гроши. Подумаешь, велика забота — просидеть ночь на кладбище! А вот получить за одну пару штанов целый кошель золота — это да! Тут есть из-за чего поволноваться.

В тот же вечер бедняга портной, сунув под мышку кусок материи — такой, чтоб хватило на пару штанов, — и рассовав по карманам ножницы, нитки, иголки и наперсток, отправился на кладбище.

Ночь была темная, тихая. Вокруг ни души. Но это не пугало портного, он и сам был человеком темным, тихим. И привык к одиночеству.

Добравшись до кладбища, он с трудом отворил скрипучие железные ворота, которые потом с грохотом затворились за ним. С таким грохотом, что мертвому впору проснуться, однако и тут портной ничуть не испугался.

Он нашел удобную, широкую могильную плиту и сел по-портновски, скрестив ноги. Рядом поставил зажженную свечу и, не теряя времени, принялся за шитье.

Он очень спешил и ни разу даже головы не поднял от штанов, а потому не видел, что делается вокруг. Вполне возможно, что духи и ведьмы с самим дьяволом во главе устроили вокруг него свою пляску, потому что время от времени пламя свечи колебалось и приседало.

Но портному некогда было глядеть по сторонам. И некогда было пугаться.

В первый раз он поднял голову, когда сделал последний шов и откусил последнюю нитку. Он задул свечу, сунул штаны под мышку, ножницы, нитки, иголки и наперсток рассовав по карманам, поднялся с трудом на ноги — они совсем затекли от долгого сидения на твердом камне — и поспешил в замок Сэддл.

В замке его встретили не очень приветливо.

— Лорд спит, — сказали ему.

— Все равно разбудите его, — велел портной. — Я принес ему новые штаны.

Лорд очень удивился, увидев портного целым и невредимым, да еще с новыми штанами под мышкой.

Уговор есть уговор! Только лорду не очень-то хотелось выполнять этот уговор. И он сказал:

— Согласен, согласен, штаны получились недурны. Но откуда я знаю, что ты их сшил именно этой ночью, сидя на кладбище?

Портной смекнул, куда лорд гнет, и сказал:

— А вы ступайте к воротам замка, милорд, и сами увидите там дьявола. Он гнался за мной по пятам от самого кладбища, я еле успел захлопнуть перед его носом ваши ворота. Слышите, как он шумит там?

А это шумел сильный ветер. Но лорду не захотелось идти к воротам, он предпочел поверить портному на слово.

— Молодец! — похвалил он портного. Что же еще ему оставалось делать?

И вручил портному увесистый кошель золота в обмен на пару штанов.

Фермер Джеймс Грэй и великанша Клэншид

ДИКИХ зарослях Бэншира жил великан. Он был злой и жестокий великан и очень плохо обращался со своей женой — великаншей Клэншид.

Только подумайте: он каждую ночь бил-колотил ее чем попало. То она пещеру не так вымыла, то обед не так приготовила, а то просто у него руки чесались, и он не мог уснуть, пока не поколотит ее.

И каждую ночь над лесами и холмами Беншира разносились вопли бедной великанши. Хуже всех приходилось Джеймсу Грэю, ферма которого стояла неподалеку от тех мест.

Одну ночь за другой ни он, ни вся его семья глаз не могли сомкнуть, и потому днем вместо работы Джеймс Грэй клевал носом в поле, его жена — на кухне, а их дети — над уроками. Все дела стояли, и ферме грозило разорение.

И вот однажды, когда Джеймс Грэй чинил изгородь на границе своей земли — хотя глаза у него, честно говоря, совсем слипались, — он вдруг услышал громкие раскаты грома. Чудо, да и только! И небо ясное, ни облачка, и солнце светит, откуда ж гром гремит?

А это, оказывается, великанша Клэншид вышла поискать чего-нибудь на обед своему мужу.

— Вот удача! — обрадовался Джеймс Грэй. — Давно я ждал этой встречи.

И он закричал что было мочи, подзывая Клэншид, голова которой виднелась где-то высоко над деревьями ближнего леса.

Великанша тут же направилась к нему, раздвигая в стороны высоченные деревья, словно то были жалкие кустики ежевики.

— Добрый день, человек! — прогремел ее голос. — Что тебе от меня надо?

— Хочу пожаловаться! — крикнул Джеймс. — Из-за тебя ни я, ни моя семья не знаем ни сна, ни покоя!

Клэншид ответила, что очень сожалеет, и спросила, чем она потревожила их.

— Ты такой шум поднимаешь каждую ночь, — сказал Джеймс, — что совершенно не даешь нам спать. Неужели нельзя хоть ночку одну не вопить и не орать? В ушах такой звон стоит, словно тысяча злых духов оглашает воздух своими криками. Так продолжаться не может!

Но Клэншид объяснила ему, почему она кричит и вопит каждую ночь, и Джеймсу даже жалко ее стало.

— Ужасный человек мой муж, — вздохнула великанша. — Я бы так хотела от него избавиться.

— Вы правы, сударыня, — с радостью подхватил он. — Хорошо бы вам от него избавиться. Нам бы всем тогда спокойней стало.

Слово за слово, и великанша с фермером расстались добрыми друзьями.

В эту же ночь, как только выплыла полная луна, Клэншид пришла на ферму. Она постучала легонько в дверь, от чего весь дом так и затрясся. Джеймс Грэй сразу догадался, что за ночной гость пожаловал к нему.

— Что тебе? — спросил он, отворяя дверь. — К сожалению, в дом я тебя не могу пригласить: ты в нем не поместишься.

— И не надо, — сказала великанша. — Пойдем, помоги мне убить моего мужа! Я слышала, ты хороший стрелок. А если ты убьешь его, он уже не сможет меня колотить и вы тогда будете спать спокойно.

— Смешная ты женщина, — сказал Джеймс Грэй. — Как же я убью его? Это все равно что сказать муравью: убей слона!

— Ах, ты ничего не знаешь, — сказала великанша. — У моего мужа над сердцем есть родинка. Если попасть в нее, он сразу умрет.

Джеймс Грэй согласился. На его месте и вы бы согласились: подумать только, сколько ночей не спал он по вине этого самого великана!

И вот, прихватив лук и стрелы и сев верхом на плечи великанши Клэншид, Джеймс Грэй отправился к пещере великана.

А великан уже встречал их, поджидая у входа в пещеру и потрясая в воздухе кулачищами.

Грэй достал стрелу, вложил ее в лук, натянул тетиву покрепче, прицелился — что ж, это было не так уж трудно сделать, по-

тому что родинка над сердцем великана была величиной, наверное, с шотландскую шапочку, — и выстрелил.

Великан охнул и растворился в воздухе.

Тут Клэншид на радостях пустилась в пляс и так притопывала и кружилась, что Джеймс Грэй взмолился, чтобы она перестала: не очень-то удобно сидеть на плечах танцующей великанши.

Клэншид опустила Джеймса на землю и молвила:

— Ты оказал мне великую услугу, Джеймс Грэй! Отныне можешь располагать мной и моим временем как тебе вздумается. Скажи скорей: что я могу для тебя сделать?

Но Джеймсу меньше всего хотелось в ту минуту пользоваться услугами великанши. Единственное, о чем мечтал он, — это хорошенько выспаться! И, желая поскорее отделаться от услужливой великанши, он сказал, показывая на стадо оленей, пробегающих в это время по лесу:

— Видишь, это мои кони вырвались из конюшни. Собери их и загони назад в стойла!

Доверчивая и не очень-то умная Клэншид бросилась выполнять его задание, а Джеймс Грэй вернулся домой и лег спать.

Но не успел он и голову положить на подушку, как — тук! тук! тук! — дом его так и затрясся от знакомого стука.

Усталый, измученный Джеймс спустился вниз и открыл дверь. Там стояла улыбающаяся во весь рот Клэншид.

— Я загнала твоих коней в стойла, — сказала она. — Хотя это было не так-то легко: кони оказались ужасно непослушные. Ну, а теперь что?..

Но мы не знаем, ни что ответил ей Джеймс Грэй, ни когда, наконец, этому бедняге удалось хоть одну ночь проспать спокойно!

Синья шапожка

ЖИЛ НА ПОЛУОСТРОВЕ Кинтайр в Арделве рыбак по имени Эйн Макрэй. В один зимний денек, когда надежд на удачный улов не было никаких, потому как на море гулял шторм, Эйн надумал запасти для своей лодки новый киль и отправился в лес, что лежит между Тотэггом и Гленелгом, надеясь там найти дерево как раз нужной ему длины.

Но только он присмотрел подходящее дерево, как с гор спустился густой туман и в лесу стало темно, хоть глаз выколи. Место это, куда забрел Эйн, было далеко от его дома, и как только туман спустился, первым желанием незадачливого рыбака было поскорее вернуться назад. Ему совсем не хотелось заблудиться в незнакомом лесу и провести холодную зимнюю ночь под открытым небом.

И он пошел по тропинке, которую едва мог различать, думая, что это та самая, по какой он пришел в лес, и что она уж наверное доведет его до Арделва. Но очень скоро он понял, что ошибся, так как тропинка вывела его из леса на какое-то незнакомое место у подножия холма, и к тому времени, когда ступились сумерки, он окончательно сбился с пути.

Бедняга хотел уж закутаться поплотнее в плед и провести остаток ночи, спрятавшись в вересковых зарослях, как вдруг заметил вдали мерцающий огонек. Он поспешил на огонек и, подойдя поближе, увидел, что это горит свет в окошке полуразвалившейся каменной хижины, какими пользуются пастухи, когда выгоняют скотину на летнее пастбище.

«Кажется, мне повезло, — подумал Эйн. — Здесь можно будет и переночевать, и у горящего очага погреться».

И он громко постучал в покосившуюся дверь.

К его удивлению, никто не ответил.

«Кто-нибудь же там должен быть,— рассуждал Эйн.— Ведь сама по себе свеча не горит».

И он еще раз постучал в дверь. И опять ему никто не ответил, хотя на этот раз он явственно расслышал в хижине чьи-то приглушенные голоса.

Тут Эйн рассердился и крикнул:

— Что вы за люди, коли не хотите впустить усталого путника погреться у очага в такую холодную ночь?

В доме послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась — ровно настолько, чтобы пропустить кота, — и высунулась голова дряхлой старушонки, которая внимательно оглядела рыбака.

— Так и быть, можешь остаться здесь на ночь,— пробурчала она недовольно.— Поблизости нет другого жилья. Заходи и устраивайся у огня.

Она пошире открыла дверь,пустила Эйна, а потом захлопнула за ним покрепче. Посреди тесной хижины в очаге жарко горел торф, а по обе стороны от огня сидели еще две старухи. Старухи ни слова не сказали Эйну. Та, которая открыла ему дверь, показала рукой на очаг, и он, закутавшись в плед, лег у огня.

Однако заснуть Эйн не мог. Что-то странное почудилось ему в самом воздухе этого убогого дома, и он решил, что, пожалуй, здесь надо держать ухо востро.

Немного погодя старухи поглядели на него и, видно, решив, что их незваный гость уснул, остались очень довольны. Одна старуха поднялась тогда и направилась к большому деревянному сундуку, стоявшему в углу хижины. Эйн лежал не шелохнувшись и смотрел, как старуха приподняла тяжелую крышку сундука, достала из него синюю шапочку и очень торжественно надела ее себе на голову. А затем проквакала скрипучим голосом:

— В Карлайл!

И прямо на глазах у изумленного рыбака исчезла, словно ее и не было.

Следом за ней и другие две старухи подошли к сундуку, достали каждая по синей шапочке, надели их себе на голову, прокричали:

— В Карлайл! — и были таковы.

Не успела третья старуха исчезнуть, как Эйн вскочил со своего жесткого ложа и тоже подошел к сундуку. Приподняв крышку, он увидел на дне еще одну синюю шапочку. Легко представить себе, как разбирало бедного рыбака любопытство. Ему до смерти захотелось узнать, куда же девались три старые ведьмы.

Поэтому нет ничего удивительного, что он тоже напялил себе на макушку синюю шапочку и смело крикнул, точно как три старухи:

— В Карлайл!

И тут же каменные стены убогой хижины словно раздвинулись, и его закрутило, завертело и понесло как на крыльях с неопишуемой быстротой. А затем он плюхнулся — ну, куда бы вы думали? — на пол! И, оглядевшись, увидел, что очутился в огромном винном погребе рядом с тремя старыми ведьмами, которые тоже сидели на полу и потягивали из бутылок вино.

Однако, как только старухи заметили его, они побросали свои бутылки, вскочили и, прокаркав: «Домой, домой, в Кентрой!» — тут же исчезли.

На этот раз Эйну почему-то не захотелось последовать за ними. Он тщательно обследовал все бочки и бочонки в погребе, все бутылки и бутылки, пробуя тут и там по глоточку, а потом прилег в уголке и заснул крепчайшим сном.

А погреб этот, куда судьба таким странным способом забросила Эйна, принадлежал самому епископу Карлайлскому и находился под его замком в Англии. Утром слуги епископа спустились в погреб за вином и пришли в ужас от того беспорядка, какой там нашли: повсюду валялись пустые бутылки, а из некоторых бочек вино лилось прямо на пол.

— Я давно замечаю, что пропадают бутылки с вином, — заявил главный эконо́м замка, — но такого наглого воровства я еще не встречал.

Тут один из слуг увидел спящего в углу Эйна в синей шапочке на макушке.

— Вот вор! Вот вор! — закричали все.

Эйн проснулся и почувствовал, что руки и ноги у него крепко связаны.

Беднягу повели к епископу, сорвав предварительно с его головы синюю шапочку, потому что, как сами понимаете, было бы непочтительно предстать перед его преосвященством с покрытой головой.

Несчастливого Эйна судили и приговорили к сожжению на костре за воровство. И вот посреди базарной площади в Карлайле вбили высокий деревянный столб, набросали вокруг него побольше сухого хвороста и привязали приговоренного к столбу. Народу на площади собралось больше, чем в базарный день под праздник.

Эйн совсем уж смирился с горькой судьбой и готовился героически встретить свой последний час, как вдруг в голову ему пришла счастливая мысль.

— Последнее желание! Последнее желание! — закричал он. — Я желаю отправиться на тот свет в синей шапочке!

Последнее желание узника, как полагается, было исполнено. Но только Эйну надели на голову его синюю шапочку, как он смело крикнул:

— Домой, домой, в Кентрой!

И, к великому изумлению честных жителей Карлайла, в тот же миг и узник, и столб, к которому он был привязан, исчезли. Больше их в Англии никогда и не видели.

Когда Эйн очнулся, он обнаружил, что лежит на склоне холма у опушки леса, что тянется между Тотэгом и Гленелгом. Однако никакой хижины трех старых ведьм не было и в помине. Туманная ночь давно сменилась ясным солнечным днем. Эйн увидел недалеко старого пастуха и окликнул его:

— Будь добр, помоги мне отвязаться от этого проклятого столба!

Пастух подошел и помог Эйну освободиться.

— Кто же это привязал тебя? — спросил пастух.

Эйн бросил печальный взгляд на столб и тут только заметил, что это прекрасный ствол дерева, совершенно прямой и крепкий, и тогда он вспомнил, зачем он забрел в этот лес, так далеко от своего дома.

— Видишь ли, я давно ищу подходящий гладкий ствол, чтобы сделать новый киль для моей лодки. И наконец нашел. Мне его сам епископ Карлайлский подарил! А вчера был туман, и, чтобы не потерять его, я привязал его к себе. Понимаешь?

Пастух объяснил Эйну, как найти дорогу на Арделв, и Эйн, насвистывая веселую песенку, отправился домой.

Рыжий Эптин

ЖИЛА-БЫЛА на свете вдова, возделывала клочок земли, да и тот не свой, а чужой, и растила двух сыновей. И вот настало время отправить сыновей искать по свету счастья.

Как-то раз мать велела старшему сыну взять кувшин и принести воды из источника: она хотела замесить тесто, чтобы испечь сыну на дорогу пирог. Пирог мог получиться большой или маленький — смотря по тому, сколько воды принес бы сын. А кроме этого пирога, ей нечего было дать ему с собой.

Отправился юноша с кувшином к колодцу и набрал воды. Но кувшин оказался с трещиной, и почти вся вода вытекла, прежде чем он вернулся домой. Вот пирог и получился совсем маленький.

На прощанье мать спросила сына:

— Может, возьмешь только половину пирога? Тогда получишь мое благословение в придачу. А если возьмешь целый, я тебя прокляну.

Сын подумал, что идти ему придется далеко, а где и как доставать еду, неизвестно, и ответил, что хочет получить целый пирог. Пусть даже с материнским проклятьем в придачу, а там будь что будет. И мать дала ему целый пирог и прокляла его.

Тогда он отозвал в сторону младшего брата, отдал ему свой нож и попросил хранить его.

— Каждое утро смотри на него,— наказал он брату.— Если клинок будет чистый, значит, я жив-здоров. А если он потускнеет и заржавеет, знай, что я попал в беду.

И вот отправился старший брат счастья по свету искать. Шел он весь день и еще день, а к концу третьего дня увидел пастуха, который пас стадо овец. Юноша подошел к пастуху и спросил, чьи это овцы. Пастух ответил:

— Откуда ты, юноша, что не знаешь, кто владелец этих земель? — И поведал ему:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Еще не знают, кто герой,
Но час его придет,
И Эттина Кровавого
Недрогнувшей рукой
С земли ирландской без помех
Он смело уберет.

И еще пастух сказал юноше, что скоро ему повстречаются такие звери, каких он в жизни не видывал,— так пусть остерегается их!

Пошел юноша дальше и вскоре увидел стадо страшных двухголовых зверей с четырьмя рогами на каждой голове. Он на смерть перепугался и со всех ног кинулся бежать. И как же он обрадовался, когда добежал, наконец, до замка на невысоком холме!

Ворота замка были открыты. Юноша бросился во двор, потом в комнаты и увидел старую женщину у очага. Он спросил ее, нельзя ли ему здесь переночевать,— ведь он долго шел пешком и очень устал.

Старуха ответила, что переночевать он может, но лучше ему не оставаться здесь — ведь это замок Рыжего Эттина, страшного трехголового чудовища, которое не щадит никого, кто попадет ему в лапы.

Юноша хотел было уйти, да побоялся зверей, что бродили вокруг замка, и упросил старуху спрятать его хорошенько и не вы-

давать Рыжему Эттину. «Только бы как-нибудь переночевать,— думал он,— а утром, может, удастся ускользнуть от зверей». Но едва он успел спрятаться в укромном местечке, как вернулся домой страшный Эттин. И только вошел, тут же заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец,—
Тут придет тебе конец.

Эттин сразу нашел бедного юношу и вытащил его из тайника. А потом сказал, что пощадит его, если тот разгадает три загадки. И вот первая голова чудовища спросила:

— У чего нет конца?

Юноша не сумел ответить.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

Но юноша и тут не сумел ответить.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый живого несет. Отгадай, что это?

Но юноша опять не отгадал. Тогда Рыжий Эттин схватил деревянный молоток, ударил им юношу по голове, и тот превратился в каменный столб.

А наутро его младший брат достал нож, взглянул на него и опечалился — весь клинок побурел от ржавчины. Тогда он сказал матери, что пора и ему отправиться в путь. Мать попросила его взять кувшин и сходить к колодцу за водой, чтобы замесить тесто и испечь для него пирог. И вот, когда сын нес воду домой, над его головой пролетел ворон и каркнул:

— Погляди на кувшин! Вода вытекает.

Юноша был сметлив, увидел, что вода и впрямь вытекает, поднял кусочек глины и замазал трещины. Домой он принес столько воды, что хватило на большой пирог.

На прощанье мать сказала сыну, что если он хочет получить ее благословение в придачу, то пусть берет только половину пирога. И сын решил, что лучше взять половину, но с материнским благословением, чем целый, но с проклятьем.

Вот отправился младший брат в путь и уже забрел далеко, как вдруг повстречалась ему старушка. Она попросила у него кусочек пирога, и он ответил:

— Нá, ешь на здоровье! — и отломил ей кусок.

Старушка дала ему за это волшебную палочку и сказала, что палочка ему пригодится, если он будет правильно с ней обращаться. Старушка эта была фея. Она предсказала юноше все, что с ним случится, и научила его, что надо делать, а потом сразу исчезла.

Юноша все шел и шел, пока не увидел старика, который пас овец, а когда спросил его, чьи это овцы, услышал в ответ:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Однако пробил час, и наконец
Эттину Кровавому
На радость всем придет конец.
Привет тебе, герой.
Как победишь злодея ты,
Владей его землей!

Наконец юноша подошел к тому месту, где паслись рогатые чудовища. Но он не останавливался, не побежал прочь, а смело прошел среди них,— так научила его добрая фея. Один зверь с ревом ринулся было на юношу, разинув пасть, чтобы его сожрать. Но юноша ударил зверя волшебной палочкой, и в тот же миг чудовище мертвым упало к его ногам.

И вот юноша дошел до замка Рыжего Эттина, постучал в дверь, и его впустили. У огня сидела старуха. Она рассказала юноше о том, что случилось с его старшим братом, но юноша не испугался.

Вскоре вернулся Эттин и заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец,—
Тут придет тебе конец.

Эттин увидел юношу, велел ему подойти поближе и сказал, что загадает ему три загадки.

Вот первая голова Рыжего Эттина спросила:

— У чего нет конца?

— У кольца, — ответил юноша.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

— Мост, — сразу ответил он.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый несет живого. Отгадай, что это?

И юноша не задумываясь сказал:

— Корабль в море, а на корабле люди.

Услышал Эттин его ответы и понял, что пришел конец его власти. А юноша поднял топор и снес чудовищу все три головы. Потом попросил старуху показать ему, где спрятана дочь короля Шотландии, и старуха повела его в верхние покои.

Она открывала перед ним одну дверь за другой, и из каждой комнаты выходили красавицы. Все они были пленницы Рыжего Эттина, и среди них оказалась королевская дочь.

Наконец старуха отвела юношу в подземелье, где стоял каменный столб. Юноша прикоснулся к нему своей палочкой, и брат его ожил.

Пленницы радовались и благодарили своего освободителя. На другой день все они, радуясь и веселясь, отправились к самому королю, и он выдал свою дочь за младшего брата, а старшему тоже нашел знатную невесту, и братья жили счастливо до конца своих дней и свою старушку мать тоже не забывали.

Вилли и поросенок

БЛАГОДАРНОСТЬ за добрую услугу один прихожанин подарил молодому священнику из Дánфермлика поросенка.

Сначала священник был в восторге от подарка, но поросенок быстро рос и прокормить его становилось все трудней. Вот священник и решил: «Пошлю-ка я его своему приятелю в Кэрнихилл. Пусть попасется там на воле: стоять это мне ведь ничего не будет».

А у священника был слуга, по имени Вилли, парень неплохой, но малость придурковатый.

— Вилли! — позвал его хозяин. — Сунь-ка поросенка в мешок и снеси в Кэрнихилл к моему приятелю, я уж с ним сговорился.

Но поросенок был хитрый, и Вилли пришлось повозиться, прежде чем он сумел поймать его и засунуть в мешок.

На дорогу священник сделал Вилли строгое напутствие. Он знал, что его верного слугу ничего не стоит сбить с толку, из-за чего самое пустячное дело частенько оборачивалось для Вилли самым сложным. Так вот что он ему сказал:

— Смотри же, Вилли, нигде не проговоришься, к кому ты идешь и зачем. Только сам помни: тебе надо в Кэрнихилл. Отдашь там поросенка и тут же назад.

— Будьте спокойны, хозяин, — отвечал Вилли. — Вы же меня знаете! Все сделаю, как велите.

— То-то и оно-то, что я тебя хорошо знаю! — сказал священник.

И Вилли, взвалив драгоценную ношу на спину, отправился в путь. На полдороге к Кэрнихиллу он повстречал трех своих приятелей, окликнувших его с порога трактира.

— Привет, Вилли!— сказал один.

— Куда собрался в такой погожий денек, Вилли?— спросил второй.

— Что это ты тащишь в мешке, Вилли?— крикнул третий. Вилли очень взволновала эта встреча.

— П-привет, друзья!— запинаясь, ответил он.— Я-я не могу вам сказать, куда я иду. Хозяин не велел мне говорить, куда я иду. А что у меня в мешке, я могу сказать: не кошка и не собака!

Друзья рассмеялись и тут же поспешили заверить Вилли, что не станут его ни о чем спрашивать. Один из них хлопнул Вилли по плечу и предложил:

— Заходи, Вилли, выпей с нами по стаканчику. Должно быть, ты устал с дальней дороги, да еще с тяжелой ношей на спине.

— Нет, мне нельзя,— отказался Вилли, бросая в то же время жадный взгляд на открытую дверь трактира, за которой, судя по всему, было так прохладно.— Уж коли хозяин доверил мне своего поросенка, пить мне никак нельзя!

Друзья перемигнулись, однако и виду не показали, что смекнули насчет поросенка.

— Да чего там, Вилли, заходи! Глоток вина никогда не повредит. А мешок оставь здесь у порога.

Больше уговаривать Вилли не пришлось. Он положил мешок с поросенком на землю и вошел в трактир. Тогда один из дружок, не теряя времени, развязал мешок, выпустил поросенка и посадил вместо него первую попавшуюся дворнягу.

Ничего не подозревающий честный слуга выпил стаканчик, взвалил опять на спину мешок и веселый пошел дальше. Добравшись до Кэрнихилла, он передал, как было велено, привет от своего хозяина его приятелю и вручил ему мешок.

— Спасибо тебе, Вилли, спасибо,— поблагодарил его приятель хозяина.— Не сможешь ли теперь развязать мешок и отвести поросенка в хлев?

Вилли развязал мешок, но вместо поросенка с розовым пятчком оттуда выскочила черная собачонка.

— Спасите! Спасите!— закричал бедный Вилли.— Не иначе, сам дьявол сыграл со мной злую шутку.

Друг священника сильно удивился, однако не очень-то поверил насчет дьявольской шутки. А зная хорошо Вилли, подумал, что скорей всего кто-нибудь над ним по-дружески подшутил.

— Не стоит так волноваться, Вилли,— сказал он.— Можешь забрать свою собаку и отнести ее хозяину.

— Да это же не собака, сэр!— воскликнул Вилли, дрожа от страха.— Это поросенок! Клянусь вам— поросенок! Только дьявол поменял ему цвет: вместо белого сделал черным.

Но делать было нечего, и, засунув собаку в мешок, Вилли пустился в обратный путь. Добравшись до трактира, он опять увидел там трех своих приятелей, которые как ни в чем не бывало сидели за столом и с невинным видом потягивали вино.

— Никак, это Вилли! — сказал один. — И опять с мешком на спине?

— Ой-ой-ой, со мной случилось такое несчастье, — сказал, входя, Вилли. — Дьявол подменил моего поросенка собакой! Что я теперь скажу хозяину?

— Вот так штука! — воскликнул второй, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Вы слышали что-нибудь подобное?

— Садись, дружище, тебе надо выпить после сильных переживаний, — сказал третий.

На этот раз Вилли совсем не пришлось уговаривать: ему действительно не мешало выпить. Он это заслужил.

Мешок он оставил на земле у входа в трактир и сел к столу. Ему налили — он выпил, а за это время один из шутников незаметно вышел и подменил собаку поросенком.

Через час-другой ничего не подозревающий Вилли уже шагал со своей ношей домой. В голове у него от выпивки и от всего пережитого царил полный кавардак. Он с ходу выложил свою жуткую историю хозяину, но тот так толком ничего и не понял.

— Не могу уразуметь, о чем ты говоришь, — сказал хозяин. — Какой дьявол? Какая собака? Развязывай скорей мешок и гони поросенка в хлев. Завтра понесешь его в Кэрнихилл.

— Да это же не поросенок, сэр! — воскликнул Вилли. — Это собака! Клянусь вам — собака! Вот, смотрите!

С этими словами Вилли развязал мешок, и оттуда выскочил поросенок. Вилли просто-таки завопил от ужаса:

— Как? Поросенок, а не собака?!

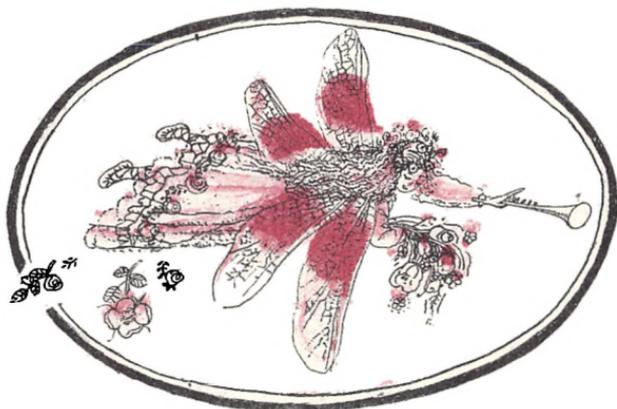
И бедный Вилли решил, что дьявол опять сыграл с ним злую шутку. А его хозяин...

А хозяин если раньше и сомневался в уме своего честного слуги, то теперь у него сомнений никаких не осталось.

А у вас?

Серебряная дудочка Маккримонса

Легенда

ЭЙН ОГ МАККРИМОНС сидел на холме возле своего дома в Бóрререге, что на западе острова Скай. Сидел, сидел да так тяжело вздохнул, что трава полегла у его ног. Уже назначили день, когда в замке Дáнвеган состоится состязание волынщиков, где выберут лучшего из лучших, чтобы объявить его наследным волынщиком Маклэода из рода Маклэод.

Эйн тоже играл на волынке, да только не очень хорошо, и даже мечтать не мог, чтобы участвовать в состязании. Потому-то он и вздохнул. Его вздох услышала фея и пожалела Эйна Ог Маккримонса.

Она подлетела к нему и спросила, отчего он так печален. А когда он рассказал отчего, она молвила:

— Я слышала, как ты играешь, и нахожу, что совсем недурно. К тому же ты красив и нравишься мне. Я хочу тебе помочь.

Эйн прекрасно знал, что феям ничего не стоит превратить прозрачную воду источника в лучшее вино, или выткать из паутины пушистый шотландский плед, или заставить простую тростниковую дудочку исполнить нежную колыбельную.

Словом, Эйн понял, что настала решающая минута в его жизни.

Он с чувством поблагодарил фею; оставалось только ждать, что дальше будет. Фея протянула ему серебряную дудочку с круглыми дырками для пальцев.

— Вот, возьми, — сказала она Эйну. — Вставь ее в свою волынку, и стоит тебе прикоснуться к ней пальцами, она послушно исполнит сладчайшую музыку. И твоим сыновьям она будет пови-

новаться, как тебе, и сыновьям твоих сыновей, и их сыновьям, и так всем продолжателям рода Маккримонсов. Только помни: к этой серебряной дудочке вы должны относиться бережно и с любовью, потому что она не простая, а волшебная. Если случится, что кто-нибудь из Маккримонсов обидит или оскорбит ее чем-нибудь, ваш род навсегда потеряет свой музыкальный дар.

Эйн Ог взял волшебную дудочку и поспешил в Данвеган.

Там уже собрались все знаменитые волынщики горной Шотландии. Они один за другим исполняли на своих волынках те же мелодии, что играли их отцы и деды. И каждый новый волынщик, казалось, играет еще с большим мастерством, чем предыдущий.

Когда подошла очередь Эйна Ога, он вставил волшебную дудочку в свою волынку и заиграл.

Все слушали затаив дыхание. Никогда еще им не приходилось слушать такого волынщика.

И волынка была волшебная, и музыка лилась волшебная.

Сомнений не оставалось — вот кто достоин быть наследным волынщиком Маклеода из рода Маклеод.

Так все решили, и все так и вышло.

Судьи все, как один, заявили, что еще никогда не случалось им слушать такого волшебного музыканта.

С того дня Маккримонсы с острова Скай, поколение за поколением, оставались знаменитыми волынщиками и композиторами. Они основали в родном Борререге школу волынщиков, в которую стекались ученики со всех концов Шотландии и Ирландии.

Курс обучения в этой школе был не маленький: семь лет, чтобы стать просто волынщиком. Прослыть же хорошим волынщиком мог только тот, у кого в роду уже сменилось семь поколений волынщиков.

Прошли века, а Маккримонсы так и оставались волынщиками у Маклеодов, пока не настал день, который оказался роковым в их славной истории.

Глава рода Маклеод возвращался с соседнего острова Рáсей домой. Место волынщика было на носу его галеры, и занимал его один из Маккримонсов.

День выдался ветреный, и на море была сильная качка. Легкое судно так и швыряло вверх и вниз, вверх и вниз на вспененных волнах.

— Сыграй нам, Маккримонс, чтобы поднять наш дух, — попросил Маклеод.

Маккримонс прикоснулся пальцами к серебряной дудочке. Однако сильная качка мешала ему играть, пальцы то и дело соскальзывали, когда галеру бросало туда и сюда.

Буря разыгралась нешуточная. Накатившая волна обдала Маккримонса с ног до головы, брызги затуманили ему глаза, и он невольно взял несколько фальшивых нот.

Еще ни один волынщик из рода Маккримонсов не брал фальшивых нот на волшебной волынке!

И вот этот несчастный бросил в сердцах свою волынку, позабыв совсем о наказе доброй феи, подарившей серебряную дудочку Эйн Огу, хотя отец не раз рассказывал ему эту историю.

— Ах эта жалкая дудка!—воскликнул он в злую минуту.—Разве можно выжать из нее хоть одну правильную ноту!

Не успел он сказать это, как уже пожалел о своих словах. Про себя-то он знал, что они несправедливы.

Да было поздно.

Серебряная дудочка выскользнула из его рук и упала за борт в бушующее зеленое море.

Волшебные чары распались.

Ни сам Маккримонс, ни его сын, ни сын его сына не могли уже больше так хорошо играть на волынке. И слава знаменитой школы Маккримонсов вскоре угасла, а сама школа пришла в упадок.

Джон Рид и русалка

ПЖОН РИД был купцом и судовладельцем. Нагрузив свой большой шлюп товаром, он шел по морю в любую погоду от берегов северной Шотландии в Голландию и обратно.

Дела его процветали, он быстро разбогател и чувствовал бы себя совсем счастливым, если бы...

Если бы не несчастная любовь.

Он влюбился в красавицу Эллен Стюарт, но боялся ей в этом признаться. Ему казалось, что она его все равно никогда не полюбит.

И вот однажды, вернувшись в конце апреля из плавания, он страстно захотел хотя бы издали взглянуть на Эллен Стюарт. А он знал, что на первое мая она пойдет со своими подружками собирать майскую росу — таков был в их местах обычай.

В этот день он встал пораньше и, не зная куда себя деть, пошел побродить вдоль берега моря.

Одна за другой погасли ночные звезды, взошло солнце, отбросив огненную дорожку на воду. Но Джон Рид ничего не замечал вокруг и не видел, как красив восход. Он думал о красавице Эллен, и только она стояла у него перед глазами.

Взбираясь на высокую скалу, он вдруг услышал чье-то пение. Джон Рид кинул взгляд на море, думая, может, это одинокий рыбак веселит себя ранней песней.

Нет, море было пустынно, только мокрая голова тюленя выснулась из воды и замерла, словно тюлень тоже заслушался песней.

Только когда Джон Рид обогнул наконец скалу, он увидел, кто это пел. Юная девушка. Она сидела на камне, опустив ноги

в воду. Ее белые плечи и спину скрывали густые длинные волосы. Но вот она поднялась с камня, и тут Джону Риду пришлось прикрыть глаза рукой — так заблестел на солнце ее чешуйчатый хвост.

«Да это русалка!» — догадался Джон Рид.

И он хотел было, не тревожа ее, уйти незамеченным, как вдруг вспомнил, что русалки владеют волшебным даром исполнять желания смертных. Может, она согласится подарить ему любовь Эллен Стюарт?

Тихо и незаметно Джон Рид подкрался к русалке, но тут она обернулась и, увидев человека, громко вскрикнула. Ах, еще мгновение, и она соскользнула бы в воду, а тогда прощай все его мечты и надежды.

Но Джон Рид успел ее крепко обнять, и хотя русалка вырывалась из его рук с силой, не меньшей, чем у тюленя, он не выпустил ее из объятий. От напряжения у него заболели руки, и в конце концов русалка вырвалась бы от него, да только мысль о прекрасной Эллен прибавила ему силы, и он не сдался.

Русалка устала бороться и спросила:

— Что ты от меня хочешь, человек?

И в ее слабом голосе прозвучали одновременно и нежность птицы-певуньи, и холод морских пучин.

— Исполнения трех желаний! — ответил быстро Джон Рид, вспомнив, что именно так следует отвечать на этот вопрос.

— Назови их, — сказала русалка.

— Мой отец, — начал Джон, — был таким же моряком, как и я. Но он утонул в море. Так вот, первое мое желание: чтобы никто из моих друзей, ни я сам не узнали такого конца. Второе мое желание: чтобы дела мои процветали и дальше. А третье: чтобы Эллен Стюарт, которую я нежно люблю, ответила мне любовью.

— Отпусти меня, и все будет исполнено, — сказала русалка.

Джон Рид разжал руки, и русалка, лишь взметнув блестящим хвостом, исчезла в море. Он вытер морские брызги с лица и, окрыленный надеждой, взобрался на вершину зеленого холма, где надеялся встретить прекрасную Эллен.

И — о чудо! — она уже была там и сидела на траве со своей подружкой как раз у того места, которое, кстати или некстати, звалось Прыжком Влюбленного.

Ну что ж, кажется, судьба начала улыбаться отважному моряку.

— Да это Джон Рид! Вот удачная встреча! — воскликнула подружка Эллен. — А Эллен только что рассказала мне, какой сон ей приснился нынче ночью. Представьте, ей приснилось, что она собирает майскую росу, но трава и кусты совсем высохли,

и она собрала всего несколько капель, как вдруг услышала, кто-то поет на берегу, вон там, за скалами. Она спустилась вниз и увидела на берегу у самого моря вас, спящего, а рядом прекрасную деву. Эллен испугалась, что вас унесет прибой, но тут вы проснулись, поднялись и стали вместе с ней собирать росу. Она хотела получше разглядеть прекрасную деву, но та была уже далеко в море, качаясь на волнах, словно белая чайка. И тут Эллен вдруг услышала: кап-кап-кап — это роса падала с куста, который вы трясли, прямо в ее ведро.

— Все так и было, — подтвердила Эллен. — Но самое странное не это, а когда мы сегодня утром проходили мимо этих скал, мы слышали точно такую же песню, как я во сне. И теперь вам только остается наполнить мое ведро росой!

И она рассмеялась, а Джон Рид вместе с ней.

— Поверьте, то была волшебная песня, — сказал он. — И я знаю, кто ее пел. Русалка! Я говорил с нею.

— Говорили с русалкой? — в ужасе воскликнула подружка Эллен. — О несчастный! Да знаете ли вы, что в последний раз у нашего берега ее видел ваш отец перед той страшной бурей, в которой он утонул.

Джон заметил, как побледнела Эллен при этих словах подружки, и тут же сказал:

— За меня не бойтесь! Русалка мне не страшна. Я покорил ее, и она дала обещание исполнить моих три желания.

И он все рассказал им. Правда, не совсем все: какое было третье желание, он утаил. Но по огоньку в глазах Эллен он увидел, что она догадывается. Она слушала его и восхищалась, представляя себе, какой опасности он подвергался ради нее, и в сердце ее закралась любовь.

Домой они возвращались вместе, рука об руку.

А на следующий праздник мая Эллен и Джон сыграли свою свадьбу.

Черный Родерик

УЕРНЫЙ РОДЕРИК был главой славного рода Макнэйлов с острова Бэрра и победителем на многих рыцарских турнирах. Он бы мог даже считаться первым мечом Шотландии, если бы не еще один славный воин — Роб Рой Макгрéгор.

Когда до Черного Родерика впервые дошла весть, что есть в Шотландии люди, которые считают лучшим из лучших воинов Роб Роя, он воскликнул:

— Я вызову на бой этого Макгрегора! Тогда посмотрим, кто из нас лучше владеет мечом. Только скажите: где мне найти его?

Один из оруженосцев Черного Родерика сказал ему, что Роб Рой живет возле озера Лох-Ломонд. И в тот же день Черный Родерик покинул Гебридские острова и отправился со своими рыцарями на юг.

Прибыв в Лох-Ломонд, он спросил первого встречного, где он может найти Роб Роя, и получил ответ: на ярмарке в Килларни.

— В Килларни! — крикнул Черный Родерик, пришпоривая коня.

Не доезжая Килларни, они встретили группу всадников. Черный Родерик осадил коня и обратился к ним:

— Приветствую вас, славные рыцари! Скажите, вы случайно не с ярмарки в Килларни едете?

— Вы угадали! — ответил один из рыцарей. — В этом году ярмарка удалась на славу. Верно я говорю, друзья? — обратился он к своим спутникам, и те в один голос шумно с ним согласились. — Советую и вам туда съездить!

— А видели вы там рыцаря по имени Роб Рой Макгрегор? — спросил Черный Родерик.

— Он был там, — ответил все тот же рыцарь, улыбнувшись.

— Был? Значит, сейчас его там уже нет? — сердито и разочарованно проговорил Черный Родерик.

Друзья рыцаря рассмеялись.

— Сейчас там его нет, — сказал рыцарь, все так же улыбаясь. — Сейчас он здесь, перед вами. Я — Роб Рой Макгрегор. Чем могу служить?

— Я правитель Барры! — заявил Черный Родерик. — Мне сказали, что ты считаешь себя более искусным бойцом на мечах, чем я. И я пришел сюда, чтобы доказать в честном бою, что это не так!

— Но я с тобой не ссорился, к чему же нам биться? — сказал Роб Рой.

— Ссорились или нет, я все равно вызываю тебя на бой! — сказал Черный Родерик, слезая с коня.

— Не люблю я драться без серьезной причины, — сказал Роб Рой, однако, тоже слезая с коня. — Но я принимаю твой вызов, и ты еще проклянешь тот день, когда бросил мне его.

Был только один случай, когда Роб Рой отказался принять вызов на поединок. Это случилось, когда его вызвал на бой Дональд Бэйн. Роб Рой отказался с ним биться, потому что Дональд Бэйн был не благородного происхождения.

И вот расчистили для поединка место, и два рыцаря сошлись на мечах. У Роб Роя были очень длинные и сильные руки, поэтому ему легко было держать противника на расстоянии от себя. Никому еще не удавалось хотя бы дотронуться до него мечом. Не прошло и нескольких минут, как Черный Родерик понял, что ему далеко до Роб Роя в искусстве боя на мечах.

И еще он понял, что лучше бы ему оставаться дома, на Гебридах.

Роб Рой взялся обеими руками за палаш и со всей силой ударил им Черного Родерика по той руке, в которой тот держал меч.

— Сдаюсь! — с трудом произнес правитель Барры. — Сдаюсь...

Роб Рой вложил меч в ножны и подал знак людям Черного Родерика, чтобы они помогли своему господину сесть на коня.

— Надеюсь, это отобьет у тебя охоту лезть в драку с тем, кто не желает тебе зла, — сказал Роб Рой своему побежденному противнику.

И поскакал со своими рыцарями прочь.

Но Черный Родерик и его спутники не могли уехать далеко: им пришлось остаться на несколько месяцев в деревушке Кил-

ларни, пока не зажили его раны. И больше он никогда не тревожил славного Роб Роя.

Однако такой уж у него был нрав, что ему не терпелось с кем-нибудь задраться. И, вернувшись к себе на остров, он не успокоился, пока не нашел, на ком бы сорвать зло.

Был среди воинов Черного Родерика один бесстрашный молодой всадник, сын вдовы. За то, что был он молод, красив и отважен, невзлюбил его Черный Родерик и задумал коварный план, чтобы погубить юношу.

— Мы отправляемся в Шетландию!— объявил он однажды своим воинам.— Чтобы потребовать дань с правителя Шетландских островов.

Была снаряжена восьмивесельная галера, и Черный Родерик поплыл со своими воинами к Шетландским островам.

Без препятствий в пути и без всякого сопротивления они высадились в Шетландии. Сам шетландский лорд спустился на берег приветствовать главу рода Макнейлов.

— Вы пришли с миром?— спросил он Макнейла.

— Нет!— отвечал Черный Родерик.— Мы явились за данью и требуем от вас денег, коней и скота!

— Не видать вам дани, пока не одолеешь меня в битве!— вскричал шетландский лорд.— Вызываю тебя на поединок!

Черный Родерик, конечно, согласился: для этого он и приехал на Шетландские острова. А перед началом поединка он отошел в сторону сына вдовы и сказал ему:

— Когда ты увидишь, что я отступил на шаг от противника, знай: я теряю силы. Когда я оглянусь на тебя в первый раз— значит, я проигрываю битву. Когда же я оглянусь во второй раз— значит, силы совсем оставляют меня и ты должен занять мое место. И если ты победишь, мы разделим с тобой всю добычу. Согласен?

Юному воину ничего не оставалось, как подчиниться своему господину.

И вот глава рода Макнейлов и шетландский правитель начали поединок. Они кружили по берегу, издавая воинственные кличи и гремя палашами. Казалось сначала, что наступает Черный Родерик. Но вот он сделал шаг назад, и правитель Шетландии обрушился на него с утроенной силой. Черный Родерик оглянулся на сына вдовы, но тут противник прижал его к скалам. И Черный Родерик оглянулся на сына вдовы во второй раз, и тот ринулся в битву вместо своего господина.

Черный Родерик надеялся, что шетландский правитель быстро разделается с юношей, а за это время он успеет передох-

нуть и тогда с новыми силами продолжит поединок. Вот как он рассчитывал избавиться от двух ненавистных ему врагов сразу.

Однако сын вдовы оказался прекрасным воином, и вскоре стало ясно, что шетландский правитель ему уступает.

И тут Черный Родерик, словно забыв о своих тайных планах, закричал:

— Убей, убей его! Он заслужил смерть!

И в то же мгновение голова правителя Шетландских островов упала на песчаный берег. Только тогда сын вдовы вдруг опомнился. Ему стал отвратителен поступок, который он совершил в пылу боя. Он совсем не хотел убивать своего благородного противника: он собирался только ранить его в честном поединке.

В гневе обернулся он к своему господину.

— О низкий Макнейл! — воскликнул он. — Смотри, что ты поставил меня совершить! Это твоя вина, что я убил невинного человека. Убирайся отсюда, или, даю слово, я убью тебя! Теперь я шетландский лорд, и ты не получишь с моих островов ни пени, ни травинки, ни самой худой овцы!

Черный Родерик обратился было за помощью к своим воинам, но те тоже отступились от него. И ему не оставалось ничего больше, как бежать к своей галере. Вот как опозорил он славное имя Макнейлов.

Из древних легенд о фьянах

1. Путешествие Финна в Лохланн

ОТЛАНДИЯ издавна славилась своими героями.

О самом отважном из них — о Финне Мак Хумале — слагались легенды, которые передавались от поколения к поколению.

Финн предводительствовал отрядом из девяти тысяч воинов. Назывался этот отряд Воинством Фьянов; он объединял Ирландию и Шотландию, или, как говорили древние, Эрин и Альбу.

Вряд ли найдется хоть клочок земли в этих двух странах, где бы не сохранилась память об этом герое и его подвигах.

Воинство Фьянов родилось в ту пору, когда лохланнахи, или, как их потом стали звать, норвежцы, совершали набеги на берега Эрина и Альбы. И верховный король Эрина созвал большой совет, чтобы решить, как одолеть могущественного врага. Совет мужей предложил выбрать сто лучших юношей и девушек и поженить их, чтобы их дети и внуки слились в могучее воинство, которое победит пришельцев из Лохланна.

Вот как родилось в Эрине племя славных воинов. Под предводительством Финна они прогнали врагов с родной земли и больше не пускали их на Британские острова.

Предание говорит, что Финн был не самым могучим воином в Воинстве Фьянов. Не силой прославился он, но мудростью и великодушием, защитой слабых и незапятнанной честью. Говорили: «Никогда Финн не продаст друга».

Мы вам поведаем, как Финн ходил однажды в Лохланн.

Вскоре после того как Воинство Фьянов прогнало пришельцев из Лохланна, Финн и его воины охотились в горах на оленя и увидели незнакомца, приветствовавшего их на чужом языке.

— Откуда ты и что тебе здесь надо? — спросил Финн.

— Издалека. Я ищу себе господина, — ответил незнакомец.

— Мне как раз нужен слуга, — сказал Финн. — А что ты попросишь, если прослужишь у меня один день и один год?

— Совсем немного, — ответил незнакомец, — а именно вот что: когда кончится моя служба, обещаю пойти со мной на праздничный ночной пир во дворец лохланнахского короля. Только пойдешь ты один, никто не должен тебя сопровождать — ни собака, ни человек, ни теленок, ни дитя. И без оружия!

Финн хлопнул незнакомца по плечу, да так, что тот скатился вниз до середины горы. И сказал:

— Твои условия мне по душе! Они сулят приключения. Прослужи у меня один день и один год, и я пойду с тобой на ночной пир в Лохланн.

Один день и один год незнакомец преданно нес свою службу, а когда вышел срок, явился к Финну и напомнил об условии.

Тогда Финн призвал к себе все девять тысяч своих воинов и сказал им:

— Я должен выполнить уговор с этим юношей, и сейчас я ухожу от вас. Когда вернусь, я не знаю. Но если через один год и один день я не приду, значит, меня убили в Лохланне. Коли это случится, пусть все, как один — кто с острым мечом, кто с тугим луком, — ступят на берег Лохланна, чтобы отомстить за меня в великой битве.

И Финн покинул свой дом, а его шут крикнул ему вдогонку:

— О Финн, первый среди людей, не побрезгуй моим советом, ибо случается, что мудрость короля застревает в башке у дурака.

— А каков твой совет? — спросил его Финн.

— Послушай меня, возьми с собой золотой ошейник Брана. (Бран был верным и самым сильным гончим псом Финна.) Ведь ошейник — не пес, не человек, не теленок, не дитя и не оружие, однако может сослужить тебе великую службу.

— Послушаю и возьму, — ответил ему Финн.

Он положил в карман ошейник Брана и покинул своих людей в сопровождении юноши, который прослужил у него один день и один год.

Финн был быстр на ногу и подвижен, однако он с трудом поспевал за своим спутником — тот летел словно на крыльях. Финн лишь старался не упускать его из виду, когда они пробирались сквозь заросли и извилистые ущелья, переходили вброд реки, огибали озера.

Если же юноша пропадал где-нибудь впереди за высокой горой, Финн еще прибавлял шагу и огибал гору с другой стороны, чтобы скорей увидеть его и не сбиться с пути.

Путешествие кончилось, когда они достигли королевского замка лохланнахов.

Зловещий, мрачный, стоял он на самом берегу моря, где пенные волны с ревом разбивались об острые скалы.

Измученный и усталый после трудного путешествия, Финн вошел в замок и опустился в кресло, чтобы отдохнуть, а затем принять участие в пире. Он хорошо помнил уговор с незнакомцем.

Но не пир ждал Финна Мак Хумала в замке короля лохланнахов.

Сам король и хмурые вожди кланов, а также все лучшие воины Лохланна собрались в тот день, чтобы решить сообща, какой смерти предать героя фьанов. С той минуты как Финн вступил в этот замок, он стал их пленником и знал, что пощады здесь не увидит.

— Повесить его! — сказал один.

— Сжечь!

— Утопить в самом глубоком озере!

Советы следовали один за другим, как удары тупого меча.

— Нет, пусть Финн Мак Хумал умрет позорной смертью! — сказал воин с самым темным, свирепым лицом. — Пустим его в Большое Ущелье, где живет Серый Пес. И Пес его растерзает. Нет смерти позорней, чем смерть от зубов собаки!

Эти слова вызвали восторг и громкое одобрение у собравшихся: кто станет спорить, что нет хуже смерти, чем от клыков и когтей свирепого Серого Пса, стерегущего мрачное Большое Ущелье, куда даже самый отчаянный воин вот уже сколько лет не смел заходить.

Не мешкая более, воины отвели Финна в Большое Ущелье и оставили там среди колочих зарослей и неприступных скал, овеванных едкой, сырой мглой, одного. Только протяжный вой Серого Пса разрывал тишину.

Остаться в Большом Ущелье или бежать — конец для Финна был бы один: смерть.

Но уж лучше пасть жертвой страшного Пса, чем от руки предателей, хитростью заманивших его в свой замок, — так решил Финн и остался.

Вдруг где-то во мгле перед ним вырос Серый Пес, и невольно у героя задрожали колени и страх сжал горло. Пес был ростом не меньше Брана — любимой гончей Финна. Шерсть встала дыбом

у него на спине. Пасть разинулась, обнажив острые, длинные зубы и красный язык. Из ноздрей с такой силой вырывалось дыхание, что разметало все вокруг на три мили, не меньше.

У Финна похолодела спина, оцепенело сердце.

И тут он вспомнил, что в кармане у него лежит золотой ошейник Брана, который он прихватил из дома по совету своего дурака. И вспыхнула искра надежды.

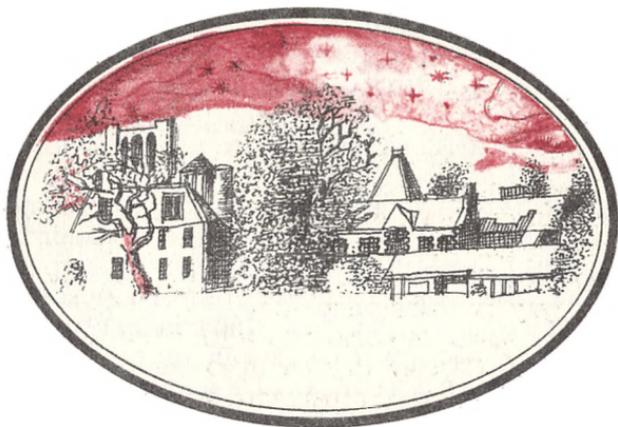
Он вынул ошейник и помахал им в воздухе. И вот словно свершилось чудо. Серый Пес замер, перестал злобно рычать и завилял хвостом. Потом подполз на брюхе к Финну и лизнул его сначала в руку, потом в лицо, шею, ноги. Он зализал Финну все царапины и болячки от колючих кустов и острых камней.

Финн надел Серому Псу на шею золотой ошейник Брана и вывел из Ущелья этого страшного укрощенного зверя.

Воины и друзья устроили пир в честь возвращения Финна.

Но чудом было не то, что Финн невредимым вернулся домой — все верили в его ум, находчивость и отвагу, — а встреча Серого Пса с Браном. Правда, секрет этой дружеской встречи оказался простой: Серый Пес и Бран были братья.

II. Смерть Дирмеда

ПРИШЛО время, и Финн решил взять себе жену. Много прекрасных девушек с радостью согласились бы стать женой Финна Мак Хумала, но он хотел выбрать ту, которая славилась бы не только красотой, но и сообразительностью и мудростью. Чтобы проверить ум будущей жены, Финн придумал шесть вопросов и, когда шел к ней в гости, задавал их. Та, которая ответит на все шесть вопросов, и будет его женой, объявил он.

Так вот, у славного воина Уллина была дочь, звали ее Грэйн, и красотой своей она славилась на всю округу. Стройная, темно-волосая, с живыми прекрасными глазами. Именно она нашла ответы на все шесть вопросов, когда Финн пришел в гости к ее отцу.

- Чего больше, чем травинок на земле? — спросил ее Финн.
- Капель росы, — ответила Грэйн, — ведь на каждой травинке не одна, а много росинок.
- А что белее снега? — спросил Финн.
- Истина, — ответила Грэйн.
- А что чернее воронова крыла? — спросил он.
- Смерть, — отвечала она.
- А что краснее крови?
- Лицо достойного человека, когда ему нечем угостить нежданного гостя
- А что острее меча?
- Упрек врага в трусости.
- А что быстрее ветра?
- Мысли женщины, что летят от одного мужчины к другому.

Так отвечала Грэйи, ни секунды не задумываясь. И Финн взял ее обе руки в свои и сказал:

— Воистину, Грэйи, красота твоя ослепляет, а ум пронзает сердце. Никто не сравнится с тобой. Ты согласна стать моей женой?

— Стать женой Финна Мак Хумала для меня честь, — ответила она.

И в большом зале уллинского дома стали готовить пышную свадьбу. Все девять тысяч героев славного Воинства Фянов пришли, чтобы повеселиться на свадьбе их славного предводителя. Стропила дома дрожали от раскатов их громового смеха, стены сотрясались от звона их кубков. Пир длился семь дней.

Среди девяти тысяч воинов был Дирмед, племянник Финна. После самого Финна и его сына Осгара Дирмед был третьим в могучем воинстве фянов. Но красотой светловолосый герой превосходил всех. На левой щеке его, у глаза, было родимое пятно, которое он всегда прикрывал прядью волос. То было не простое родимое пятно, а метка любви. Стоило женщине бросить взгляд на эту метку, и тут же в ее сердце зажигалась любовь к Дирмеду.

Так вот, в самый разгар пира две белых гончих невесты Грэйи, лежавших у ее кресла, сцепились из-за кости, которая упала под стол. Первым вскочил Дирмед, чтобы разнять их. Пустяк, и однако с этого пустяка начались все его бедствия в тот день. А все потому, что, когда он опустился на колени, чтобы разнять собак, прядь волос, закрывавшая метку любви, упала, и Грэйи увидела ее, а увидев, тут же воспылала любовью к Дирмеду.

«Финн, отважный предводитель Воинства Фянов, оказал мне великую честь, предложив стать его женой. Но Дирмед самый красивый юноша, какого я видела, и в глазах его горит сама молодость. Нет, я люблю Дирмеда», — сказала она сама себе.

И позднее, когда Финн отяжелел от выпитого вина и задремал, склонив голову на грудь, Грэйи наклонилась к Дирмеду и призналась ему в любви.

— Убежим отсюда вместе! — попросила она Дирмеда. — Увези меня прямо сейчас, и мы спрячемся так, что Финн нас никогда не найдет.

Красота Грэйи оказалась не слабее метки любви на щеке Дирмеда, и она покорила его сердце. Ее слова вызвали у него сильное искушение, он готов был увезти Грэйи, но разве мог он предать своего друга и предводителя фянов, которому поклялся в вечной верности?

— Неужели ты хочешь, чтобы меня назвали самым бесчестным среди фянов? — спросил он Грэйи.

— А я накладываю на тебя *гисан*, и отныне ты не можешь со мной расстаться, — ответила она.

Услышав это, Дирмед тяжело вздохнул, потому что в те далекие-далекие времена существовал закон — если женщина накладывает на мужчину *гисан*, то есть обет послушания, он должен выполнять все ее желания. Дирмед задумался, как бы ему, не обижая Грэйи, все-таки не нарушить слова верности Финну, и сказал:

— О, любовь моя, Грэйи, тяжела ноша, которую ты хочешь возложить на меня. Но я исполню твоё желание и увезу тебя отсюда. Только при условиях, какие сам назначу. Я увезу тебя не из дома и не со двора. Ты же явишься ко мне не верхом на коне и не пешком. Если тебе удастся выполнить эти условия, мы уедем.

С этими словами Дирмед встал из-за стола и ушел из пиршественного зала дома Уллины в соседний дом, где и остался на ночь.

А утром Грэйи явилась к нему с двумя белыми гончими и сказала:

— Пойдем, Дирмед. Видишь, я выполнила все твои условия.

Дирмед вышел к ней и убедился, как ловко она выполнила их: она явилась к нему не верхом на коне и не пешком, а верхом на козле. И остановилась не на улице и не в доме, а на пороге.

— Воистину Финн был прав, найдя тебя самой сообразительной и самой прекрасной из женщин! — воскликнул Дирмед. — Что ж, нам пора ехать. И все-таки тревога не покидает меня. Боюсь, куда бы мы ни уехали, Финн всюду нас найдет. Знаешь, почему? Потому что стоит ему приложить указательный палец левой руки к зубу мудрости, и ему тут же станет известно, где мы. И тогда ярость обуяет его, он не успокоится, пока не отомстит нам.

Грэйи слезла с козла, и в сопровождении белых гончих они поспешили уйти и не давали отдых ногам, пока не пересекли множество зеленых холмов и долин, лежавших между домом Уллины и гостеприимными лесами Кинтейла на полуострове Кинтайр. Однако, хотя летели они, как птицы, погоня оказалась проворней. Как только Финну стало известно, что Дирмед сбежал с его невестой, он дотронулся пальцем до заветного зуба, и тут же узнал, что беглецы укрылись в Кинтейлском лесу. Тогда он вместе со всем Воинством Фьанов покинул дом Уллины и отправился туда, а гнев и ярость подгоняли их.

— Вот никогда не думал, что Дирмед — радость сердца моего — так низко, вероломно обманет меня, — говорил Финн, и толстые вены вздувались на его шее от гнева.

Фьяны очень быстро достигли вершины самого высокого холма, с которого неохватные леса Кинтейла были видны как на ладони. Тут Финн отстегнул свой охотничий рог и громко затрубил. Трубные звуки разнеслись по всему полуострову с юга на север и с запада на восток.

А надо вам сказать, что среди Воинства Фьянов было правило, когда звучит *фогхед*, то есть охотничий призыв Финна, каждый должен на него ответить. Услышав *фогхед*, Дирмед понял, что должен подчиниться непреложному закону фьянов.

— Ничего не поделаешь, любовь моя,— сказал он Грэйну.— Долг повелевает мне ответить на *фогхед*. Я должен предстать перед Финном.

Увидев, что Дирмед собрался идти, Грэйн сказала:

— Я иду с тобой, любимый. И если Финн готовит тебе смерть, я встречу ее вместе с тобой.

И они поднялись на вершину холма и встретились там с Финном, с его сыновьями Осгаром и Осаном и с другими героями Воинства. Когда Финн увидел Дирмеда и Грэйна, рука об руку приближавшихся к нему, гнев чуть смягчился в его сердце.

«Дирмед еще так молод, рано ему умирать»,— подумал он. Но тут он вспомнил, что племянник обманул его, и ярость с новой силой охватила его. «Нет, он должен умереть»,— решил Финн.

Но он содрогнулся от мысли, что Дирмед падет от его руки, и придумал иной план, как отомстить Дирмеду.

В Кинтейлском лесу жила старуха по имени Мейла Лли, что означает «Седая Бровь». Она держала стадо свиней, вожаком у них был свирепый кабан, прямо дикий вепрь. Уже много героев охотились на него, но ни один не вернулся назад живым. Этот вепрь умел нападать и защищаться. Вот Финну и пришлось на ум послать Дирмеда охотиться на кабана. Так племянник его будет обречен на смерть, а сам он будет отомщен, решил Финн.

Он встретил Дирмеда и приказал ему пойти в лес и убить кабана. Понимая, что его ждет неминуемая гибель, Дирмед попрощался с Осгаром и Осаном, своими двоюродными братьями и друзьями молодости, и с тяжким сердцем покинул Фьянов. Последней, с кем он перед расставанием обменялся словом, была прекрасная возлюбленная Грэйна. Подхватив копьё, Дирмед спустился с холма и скрылся в чаще леса.

Прошло сколько-то времени, и все ожидавшие на вершине холма поняли, что Дирмед уже встретился с кабаном— до них донеслись звуки битвы. Они слышали, как трещат и ломаются ветви в лесу, как громко сопит и хрипит разъяренный зверь. По-

том вдруг наступила тишина, а вслед за ней раздался торжествующий крик человека. Дирмед убил вепря.

Финн с сыновьями тут же бросились в лес. Там они увидели Дирмеда, целого и невредимого. Он отдыхал после битвы, сидя рядом с бездыханным кабаном, у которого из сотни копыеносных ран текла черная кровь.

— Не зря называют тебя Дирмед Надежный Щит,— сказал Финн своему племяннику. Однако за этой похвалой крылось глухое раздражение, что план его не удался.

На спине у кабана была ядовитая щетина. Достаточно наколоться хотя бы на один волосок — и человек мертв. Финн это знал и потому сказал:

— А теперь измерь-ка свою добычу, племянник. Пройдись по его хребту и скажи нам, сколько футов от загривка до хвоста.

Не чуя беды, Дирмед прошелся босиком по спине кабана, чтобы измерить его, как приказал Финн. И вот удача! Ни один ядовитый волосок не вонзился ему в ступню.

— Ровно шестнадцать футов,— объявил Дирмед.

— Измерь еще раз,— приказал Финн,— может, ты ошибся.

И Дирмед во второй раз прошелся по широкой спине кабана. Но на полдороге ядовитый волос впился ему в родинку на правой пятке. И тут же смертельный яд проник в его тело, и Дирмед замертво упал на землю.

Угрызения совести вдруг проснулись в Финне, и он воскликнул:

— О, Дирмед! Скажи, что может исцелить тебя?

— Глоток воды из ладоней Финна.

Финн бросился к ручью, протекавшему меж деревьев, и зачерпнул полные горсти воды. Но тут он вспомнил, что ведь Дирмед увел у него невесту, и он с гневом раскрыл ладони, чтобы вода убежала сквозь пальцы на землю.

И все-таки он во второй раз набрал в ладони воды. Но снова борьба в его сердце между прежней любовью к племяннику и гневом, когда он узнал о его измене, развела его ладони, и вода опять утекла.

Когда же Финн, наконец, одолев себя, принес племяннику воды, Дирмед был уже мертв.

— Я убил моего родного племянника, сына моей родной сестры, ради женщины, которая больше не любит меня,— с горестью корил себя Финн.— Доблестного героя, третьего в славном Воинстве Фьянов, я погубил своей волей.

Осгар и Осиан, Голл Богатырь и псарь Конен — все, кто рос вместе с Дирмедом и провел с ним свою юность, оплакивали его.

Когда Грэйи узнала, что Дирмеда больше нет в живых, сердце ее остановилось от боли, и она тоже умерла.

Дирмеда вместе с Грэйи похоронили со всеми почестями на берегу тихого светлого озера Лох-Дуг. Их опустили в длинную ладью. Рядом положили боевое копье Дирмеда, острый меч и знаменитый щит, а также прочие вещи, к которым он привык. А в ногах у Грэйи положили ее белых гончих, потому что, не вынеся тоски по хозяйке, они тоже скончались.

Потом над их могилой насыпали высокий курган. Его и до сего дня называют Дирмед.

— Привет, тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан гламисский!

За ней вышла вторая вещунья и сказала:

— Привет тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан кавдорский!

А третья вещунья вышла и воскликнула:

— Привет Макбету, которому грядет стать королем Шотландии!

Не успел Макбет прийти в себя от изумления, как появился на коне гонец, который сообщил, что отец Макбета скончался. А значит, Макбет и в самом деле стал теперь таном гламисским.

Вслед за первым гонцом вскоре появился и второй. Он принес хорошие вести от короля Дункана. Король благодарил Макбета за победу и сообщал, что тан кавдорский восстал против него, и потому все его земли теперь принадлежат победителю Макбету. А значит, Макбет отныне стал и таном кавдорским.

Выходит, уже два предсказания старых колдуний сбылись. И Макбет задумался, что предпринять, чтобы сбылось и третье, — как стать королем.

А надо вам сказать, что у Макбета была жена, женщина коварная и очень честолюбивая. Она воспользовалась своей властью над ним и уговорами, укорами и угрозами заставила его поверить, что он овладеет короной, если убьет старого, доброго короля. Макбет очень долго сопротивлялся ее уговорам. Ему совсем не хотелось убивать старого короля, своего доброго друга. Но чего не добьется коварная, честолюбивая женщина! Да к тому же предсказанье вещуньи... И Макбет уступил. И замыслил, как убить короля.

Он пригласил короля Дункана к себе в гости, в свой замок близ Инвернесса. Вместе с женой он радушно принял короля и всю его свиту, устроив им пышный пир.

Уже глубокой ночью королю захотелось покинуть пирующих и уйти спать. Макбет проводил его в роскошные покои, приготовленные заранее.

В те далекие, дикие времена был обычай, что у дверей опочивальни, где спит король, несли стражу два бравых воина. Леди Макбет знала, кто назначен стражами в ту ночь, и заранее наполнила их вином, в которое подмешала снотворное зелье. И когда король удалился в свои покои и лег спать, стражники тут же свалились в мертвом сне у его дверей. Теперь их не добудилась бы даже военная труба.

Всю эту ночь шумела буря, но ни вой ветра, ни удары грома не нарушили сон короля, потому что он был уже стар и слишком устал после долгой дороги и богатого пира.

Само собой, и стражники не пробудились.

Только один Макбет не ложился, сон не шел к нему. Его терзали сомнения, стоило ли затевать столь опасную игру. Ведь если королю суждено умереть, все должно свершиться в эту же ночь. Леди Макбет была рядом.

— Стыдитесь, — говорила она, — вас тревожит не совесть, а трусость! Будьте мужчиной! Если мужество вам изменило, я, слабая женщина, сама свершу это.

Макбет не мог больше слушать позорящие его речи и направился длинными переходами замка в покои короля.

Он выхватил из ножен кинжалы, висевшие на поясе спящих стражников, и, ворвавшись в покои короля, всадил их прямо в сердце старого Дункана. После этого Макбет вложил обагренные кровью клинки в руки воинов и вымазал им лицо кровью, чтоб все подумали, что это они убили доброго короля.

Наутро в большом зале замка собрались все знатные лорды и дворяне, входившие в свиту короля. И оба его сына — Малькольм и Дональбейн. Ожидая выхода Дункана, они толковали о страшной буре, что бушевала ночью.

— Вы слышали, как завывал ветер? Словно запели все черти ада.

— Метались тени, скрипели ставни, а где-то недалеко ухала сова.

— И лаяли собаки. А кони короля Дункана вырвались на волю и перегрызли друг друга. Верно, взбесились.

— Не к добру это.

— Не к добру...

Король все не выходил из своих покоев, и встревоженные вельможи послали к нему одного из знатных дворян. Со всем почтением приблизился он к покоям короля, раскрыл двери и — о, ужас! — перед ним лежал Дункан, мертв и неподвижен. А рядом — два стражника с кровавыми кинжалами в руках.

Забил тревожно колокол, горестные стенания огласили покои замка, когда вельможи и друзья увидели содеянное зло. Казалось, более всех был разгневан сам хозяин замка, Макбет. Никто не успел опомниться, как он своим мечом пронзил спящих стражников.

— Всем ясно, что они убийцы! — воскликнул он. — И заслужили кару.

Но сыновьям Дункана, Малькольму и Дональбейну, показалось странным это убийство. И они поспешили покинуть злоецый замок Макбета в Инвернесе. Дональбейн направился в Ирландию, а Малькольм ко двору английского короля, чтобы попросить у него поддержки и восстановить закон, по которому он, Малькольм, должен наследовать трон своего отца Дункана.

Макбет стал королем шотландским, как и предсказывали вещуньи. Казалось, все сбылось, но он не знал ни радости, ни счастья. Покоя не давали ему навязчивые думы о своем злодеянии. Страх проник в душу: а что, если такой же честолюбец, как он, и с ним поступит точно так же?

Но кто?

Растревоженная совесть не молчала, и подозрение пало на Банко. Банко, вот кто теперь опасен! — решил Макбет и подослал к нему убийцу.

Но и это не принесло ему ни счастья, ни покоя. Он заметил, что кое-кто стал подозревать его. И он боялся, что кто-то отомстит ему. А нет, тогда Малькольм найдет поддержку у короля английского и пойдет на него войной.

И вот Макбет решил снова отправиться в Форрес к вещуньям. Разве не они заронили в нем мечту стать королем Шотландии? Ему не терпелось узнать свою судьбу и дальше.

— Ты непобедим и не отдашь корону, пока зеленый лес, зовут его Бирнамским, не придет сам в неприступный замок Дунсинеин, — поведали вещуньи.

В Дунсинеине теперь обычно держал свой двор Макбет. А Бирнамский лес был в добрых двенадцати милях от Дунсинеина.

— Сказки, бред, деревья сами по себе не ходят, — успокаивал себя Макбет. — Я в замке в полной безопасности.

И все-таки после ночной встречи с колдуньями Макбет велел укрепить свой замок на холме у Дунсинеина. А по сему заставил знать свою и благородных танов прислать ему камней и бревен, которые на холм должны были поднять могучие волы.

Среди благородных танов, которым приказал Макбет доставить в замок Дунсинеин камни, бревна и все такое прочее, был Макдуф из Файфа. Макбет давно подозревал, что если когда-нибудь в Шотландию прибудет принц Малькольм с подмогой от короля английского, Макдуф его поддержит. И Макбет боялся и ненавидел Макдуфа за это.

В замке Дунсинеин собрались все таны, все шотландские дворяне — так повелел Макбет. Среди них и тан файфский, отважный Макдуф, который в другое время старался быть при дворе Макбета как можно реже.

Однажды, в ясный день, король Макбет выехал со свитой за укрепления замка поглядеть, как справляются волы со своим грузом. Он увидел, что многие с трудом тащат наверх камень и бревна — слишком тяжела ноша, слишком знойный день и слишком крут подъем.

И тут Макбет заметил, что одна пара волов так выбилась из сил, что опустилась на землю отдохнуть. Король впал в ярость

и потребовал узнать, кто посмел прислать ему таких ленивых волов, которые не желают на него работать. Ответ был:

— Владелец их Макдуф, тан фэйфский.

— Пусть тогда тан фэйфский сам, — сказал король в великом гневе, — вместо своих ленивых волов впряжется в повозку с драгоценным грузом.

В свите короля был друг Макдуфа. Незаметно он ушел с холма и поспешил к Макдуфу. Тот находился в зале замка, где шли приготовления к обеду. Услышав, что сказал король, Макдуф сразу понял, что медлить нельзя.

Попрощавшись с другом и прихватив со стола один круглый хлеб, Макдуф покликнул своих коней и слуг и поскакал скорее в родной Фэйф. Он спешил туда добраться до того, как Макбет придет к обеду в свой замок.

Кони Макдуфа летели быстрее ветра. Но вот беда! — он так спешил убраться поскорей из замка коварного Макбета, что не успел взять с собою денег. И когда он прискакал к большой переправе через реку Тэй, ему нечем было заплатить лодочнику. Что ж, лодочник согласился взять круглый хлеб за переправу.

И с тех пор эта переправа так и зовется Хлебная.

Наконец Макдуф прибыл в свой замок Кенновой неподалеку от Фэйфа. Первым делом он обнял жену и своих детей, потом велел стражникам закрыть ворота замка, поднять разводной мост и не впускать к себе ни короля Макбета, ни кого другого из его свиты. Затем направился в небольшую гавань рядом с замком и велел побыстрее оснастить парусник. Попрощавшись с женой и дав ей строгие наказания, Макдуф готов был к бегству от Макбета.

Но Макбет и сам не медлил. Со своими воинами он был у ворот замка Кенновой раньше, чем Макдуф успел отплыть. Король призвал леди Макдуф открыть ему ворота и выдать мужа. Однако леди Макдуф, будучи женщиной не только храброй, но и мудрой, постаралась найти столько извинений и предлогов, что их хватило слугам-морякам, чтобы выйти в море.

Только тогда она поднялась на стену замка и смело заявила королю:

— Ты видишь в море белоснежный парус? То муж мой, Макдуф, плывет к королю Англии. Ты не увидишь его, пока он не вернется с принцем Малькольмом, чтобы свергнуть тебя с трона и предать смерти. Злись и беснуйся, но тебе так и не удастся накинуть воловье ярмо на шею благородного Макдуфа, тана Фэйфского.

И в самом деле, Макдуф благополучно доплыл до английских берегов и явился ко двору короля, чтобы присоединиться к свите принца Малькольма, сына доброго Дункана. Он убедил принца, что шотландцы уже устали от жестокости Макбета и бу-

дут только рады примкнуть к рядам Малькольма, если он поспешит вернуться в родные места. Не мешкая король английский дал армию отважных воинов, которых повел великий Сивард, граф Нортумберленский, чтобы помочь Малькольму, наследнику убитого Дункана, вернуть себе корону.

И все случилось так, как предсказал Макдуф. Таны Шотландии и прочие дворяне оставили Макбета и перешли к Малькольму и Макдуфу. Макбет остался лишь с небольшой свитой тех, кто поклялся не покидать его. И заперся в укрепленном замке Дунсинейн. Он не пал духом и не страшился ничего, веря в предсказание вещуний.

Наконец армия Малькольма и Макдуфа вступила в Бирнамский лес. Наутро по велению Макдуфа каждый воин отломил себе большую ветку дерева и под ее прикрытием двинулся на Дунсинейн. Ветки скрывали воинов, и враг не мог увидеть, какая армия, большая или маленькая, движется на замок.

Макбету сообщили, что противник расположился лагерем в лесу. Но и тогда сердце его не дрогнуло, он считал, что остается в безопасности. Однако ближе к полудню часовой, стоявший на крепостной стене, заметил, что на замок Дунсинейн плавно, не спеша идет сам Бирнамский лес. Он бросился с известием к королю. Грозный Макбет сначала не хотел этому верить и даже пригрозил повесить испуганного вестника.

Он сам поднялся на крепостной вал и, увидев то, что он увидел, понял, что пробил его час.

Но храбрость и отвага не покинули его. С горсткой таких же храбрецов он вышел за ворота замка и кинулся навстречу судьбе. Он погиб в сраженье, скрестив мечи с самим Макдуфом.

На трон Шотландии взошел Малькольм. Он правил долго и успешно. Макдуфа он щедро наградил и повелел, что отныне Макдуф и все его потомки всегда будут идти во главе шотландской армии — большая честь. И будут возлагать корону на будущих шотландских королей — честь и доверие.

Томас-Рифмай

Легенда

ВНАЕТЕ деревушку, что прячется в тени Эйлдонских холмов? Вот тут когда-то давным-давно жил один славный человек по имени Томас Лермонт. Ничем особенным он не отличался от своих соседей, разве только чудо как хорошо играл на лютне. Да умел сочинять стихи. Собственно, как все бродячие певцы-барды в ту пору.

В один прекрасный денек Томас захлопнул за собой дверь своей хижины и отправился с лютней под мышкой навестить одного фермера, жившего на склоне холма.

«Если взять хороший шаг, эта прогулка не отнимет у меня много времени», — подумал Томас.

Но денек выдался такой ясный, такой жаркий, что когда он достиг берега ручья Хантли, сбегавшего с Эйлдонских холмов, он уже так умирился, что ему захотелось поскорее спрятаться от солнца в густой тени раскидистого дуба и отдохнуть.

Перед ним лежал небольшой лесок, по которому в разные стороны разбегались тропинки, скрытые зеленью. Он загляделся на прохладную сень, рассеянно перебирая струны лютни, как вдруг поверх собственной музыки услышал отдаленные звуки, словно звон горного ручья.

Но что это? Он в великом изумлении вскочил на ноги — на одной из таинственных лесных тропинок появилась верхом на коне прекрасная леда. Прекраснее свет не видывал.

На ней было платье из зеленого, как трава, шелка и зеленый бархатный плащ. Светлые волосы ниспадали на плечи. Бело-снежный конь под ней грациозно ступал меж деревьев, и Томас увидел, что каждая прядь его гривы заканчивается крошечным

серебряным колокольчиком. Ну конечно, звон этих колокольчиков он и принял за журчанье горного ручья.

Он сорвал с головы шапку и упал перед прекрасной всадницей на одно колено. Но она, натянув поводья белого коня, остановилась и повелела Томасу встать.

— Я королева эльфов,— молвила она,— и прискакала сюда, чтобы встретиться с тобой, Томас из Эрсилдурна.

Она ласково улыбнулась и протянула ему тонкую руку, чтобы он помог ей спешиться. Томас привязал коня к колочему кусту и повел даму в тень раскидистого дерева, зачарованный ее нежной, неземной красотой.

— Сыграй мне на лютне, Томас,— попросила она.— Хорошая музыка и лесная прохлада верные союзники, разве не так?

Томас послушно взялся за свой инструмент и начал играть. Никогда прежде не играл он так нежно и весело. Он кончил, и королева эльфов не стала скрывать своего восторга.

— Мне хотелось бы наградить тебя, Томас,— произнесла она.— Проси о любой милости, я тебя одарю ею.

Томас взял обе ее белые ручки в свои и осмелился произнести:

— Позволь мне поцеловать тебя, прекрасная королева.

Королева не отняла у него рук, а лишь улыбнулась и сказала:

— Запомни, Томас, если ты поцелуешь меня, тебе придется, на горе или на радость, отслужить мне семь долгих лет. Согласен?

— Что значат семь лет!— воскликнул Томас.— Я с радостью расплачусь.

И он прикоснулся к устами королевы эльфов.

Королева быстро встала, и тут Томас вдруг почувствовал, что отныне он будет всюду послушно следовать за ней. Однако чары любви были так сильны, что он ничуть не сожалел о своем дерзком поступке. Ну и пусть, он подарит королеве семь лет своей земной жизни.

Королева эльфов села верхом на белоснежного коня, а Томасу велела сесть позади нее, и под ласковый звон серебряных колокольчиков они полетели через зеленые ложбины и вересковые холмы быстрее всех ветров небесных. Наконец они прибыли в какое-то очень странное место. Королева соскочила с коня и сказала Томасу, что они отдохнут здесь недолго.

Томас с великим любопытством оглядывался по сторонам: он понял, что очутился на земле не для простых смертных. Поза-

ди остались непроходимые кущи вьющегося орляка. А вперед от этой бесплодной земли убегали три дороги.

Одна дорога, узкая и крутая, густо заросла по обеим сторонам колючим кустарником и диким шиповником. Над головой кусты встречались, образуя длинный темный тоннель.

Другая дорога была широкая и прямая, по ней плясали солнечные зайчики, перепрыгивая на лужайки зеленого бархата, расшитого, словно драгоценными камнями, пестрыми цветами. Третья же дорога вилась вверх, сквозь заросли папоротника. Ее устилал мягкий мох, а венчала, словно высоким куполом, зеленая листва, которая дарила путнику прохладу.

Проследив за удивленным взглядом Томаса, королева эльфов сказала:

— Узкая, тернистая тропа — это Дорога праведников. Редкий путник отважится идти этой дорогой. Широкая прямая дорога, ведущая мимо цветущих долин, зовется Дорогой порока, хоть и кажется такой светлой, такой нарядной. А третья прекрасная дорога, что вьется вдоль живой изгороди из вечнозеленого папоротника, — дорога в страну эльфов. По ней мы и поскачем этой ночью в Эльфландию.

Она подошла к коню, который прядал головой и бил копытом в нетерпенье скорей вступить на эту зеленую тропу. Но прежде чем отправиться в путь, королева сказала Томасу:

— Если ты послушаешься моего совета, Томас, и будешь нем все время, что проведешь в Эльфландии, что бы ты ни услышал и ни увидел там, то по истечении семи лет ты вернешься в страну людей. Но если ты произнесешь хоть слово, ты упустишь свое счастье и будешь приговорен на вечное скитание по бесплодной пустыне, что лежит между прекрасной Эльфландией и землей людей.

Они поскакали по третьей тропе, и скакали очень долго, прежде чем достигли владений королевы. Через холмы, долины, болота и равнины. По ночам над ними чернело небо, а днем блестели золотом облака на солнце. Случалось им переходить вброд стремительные реки, наполненные красной кровью. Королева подбирала шлейф своей зеленой мантии, а на белоснежных боках ее коня оставались кроваво-красные пятна. Ибо вся кровь, пролитая когда-либо на земле, собиралась здесь в ручьи, которые орошали эти странные места.

Но вот, наконец, они достигли ворот Эльфландии. Тысячи волшебных труб возвестили об их прибытии. Под приветственные звуки и въехал Томас в зачарованную страну, залитую чудесным светом.

А где-то далеко, на земле простых смертных, жители Эрсилдурна шепотом передавали друг другу таинственную весть, что их сосед Томас Лермонт одним прекрасным летним днем взял да и пропал. И след его простыл.

Пока Томас оставался в Эльфландии, он не посмел ни словом ни с кем перемолвиться о тех чудесах, какие ему удалось увидеть или услышать. Семь лет пролетели, как три дня, и, когда вышел срок его службы у королевы эльфов, настал миг расставания. Королева сама проводила Томаса за ворота волшебной страны в залитый солнцем сад, который лежал по ту сторону ворот. Там росли изящные лилии и все самые прекрасные цветы земли, а под ними прогуливались изящные кроткие единороги.

Королева протянула руку, сорвала с дерева яблоко и дала его Томасу.

— Ну вот, наконец, ты можешь заговорить, Томас, — молвила она. — А в награду за семь лет верной службы мне возьми себе это яблоко. Оно волшебное и наградит тебя даром говорить всегда только правду, истинную правду, одну только правду.

Но Томас был малый смысленный и сразу смекнул, что этот дар говорить только правду и ничего, кроме правды, не великое счастье в той стране, куда он возвращается. И он попытался объяснить это королеве эльфов.

— Когда живешь среди людей, — сказал он, — иногда приходится кое-что приукрасить, когда, например, ухаживаешь за девушкой. Или если хочешь заключить выгодную сделку с соседом. Без красноречия тут никак не обойдешься.

Но королева только улыбнулась (в который раз!) и сказала:

— Откинь все волнения, Томас! И береги мой дар — он дается не каждому. Он принесет тебе славу, о какой ты и не мечтал. На веки запомнят имя Лермонта, пока есть на земле страна Шотландия. А теперь ты должен возвратиться, Томас. Только сперва внемли моим словам. Настанет день, я снова призову тебя к себе. Так поклянись послушаться моего приказа, где б он ни застал тебя. Я за тобой пришлю моих посланцев. Их будет двое. Ты сразу их узнаешь — они придут из другого мира, не из твоего...

Томас заглянул в глубокие глаза прекрасной королевы, словно в омут, и понял, что чары любви, лежавшие на нем семь долгих лет, так никогда его и не отпустят. Но он был только рад дать королеве клятву, что выполнит ее приказ.

Не успели слова клятвы слететь с его уст, как Томас вдруг погрузился в глубокий сон. Зеленый сад, цветы, кроткие едино-

роги — все растворилось вмиг в молочной дымке, что опустилась из облаков на землю, припорошенную опавшим белым цветом яблонь.

Когда Томас проснулся, он увидел, что лежит под большим дубом, что рос на самом берегу ручья Хантли. Все еще в сомнении, он пристально взгляделся в пустынные тропинки леса, тщетно надеясь уловить звуки серебряных колокольчиков. Путешествие в Эльфландию, которое затянулось на семь долгих лет, показалось ему теперь коротким послеполуденным сном.

Томас крикнул:

— Я еще вернусь!

И, подхватив лютно, зашагал в свой Эрсилдурн. Очень захотелось ему узнать, что там произошло за эти семь лет. Но еще больше Томасу хотелось проверить, сбудется ли обещание, которое подарила ему королева эльфов: неужто и впрямь отныне он будет говорить только правду?

— Боюсь, я только рассержу своих соседей, — рассуждал сам с собою Томас, — если не сумею им сказать ничего, кроме правды. Ведь они услышат не такой уж лестный отзыв, на какой рассчитывали. Да и не тот совет получат, какой ждали.

Не успел он появиться на улицах своей деревни, как услышал крик и вопли. Какой-то бедный старик решил, что Томас восстал из мертвых и вернулся в родную деревню с того света. Однако Томас быстро доказал всем, что он живой и здоровый, и добрые жители Эрсилдурна больше не удивлялись, что снова видят его. Но они не переставали удивляться, охать и ахать, когда он поведал им о своем путешествии в Эльфландию. Дети постоянно крутились у его ног, взбирались к нему на колени, чтобы еще и еще раз послушать его чудесную историю о том, как веселятся в той волшебной стране. А старики покачивали головой и тихо толковали меж собой про тех, кого вот так же увлекла за собой королева эльфов. Только они-то не пришли назад.

Но никому, никому не рассказал Томас о своем обещании вернуться к королеве, как только она придет за ним двух посланцев.

Со своей стороны, и Томас не мог не удивиться, что ничто не изменилось в Эрсилдурне, словно он отсутствовал не семь лет, а три дня. Конечно, надо было подправить свой дом, потому как от дождей кое-где прохудилась тростниковая крыша, а в стенах ветер пробил дырки и надо было вставить на их место камни покрепче. У соседей на лице прибавилось морщин, а в волосах — седины. Семь жарких лет, семь урожаев, семь морозных зим, семь

полных солнцем весен пролетели, а все осталось на своих местах.

С того дня, как Томас вернулся, он все ждал: сбудется — не сбудется обещание королевы эльфов. Неужто он и впрямь будет теперь говорить одну только правду?

Однако он, как и прежде, спокойно любезничал с дочкой фермера. И мог без труда уговорить соседа купить у него корову или там овцу.

Но вот в один прекрасный день на деревенской сходке, когда обсуждали страшное бедствие — падеж скота во всех окрестных деревнях, Томас вдруг почувствовал, что должен встать и что-то сказать. И, к своему собственному изумлению, взял да предсказал, что мор падет на все деревни, кроме Эрсилдурна. Очень удивились односельчане такому странному предсказанию, но в глубине души поверили. Что-то в его словах внушило им доверие еще до того, как предсказание Томаса сбылось. Чудо, но и впрямь ни одна корова, ни лошадь, ни овца не заболели в Эрсилдурне.

После этого Томас часто делал верные предсказания. А так как он умел с легкостью рифмовать, он говорил их стихами. Поэтому они быстро запоминались и стали гулять по свету. Но самое важное — все они сбывались, и слава Томаса-Рифмача, Томаса-Прорицателя вскоре облетела всю Шотландию. А все-таки, хоть он и стал знаменит и его приглашали во все концы страны, свой родной Эрсилдурн он не покинул. Разбогатев, он построил замок рядом и принимал там и всех соседей, и знаменитых воинов, и именитых лордов и графов. Он очень огорчился, когда сбылось его предсказание:

Пока поют в терновнике дрозды,
У Эрсилдурна не отнять его казны.

И впрямь, в одну злую весну не пели, как всегда, дрозды в колочих кустах вокруг Эрсилдурна. Лето выдалось дождливое, холодное. Урожай собрали бедный, и почти все жители деревни разорились, и пришлось им заложить свои земли богатым ленд-лордам.

Но самое удивительное предсказание Томас сделал 18 марта 1285 года. На шотландском троне в ту пору сидел мудрый король Александр III. На другой день граф Марч собирался на охоту и послал за Томасом, чтобы тот предсказал ему погоду.

Назавтра в полдень буря взовется.
Ведать не ведала ране Шотландия,
Что столько крови прольется,—

предсказал Томас.

И граф Марч не рискнул отправиться на охоту.

Назавтра, ближе к полудню, он снова призвал к себе Томаса.

— Ну, где ж твоя зловещая буря? — упрекнул он прорицателя.

— Полдень еще не пробило, — ответил спокойно Томас.

В этот миг в покои графа ворвался испуганный вестник. Он поведал, что великий король скончался. Он ненароком упал на крутой горной тропе с коня и более не встал.

— Увы, эта весть и означает бурю, которая нанесет жестокий урон нашей Шотландии, — произнес Томас.

На горе и печаль всех честных шотландцев, предсказание его сбылось.

Но людская молва повторяла и те его предсказания, каким еще только дано будет сбыться. Вот одно из них:

Когда Коровы Гаури выплывут на сушу,
Настанет судный день по наши души.

А надо вам сказать, что Коровами Гаури называют два гигантских валуна, стоящих за чертой полного прилива в заливе Тэй, что позади Ивергаури. И каждый год они на дюйм приближаются к земле, потому как море отступает.

Еще одному предсказанию Томаса только предстоит сбыться:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбургу быть —
Самым славным, самым главным из трех прослыть.

А вот какую легенду сложили про Томаса сами шотландцы.

Прошло дважды семь лет с тех пор, как Томас-Рифмач вернулся от королевы эльфов, когда Шотландию втянули в тяжкую войну. Английский король после победы над Джоном Бальолем при Данбаре одолел Шотландию. Но доблестный рыцарь Уильям Уоллес поднял шотландцев, чтобы отбиться.

Так случилось, что армия храбрых шотландцев стояла лагерем близ замка Томаса. И Томас решил устроить великий пир для славных воинов. Такого великого праздника еще не знал замок Эрсилдурн. Гости заполнили большой зал замка — благородные рыцари в тонких кольчугах, прекрасные дамы в шелестящих шелках. Вино лилось рекой, деревянные кубки то и дело наполнялись веселым шотландским элем.

Музыканты услаждали слух важных гостей, сказители развлекали историями о подвигах войны и охоты. Но главное ждало гостей впереди. Когда пир был закончен, сам хозяин замка Томас велел принести его любимую лютню и запел. Затаив дыхание, не проронив ни слова, слушали гости его песни о славном прошлом британской земли.

Он пел о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Об от-
важном Говэйне и волшебнике Мёрлине, о печальной любви
Тристана и Изольды. И все, кто слушал его, думал и чувствовал,
что такого барда им больше не услышать никогда.

Они оказались правы.

В эту ночь, когда гости разошлись и над рекой спустился ту-
ман, воин, дежуривший в палатке на склоне холма, проснулся от
странного топота легких копыт по сохлой траве.

Он выглянул из палатки и увидел необычайное зрелище.

В свете яркой августовской луны по тропе к нему приближа-
лись белоснежные олень и олениха. Они ступали величественно
и гордо. Воин позвал друзей, все окружили необыкновенную па-
ру, но они продолжали идти вперед, не обращая ни на кого вни-
мания.

— Надо разбудить Томаса Лермонта,— предложил кто-то.—
Может быть, он нам скажет, что это значит.

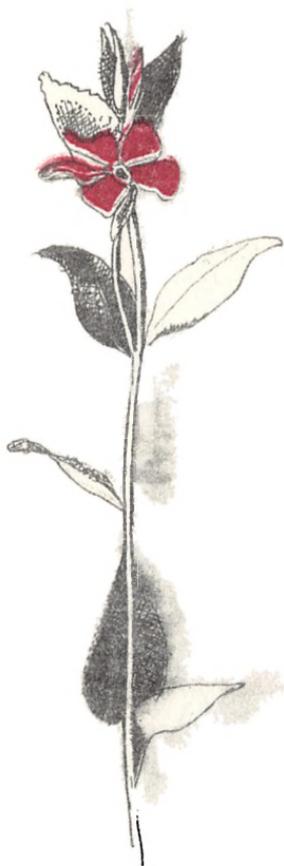
— Верно, надо послать за Томасом-Прорицателем!— закри-
чали все и отправили в замок маленького пажу разбудить Тома-
са Лермонта.

Услышав весть, Томас тут же вскочил с постели и быстро
оделся. Он был бледен, даже руки у него дрожали. Ни один ди-
кий зверь никогда прежде не покидал леса и не появлялся на
улицах деревни. И потом, разве кто когда-нибудь слышал про бе-
лых оленей? Нет. Значит, это посланцы за ним, Томасом-Рифма-
чом, от королевы эльфов. Он и обрадовался: вскоре он снова уви-
дит прекрасную королеву, но и загрустил — оборвалась нить его
земной жизни.

Прихватив свою лютню, Томас вышел из замка и, с белым
оленем по правую руку, с белой оленихой по левую, прошел по
улицам деревни, освещенным серебристой луной, и скрылся в ле-
су, покинув родной Эрсилдурн навсегда.

*Из собрания английского фольклора
Джозефа Джекобса,
из двухтомника «Британские сказки»
Эмейбл Уильямс-Эллис
и оксфордского издания Джеймса Ривза*

Сказка про трех поросят

АВНЫМ-ДАВНО, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крикали: кряк-кряк-кряк!¹ —

жила-была на свете старая свинья с тремя поросятами. Сама она уже не могла прокормить своих поросят и послала их искать по свету счастья.

Вот пошел первый поросенок и встретил на дороге человека с охапкой соломы.

— Человек, человек, дай мне соломы, — попросил поросенок. — Я построю себе дом.

Человек дал ему соломы, и поросенок построил себе дом.

Вскоре пришел к его дому волк, постучал в дверь и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

А поросенок ему:

— Не пущу, клянусь моей бородой-бородицей!

Тогда волк говорит:

— Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунул, как плюнул — сразу снес весь дом и проглотил поросенка.

А второй поросенок встретил человека с вязанкой хвороста и попросил его:

— Человек, человек, дай мне хворосту, я построю себе дом.

¹ Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

Человек дал ему хворосту, и поросенок построил себе дом. Пришел к его дому волк и говорит:

- Поросенок, поросенок,пусти меня.
- Не пуццу, клянусь моей бородой-бородищей!
- Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет, как плюнет, как плюнет да как дунет — снес весь дом и проглотил поросенка.

А третий поросенок встретил человека с возом кирпичей и попросил его:

— Человек, человек, дай мне кирпичей, я построю себе дом.

Человек дал ему кирпичей, и поросенок построил себе дом. И к нему тоже пришел волк и сказал:

- Поросенок, поросенок,пусти меня!
- Не пуццу, клянусь моей бородой-бородищей!
- Вот я как дуну, как плюну — сразу снесу твой дом!

И волк как дунет, как плюнет, как плюнет да как дунет, как дунет да как плюнет, а дом все стоит да стоит. Ну, видит волк: сколько ни дуй, сколько ни плюй — все равно дома не снесешь, и говорит:

- Послушай, поросенок, а я знаю, где растет сладкая репа!
- Где? — спрашивает поросенок.
- В огороде у мистера Смита. Завтра встань пораньше, я зайду за тобой, и мы вместе нарвем репы на обед.
- Ладно! — говорит поросенок. — Я тебя подожду. Ты когда придешь?

— В шесть.

Договорились. А поросенок встал в пять и нарвал себе репы до прихода волка. Ведь тот пришел к шести.

- Ты уже встал, поросенок? — спросил волк.
- Давно! — ответил поросенок. — Я уже и с огорода вернулся, и полный горшок репы на обед наварил.

Волк очень рассердился, но виду не показал, а старался придумать, как бы ему поросенка из дому выманить.

- Поросенок, а я знаю, где растет славная яблоня!
- Где? — спросил поросенок.
- Там внизу, в Веселом саду, — ответил волк. — Хочешь, завтра в пять утра я зайду за тобой, и мы нарвем яблок сколько душе угодно. Только смотри больше меня не обманывай.

На том и порешили.

А на другое утро поросенок вскочил в четыре часа и во всю прыть побежал за яблоками. Он хотел вернуться до волка. Но сад был далеко, а еще на дерево пришлось лезть.

И вот, только поросенок начал спускаться на землю — волк тут как тут. Ну и струхнул поросенок! А волк подошел к нему и говорит:

— Ах, это ты, поросенок! Опять раньше меня пришел. Ну, как яблоки, вкусные?

— Очень! — отвечает поросенок. — Держи, я тебе брошу одно!

И он бросил волку яблоко, но так далеко закинул, что, пока волк бегал за ним, поросенок спрыгнул на землю и убежал домой.

На другой день волк как ни в чем не бывало опять пришел к поросенку.

— Слушай, поросенок, — сказал он, — сегодня в Шэнклинне ярмарка. Пойдешь?

— Ну конечно! — ответил поросенок. — Ты когда собираешься?

— В три.

А поросенок опять вышел из дома пораньше. Прибежал на ярмарку, купил маслобойку и направился уж было домой, как вдруг увидел волка.

С перепугу поросенок полез в маслобойку, да, на беду, опрокинул ее и вместе с ней покатился с холма прямо на волка. И до того напугал волка, что тот еле ноги унес, даже про ярмарку позабыл.

А когда опомнился, пошел к дому, где жил поросенок, и рассказал, что с ним случилось на ярмарке. Поросенок так и прыснул со смеху:

— Ха-ха-ха! Да ведь это я тебя напугал! Я ходил на ярмарку и купил там маслобойку. А как увидел тебя, залез в нее и скатился вниз с холма.

Тут уж волк просто рассвирепел.

— Вот я тебя сейчас съем! — зарычал он и полез на крышу, а с крыши в трубу и по трубе вниз прямо в камин.

Смекнул поросенок, что дело его плохо, развел поскорее в камине огонь и поставил на него котел с водой. Только волчьи ноги показались в трубе, поросенок снял с котла крышку, и волк упал прямо в воду.

И так и этак вертелся волк в котле — все старался вылезти. Наконец поднатужился и выпрыгнул. Да от натуги лопнул! А из живота у него выскочили — вы уж поверьте мне! — два братца поросенка.

Поросята очень обрадовались, увидев снова друг друга, принялись танцевать и танцевали, танцевали до самого утра.

Мистер Майка

ТОММИ ГРАЙМС бывал то хорошим мальчиком, то плохим, но уж если плохим, то из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

— Ах, Томми, Томми, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, а то тебя заберет мистер Майка!

Но все равно, когда Томми бывал плохим мальчиком, он обязательно убегал со своей улицы. И вот как-то раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понес к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Томми из мешка, поставил его на пол и оцупал ему руки и ноги.

— Да-а, жестковат, — покачал головой мистер Майка. — Ну, да все равно, на ужин у меня больше ничего нет, а если тебя проварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем невкусный. Салли! Ты слышишь? Поди сюда, Салли! — позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

— Что тебе, дорогой?

— Вот мальчишка — это нам на ужин, — сказал мистер Майка. — Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

— Не беспокойся, милый, — отвечала миссис Майка, и мистер Майка ушел.

Тут Томми Граймс и спрашивает миссис Майку:

— А что, мистер Майка всегда ест на ужин мальчиков?

— Частенько, мальш,— отвечает ему миссис Майка,— если мальчишки плохо себя ведут и попадают к нему на дороге.

— Скажите, а нет у вас еще чего-нибудь на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга?— спрашивает Томми.

— Ах, как я люблю пудинг!— вздохнула миссис Майка.— Только мне очень редко приходится его есть.

— А вы знаете, моя мама сегодня как раз готовит пудинг!— сказал Томми Граймс.— И она вам, конечно, даст кусочек, если я ее попрошу. Сбегать принести вам?

— Да ты неглупый мальчонка!— обрадовалась миссис Майка.— Только смотри не мешкай, обязательно возвращайся к ужину.

Томми бросился наутек и был рад-радешенек, что так дешево отделался.

И много-много дней после этого он был таким хорошим мальчиком, о каком только мечтать можно. И ни разу, ни разу не убежал со своей улицы.

Но не мог же он всегда оставаться хорошим! И вот в один прекрасный день он опять забежал за угол. И надо же было так случиться, что не успел он оказаться на другой улице, как мистер Майка заграбастал его, сунул в мешок и понес домой.

Притащил он Томми к себе, вытряхнул его из мешка и тут же узнал.

— Э-э,— говорит,— да ты, никак, тот самый мальчишка, что сыграл с нами скверную шутку! Больше тебе это не удастся! Я теперь сам тебя постерегу. Ну-ка лезь под диван!

Пришлось бедному Томми лезть куда велено, а мистер Майка уселся на диван и принялся ждать, пока вода в котле закипит. Ждал он, ждал, а вода все не закипала, так что, наконец, мистеру Майке это надоело, и он сказал:

— Эй ты, там, внизу! Высунь-ка сюда ногу, я ее привяжу, чтобы тебе не удалось улизнуть на этот раз.

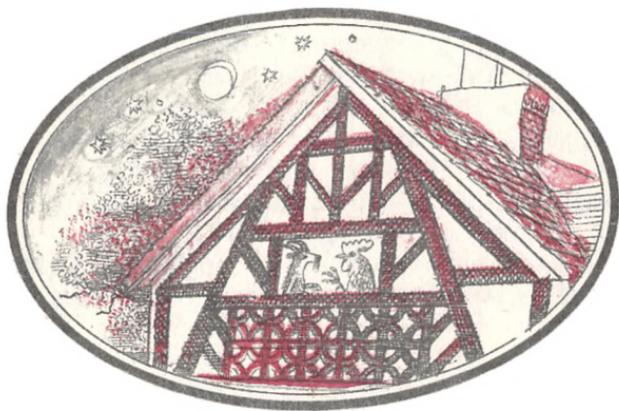
Томми высунул ногу, а мистер Майка распоясался и поясом привязал ее к дубовому столу крепко-накрепко. Потом позвал:

— Салли! Салли, дорогая!

Но никто не ответил. Тогда мистер Майка вышел в соседнюю комнату поискать миссис Майку, а пока искал, Томми выбрался из-под дивана и бросился к двери. Ведь высунул-то он из-под дивана не свою ножку, а диванную.

И вот вернулся Томми Граймс снова домой и больше никогда-никогда не забежал за угол до тех самых пор, пока не вырос большой и ему не разрешили ходить всюду одному.

Как Джек ходил счастья искать

ИЛ НА СВЕТЕ мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать.

Не успел далеко отойти — навстречу ему кот.

— Куда идешь, Джек? — спросил кот.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им собака.

— Куда идешь, Джек? — спросила собака.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им коза.

— Куда идешь, Джек? — спросила коза.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им бык.

— Куда идешь, Джек? — спросил бык.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им петух.

— Куда идешь, Джек? — спросил петух.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они дальше вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Так и шли, пока не начало темнеть. Задумались они тогда, где же им ночь провести. А в это время у дороги показался дом.

Джек велел друзьям не шуметь, подкрался к дому и заглянул в окошко. А в доме-то сидели разбойники и пересчитывали награбленные деньги.

Вот вернулся Джек к своим друзьям и наказал им дожидаться его знака, а потом кричать что есть мочи. Приготовились все, Джек подал знак, и тут — кот замыкал, собака залаяла, коза заблеяла, бык замычал, петух закукарекал. Такой шум подняли, что разбойники перепугались и убежали. Тогда Джек с друзьями спокойно вошли в дом.

Но Джек все-таки опасался, как бы разбойники ночью не вернулись. И когда настало время ложиться спать, Джек устроил кота в качалке, собаку посадил под стол, козу отправил на чердак, быка спрятал в подвале, петуху велел взлететь на крышу. А сам улегся в постель.

Видят разбойники — свет в доме погас, и послали туда одного из своих людей за деньгами. Но он тут же прибежал назад и рассказал, какого страха только что натерпелся.

— Вот вхожу я в дом, — говорит, — хочу сесть в качалку, а там уж старуха какая-то сидит да вяжет. Как ткнет она в меня спицами!

А это был кот, вы же знаете.

— Подхожу я к столу, хочу взять наши денежки, а под столом сапожник. Как вонзит он в меня шило!

А это была собака, вы же знаете.

— Поднимаюсь на чердак, а там кто-то зерно молотит. Как трахнет он меня цепом — чуть с ног не сбил!

А это была коза, вы же знаете.

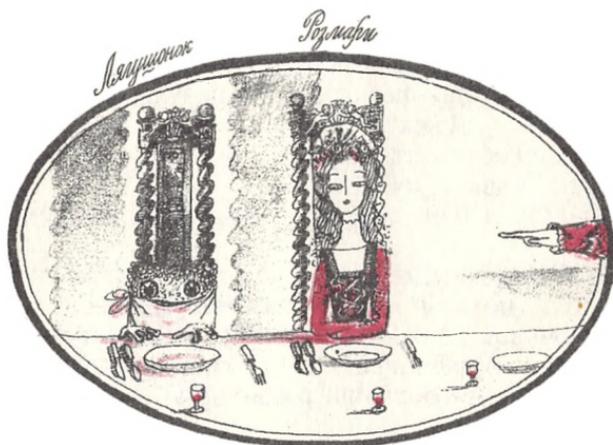
— Наконец, спускаюсь в погреб, а там — дровосек. Как заступит он в меня топором! Еле ноги я унес.

А это был бык, вы же знаете.

— Но все бы ничего, кабы не карлик на крыше. Как завопит он: «А подать-ка его сюда! А подать-ка его сюда!..» Я и наутек.

А это петух кричал: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Источник-на-краю-света

ДОБРОЕ старое время — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время, и не твое время, да и ничье то время, — жила на свете девушка. Звали ее Розмари. Девушка она была добрая, хотя не очень умная, и веселая, хотя и не очень хорошенькая. Но все бы ничего, да попалась ей злая-презлая мачеха.

И вот, вместо того чтобы наряжаться в новые платья, есть сладкие пышки да болтать с подружками, как делают все девушки, Розмари приходилось с утра до ночи хлопотать по хозяйству. То мачеха заставляла ее мыть каменный пол, и Розмари ползала на коленках и терла его щеткой. То велела ей стирать, и Розмари засучивала рукава повыше и стояла весь день у корыта.

Но чем лучше Розмари работала, тем хуже обращалась с ней мачеха и только пуще ее ненавидела. Если девушка вставала рано, мачеха ворчала, что ей не дают спокойно поспать. Когда Розмари готовила обед, мачеха говорила, что его есть нельзя.

Бедняжка Розмари! Весь день она трудилась, и все было плохо.

А в один прекрасный день мачеха надумала и вовсе от нее избавиться. Подозвала она Розмари к себе и говорит:

— Возьми решето и ступай к Источнику-на-краю-света. Набери в решето воды, да смотри принеси его сюда полнехоньким, не то тебе плохо придется!

Мачеха думала, что девушке ни за что не найти Источника-на-краю-света. А если и найдет, то разве донесет она воду в решете?

Так-то вот. И девушка отправилась в путь и каждого встречного спрашивала, где найти Источник-на-краю-света. Но никто не знал, и она думала да гадала, как же ей быть.

Наконец она увидела какую-то чудную, сгорбленную старушку с сучковатой палкой в руках. Согнувшись в три погибели, старушка что-то искала палкой в дорожной пыли.

— Что вы потеряли? — спросила ее Розмари.

— Два пенса!

— Дайте я помогу вам! — сказала Розмари и тоже принялась искать монетки.

Глаза у нее были молодые и зоркие, и она тут же нашла две монетки, по одному пенни каждая.

— Очень тебе благодарна, — сказала старушка. — Сама бы я никогда не нашла! А куда ты путь держишь? И зачем тебе это решето?

— Я ищу Источник-на-краю-света, — ответила Розмари. — Да, наверное, такого и нет вовсе. Мачеха велела мне принести решето воды из Источника-на-краю-света, а не принесу — мне плохо придется.

— Я знаю этот Источник, — молвила старушка, — и покажу тебе туда дорогу.

И старушка рассказала девушке, как найти Источник-на-краю-света, а та поблагодарила ее и побежала скорей дальше.

Вот пришла она к Источнику-на-краю-света, опустила возле него на одно колено и зачерпнула решетом студеной воды. Но только подняла решето, а вода вся убежала. Пробовала набирать еще и еще, но каждый раз случалось то же самое, так что под конец бедняжка села на пенек и залилась горючими слезами.

Вдруг из-под папоротника выпрыгнула большая зеленая лягушка, села против Розмари, уставилась на нее большими выпученными глазами и спросила:

— Что случилось, милая?

— Ах я бедная, бедная! — ответила Розмари. — Моя мачеха велела мне принести решето воды из Источника-на-краю-света, а я не могу!

— Что ж, — сказала лягушка, — обещаю исполнять все мои приказания целую ночь с вечера до утра, и я научу тебя, как набрать воды в решето.

Розмари с радостью согласилась, а лягушка сказала:

Глиной обмажь его, выложи мхом
И отнесешь в нем воды в свой дом.

А потом — прыг-скок и плюхнулась прямо в Источник-на-краю-света.

Розмари нашла мох, выстлала им дно решета, сверху обмазала глиной, а потом зачерпнула решетом воды из Источника-на-краю-света. И на этот раз вода не убежала. Розмари собралась было уходить домой, но тут лягушка высунула голову из Источника-на-краю-света и сказала:

— Так помни, что обещала!

— Помню, — ответила Розмари.

А про себя подумала: «Что плохого может мне сделать какая-то лягушка!»

И вот вернулась она домой с решетом, полным воды из Источника-на-краю-света. Как увидела ее мачеха, так чуть не лопнула от злости, однако ни слова не сказала.

В тот же вечер Розмари услышала тихий стук в дверь — тук-тук-тук — и чей-то голос:

Открой мне дверь, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Что это значит? — вскричала мачеха.

И Розмари пришлось рассказать мачехе обо всем, а также и о своем обещании, которое она дала лягушке.

— Девушка должна выполнять свои обещания! — сказала мачеха. — Ступай сейчас же, открой дверь!

Она была рада-радешенька, что падчерице придется повиноваться какой-то мерзкой лягушке.

Розмари встала, открыла дверь и видит — на пороге сидит лягушка из Источника-на-краю-света. Прыг-прыг, скок-скок — лягушка подскочила к ней и сказала:

На колени теперь, не боясь беды,
Возьми меня, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари не хотелось сажать к себе на колени лягушку, но мачеха приказала:

— Сейчас же возьми ее, дерзкая девчонка! Девушка должна выполнять свои обещания!

Ну, пришлось Розмари посадить лягушку к себе на колени. А та посидела-посидела и говорит:

Поддай мне обед, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Что ж, эту просьбу Розмари выполнила охотно — принесла хлеба, кувшин молока и накормила лягушку. А лягушка наелась и сказала:

Спать уложи, не боясь беды,
Меня в постель, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Ни за что! — воскликнула Розмари. — Ты такая холодная и скользкая, мне противно даже брать тебя в руки!

Но тут мачеха опять вмешалась:

— Выполняй, что обещала, милочка! Девушка должна держать свое слово! Делай, о чем тебя просят, или убирайся отсюда вместе со своей лягушонкой!

Розмари взяла лягушку в постель, но положила ее как можно дальше от себя. А когда занялся день, лягушка вот что сказала ей:

Бери топор, не боясь беды,
И голову мне руби, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

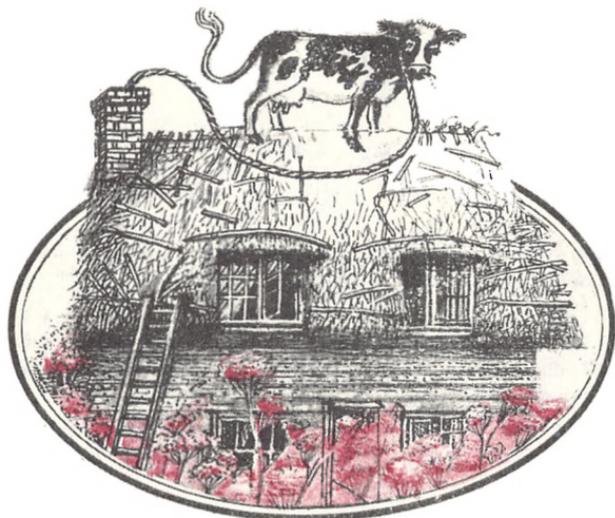
Розмари сначала не хотела исполнить эту просьбу — ведь она помнила, как лягушка помогла ей у Источника-на-краю-света. Но лягушка повторила просьбу, и тогда Розмари взяла топор и отсекла лягушке голову.

И вдруг — о чудо! — пред нею предстал прекрасный юноша. Он поведал Розмари о том, как злой волшебник заколдовал его, и добавил:

— Расколдовать меня могла только та девушка, что согласилась бы исполнять все мои приказания целую ночь, с вечера до утра, а утром отрубила бы мне голову.

Ну и удивилась мачеха, когда вместо мерзкой лягушки увидела красивого юношу! И уж поверьте мне, не по душе ей пришлось, когда юноша сказал, что хочет жениться на ее падчерице — за то, что она освободила его от злых чар. Но они все равно обвенчались и уехали от мачехи навсегда.

Три умные головы

ИЛ НА СВЕТЕ фермер с женой, и была у них одна-единственная дочка, у которой был жених, некий джентльмен. Каждый вечер он приходил к ним в гости и оставался ужинать. А дочку посылали в погреб за пивом. Вот как-то раз спустилась она вниз, принялась цедить пиво в кувшин, а сама возьми да и взгляни на потолок. И что же видит — торчит в балке топор. Верно, воткнули его туда давным-давно, но так или иначе, а раньше она его не замечала. И принялась она думать да раздумывать: «Не к добру здесь топор торчит! Вѐт поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!»

— Поставила девушка на пол свечу и кувшин, села сама на скамью и принялась плакать.

А наверху думают: что случилось, почему она так долго цедит пиво? Спустилась мать в погреб и видит: сидит дочка на скамье и плачет, а пиво уже по полу потекло.

— О чем ты? — спрашивает мать.

— Ах, матушка! — говорит дочка. — Только посмотри на этот страшный топор! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ах батюшки, горе-то какое! — И мать уселась рядом с дочкой и тоже в слезы ударилась.

Немного погодя и отец встревожился: чего это, думает, они не возвращаются. И отправился в погреб сам. Спустился и видит — сидят обе и плачут, а пиво уже по всему полу растеклось.

— Ну, что такое? — спрашивает он.

— Ах, ты только посмотри на этот страшный топор! — говорит мать. — Ну как наша дочка выйдет замуж, и будет у нее сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Ох-ох, вот дело-то... — говорит отец, усаживается рядом с ними и тоже в слезы.

Наконец джентльмену надоело одному сидеть в кухне, и он тоже спустился в погреб посмотреть, что случилось. Видит: сидят все трое рядышком и плачут-заливаются, а пиво по всему полу течет-растекается. Бросился он к крану, закрыл его, а потом и спрашивает:

— Что такое? Почему вы тут сидите все трое и плачете, а пиво по всему полу у вас растеклось?

— Ох-ох-ох, — говорит отец. — Только посмотрите на этот страшный топор! Что, если вы с нашей дочкой поженитесь, и будет у вас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его.

Тут все трое расплакались пуще прежнего. А джентльмен рассмеялся, выдернул из балки топор и говорит:

— Немало я изъездил по свету, но таких умных голов, как вы, никогда не встречал! Теперь я снова отправлюсь путешествовать, и если встречу трех таких, что еще глупее вас, вернусь и женюсь на вашей дочери.

Он пожелал им всего хорошего и отправился путешествовать. А все трое заплакали навзрыд — ведь дочка-то жениха потеряла.

Ну, пустился он в дорогу и долго бродил, пока не пришел наконец к одному дому. И видит: крыша дома вся травой поросла, к крыше приставлена лестница, и женщина заставляет подняться по лестнице корову! Бедная скотина упирается, а хозяйка знает себе подстегивает ее.

— Что вы делаете? — спросил джентльмен.

— Посмотрите! — воскликнула хозяйка. — Только посмотрите, какая на крыше сочная трава! Отчего бы корове не пасть там? Упасть она не упадет: ведь я завяжу ей вокруг шеи веревку и спущу веревку в трубу, а конец себе на руку намотаю, пока буду хлопотать по дому.

— Дура ты, дура! — сказал джентльмен. — Да ты бы скосила траву и бросила ее корове!

Но хозяйка полагала, что легче корову наверх загнать, чем траву вниз сбросить. Вот она и толкала ее, и уговаривала, и втащила корову наконец на крышу, и завязала ей вокруг шеи веревку, и спустила веревку в трубу, а конец себе на руку намотала.

Джентльмену надоело смотреть на все эти глупости, и он пошел своею дорогой. Да, выходит, одну умную голову он уже встретил!

И так он шел и шел, пока не дошел до придорожной гостиницы, где решил провести ночь. Но в гостинице народу было полным-полно, и ему дали комнату на двоих. На вторую кровать лег другой путник. Он оказался славный парень, и они подружились.

А утром, когда стали они одеваться, джентльмен очень удивился: его сосед подошел к комоду, повесил на ручку комода свои штаны, разбежался и — прыг! — да мимо, не попал ногами в штаны. Опять разбежался — опять мимо. И так раз за разом. А джентльмен глядит на него и думает: что это он затеял? Наконец тот остановился и вытер лицо платком.

— Уф! — сказал он. — Ну что это за одежда — штаны? И кто ее выдумал? Каждое утро добрый час бьюсь, чтобы попасть в них. Даже в жар бросает! А как вы управляетесь со своими?

Джентльмен так и покатился со смеху, а потом показал бедняге, как надо штаны надевать. Тот долго благодарил его и уверял, что сам он никогда бы до этого не додумался.

Да, этот тоже был умная голова!

А джентльмен снова отправился в путь. Пришел он к деревне, за деревней был пруд, и у пруда собралась толпа народу. Все шарили в воде — кто граблями, кто метлами, а кто вилами. Джентльмен спрашивает, не случилось ли какого-нибудь несчастья.

— Ну да, ужасное несчастье! — отвечают ему. — Луна упала в пруд! Ловим, ловим ее, никак не выловим!

Джентльмен рассмеялся и посоветовал дуракам искать луну не в пруду, а на небе. Но они даже слушать его не захотели и так обругали, что он поспешил оттуда подобру-поздорову.

Вот он и узнал, что на свете дураков немало, а есть и такие, что почище его невесты и ее родителей. И джентльмен вернулся домой и женился на дочке фермера.

И если они после этого не зажили счастливо, то кто-кто, а уж мы с вами тут ни при чем.

Малютка брауни

АЛЮТКА брауни жил в большом доме под названием Хилтон-Холл.

— Постойте, а кто это — брауни? — спросите вы.

Брауни — так называют в Англии домовых. Похожи они скорей всего на малюсеньких смешных человечков и бывают довольно симпатичные, но ужасно капризные. Если им вздумается, они выполняют за вас всю домашнюю работу, а нет, так только напроказят.

Рассказывают, что был в Корнуэлле один брауни, который мог за ночь намолотить зерна больше, чем сам хозяин за целую неделю. Но брался за работу этот брауни, только если ему не забыли оставить на ночь большую миску свежих сливок.

А еще один брауни — весьма знаменитый, по имени Робин Гуд, — был отчаянный озорник и большой любитель всяких проделок. Например, он любил подкрасться к какой-нибудь почтенной леди за столом и незаметно выплеснуть весь эль, который она только собиралась выпить. А то делал и похуже: отпирал конюшню и выпускал на волю всех лошадей.

Но брауни из Хилтон-Холла не был таким отчаянным проказником, как этот Робин Гуд, правда, он не был и таким добродетельным, как корнуэльльский брауни. Все у него зависело от настроения.

Когда он бывал не в духе, то не успеют в доме все уснуть, он уж тут как тут и времени зря не теряет: в сахарницы насыплет перцу, в пиво — соли, золой забросает огонь в очаге, который нарочно оставили гореть на всю ночь, да еще расплескает чистую воду, приготовленную на утро.

Ну, а если он бывал в хорошем настроении — к счастью, это случалось чаще, — то пока служанки спали, он подметал за них все комнаты, чистил очаг, разводил яркий огонь, прибирал все в кухне: скреб горшки, перетирал тарелки, мыл, скоблил, пока все в кухне не засверкает и не заблестит.

Охотней всего брауни делал это, когда служанки оставляли ему на ночь миску со сливками или ломоть хлеба с медом.

И вот случилось однажды, что служанки засиделись допоздна, рассказывая друг другу страшные истории. И когда две, самые молодые из них — помощница кухарки и горничная, — отправились наконец спать, то, поднимаясь со свечой по лестнице, они вдруг услышали в кухне легкий шум. «Что, если это брауни?» — подумали девушки.

А надо вам сказать, что брауни никто еще никогда не видел — брауни не очень-то любят людям на глаза показываться, — и девушкам страсть как захотелось на него взглянуть. Вот они спустились потихоньку с лестницы, подкрались к кухонной двери и, набравшись храбрости, приоткрыли ее.

Так и есть! В кухне оказался малютка брауни. И как вы думаете, что делал этот бесенок? Сидел верхом на крюке от длинной цепи, ввинченной в потолок, на которой подвешивают над очагом горшки, и качался как на качелях.

Качался и напевал:

О горе мне, горе!
Не упал еще в землю желудь,
Что поднимется в небо дубом,
Что пойдет на зыбкую люльку,

Что будет качать ребенка,
Что станет потом мужчиной,
Что меня отпустит на волю.
О горе мне, горе!

Девушки-служанки были добрые девушки. И пока они раздвигались, чтобы лечь спать, они успели переговорить обо всем и сошлись во мнении, что это стыд и позор — держать бедного брауни в доме против его желания. Ведь он был таким милашкой! А если иногда и проказничал, то помогал гораздо чаще. И они решили отпустить его на волю.

На другой день они спрашивали всех, кого только встречали, как им отпустить на волю малютку брауни. Но никто не знал. Наконец они спросили старую птичницу.

— Ах ты господи! — воскликнула птичница. — Да нет ничего проще!

И она рассказала им, что и как надо делать.

В соседнем городе была о ту пору ярмарка, и девушки отпра-
сились туда пойти. Каждая прихватила часть денег, которые ко-
пила себе на свадьбу, и на эти деньги они купили на ярмарке луч-
шего зеленого линкольнского сукна.

Весь следующий день они кроили и шили и сшили для брау-
ни очень миленькую зеленую накидку с капюшоном. И когда на-
ступил вечер, положили ее в кухне возле очага, а сами спрята-
лись и подглядывали в щелку.

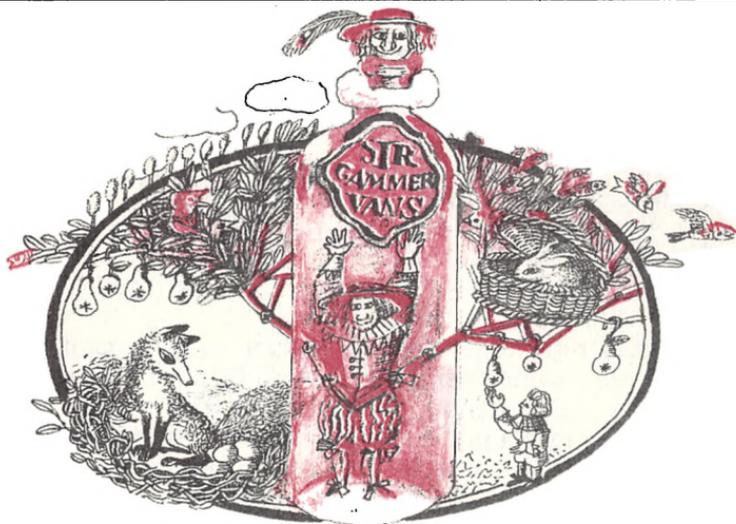
Вскоре появился брауни, нахмуренный и насупленный. Было
видно, что он пришел в плохом настроении.

Но стоило ему заметить возле очага зеленую накидку с капю-
шоном — боже ты мой, что тут началось! Он заулыбался, заухмы-
лялся, взял в руки накидку, чтобы рассмотреть ее хорошенько,
потом надел на себя и стал глядеться в начищенную медную ско-
вороду. А потом ну плясать и скакать по кухне, припевая:

Накидка моя, капюшон теперь мой,
И больше не служит вам домовой!

И так, припевая и пританцовывая, он исчез из кухни, и боль-
ше его никто никогда не видел.

Бабушкин дедушка

В ПРОШЛОЕ воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они точно, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви.

Они ответили, что точно не знают, лучше мне спросить у бабушкиного дедушки.

— А где мне найти его? — спросил я.

— Проще простого, — ответили они. — Он живет в кирпичном доме из цельных бревен, который стоит сам по себе среди шестидесяти точно таких же.

— И в самом деле проще простого, — сказал я.

— Проще не бывает, — сказали они.

И я пошел.

Бабушкин дедушка был великаном, но не просто великаном, а великаном из бутылки. Чуть что, и он лез в бутылку. Когда я пришел, он, наверное, только что выскочил из бутылки.

— Как поживаешь? — спросил он меня.

— Спасибо, очень хорошо, — ответил я.

— Хочешь со мной позавтракать?

— С великим удовольствием, — ответил я.

Он угостил меня ломтиком пива и кружкой холодной телятины, а собака сидела под столом и подбирала осколки.

— Брысь! — сказал я ей.

— За что? — сказал великан. — Она вчера поймала мне на ужин зайца. Если не веришь, пойдем, я тебе покажу.

И он повел меня в сад. В одном конце сада сидела в гнезде ли-са, высиживала орлиные яйца. Посреди сада росла железная яблоня, усыпанная спелыми грушами. А в другом конце в корзи-не сидел живой заяц, которого великан съел вчера за ужином.

Мимо пробежал олень, и я вдруг вспомнил, что в кармане у меня лежит лук. Я зарядил его порохом и пустил стрелу. Вверх взвилась стая перепелок. Говорят, я убил восемнадцать штук, но я точно знаю, что тридцать шесть, не считая копченого лосося, который пролетал в это время над мостом. И я приготовил из не-го лучший яблочный пирог, какой вам только доводилось про-бовать.

Приходите, я угощу вас!

Дочка пекаря

Ы ЗНАЕТЕ, почему сова так сердито кричит по ночам: «Уух, уух!»? Если нет, мы вам расскажем.

В былое время — то было не мое время, и не ваше время, да и ничье то время — в Англии водилось много всякой нечисти. Всякие там эльфы, паки, великаны, говорящие жабы и прочее. И, конечно, феи, которые были всеильны и всемогущи. Они часто принимали образ людей и вызывали все людские секреты. Но больше всего феи любили наказывать людей за дурные поступки и награждать за добрые.

Как-то вечером одна такая могущественная фея пришла в деревню, что в графстве Хэрфордшир, под видом простой нищенки и постучалась в дом пекаря. Дверь оказалась незаперта, и фея вошла в лавку. Там было довольно темно, пахло свежеспеченным хлебом, а в глубине полыхала жаром огромная печь. Перед печью жлопотала хорошенькая, опрятная девушка — дочка пекаря. Рядом с ней на большом низком столе грудой лежали свежие, хрустящие хлебы.

Фея залюбовалась на девушку, глядя, как она ловко вынимает из пылающей печи готовую партию хрустящих хлебов и отправляет в огонь новую. По готовым хлебам девушка постучала костяшками пальцев, чтобы проверить, хорошо ли они пропеклись, и тогда уже выложила их на низкий стол.

— Подайте кусок хлеба бедной женщине! — попросила дрожащим голосом фея, переодетая старой нищенкой.

Дочка пекаря продолжала заниматься своими хлебами, едва удостоив старушку взглядом. Немного погодя, не сказав старуш-

ке доброго слова, девушка оторвала кусок сырого теста и бросила ей.

— Но у меня в хижине нет огня, чтобы испечь его,— сказала старушка, подняв с пола этот кусочек теста.— Разреши мне положить его вместе с твоими хлебами в печь.

Дочь пекаря была слишком большая гордыня, чтобы отвечать какой-то там нищей старушонке. Однако, когда пришла пора отправлять в печь новую партию хлебов, она разрешила старушке положить на деревянную лопату и ее кусочек теста.

Когда же хлебы подрумянились и девушка вытащила их из печи, оказалось, что из маленького кусочка получился самый большой и самый румяный хлеб. Нищенка протянула к нему руку, но девушка оттолкнула ее.

— Уходи, грязная попрошайка! — крикнула она. — Это не твой хлеб!

И сколько старушка ни просила, девушка ни за что не хотела отдать хлеб, а вместо этого бросила фее кусочек сырого теста, даже меньше первого. Но когда старушка сунула его в печь, он тоже превратился в большой и румяный хлеб, еще больше и румяней первого.

Да только девушка опять не позволила старушке взять этот хлеб и опять хотела прогнать ее, но старушка попросила дать ей последний, третий кусочек теста, чтобы попытать счастья. И девушка бросила ей совсем крохотный комочек, даже не взглянув на старушку. А напрасно...

Как мы уже говорили, дочь пекаря была слишком большая гордыня, чтобы глядеть на какую-то там старушонку. А если бы она поглядела, когда в третий раз вынула из печи большущий, румяный хлеб, что получился из крохотного комочка теста, который она бросила нищей старушонке в третий раз, она бы не оттолкнула ее и не крикнула, заикаясь от злости: «Уух... уух... уходи!», а заметила бы необычайную перемену, какая вдруг произошла в старой нищенке.

Из сгорбленной старушки она превратилась в высокую молодую женщину, вместо рваного тряпья с ее плеч спускалась блестящая мантия, а кривая клюка превратилась в сверкающую волшебную палочку.

Но девушка вовремя не поглядела на нее, а вынув из печи большой, румяный хлеб, грубо оттолкнула фею и крикнула, заикаясь от злости:

— Уух... уух...

Но не успела закончить, как превратилась вдруг в серую сову и с громким «уух, уух!» вылетела в окно.

Вот, теперь вы знаете, отчего совы так сердито кричат: «Уух! Уух!»

Кто-всех-одолеет

ИЛ НА СВЕТЕ старый король. Он был богатый король. У него даже была своя придворная колдунья, и король очень гордился чудесами, какие могла творить эта колдунья.

И вот однажды король велел отправить во все концы королевства послание с обещанием отдать свою младшую дочь и полкоролевства в придачу тому, кто одолеет королевскую колдунью. Но с условием, что если кто за это возьмется, да не выполнит, тому голову с плеч.

А в этом королевстве жили три брата. Звали их Билл, Том и Джек. Родители их были бедные люди, и вся семья ютилась в убогой хижине, что стояла в самом глухом уголке королевства.

Когда до них долетела королевская весть, все трое братьев решили попытаться счастья.

Первым собрался в дорогу старший брат, Билл. Путь был дальний, и мать приготовила ему с собой побольше еды.

И вот Билл покинул родительский дом и шел, пока не встретил седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Билл,— приветствовал его старичок.

— Утро как утро,— ответил Билл.

— Куда путь держишь?— спрашивает седой, сгорбленный старичок.

— А тебе что?

Вот так ответил Билл, и пошел дальше, и добрался наконец до королевского дома, и вызвал к себе короля.

— Ты зачем пришел?— спрашивает его король.

— Да вот хочу попытать — может, сумею одолеть вашу колдунью, — отвечает Билл.

Тогда король говорит:

— Что ж, начнем испытание, — и зовет свою колдунью. — Посмотрим, кто кого одолеет!

— Да тут и смотреть не на что, — говорит Билл, окидывая взглядом сухонькую, маленькую старушонку.

Лучше б он подумал, прежде чем говорить такие дерзости. Тяжелей каменной башни навалилась на него злая колдунья, эта сухонькая, маленькая старушонка. А что тут удивительного? Она была много старше его, ей уж, наверное, стукнуло не одну тысячу лет. Ну и, само собой, колени у бедного Билла подкосились, и он рухнул на землю.

И вот второй брат, Том, собрался в дорогу к королевскому дому. И мать сказала ему:

— Не ходи, Том, вдруг ты тоже не вернешься.

— Нет уж, раз решил, то пойду, — сказал Том.

Мать приготовила ему еды, и он отправился в путь, и тоже повстречал седого, сгорбленного старичка, и дальше с ним случилось все то же самое, потому что он не захотел сказать старичку, куда держит путь. Король так же, как и в тот раз, позвал свою колдунью и сказал Тому: кто кого одолеет, тот и победитель. И еще, если Том хочет, то может выставить вместо себя кого-нибудь другого. Но Том окинул взглядом сухонькую, маленькую старушонку и дерзко выступил вперед. Ну и, само собой, с ним случилось то же, что и со старшим братом.

Настал черед Джеку идти к королевскому замку. И он попросил матушку приготовить ему в дорогу еды. Но матушка сказала:

— Не ходи, Джек, сыночек! Ты единственный у нас остался.

Но Джек сказал, что он должен пойти. Мать так горько плакала, что никакой еды ему в дорогу не приготовила. И он взял с собой лишь сухой хлеб и отправился в путь.

Вскоре он тоже повстречал седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Джек, — приветствовал его старичок.

— Доброе утро, батюшка, — говорит Джек, — доброе утро, дядюшка.

— Куда путь держишь, Джек?

— Да вот иду корабль, который посуху пойдет, дядюшка. Не хочешь ли позавтракать со мной, батюшка?

— Сначала возьми вот эту палку, Джек, — говорит старичок, — ступай по той самой дороге, какой я пришел сюда. Иди, пока не дойдешь до чистого источника. Опусть в источник эту палку и держи, пока вода в источнике не обратится в вино. На бе-

регу ты найдешь серебряный кувшин и кубок. Дальше сам догадайся, что тебе делать. А к тому времени, как ты вернешься сюда, корабль будет готов.

Что ж, Джек пошел и без труда отыскал чистый источник, опустил в него волшебную палку и держал ее там, пока вода не обратилась в вино. Наполнил серебряный кувшин вином и вернулся к старичку. Они вместе позавтракали сухим хлебом и запили его вином. А корабль на колесах был уже готов, и старичок сказал:

— Садись на этот корабль, Джек, скажи: «Пльви, мой корабль, пльви!» — и корабль поплывет. Да не забудь, ты должен сажать на свой корабль всякого, кого повстречаешь по дороге к королевскому дому. И еще помни: каждого, кто сядет на твой корабль, ты должен спросить, как его зовут.

Вот Джек сел на корабль и сказал:

— Пльви, мой корабль, пльви!

И корабль поплыл. Когда они проплывали через высокие горы, Джек увидел человека, который спиной валил толстенные деревья. Джек удивился и спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-одолеет!

— Кто всех одолеет? Конечно, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-одолеет сел на корабль, и дальше они поплыли вместе. Когда они проплывали через зеленый луг, Джек увидел большое стадо и человека, который хватал и ел подряд без разбору и свиней, и овец, и коров.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-съест!

— Кто всех больше съест? Наверное, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-больше-съест сел на корабль, и дальше они поплыли втроем. Когда они спустились в лощину, Джек увидел человека, который опустошал подряд все источники и ручьи.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-выпьет!

— Кто всех больше выпьет? Пей себе на здоровье! Хочешь ехать с нами?

Кто-всех-больше-выпьет сел на корабль, и Джек сказал:

— Пльви, мой корабль, пльви!

И корабль поплыл дальше. Потом Джек увидел бегущего человека. Сначала человек бежал на одной ноге, потом на другой. Джек спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-перегонит!

— Кто всех перегонит? Ну, ясное дело, ты! Садись к нам на корабль.

Кто-всех-перегонит тоже сел на корабль, и они поплыли прямо, пока не доплыли до человека, который стоял с ружьем и целился вверх, словно хотел подстрелить зайца в небе.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-дальше-стреляет!

— Кто всех дальше стреляет? Надеюсь, ты! — говорит Джек. — Поедем с нами!

Меткий стрелок тоже сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И они поплыли дальше, пока не доплыли до человека, который смотрел вдаль, приложив руку ко лбу.

— Эгей, как тебя зовут? — спросил Джек.

— Кто-всех-дальше-видит!

— Кто всех дальше видит? Наверное, ты! Поедем с нами.

Кто-всех-дальше-видит сел на корабль, и они поплыли дальше, пока не приплыли к королевскому дому. И Джек крикнул:

— Эгей!

Из дома вышел король и спросил:

— Ты зачем пожаловал?

Джек сказал:

— Хочу попытаться счастья — может, сумею одолеть вашу колдунью и завоевать сердце младшей леди принцессы.

— А ты помнишь условие: если ты или твои помощники не одолеют мою колдунью, голова твоя слетит с плеч? — спрашивает король.

— Как же, помню! — ответил Джек.

— Что ж, тогда начнем испытание, — говорит король и зовет свою старую колдунью.

А Джек позвал Кто-всех-одолеет, и первое испытание кончилось вничью, как вы, наверное, и сами догадались.

— Что ж, — говорит король, — а теперь: кто больше съест?

Джек недолго думая позвал своего друга Кто-всех-больше-съест.

Сначала им привели быка, и Кто-всех-больше-съест вмиг его проглотил. Потом двух коров, потом несколько свиней и, наконец, полдюжины овец. Кто-всех-больше-съест мигом проглотил их, пока старая колдунья еще только с быком возилась.

— Молодец, — сказал король. — А вот выпить больше, чем моя колдунья, тебе не удастся!

— Попытаемся, — сказал Джек и позвал своего приятеля Кто-всех-больше-выпьет.

И тот выпил сначала ручей, потом озеро и добрался вскоре до реки. Но королю было жалко реку, и он сказал:

— Все ясно. А кто кого перегонит?

Джек позвал Кто-всех-перегонит, король дал ему и своей колдунье по яичной скорлупе и велел добежать до океана, зачерпнуть соленой воды и вернуться назад. Кто-всех-перегонит добежал, конечно, первым, зачерпнул соленой воды, побежал назад и на полдороге встретил старуху колдунью еще с пустой скорлупой.

— Ох, устала, — сказала колдунья.

— Я тоже, — сказал он.

— Давай посидим отдохнем, — предложила она, — не стоит надрываться ради других.

Они выбрали уютную зеленую лужайку и сели отдохнуть.

— Ты положи голову вот сюда, — говорит старуха, — да поспи часок.

А надо вам сказать, что у старой колдуньи в кармане была такая волшебная косточка, которую стоило подложить спящему под голову, и он не проснулся бы, пока эту косточку опять не забрали бы. И вот колдунья дождалась, когда Кто-всех-перегонит крепко заснул, и сунула ему под голову эту косточку. Потом перелила морскую воду из его скорлупы в свою и побежала назад к королевскому дому.

А Джек уже начал беспокоиться и попросил своего друга Кто-всех-дальше-видит посмотреть, где же Кто-всех-перегонит. Кто-всех-дальше-видит поднес руку к глазам и сразу увидел его.

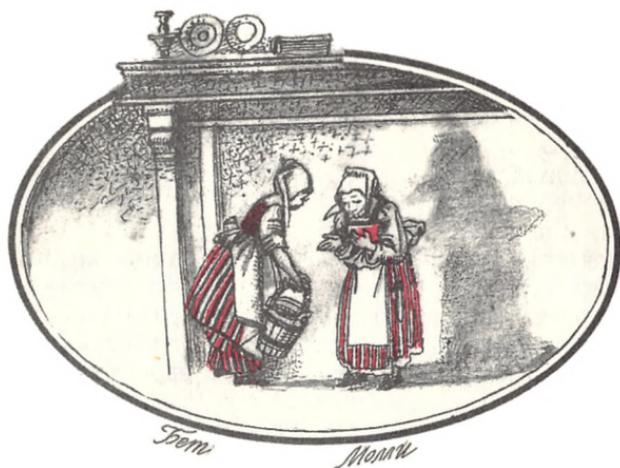
— Он спит на зеленой лужайке на полдороге отсюда, а под головой у него лежит волшебная косточка. Если ее не убрать, он не проснется.

— Кто-всех-дальше-стреляет! — позвал Джек. — Выстрели и вышиби эту косточку! — попросил он.

Кто-всех-дальше-стреляет выстрелил, вышиб косточку, и Кто-всех-перегонит тут же проснулся. Проснулся, вскочил на ноги, схватил пустую скорлупу, добежал до океана, набрал соленой воды и на полпути назад нагнал старуху колдунью. Он нарочно толкнул ее под руку, и злая колдунья разлила всю соленую морскую воду.

А какой конец у этой истории, вы, наверное, и сами догадались. Джек и младшая принцесса обручились скорей, чем успела вернуться в королевский замок старая колдунья. И когда я уходил от них, они были очень довольны и счастливы.

Воду Заперли

ПАВНЫМ-ДАВНО на ферме возле Тавистока работали две девушки, Бет и Молли. А вы, наверное, знаете, что в давние времена во всем Девонширском графстве вряд ли нашелся бы хоть один дом без своего домового, или, как их еще звали, брауни.

Встречались еще разные паки, эльфы и водяные, но они не очень-то походили на домовых. А помните хилтонского брауни? Вот вроде него!

Бет и Молли были девушки прехорошенькие и обе очень любили потанцевать. Но вот что было странно: у других девушек, например, частенько не хватало денег даже на цветную тесьму или на новые ленты и гребешки для волос. Бывало, они из-за этого нет-нет да и всплакнут украдкой. А у Бет и у Молли всегда находился лишний пенни, и они что хотели, то и покупали у деревенского коробейника.

И никто не мог у них выпытать, откуда они берут на это денежки. Это был их секрет! А выдать секрет — значит вспугнуть удачу; уж кто-кто, а они хорошо это знали.

Каждый вечер, перед тем как идти наверх спать, они ставили перед каминной решеткой в кухне низкое деревянное ведро с водой. Наутро ведро оказывалось пустое, а вместо воды на дне его лежала серебряная монетка. Только, конечно, никто, кроме них, не знал про это.

Как-то раз девушки вернулись с танцев очень поздно и сразу легли спать. Вдруг Бет услышала шум, словно кто-то колотил маленькими кулачками в кухонную дверь. Она села на кровати и прислушалась. Стук раздался снова, и она различила громкие высокие голоса:

— Воду заперли! Воду заперли!

— Проснись, Молли! — зашептала Бет, тряся Молли за плечо. — Это, наверное, наши брауни. Мы забыли оставить им воду.

Но Молли в ответ только повыше натянула на голову одеяло и сказала, что ни за что на свете не вылезет из теплой постели даже ради всех брауни со всего Девоншира.

Бет посидела, послушала, как брауни стучат в дверь и кричат, и, наконец, сама встала с постели и спустилась вниз.

В кухне она никого не увидела, но по углам кто-то шуршал и шептался тоненькими голосками. Она сняла крышку с большой бочки и стала переливать из нее воду в низкое деревянное ведро. А пока переливала, все время прислушивалась, о чем шепчутся по углам брауни. Оказывается, речь шла о том, как наказать Молли за то, что она не захотела вылезать из теплой постели «даже ради всех брауни со всего Девоншира».

Один сказал, что ее надо за это несколько раз ущипнуть побольней. Другой захотел, чтобы она ослепла на один глаз. Брауни долго спорили и наконец сошлись на том, что самое худшее для Молли наказание — чтобы она больше не могла танцевать!

И они решили сделать ее хромоножкой на семь лет. Через семь лет с нее можно будет снять это наказание, но для этого потребуется трава со странным названием «кискиласкибрысь».

Так все и сказали, громко и по слогам:

— Киски-ласки-брысь!

Услышав, какое ужасное наказание грозит Молли и какое длинное название у травы, которая поможет снять это наказание, Бет очень испугалась. Она испугалась, что тут же забудет это длинное и странное слово и тогда не сумеет помочь бедной Молли.

Поэтому она скорее побежала вверх, в спальню, все время повторяя про себя это слово, и стала будить Молли, чтобы сказать это слово ей. Но Молли не хотела просыпаться. И чем больше Бет трясла ее за плечо, тем выше Молли натягивала себе на нос одеяло.

А когда утром Бет проснулась, она не могла вспомнить ни одной буквы из этого слова.

Так бедная Молли стала хромоножкой.

Прошли семь лет, и однажды Молли гуляла одна далеко от дома в поле. Вдруг она увидела посреди поля большой гриб. Она наклонилась, чтобы сорвать его, но гриб подпрыгнул и обернулся чудным маленьким человечком. Человечек выкрикнул какое-то чудное длинное слово, которое Молли никогда раньше не слышала, и стегнул ее по больной ноге какой-то чудной длинной травой.

— Кискиласкибрысь! — выкрикнул человечек, и Молли тут же перестала хромать и побежала домой бегом.

С того дня они с Бет опять стали ходить на танцы.

Дьявол и портняжка

ИЛИ НЕКОГДА в Клітру, что в графстве Ланкашир, бедный портняжка. Работал он на совесть, но, сколько ни старался, никак не мог вылезти из нужды.

Когда дела его пошли совсем худо, бедняга решил продать свою душу дьяволу. Кто мог его за это упрекнуть? Как всякому человеку, ему хотелось хоть немного денег и радости на этом свете, а что будет на том — это уж неважно.

Бедняга портной в точности разузнал, что и как надо делать. Написал письмо, в котором соглашался отдать дьяволу душу через пятнадцать лет, и, перед тем как лечь спать, положил письмо под подушку. На другое утро вместо письма он нашел там полкроны. Портной знал, что эти полкроны были задатком, и если взять задаток, значит, он согласен на сделку.

Он взял эти деньги, и, хоть они были и невелики, он все же радовался, предвидя лучшие времена. Теперь-то он уж больше не будет голодать и холодать! Скоро он купит себе все, что только пожелает, поселится в большом доме, будет есть вволю. И даже попивать винцо!

Так думал бедняга портной.

Но увы! Время шло, и, хотя сделка состоялась, не было ему ни удачи, ни доходов — ничегошеньки, о чем он мечтал. Как был неудачником, так и остался. Ножницы его затупились, иглу он потерял, сукно все посекалось, а заказчики либо скупились, либо вовсе забывали платить ему за работу.

Словом, все обстояло по-прежнему.

«Эх, зря я продал дьяволу душу», — с досадой думал портняжка.

Но понемногу он начал забывать, что писал когда-то дьяволу письмо и брал задаток, чтобы скрепить сделку.

И вот однажды сидел он, как всегда скрестив ноги, на низком столе, как вдруг раздался громкий стук в дверь, и в дом вошел очень высокий черноволосый незнакомец. Портной вскочил, потирая руки, — он подумал, что перед ним богатый заказчик.

— Желаете пару новых бриджей, сэр? — спросил он.

— Нет, дело не в бриджах, — ответил незнакомец глухим низким голосом.

— Имеется миленький шелк в цветочек, сэр, коли желаете заказать новый жилет, — продолжал портной.

— Нет, я пришел не за жилетом, — сказал незнакомец.

Портного начал разбирать страх, и он кое-что припомнил:

— Есть еще з-з-зеленое с-с-сукно... б-б-бутылочного цвета, ваша с-с-светлость... на пальто.

Тут незнакомец потерял всякое терпение, шагнул прямо к портному, схватил его за шейный платок и сказал:

— Не узнаешь меня? Настал срок расплаты! Я пришел за тобой!

И с этими словами дьявол — а это был не кто иной, как он, — потащил беднягу из дому. Портняжка взмолился о пощаде. Он рассказал дьяволу, какую жалкую жизнь он влачил, как и то у него было плохо, и это, и вообще все вразлад шло, и никакой радости от этой сделки за все эти долгие годы он не видел.

— Ах, ваше величество, неужели под конец вы не выполните хотя бы одно мое желание! — воскликнул бедный портной, когда они были уже на пороге. — Всего одно желание!

Что ж, про себя дьявол хорошо знал, что поступил не очень-то честно, и, когда портной повторил свою просьбу, он в конце концов уступил.

— Ладно, одно желание, — проворчал он, — но быстро!

Застигнутый врасплох портной озирался по сторонам, не зная, что придумать. Пробыл его последний час. Что же ему пожелать?

Но единственное, что ему попало на глаза, была старая кляча, серая в яблоках, щипавшая траву на лугу перед домом. Он поднял взгляд на зловещего незнакомца и вдруг выпалил:

— Желаю, чтобы ты вскочил на эту серую клячу и убрался восвояси и никогда больше не пугал бы бедных людей!

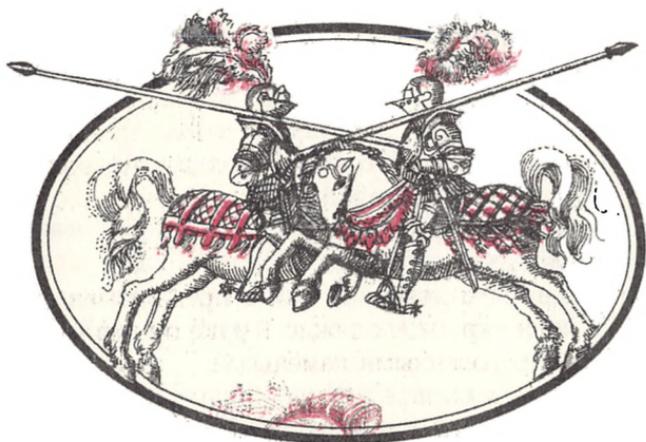
Не успел портной это выговорить, как дьявол, дико вскрикнув, выпустил из рук его шейный платок и через миг уже сидел на сером коне, который мчал его по дороге.

А самое главное — больше никто никогда дьявола и в глаза не видел, во всяком случае в Ланкашире.

Только это еще не конец истории. Как вы сами можете догадаться, про этот случай скоро стало всем известно. И со всех концов страны в Клитру начали стекаться любопытные, желавшие поглядеть на человека, перехитрившего самого дьявола, и услышать всю историю из его собственных уст.

Вскоре у портного появилось заказчиков хоть отбавляй. И он зажил богато и весело. А для своей новой мастерской он заказал вывеску, на которой была нарисована вся эта история — в общих чертах, конечно. И если вы поедете в Клитру, то, наверное, ее там увидите.

Волшебный рог

ДАВНИЕ времена жил в Англии один рыцарь. На щите у него был изображен страшный крылатый дракон, но, как вы сейчас сами увидите, это ему не помогло. Однажды этот рыцарь охотился вдали от Глостера и заехал в дремучий лес, где водилось много кабанов, оленей и других диких зверей. В лесу посреди поляны стоял невысокий холм. На нем всегда отдыхали усталые рыцари и охотники, когда их мучила жара или жажда.

Но место это было не простое, а волшебное. И уж так повелось, что путник мог подняться на этот холм только в одиночку. Свою свиту он должен был оставлять внизу.

Когда рыцарь с крылатым драконом на щите ехал по лесу, ему повстречался дровосек. И дровосек посоветовал рыцарю:

— Поднимись на холм и скажи, будто перед тобой стоит кто: «Хочу пить!» И тотчас пред тобой предстанет виночерпий со светлым челом, в богатой темно-красной одежде. Он протянет тебе большой рог, украшенный золотом и самоцветами,— так в древности украшали рога наши предки. Рог будет до краев полон неведомым душистым напитком. Стоит лишь отведать его, как жажда и усталость покинут тебя, и ты снова сможешь отправиться в путь. А когда ты осушишь рог, виночерпий протянет тебе полотенце, чтобы отереть рот, и, не дожидаясь ни вопросов, ни благодарности, исчезнет.

Рыцарь с крылатым драконом на щите только посмеялся расказу дровосека.

«Найдется разве такой глупец, — подумал он, — что, завладев однажды столь прекрасным рогом, сам, по своей воле расстанется с ним!»

Но когда в тот же день он, усталый, возвращался с охоты домой и его мучили жара и жажда, он вспомнил про чудесный холм и волшебный рог. Он отослал своих спутников и один отправился на то место. Он сделал все, как научил его дровосек: поднялся на холм и громко сказал:

— Хочу пить!

И тотчас пред ним появился, как и предсказывал дровосек, виночерпий в темно-красной одежде. В руке он держал большой рог, усыпанный драгоценными камнями.

Так и зыграла в рыцаре алчность, как увидел он этот рог. Он схватил его и пригубил нежнейший напиток, — тот будто зажег ему кровь. Но не сделав и глотка, рыцарь решил: вот только осушит рог и похитит его.

Он выпил весь напиток до капли и вместо того, чтобы вернуть рог виночерпию — так подобало бы поступить благородному рыцарю, — спустился с холма и бросился бежать.

Теперь слушайте, какая судьба постигла этого рыцаря, что носил на своем щите крылатого дракона, но потерял рыцарскую честь и украл чудесный рог!

В те времена у волшебного холма имел обычай останавливаться граф Глостерский, — чтобы утолить жажду из волшебного рога и отдохнуть. И вот он узнал, что бесчестный рыцарь нарушил этот добрый обычай. Граф напал на нечестивца в его же замке и в честном бою убил его. А потом забрал чудесный рог. Но увы! Граф не вернул рог волшебному виночерпию, а отдал его своему государю и повелителю королю Генриху Старшему.

И с тех пор вы можете хоть весь день простоять на волшебном холме и повторять: «Хочу пить!» — вам уж не придется отвечать из волшебного рога.

Рыба и перстень

ГРАФСТВЕ Йоркшир, что лежит на севере страны, жил некогда могущественный барон. Он был великий волшебник и умел предсказывать будущее. Вот как-то раз, когда его сыну минуло всего четыре года, барон заглянул в Книгу Судеб и прочел в ней, что сын его женится на простой девушке, которая только что родилась в доме близ Йоркского собора. Барон узнал также, что отец этой девушки очень-очень беден, и что детей у него и так уже пятеро.

Он с гневом захлопнул черную книгу, велел подать себе коня и поскакал в Йорк. Там он проехался мимо дома бедняка. А тот в это время сидел у своего порога, грустный и печальный.

Барон соскочил с коня, подошел к этому человеку и спрашивает:

— Что у тебя случилось, любезный?

— Ах, ваша честь, — отвечает бедняк, — дело в том, что у меня уже пятеро детей, а только что родилась еще девочка. Откуда же мне взять столько хлеба, чтобы прокормить их всех? Ума не приложу!

— Не падай духом, приятель! — сказал барон. — Если только в этом твоя беда, я тебе помогу. Заберу твою последнюю малютку с собой, и тебе не придется больше о ней заботиться.

— Премного вам благодарен, сэр, — ответил человек.

Пошел в дом, вынес девочку и отдал ее барону, а тот вскочил на коня и поскакал с нею прочь. Когда же достиг он берега реки Уз, он бросил малютку в воду, а сам поскакал дальше к своему замку.

Но девочка не утонула, — пеленки держали ее на воде, и она все плыла и плыла, пока ее не вынесло на берег перед хижинкой

одного рыбака. Рыбак нашел малютку, сжалился над ней и отнес к себе в дом.

Так она и жила у него, не зная горя, пока не исполнилось ей пятнадцати лет и она не стала стройной и прекрасной девушкой.

И вот случилось однажды, что барон ехал со своими друзьями берегом реки Уз на охоту и остановился у хижины рыбака, чтобы утолить жажду. Девушка вышла к охотникам с водой, и они тут же увидели, что она очень хороша. А один из друзей барона сказал:

— Барон, вы умеете предсказывать судьбу, как вы думаете, за кого выйдет замуж эта девушка?

— Э-э, нетрудно догадаться, — ответил барон, — за какого-нибудь мужлана. Но я все же составлю ее гороскоп. Подойди-ка сюда, милая! Скажи мне, в какой день ты родилась?

— Не знаю, сэр, — ответила девушка. — Меня подобрали вот на этом самом месте лет пятнадцать назад. Река принесла меня сюда.

Тут барон понял, кто она такая. И когда все поехали дальше, он вернулся и сказал девушке:

— Послушай, милая, хочешь я сделаю тебя счастливой? Отнеси вот это письмо моему брату в Скарборо, и ты на всю жизнь будешь устроена.

Девушка поблагодарила барона и взяла письмо. А в письме было написано вот что:

«Дорогой брат!

Схвати подательницу сего и немедленно предай ее смерти.

Любящий тебя

твой ХЭМФРИ».

Вот вскоре девушка отправилась в Скарборо и остановилась переночевать на постоялом дворе. А как раз в эту ночь туда ворвались грабители. Они увидели девушку и обыскали ее, но денег при ней не нашли, а только письмо. Они его вскрыли, прочли и решили, что это предательство, — стыд и позор убивать беззащитную девушку! Вожак шайки взял перо и бумагу и написал так:

«Дорогой брат!

Прими подательницу сего и немедленно выдай ее замуж за моего сына.

Любящий тебя

твой ХЭМФРИ».

Потом отдал это письмо девушке и пожелал ей счастливого пути. И она пошла в Скарборо к брату барона — благородному рыцарю. А у него в то время гостил сын барона. Девушка передала письмо брату барона, и тот распорядился немедленно готовить свадьбу. В тот же день свадьбу и сыграли.

А через несколько дней и сам барон приехал в замок брата. Ну и удивился он, когда узнал новости! Больше всего на свете он боялся этой свадьбы, — и вот она свершилась.

«Ну, ничего, я так просто не сдамся!» — решил барон и предложил девушке погулять с ним по скалистому берегу. А как только они остались одни, барон схватил девушку за руку и хотел было сбросить в море.

— Пощадите меня! — взмолилась девушка. — Я ни в чем не виновата. Отпустите меня, и я сделаю все, что вы пожелаете. Клянусь вам, я не увижусь больше ни с вашим сыном, ни с вами, пока вы сами этого не захотите.

Тогда барон снял с руки золотой перстень, бросил его в море и сказал:

— Без этого перстня не смей показываться мне на глаза! И отпустил ее.

Бедная девушка все шла и шла, пока не добралась, наконец, до замка одного знатного вельможи. Тут она попросила дать ей хоть какую-нибудь работу, и ее оставили в замке судомойкой, — ведь она привыкла к этой работе еще в хижине рыбака.

И надо же было так случиться, что в один прекрасный день в этот замок приехали — кто бы, вы думали? Да сам барон, его брат и сын барона — ее муж! Она просто не знала, что ей делать, и только надеялась, что в кухне замка они ее не увидят.

Со вздохом принялась она за свою работу и стала потрошить огромную рыбу, которую ей велено было приготовить к обеду. И вдруг в желудке у рыбы что-то сверкнуло. Перстень! Тот самый, что барон бросил в море со скалы в Скарборо. Ах, как девушка обрадовалась! Она постаралась приготовить рыбу повкуснее и подала ее на стол.

Слушайте же, что было дальше. Гости отведали рыбы, и она так понравилась им, что они спросили хозяина дома, кто ее готовил. Хозяин ответил, что не знает, и приказал слугам:

— Эй, вы, пришлите-ка сюда повариху, которая готовила эту рыбу!

Слуги спустились в кухню и сказали девушке, что ее требуют в зал. Вот она принарядилась, надела на палец золотой перстень барона и поднялась в зал.

Гости так и ахнули, когда увидели юную и прекрасную повариху. Только барону пришлось это не по душе. Он вскочил из-за стола и готов уж был броситься на девушку, но она подошла к нему с протянутой рукой, сняла с руки перстень и положила перед ним.

Тут барон понял, что от судьбы не уйдешь. Он усадил девушку за стол и объявил всем собравшимся, что она его невестка и верная жена его сына. А потом увез ее и сына домой, в свой замок, и с тех пор все они жили — не тужили и никогда не пили из пустой бутылки.

Джек Хэннефорд

ИЛ НА СВЕТЕ старый солдат. Долго пришлось ему воевать — так долго, что под конец он совсем обносился и не знал, куда податься, чтобы раздобыть деньжонок. Взбирался он на вересковые холмы, спускался в долины, пока не пришел, наконец, к одной ферме. Хозяина в то время не случилось дома: он уехал на ярмарку. Оставалась только его жена, а была она дура душой. Правда, и сам фермер умом не отличался. Трудно даже сказать, кто из них был глупее. Ну, да когда вы услышите всю историю, вы сами это решите.

Так вот, уезжая на ярмарку, фермер сказал жене:

— Я, наверное, до ночи не вернусь. Кто его знает, что может случиться по дороге? Возьми-ка ты лучше наши десять гиней и схорони их в надежном месте!

Он вынул из кармана все свои сбережения — десять золотых — и отдал их жене.

Не будь человек этот набитым дураком, никогда бы он не оставил деньги жене! Но что сделано, то сделано. Покатил он в своей телеге на ярмарку, а жена и говорит себе:

— Уж я схороню эти денежки от воров!

Взяла носовой платок, завязала в него десять золотых гиней, достала мешковину, завернула в нее платок и спрятала узелок в щель над камином.

«Теперь пусть кто угодно приходит! — подумала она. — Уж сюда-то заглянуть не догадается!»

А в это самое время подходит к дому старый солдат Джек Хэннефорд и стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает фермерша.

— Джек Хэннефорд.

— Откуда идешь?

— Из рая.

— Господи помилуй! Так ты, верно, видел там моего покойного старика?

Она имела в виду своего первого мужа, — ведь фермер женился на ней, когда она овдовела.

— Как не видеть, видел, — отвечает солдат.

— Ах! Ну, как он там? — спрашивает фермерша, а сама уже расчувствовалась.

— Да так себе. Чинит старые башмаки святым да ангелам. А на обед — одна капуста.

— Ой, бедняжка! — говорит фермерша. — А не просил он мне что-нибудь передать?

— Как же! — говорит Джек Хэннефорд. — Сказал, что кожа у него вся вышла, а в карманах пусто. Значит, не мешало бы тебе послать ему несколько шиллингов, — было бы на что кожей запастись.

— Пошлю, пошлю! Благослови, господи, его грешную душу...

И вот фермерша подошла к камину, достала узелок с десятью золотыми и отдала его солдату.

— Передай моему старику, — говорит, — чтобы он взял из этих денег, сколько надо, а остальные назад прислал.

Получив деньги, Джек не стал долго раздумывать и поспешил поскорей убраться с фермы.

Тем временем вернулся домой хозяин и спросил жену про деньги. Та рассказала ему, что отослала их с одним служивым на небо, в рай, своему покойному мужу, чтобы тот купил себе кожи — святым да ангелам башмаки чинить.

— В рай?! — воскликнул фермер. — В рай! Да где это ты видела, чтобы так вот запросто ходили в рай и обратно, будто на Ипсвичскую ярмарку? Ах, дура ты, дура! Да и я хорош, — доверил тебе деньги!

Но препираться было некогда. Вскочил фермер на коня и пустился в погоню за Джеком Хэннефордом. Услышал старый солдат стук копыт на дороге и смекнул, что это фермер за ним гонит-

ся. Улегся он на землю, одной рукой глаза прикрыл и в небо уставился.

— Что ты тут делаешь, приятель? — спрашивает его фермер, придерживая коня. — Почему ты на небо смотришь?

— Видишь? Видишь? — говорит Джек.

— Где? Ничего не вижу!

— Да смотри, вон человек на небо летит, словно по земле бежит! Ложись рядом со мной и тоже увидишь.

— А ты коня моего поддержишь?

Джек с радостью согласился.

Вот фермер улегся в пыли и стал глядеть в небо.

— Что-то ничего не вижу, — говорит.

— А ты прикрой глаза ладонью и сразу увидишь, как человек во весь дух летит куда-то.

И в самом деле фермер увидел, как человек куда-то летит во весь дух. А был это Джек Хэннефорд! Он вскочил на коня — и наутек.

Вернулся фермер домой пешком, без коня.

— Вот видишь, — сказала ему жена, — выходит, ты еще глупее меня. Я одну глупость сделала, а ты две!

Сон коробейника

ДЕРЕВНЕ Софэм, что в графстве Норфолк, жил коробейник Джон. Семья его была невелика: он сам, его жена да трое детей. Жили они бедно, в убогом домишке, и как ни старался Джон, а разбогатеть им все не удавалось. Не получилось из него настоящего торговца, — слишком он прост был для этого дела, слишком честен, не умел выколачивать последние денежки из бедняков, которым продавал на ярмарках и базарах свои товары.

День за днем шагал Джон по дорогам со своим мешком за спиной. Продавал булавки и кружева, ленты и платки всем, кто хотел их купить, да распевал на деревенских ярмарках старинные песни и баллады.

Но вот в какой-то год весна выдалась поздняя, а когда она, наконец, пришла, задул такой ветер, полили такие дожди, что бедняга Джон почти совсем не мог бродить по дорогам с товаром.

Тяжелое времечко это было для Джона и его жены. Им едва удавалось прокормить и одеть своих троих детей. У сына не было башмаков, не в чем было на улицу выйти. А дочки выросли из своих платьев, — хочешь не хочешь, а доставай новые.

— Ума не приложу, как нам быть! — со вздохом сказала жена коробейника в одно дождливое утро. — И не придумаю... Придется, видно, тебе, Джон, наняться в работники на ферму. Торговлей много не заработаешь в нынешний год.

— В этакую погоду на ферме тоже делать нечего, — ответил коробейник. — Но вот что я тебе скажу, жена! Пойду-ка я в Лондон, как только прояснеет.

— В Лондон? — воскликнула жена. — А что тебе там делать? Хочешь разбогатеть, что ли? Да эти лондонские жулики тебя дочиста ограбят! Что это тебе взбрело в голову — в Лондон идти?

— Так и быть, — ответил коробейник, — расскажу тебе все. Прощлой ночью, когда барабанил по крыше дождь, я не мог заснуть и все думал да ломал себе голову, как нам быть. Просто места себе не находил. А когда, наконец, заснул, приснился мне чудесный сон. Ей-богу, чудесный, жена!

— Ты, верно, видел во сне, что с неба в камин свалился шкаф, набитый новой одеждой! А когда проснулся, увидел, что в камине не шкаф, а всего-навсего старое грачиное гнездо, которое целый год торчало у нас на крыше.

— Вот и нет! — сказал Джон. — Во сне я слышал голос, такой ласковый, только не знаю чей. И голос этот сказал мне: «Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

— Какую весть? — спросила жена Джона.

— Ну, этого он не сказал, вернее, я не успел дослушать, как раз тут я и проснулся. А до чего ласковый был голос, до чего сердечный!

— И ты собираешься тащиться в Лондон только потому, что видел ночью этот сон?! Да просто ты поел с вечера заплесневелого сыра, вот и приснилась тебе какая-то чушь!

— Э, нет, милочка, после твоих ужинов сны не снятся! — сказал коробейник.

— И немудрено! Из чего мне ужин-то готовить? Ну, а что это за удивительную весть ты должен услышать на Лондонском мосту? Может, надеешься узнать, что твой дядя оставил нам наследство?

— Да, что-нибудь в этом роде, хотя у старика нет состояния и оставлять ему нечего. А впрочем, глупости все это, и говорить об этом больше не стоит.

Но и в эту ночь коробейнику приснился тот же сон, а за ней и в третью. Три ночи подряд все тот же голос говорил ему во сне: «Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

Как ни прост был Джон, но уж если, бывало, вобьет себе что-нибудь в голову, ничем его не проймешь. И в конце концов жена согласилась отпустить его в Лондон. Благословила мужа на дорогу и сказала, что ей ничего не надо, лишь бы он живым назад вернулся. Заставила Джона одеться потеплее и отдала ему последние деньги. Джон расцеловал всю семью на прощанье и отправился по дороге в Лондон.

До Лондона ходу было четыре дня. На Джоново счастье, распогодилось, и он мог ночевать на гумне или под стогом сена. Так

добрался он до Лондона и без труда нашел знаменитый мост. В те далекие времена на этом мосту стояли дома и лавки, через него шла широкая проезжая дорога. Другого моста через Темзу в Лондоне тогда и не было.

Добравшись до моста, Джон остановился и стал ждать. Он смотрел на воду и видел, как проплывают мимо лодки; глядел на улицу и видел кареты, повозки, всадников и пеших прохожих. Но никто с ним не заговаривал, даже не замечал его.

Когда спустилась ночь, Джон устроился поудобнее у стены одного дома и заснул.

На другой день он решил попытать счастья на другом конце моста. Но опять никто не обратил на него никакого внимания. Когда Джон проголодался, он купил себе хлеба, немного сыра и кружку пива.

Так он и стоял на мосту день за днем, пока не вышли у него все деньги.

«Вот и конец моим приключениям,— подумал Джон.— Деньги все вышли, а показать вместо них нечего. Ни одна живая душа не перемолвилась со мной ни словечком. И никакой вести я здесь не услышал, ни простой, ни диковинной. И теперь я должен поворачивать домой и просить по дороге на хлеб, потому что у меня и двух пенсов, кажется, не осталось...»

И только хотел Джон в последний раз взглянуть на Темзу, а потом уж поворачивать домой, как к нему подошел хозяин лавки, что стояла напротив, и заговорил с ним.

— Мне очень любопытно узнать, кто ты такой и что тебе здесь надо? — сказал лавочник. — Я заметил, что ты каждый день стоишь здесь на мосту. Продавать тебе, видно, нечего, милостыню ты не просишь. Так что же ты тут делаешь? Успокой мое любопытство, если это не секрет!

Джон замялся. Не хотелось ему рассказывать первому встречному, почему он столько времени простоял без дела на Лондонском мосту. Но человек он был простодушный, не мастер выдумывать всякие небылицы да отговорки, ну и выложил все начистоту.

— Эх, соседка,— начал он,— сказать по правде, я простой деревенский бедняк. Три ночи подряд мне снилось, что если я пойду и стану на этом вот мосту, то услышу удивительную весть. Но никаких вестей я не получал и теперь должен возвращаться домой, потому что все деньги у меня были.

Лавочник в изумлении уставился на Джона, потом как прыснет со смеху.

— Ну и умная ты голова! — наконец, вымолвил он. — Ты что же, притащился из деревни в Лондон и простоял все это время на мосту только из-за своего глупого сна? Да такого другого

простачка во всем Лондоне не сыщешь! Ха-ха-ха! Теперь у меня будет, о чем порассказать соседям да чем развеселить мою старуху, чтоб забыла она про свой ревматизм в ногах.

И он опять так и покатился со смеху.

— Послушай-ка ты, деревенщина! — продолжал лавочник; он был любитель поговорить. — Вчера вечером, когда я уже запер лавку и собрался бродя домой, подходит ко мне какой-то старик, весь в отрепьях, — бродяжка, должно быть, — и говорит: «В деревне Софэм, что в графстве Норфолк...» Да, кажется, в Софэм, хотя точно не помню, никогда не слышал про эту деревню. Так вот, значит: «... в деревне Софэм за домом коробейника под старым дубом зарыт клад». Сказал и пошел себе прочь. Слышал, какие вести бывают? А ты мне про сон толкуешь! Так, может, теперь ты туда побежишь в этот, как его, Соффолк или Сохэм?

Не успел лавочник вволю посмеяться над Джоном, как тот сказал «до свиданья» и был таков. А лавочник решил, что Джон немножко рехнулся, и перестал о нем больше думать.

Джон не шел, а прямо-таки летел к дому. Слова лавочника так и звенели у него в ушах. Всю дорогу он думал только об одном: о старом дубе, что рос за его домом. Он знал его как свои пять пальцев. Еще мальчишкой он каждый день лазил на него.

Наконец, усталый и голодный, он достиг дома. Жена несказанно обрадовалась, когда увидела его целым и невредимым, и не успела поздороваться с ним, как принялась готовить ему завтрак. Но, хотя Джону до смерти хотелось есть, он не стал терять времени на еду.

— Неси-ка мне скорей лопату, женушка! — сказал он. — Ту, которой мы огород перекапываем.

— Да вот она, Джон! — ответила жена. — Скажи спасибо, что я ее на хлеб не обменяла. А на что тебе сейчас эта лопата? Лучше поешь! Хотя, по правде сказать, угощать мне тебя почти нечем. Как говорится: хлебай маленькой ложкой.

Но Джон ее и не слышал. Он кинулся вон из дома и стал копать землю под старым дубом.

— Бедняга! — сказала жена своим двум дочкам (те как раз вошли в комнату поздороваться с отцом), — бедняга... Этим лондонским жуликам нечего было взять с него, так они последний разум у него отняли. А много ли в нем корысти?

Но что она знала?

Не успел Джон немножко покопать, как тут же наткнулся на большой деревянный сундук, весь перепачканный землей и почти сгнивший. Джон внес его в дом и открыл. Все так и онемели от изумленья, когда заглянули в него. В сундуке лежали серебряные слитки, груды золотых монет, драгоценные камни и богатые украшения из чистого золота.

Ну, Джон долго раздумывать не стал, купил себе большой дом и зажил с женой и детьми припеваючи.

Сорожье гнездо

АВНЫМ-ДАВНО, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А марьышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крикали: крик-крик-крик...

Птицы со всего света слетелись к сороке и попросили ее научить их вить гнезда.

Ведь сорока искуснее всех вьет гнездо!

Вот собрала она птиц вокруг себя и начала показывать им, что да как надо делать. Прежде всего она взяла немного грязи и слепила круглую лепешку.

— Ах, вот как это делается...— сказал серый дрозд и полетел прочь.

С тех пор серые дрозды так и вьют свои гнезда.

Затем сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепешки.

— Теперь я все понял,— сказал черный дрозд и полетел прочь.

Так черные дрозды и поныне вьют свои гнезда.

Потом сорока положила на веточки еще одну лепешку из грязи.

— Все ясно,— сказала мудрая сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить лучших гнезд.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Поэтому и до нынешнего дня воробьи выют свои гнезда вот так неряшливо.

Что ж, а госпожа сорока раздобыла перышек и тряпочек и уютно выложила ими все гнездышко.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле, у скворцов очень уютные гнезда.

Так все и шло: послушают-послушают птицы, до конца не дослушают и улетают одна за другой.

А между тем госпожа сорока все работала и работала, не глядя ни на кого.

Все птицы уже разлетелись. И вот осталась одна-единственная птичка — горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и вни-мания не обращала на то, что делала сорока, и лишь без толку твердила:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

В конце концов сорока услышала это — как раз когда укладывала поперек гнезда веточку — и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица продолжала твердить:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

Сорока рассердилась и сказала:

— Хватит и одной, говорю же тебе!

А горлица опять свое:

— Мало двух, мало дву-у-ух!

Тут сорока огляделась по сторонам и видит — рядом никого, кроме глупой горлицы. Сильно разгневалась сорока и улетела прочь. И в другой раз уж не захотела учить птиц, как вить гнезда.

Потому-то разные птицы и выют свои гнезда по-разному.

Джек-Лентяй

ЖИЛ-БЫЛ на свете парень, и звали его Джек. Жил он со старухой-матерью на пустыре. Старая женщина пряла пряжу и продавала ее на базаре. Но от этого ведь не разбогатеешь. А Джек был лентяй, каких мало. Он не делал ровнешенько ничего, только грелся на солнышке в жаркую погоду да отсиживался возле очага в зимнюю пору.

Потому все и прозвали его: Джек-лентяй.

Наконец это надоело его матери, и она сказала ему:

— Пора тебе самому зарабатывать на пропитание, не то выгоню тебя на улицу, и тогда живи как знаешь!

А случилось это в понедельник. Слова матери как будто проняли Джека, и на другое утро он пошел и нанялся за пенни в день к фермеру. Проработал день, получил свой пенни и пошел домой. Но, когда переходил через ручей, монетку потерял.

Ведь никогда прежде ему не случалось деньги в руках держать.

— Ах, глупый ты парень! — сказала ему мать. — Тебе следовало положить пенни в карман.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В среду Джек ушел и нанялся к пастуху. Пастух дал Джеку за работу кувшин молока. Джек засунул кувшин к себе в карман, но не прошел и полдороги, как молоко все расплескалось.

— О, господи! — ахнула мать. — Да ты бы нес его на голове!

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

И вот в четверг Джек опять нанялся к фермеру. За работу фермер обещал дать Джеку сливочный сыр. Вечером Джек поло-

жил сыр себе на голову и отправился в обратный путь. Но до дому опять ничего не донес: сыр расползся и прилип к его волосам.

— Ну и дурень! — сказала мать. — Надо было осторожненько нести его в руках.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В пятницу Джек нанялся к булочнику, и тот дал ему за работу кота. Джек взял кота и осторожненько понес его в руках. Но кот принялся так царапаться, что пришлось его выпустить. И Джек опять вернулся домой ни с чем.

— Что ты за олух! — рассердилась мать. — Тебе следовало вести кота на веревочке.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

И вот в субботу Джек нанялся к мяснику. Тот щедро наградил его — целую баранью ногу отвалил. Джек обвязал баранью ногу веревочкой и поволок за собой по грязи. Можете себе представить, какой обед получился бы из такой баранины!

На этот раз мать из себя вышла. Ведь на воскресенье у нее к обеду, кроме капусты, не было ничего.

— Ах ты, дубина! — сказала она сыну. — Надо было на плече ее нести.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В понедельник Джек опять вышел из дома и нанялся к торговцу скотом. Тот дал ему за работу осла. Трудненько было взвалить осла на плечи, но в конце концов Джеку это удалось, и он медленно поплелся со своей наградой к дому.

А как раз на его пути стоял дом одного богача. У богача этого была единственная дочка, прехорошенькая, но глухая и немая, да к тому же несмеяна. И лекари сказали, что она не заговорит до тех пор, пока кто-нибудь не рассмешит ее.

И надо же было так случиться, что, когда Джек с ослом на плечах проходил мимо, девушка как раз выглянула в окно. Увидела большого дурня с ослом на плечах и рассмеялась. А как рассмеялась, так сразу и заговорила, и стала все слышать.

Богач до того обрадовался, что на радостях выдал дочку за Джека, и Джек-лентяй вдруг разбогател. Молодые поселились в большом доме, и мать Джека вместе с ними, и жили они все в полном довольстве и счастье до конца своих дней, — так рассказывают, только поверить этому трудно.

Кэт-Щелкунчик

ИЛИ-БЫЛИ когда-то король, королева и королевские дети. Дочку короля звали Энн, а дочку королевы — Кэт. И, хотя Энн была много краше дочери королевы, девушки любили друг друга, как родные сестры. Но королева не могла успокоиться, что дочь короля красивее ее собственной дочери, и задумала превратить Энн в дурнушку. А за советом она пошла к птичнице, что жила в долине неподалеку от королевского замка: говорили, будто та знает с нечистой силой.

— Почтенная,— молвила королева, когда вошла к ней в хижину,— слыхала я, будто ты умеешь колдовать. Но я, конечно, этому не верю. И все же, если ты мне поможешь в одном деле, я дам тебе за каждое яйцо, что ты принесешь на королевскую кухню, золотую монету!

Старуха ни слова не сказала в ответ, только низко поклонилась королеве и ухмыльнулась.

— Моя падчерица,— продолжала королева,— слишком уж хорошеет день ото дня. И совсем загордилась! Так вот, нельзя ли сделать так, чтобы она подурнела, не совсем, а чуть-чуть. Это ей будет хорошим уроком!

— Ничего нет проще,— ответила птичница.— Пришлите ее ко мне завтра утром. Только помните: перед уходом она не должна ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка!

И вот на другое утро, раным-рано, королева говорит принцессе Энн:

— Какая ты бледненькая сегодня! Не пройтись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Сходи-ка, милочка, к птичнице, что живет в долине, попроси у нее яиц!

Энн пошла к птичнице, а когда пробегала мимо кухни, увидела на столе горбушку хлеба, взяла ее и съела по дороге. Ведь ушла она из дома до завтрака, и ей, конечно, очень хотелось есть.

Пришла она к птичнице и попросила у нее яиц, как было велено. Птичница ей и говорит:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него! Девушка так и сделала, но ничего с ней не случилось.

— Ну, ступай домой к своей мачехе, — молвила птичница, — да скажи ей, чтоб покрепче запирала кладовую!

Энн удивилась словам птичницы, но, когда вернулась домой, все в точности передала королеве, и та поняла, что девушка перед уходом что-то съела.

На другое утро королева опять решила попытать счастья.

— Какая ты худенькая! — сказала она принцессе Энн. — Не пройтись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Тогда у тебя будет хороший аппетит.

И опять послала Энн к птичнице, а перед уходом не дала ей ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка. Но принцесса повстречала по дороге крестьян, собиравших горох, и ласково заговорила с ними. Крестьяне дали ей горсточку гороха, и она съела его.

Когда она пришла к птичнице, та сказала ей:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Энн подняла крышку, но опять ничего с ней не случилось. Тогда птичница очень рассердилась и сказала:

— Передай своей мачехе, что горшок без огня не закипит!

Что ж, Энн вернулась домой и передала эти слова королеве.

И на третий день королева сама пошла с девушкой к птичнице. На этот раз, только Энн подняла крышку с горшка, как ее хорошенькая головка превратилась в овечью — с торчащими ушами, жесткой шерстью и всем прочим: у птичницы было очень злое сердце, и она переколдовала. Даже королева-мачеха не хотела, чтобы все так получилось. Она была недовольна птичницей и, когда та на другое утро принесла в королевскую кухню свежие яйца, велела прогнать ее. И, конечно, не дала ей ни одной золотой монеты!

Все очень горевали, что с принцессой Энн случилось такое несчастье, и особенно ее сестра Кэт. И вот однажды утром, когда

все спали, она разбудила Энн, закутала ей голову белой шалью и увела ее из замка.

Так две сестры, Кэт и Энн, пустились искать по свету врача, который вернул бы Энн ее красоту. Они долго бродили, пока не пришли к какому-то замку. Кэт постучала в дверь и сказала фрейлине, которая открыла им:

— Моя сестра очень больна, а на дворе ночь, и нам негде переночевать. Разрешите нам войти!

Фрейлин пошла спросить разрешения у короля, — ведь это оказался королевский замок, — и, когда вернулась, сказала Кэт:

— Король и королева разрешают вам войти, но только при одном условии.

— Я согласна на любые условия! — сказала Кэт: она была смелая девушка.

— Вы должны просидеть всю ночь у постели больного принца, старшего сына нашего короля. Никто не знает, чем он болен. Он не ест, не пьет и день ото дня чахнет. Если вы просидите с ним ночь, король даст вам целый кошель серебра! Но только знайте: все, кто до вас брались сидеть с ним, в ту же ночь исчезали навсегда.

Но Кэт не испугалась и согласилась посидеть у постели больного принца.

До полуночи все шло хорошо. Но только пробило двенадцать, больной принц встал, оделся и спустился по лестнице вниз. Кэт пошла за ним следом, но принц ее как будто не заметил. Он прошел в конюшню, оседлал коня, тихонько подозвал свою собаку и вскочил в седло, а Кэт незаметно уселась позади него.

И они поскакали — принц и Кэт — через зеленый лес. Собака бежала впереди и показывала дорогу. А Кэт рвала на скаку спелые орехи и прятала их в карманы.

Но вот они прискакали, наконец, к зеленому холму. Тут принц остановил коня и сказал:

— Растворись, зеленый холм, растворись, откройся! Впусти принца молодого и собаку, и коня.

— ...и меня, — добавила тихонько Кэт.

И тотчас в зеленом холме растворились невидимые двери, и они въехали внутрь. Принц вошел в роскошный и светлый зал; толпа прекрасных фей окружила его и увела танцевать. А Кэт никто не заметил: она спряталась за дверью и оттуда смотрела на принца. Он танцевал, танцевал, танцевал, пока не упал без сил на

мягкое ложе из цветов. Феи принялись обмахивать его своими веерами, и он снова поднялся и пошел танцевать.

Но тут вдруг пропел петух, и принц бросился к своему коню. Кэт вскочила в седло позади него, и они поехали домой.

Наутро, когда встало солнце, в комнату принца вошли король с королевой и придворные. И что же видят: Кэт сидит у огня и щелкает орешки, а принц спокойно спит в своей постели.

— Хорошо ли прошла ночь? — спросили их величества.

— О, конечно, — ответила Кэт. — Я и вторую ночь согласна просидеть у постели больного принца. Если хотите...

Король с королевой очень обрадовались и на этот раз пообещали Кэт целый кошель золота.

Вторая ночь прошла, как и первая. В полночь принц поднялся и поскакал к зеленому холму на бал к феям, а Кэт с ним и опять рвала по дороге орешки.

На этот раз Кэт не глядела на принца, — она и так знала, что он будет танцевать, танцевать и танцевать. Зато она увидела малютку-эльфа с серебряной палочкой в руках и вдруг услышала, как одна фея сказала другой:

— Если этой палочкой три раза дотронуться до уродливой сестры Кэт, она снова станет такой же красивой, как была.

Тут Кэт пустила один орешек по полу, и он покатился прямо к маленькому эльфу. Так она пускала орешек за орешком. Малютка-эльф бросил серебряную палочку и стал собирать орешки. И ничего удивительного в этом нет: ведь не каждый день удастся малюткам-эльфам грызть орешки, а серебряных палочек у них сколько угодно! Кэт подхватила палочку и спрятала ее под плащом.

Но вот, как и в прошлый раз, прокричал петух, и они поехали домой.

Не успела Кэт вернуться, как тут же побежала к Энн и три раза дотронулась до нее серебряной палочкой. И — о, чудо! — овечья голова с торчащими ушами, жесткой шерстью и всем прочим снова превратилась в хорошенькую девичью головку. Энн стала даже еще красивее, чем была.

На третью ночь Кэт согласилась стеречь больного принца только при условии, что, если принц поправится, она выйдет за него замуж. Она уже полюбила принца и не хотела с ним расставаться.

Все шло как и в прошлые две ночи. На этот раз малютка-эльф играл птичкой, и Кэт услышала, как одна фея сказала другой:

— Если больной принц съест три кусочка этой птицы, он снова станет таким же здоровым, как был.

Кэт, недолго думая, пустила один за другим все свои орешки; они покатались к малютке-эльфу, и он бросил птичку. А Кэт взяла ее и спрятала под плащом. Тут и петух прокричал, и они с принцем отправились домой.

На этот раз, когда они вернулись, Кэт не стала щелкать орешки, — ведь она отдала их все малютке-эльфу, да к тому же у нее нашлось дело поважнее. Она тотчас развела огонь, ошпила птицу и принялась ее жарить. И вскоре в комнате так вкусно запахло жареным, что больной принц проснулся и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось отведать кусочек этой птицы!

Кэт дала ему кусочек, он съел и тут же приподнялся на локте и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось съесть еще кусочек!

Кэт дала ему второй кусок. Тогда принц сел на постели и снова попросил:

— Ах, вот бы мне и третий кусочек!

И Кэт дала ему третий кусок, и он встал — здоровый и сильный, сам оделся и сел возле огня. И когда наутро к принцу, как обычно, вошли король с королевой, они увидели: сидят принц и Кэт рядышком и весело болтают. Король и королева так обрадовались, что тут же попросили Кэт обвенчаться с принцем.

А тем временем младший принц встретил в саду Энн и влюбился в нее, — впрочем, так случалось с каждым, кто видел ее милое, хорошенькое личико.

И вот больной принц женился на здоровой принцессе, а здоровый принц — на больной принцессе.

Правда, старший принц и принцесса Энн уже больше не болели, а потому Кэт и принцу больше не надо было ездить в зеленую страну эльфов. Но вы не думайте, что с тех пор феи перестали танцевать! Нет, они каждую ночь танцуют. Только вот с кем? И какого цвета у них платья? И так же ли сладко звучит их музыка? — этого я не могу вам сказать.

Господин всех господ

С ДНА девушка отправилась как-то на ярмарку. Она хотела наняться к кому-нибудь в прислуги. Наконец чудаковатый на вид пожилой господин нанял ее и повел к себе домой. Когда они пришли, он сказал, что прежде всего должен ее кой-чему научить, так как все вещи в его доме зовутся не как у всех, а по-особому.

И он спросил девушку:

— Как ты будешь называть меня?

— Хозяин или господин, как вам будет угодно, сэр, — ответила девушка.

Но он сказал:

— Нет, ты должна звать меня «господин всех господ». А как ты это назовешь? — и он показал на постель.

— Постель или кровать, как вам будет угодно, сэр.

— Нет, это моя «белая лебедь». А как по-твоему называется это? — спросил он, указывая на свои панталоны.

— Штаны или брюки, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть их «хлопушки и шутихи». А это кто? — показал он на кошку.

— Кошка или киса, как вам будет угодно, сэр.

— Отныне ты должна звать ее «усатая обезьянка». Ну, а это, — показал он на огонь, — что это такое?

— Огонь или пламя, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «красный петушок». А это? — продолжал он, указывая на воду.

— Вода или влага, как вам будет угодно, сэръ.

— Нет, это — «чистый прудок». А как ты назовешь все это? — спросил он, показывая на свой дом.

— Дом или коттедж, как вам будет угодно, сэръ.

— Ты должна называть это «всем горам гора».

В эту самую ночь перепуганная служанка разбудила своего хозяина криком:

— О господин всех господ! Слезайте скорей со своей белой лебеди и натягивайте живее хлопушки и шутихи! Усатой обезьянке попала на хвост искра от красного петушка! Хватайте скорее чистый прудок, а не то ваша всем горам гора достанется красному петушку.

Но пока хозяин понял, что случилось, его дом уже сгорел.

Три желания

СЕ ЭТО случилось давным-давно. Жил в дремучем лесу бедный дровосек. Каждый день он ходил в лес валить деревья. Вот как-то раз собрался он, как всегда, в лес. Жена наполнила его котомку едой и повесила ему через плечо полную бутылку, чтобы дровосек мог перекусить и выпить в лесу.

В этот день дровосек хотел свалить могучий старый дуб. «Немало крепких досок получится из него», — думал он.

Вот подошел он к старому дубу, вытащил топор да так замахнулся, будто одним ударом надеялся повалить могучее дерево. Но не успел ударить, как вдруг послышался из самого дуба жалобный голосок и перед ним появилась фея. Она просила дровосека пощадить старый дуб. Ну и удивился дровосек, даже испугался! И рта не смог открыть, чтоб вымолвить хоть словечко.

Наконец, очнулся и пробормотал:

— Ну что ж, я выполню твою просьбу.

— И для тебя так-то лучше будет, — сказала фея. — Я вас с женой отблагодарю за это: пусть исполнятся ваши первых три желания!

Тут фея исчезла, а дровосек отправился домой, с котомкой за плечами и с бутылкой на боку.

Путь у него был дальний и всю дорогу он не переставал удивляться тому, что с ним случилось. Когда он добрался, наконец, до дому, на уме у него было лишь одно: посидеть бы сейчас да отдохнуть. Может, это были опять проделки феи, кто знает? Так

или иначе, уселся он у огня и только сел, как почувствовал страшный голод, хотя до ужина было еще далеко.

— Нет ли у тебя чего поесть, моя хозяйюшка? — обратился он к жене.

— Часа через два будет, — ответила жена.

— Эх, — вздохнул дровосек, — вот бы мне сейчас кольцо кровяной колбасы, да потолще!

И не успел он это вымолвить, как вдруг — шлеп! — в камин упало целое кольцо кровяной колбасы да такой, что пальчики оближешь.

Подивился дровосек, а жена его втрое больше удивилась.

— Это что такое? — говорит.

Тут дровосек вспомнил, что с ним приключилось утром, и выложил всю историю жене, — с начала и до конца. Но чем дальше он рассказывал, тем мрачнее становилась жена, а как дошел до конца, так и совсем взорвалась:

— Ах ты, дурак этакий! Набитый дурак! Чтоб твоя кровяная колбаса к носу твоему приросла!

И не успели они оба глазом моргнуть, как кровяная колбаса выскочила из камина и приросла к носу дровосека.

Он дернул за колбасу, не отрывается; жена дернула, не отрывается. Дергали-дергали, а колбаса все не отрывается — приросла крепко-накрепко.

— Что же теперь делать? — спрашивает дровосек.

И тут он смекнул, что у него ведь осталось еще одно желание — третье и последнее! И он, не теряя ни секунды, пожелал, чтобы кровяная колбаса отскочила от его носа.

— Шлеп! — и колбаса уже лежала перед ним на столе.

И если дровосеку и его жене так и не довелось кататься в золотой карете да одеваться в шелк и бархат, — что ж, зато на ужин им досталась такая вкусная кровяная колбаса, что пальчики оближешь.

Джоан и хромо́й гусопас

В БОГАТОМ зámке возле самого моря жил когда-то старый лорд. Он жил очень одиноко, и зámок его всегда оставался пустым. Не слышно было под его сводами ни молодых голосов, ни веселого смеха. Часами старый лорд ходил взад-вперед по стертým плитам каменного пола или же сидел у окна и глядел на хмурое море.

У него была маленькая внучка, но он никогда в жизни ее не видел. Он невзлюбил дитя с самого дня ее рождения, потому что в этот день умерла ее мать — любимая дочь лорда. Отец девочки уехал далеко за море, сражаться за своего короля, и она росла одна, без родителей. Совсем плохо пришлось бы бедняжке, если бы не ее старая няня. Она забрала Джоан — так звали девочку — к себе и кормила ее остатками от господского стола, а одевала в разные отрепья.

Приближенные старого лорда тоже плохо обращались с девочкой, — ведь их господин не любил ее! Они обижали ее и называли оборвашкой.

Джоан целыми днями играла на заднем дворе зámка или бродила одна по берегу моря. Единственным ее другом был хромо́й мальчик-гусопас. Она часто уходила к нему в поле и подолгу болтала там с ним. Мальчик был чуть постарше ее, он жил на ферме по соседству с зámком.

Каждое утро он выгонял гусей в поле и вел их к пруду, где они плавали, плескались и ловили рыбу. При этом он играл на свирели, и Джоан всегда прибегала его послушать. Она так любила слушать его странные напевы — то грустные, то веселые! Они рассказывали ей о прекрасных лесных феях или о далеких чужих

странах, о неведомых горах и реках, и тогда она забывала свои горести и обиды.

А иногда музыка была такой веселой и легкой, что ей хотелось танцевать. И тогда даже сам хромой гусопас неуклюже пританцовывал вместе с ней.

Так проходили дни весною и летом. А зимой, в длинные темные вечера, Джоан придвигала скамеечку поближе к огню и просила свою старую нянюшку рассказывать ей сказки про смелых рыцарей и прекрасных дам, про великанов и людоедов, или же о русалках и феях, которые невидимо летают в воздухе.

Шли год за годом, и Джоан из девочки превратилась, наконец, в прелестную девушку. Но она по-прежнему дружила с хромым гусопасом, а старый лорд по-прежнему не любил ее и не желал ее видеть.

И вот однажды разнеслась весть, что в соседний город приезжает король. Во все окрестные замки были посланы гонцы с приглашением на королевский бал. А приглашение короля, как известно, означает приказ! И старый лорд велел приготовить себе нарядные одежды, оседлать белого коня и тоже собрался на королевский бал.

В это время Джоан сидела со своей нянюшкой у окна, она увидела старого лорда в нарядных одеждах и спросила:

— Куда едет мой дедушка?

— В соседний город, к королю на бал! — ответила няня.

— Ах, как бы и мне хотелось поехать вместе с ним! — вздохнула Джоан. — Нянюшка, милая, пойдись к нему и попроси, чтобы он взял меня с собой!

— Что ты, что ты! — испугалась старушка. — Он меня прогонит, да и все равно поздно. Смотри, вон он садится уже на коня!

И правда, пока они говорили, маленький грум вывел во двор белого коня, помог старому лорду сесть на него, и вот уж только пыль от копыт осталась во дворе перед замком.

А Джоан, как всегда, отправилась в поле. Она шла и мечтала, как хорошо было бы попасть на этот бал! Хоть одним глазком ей хотелось взглянуть на прекрасных, нарядных леди, на их величества — короля и королеву, а больше всего на молодого принца. Она так размечталась, что и не заметила своего друга-гусопаса, который вместе с гусиным стадом заковылял ей навстречу. Он перестал играть на свирели и спросил:

— О чем это ты задумалась, Джоан? Сыграть тебе веселую песенку, чтобы захотелось танцевать? Или грустную, чтобы заплакать?

— Я и без того хочу танцевать, — ответила Джоан, — но только не здесь. Знаешь, мне так хочется попасть в город на бал к королю! Но меня не пригласили...

— Раз ты хочешь попасть в город,— сказал юноша,— ты туда попадешь! И я вместе с тобой, и мои серые гуси. Не так уж трудно туда добраться, даже такому хромоножке, как я.

И они тронулись в путь. А длинная дорога показалась Джоан короткой, потому что гусопас все время играл на свирели.

Он играл так весело и задорно, что и Джоан совсем развеселилась, и сама подпевала ему, и кружилась, и танцевала.

А когда они были почти у самого города, они вдруг услышали позади себя цокот лошадиных копыт, и вскоре с ними поравнялся высокий красивый юноша на черном коне.

— Вы идете в город?— спросил он.— Можно и мне с вами?

— Отчего же, конечно, сэр!— ответил гусопас.— Мы идем в город посмотреть на знатных гостей, которые съезжаются на королевский бал. Если хотите, пойдете вместе, так даже веселей будет.

Тут юноша прыгнул с коня и пошел рядом с Джоан, а хромой гусопас следом за ними и заиграл новую, нежную песню.

Вдруг юноша остановился, посмотрел на Джоан и спросил:

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно, нет,— ответила Джоан.— А кто?

— Я принц и еду сейчас к моему отцу на бал. Сегодня я должен выбрать там себе невесту— так решил мой отец.

Джоан вдруг стало отчего-то грустно. Она ничего не ответила принцу, и они шли молча, а гусопас ковылял за ними и все играл на своей свирели.

«Какое у нее нежное и красивое лицо,— подумал принц.— Ни когда еще я не встречал девушки милее, чем она».

Он не замечал ни рваного платья Джоан, ни того, что она босая, а все любовался ее лицом, и тонким станом, и легкой походкой.

— А как тебя зовут?— спросил он, наконец.

— Джоан.

— Послушай, Джоан,— сказал принц,— ни разу еще ни одна девушка не тронула так моего сердца, как ты! Будь моей невестой и выходи за меня замуж!

Но Джоан все молчала.

— Ну, ответь мне, согласна ты стать моей невестой и принцессой?

Тут Джоан улыбнулась и сказала:

— О, нет! Ты просто надо мной смеешься. Разве я гожусь в принцессы? Лучше скачи скорее на бал и выбирай себе невесту среди знатных красавиц!

— Я говорю совершенно серьезно,— продолжал принц,— поверь мне! Но если ты не хочешь стать моей невестой, то, может, придешь ко мне на бал? Знаешь что: ровно в полночь я буду тебя ждать вместе с твоим другом-гусопасом, с его свирелью и с этими серыми гусями. Придешь?

Джоан взглянула на принца и сказала:

— Пожалуй! А может, не приду. Не знаю!

Больше принц ничего не сказал, вскочил на коня и поскакал в город.

Настал вечер, и все новые и новые кареты останавливались у замка, где в большом зале король и королева встречали знатных гостей. Приезжали даже из самых отдаленных графств и владений, никому не хотелось пропустить такого важного события: наследный принц, единственный сын короля, должен был в этот вечер выбрать себе невесту.

Немало гордых леди скрывало свои тайные надежды и страхи под легкой болтовней и беспечными улыбками.

Но бал уже давно начался, один танец сменялся другим, а принц как будто еще ни на ком не остановил свой выбор.

И вот, наконец, пробил полночь. При последнем ударе часов в конце зала началось какое-то движение, раздались удивленные возгласы, танцующие расступились, и перед королем и королевой предстала странная процессия: впереди шла босая девушка в обтрепанном старом платье, за нею хромой гусопас, а позади него девять гогочущих гусей.

Вот так гости на королевском балу!

Сначала все придворные замолкли от изумления, но вскоре они начали перешептываться и громко смеяться. Однако они тут же опять замолчали, когда увидели, как принц вышел вперед, взял босую девушку за руку и подвел ее к своим родителям, которые сидели на троне.

— Отец,— молвил принц,— это Джоан! Если она согласится, я выбираю ее себе в жены. Что ты на это скажешь?

Король внимательно посмотрел на Джоан и сказал:

— Что ж, мой сын, твой выбор неплох. Если девушка так же добра и умна, как хороша, она будет достойной принцессой!

— Молодая леди очень красива, это верно,— сказала королева,— но что это за платье?

— А почему молодая леди молчит?— спросил король.— Что она думает?

— Ну, если вы все согласны,— сказала Джоан,— я тоже. Я согласна быть невестой принца!

И тут среди полной тишины раздались вдруг нежные звуки пастушьей свирели. Никто в своей жизни не слышал такой удивительной и прекрасной музыки. Хромой гусопас наигрывал какие-то странные и дивные мелодии, и — о чудо! — обтрепанное платье Джоан превратилось у всех на глазах в роскошные белые одежды, усыпанные сверкающими бриллиантами, а девять гусей — в маленьких пажей, одетых во все голубое. Они подняли шлейф Джоан и так следовали за ней, пока принц вел свою невесту в другой конец зала, чтобы начинать танец. И звуки пастушьей свирели потонули в веселой музыке, которая грянула с галереи.

Принц и Джоан, радостные и счастливые, начали танцевать.

И еще одно сердце радостно забилося под эту веселую музыку — то было сердце старого лорда. Он впервые увидел свою внучку Джоан. В богатых белых одеждах она была так похожа на свою покойную мать, что старый лорд не мог отвести от нее глаз. Он больше не думал о ней со злобой и ненавистью, а чувствовал, как любовь проникает в его сердце, и радовался этому.

После танцев Джоан хотела найти своего верного друга-гусопаса, но он куда-то исчез. Она разослала слуг во все концы страны, но никто о нем больше так и не слышал. Правда, деревенские жители рассказывали, что, когда им случается возвращаться домой очень поздно, они иногда слышат, в поле и в лесу, нежные звуки свирели. Но другие уверяли, что это феи заигрывают с запоздалым путником или им просто мерещится.

Вспоминала Джоан после своей свадьбы хромого гусопаса или нет — этого мы сказать не можем, но вот про старую няню она не забыла и в первый же день после свадьбы взяла ее к себе. Так до конца своих дней старушка и прожила в королевском замке.

Мистер Виноградина

ИСТЕР и миссис Виноградина жили в винной бутылке. Вот однажды, когда мистера Виноградина не было дома, миссис Виноградина принялась за уборку. Она была очень хорошая хозяйка и всегда сама чистила и мыла свой дом. Но на этот раз она так увлеклась, что и не заметила, как неловким движением стукнула щеткой по стене, и весь дом — дзынь-дзынь! — разбился вдребезги.

Миссис Виноградина сама не своя бросилась навстречу мужу.

— Мистер Виноградина, мистер Виноградина! — закричала она, как только увидела его. — Мы разорены, совсем разорены! Я разбила наш дом, и он разлетелся на мелкие кусочки!

— Ну, ну, дорогая, — сказал мистер Виноградина, — успокойся, давай лучше подумаем, что нам теперь делать. Смотри-ка, дверь цела! И это уже хорошо. Недаром говорят: «У кого дверь, у того и дом». Вот я взвалю ее себе на спину, и мы с тобой пойдем искать по свету счастья.

И они пошли. Шли-шли целый день, а к ночи пришли в дремучий лес. Оба очень устали, и мистер Виноградина сказал:

— Сейчас я влезу на дерево, милая, и привяжу там нашу дверь, а ты лезь за мной.

Так они и сделали. Влезли на дерево, улеглись на двери и тут же крепко заснули.

Среди ночи мистера Виноградина разбудили чьи-то голоса. Глянул он вниз, и душа у него в пятки ушла от страха. Под деревом собралась целая шайка воров. Они делили свою добычу.

— Смотри, Джек! — сказал один. — Вот тебе пять фунтов одними золотыми. А тебе, Билл, вот здесь десять. Ну, а тебе, Боб, три фунта.

Дальше мистер Виноградина слушать не мог — так жутко ему стало. Его даже затрясло от страха, да так, что дверь тоже затряслась, не выдержала и свалилась прямо на головы воров. Те испугались и бросились наутек. Но мистер Виноградина этого не знал, потому что пока совсем не рассвело, он не смел и пошевелиться.

Утром, наконец, он поднялся — и что же увидел под деревом? Да целую кучу золотых гиней!

— Иди скорее сюда, миссис Виноградина! — закричал он. — Иди скорее! Мы разбогатели! Мы разбогатели! Ах, да скорей же!

Миссис Виноградина поспешила слезть с дерева и как увидела деньги, так и запрыгала от радости.

— Теперь, мой дорогой, — сказала она, — я научу тебя, что делать. В соседнем городе ярмарка. Возьми эти деньги и купи на них корову. Я умею делать сыр и взбивать масло. Ты будешь продавать их на базаре, и мы заживем с тобой на славу!

Мистер Виноградина с радостью согласился, взял деньги — целых сорок гиней! — и отправился на ярмарку. Он долго ходил взад и вперед по ярмарке, пока, наконец, не приметил отменную рыжую корову.

«Эх, вот бы мне эту корову, — подумал мистер Виноградина. — Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

И он предложил за корову сорок гиней. Хозяин коровы ответил, что сорок гиней — невелики деньги, но как другу он, так и быть, уступает ему. И сделка состоялась. Мистер Виноградина получил корову и стал водить ее туда-сюда, чтоб похвастать.

Вскоре он увидел волынщика.

— Туидл-дам, туидл-дам, — играл волынщик.

За ним по пятам бежали ребяташки, а деньги, казалось, так и сыпались в его карманы.

«Эх, — подумал мистер Виноградина, — вот бы мне такую волынку! Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете. Ну и разбогател бы я».

И он подошел к волынщику.

— Чудо что за волынка у тебя, дружище! — сказал он ему. — Должно быть, она тебе уйму денег приносит!

— Да уж будь уверен, — отвечал волынщик, — кучу денег загребая. Волынка что надо!

— Вот бы мне такую! — воскликнул мистер Виноградина.

— Что ж, — сказал волынщик, — для друга мне ничего не жалко. Получай волынку вот за эту рыжую корову!

— По рукам! — с восторгом согласился мистер Виноградина.

Так отменная рыжая корова пошла за волынку. Мистер Виноградина начал прохаживаться взад-вперед со своей покупкой. Но тщетно старался он сыграть на волынке хоть какую-нибудь мелодию. Мальчишки награждали его улюлюканьем, насмешками и пинками, а карманы его так и оставались пустыми.

Бедный мистер Виноградина решил, что пора домой, да и пальцы у него совсем заоченели. И вот, когда он уже выходил из города, ему повстречался человек в теплых шерстяных перчатках.

«Ох, до чего у меня руки замерзли, — подумал мистер Виноградина. — Вот бы мне такие перчатки! Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

Он подошел к человеку и заговорил с ним:

— Ну и перчатки у тебя, дружище! Хороши!

— Еще бы! Ноябрь на дворе, а мне в них совсем тепло.

— Эх, — вздохнул мистер Виноградина, — вот бы мне такие!

— А что ты за них дашь? — спросил человек.

И тут же добавил:

— Пожалуй, ради друга я не прочь обменять их вот на эту вольнку.

— Идет! — воскликнул мистер Виноградина.

Надел перчатки и поплелся домой, рад-радешенек.

Шел-шел, совсем из сил выбился и тут повстречал человека с толстой палкой в руках.

«Вот бы мне эту палку! — сказал сам себе мистер Виноградина. — Тогда я был бы самым счастливым человеком на свете!»

И он сказал человеку:

— Что за палка у тебя, дружище! Вот бы мне такую!

— Палка хороша, — согласился человек. — Немало миль я исходил с нею как с верным спутником. Но раз она тебе так уж приглянулась, я, пожалуй, готов отдать ее вот за эти перчатки! Как другу, конечно.

Руки мистера Виноградины совсем согрелись, а ноги до того устали, что он с радостью согласился на обмен.

И вот, наконец, мистер Виноградина дотащился до леса, отыскал свою жену и все рассказал ей.

— Ах ты, глупец, пустая ты голова! — набросилась на него миссис Виноградина. — Нет, вы только посмотрите на этого простака! Отправился на ярмарку и выложил все свои денежки за одну корову. Целых сорок гиней! Но мало того — корову променял на вольнку. А вольнка и десяти гиней не стоит! Да и играть-то на ней ты не умеешь. Ну и простофиля! Не успел залучить вольнку, как обменял ее на перчатки. А за них и двух гиней не дадут! Но тебе и этого было мало, ты обменял их на какую-то палку. И теперь за сорок гиней у тебя нет ничего, кроме этой несчастной палки. Вот мы и потеряли все наши деньги, и все из-за тебя, глупый человек!

— Постой, постой, жена! — не вытерпел мистер Виноградина. — Чего ты, в самом деле, так раскричалась? Мне кажется, сейчас мы не беднее, чем в тот день, когда ты разбила наш дом?

На это миссис Виноградине нечего было ответить своему мужу, и они снова отправились искать по свету счастья.

Джек и бобовый стебель

ДИЛА КОГДА-ТО на свете бедная вдова. У нее был один-единственный сын по имени Джек да корова по прозвищу Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре — этим и жили. Но вот вдруг Белянка перестала доиться, и они просто не знали, что и делать.

— Как же нам быть? Что же делать? — в отчаянье повторяла мать.

— Не унывай, мама! — сказал Джек. — Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ты ведь уже пробовал наниматься, но никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на эти деньги открыть лавку.

— Что ж, хорошо, мама, — согласился Джек. — Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

И Джек повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался со смешным-пресмешным старичком, и тот сказал ему:

— Доброе утро, Джек!

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а про себя удивился: откуда старичок знает, как его зовут.

— Ну, Джек, куда ты идешь? — спросил старичок.

— На базар, продавать корову.

— Так, так! Кому и торговать коровами, как не тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько у меня бобов?

— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек, видно, малый не промах.

— Верно! — сказал старичок. — Смотри, а вот и эти бобы! — и старичок показал Джеку какие-то диковинные бобы. — Раз уж ты такой смышленный, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — даю эти бобы за твою корову!

— Иди-ка своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то оно лучше будет!

— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.

— Да ну? Правда? — удивился Джек.

— Истинная правда! А если нет, — заберешь свою корову обратно.

— Идет! — согласился Джек, отдал старичку Белянку, а бобы положил к себе в карман.

Повернул Джек обратно домой, и так как далеко от дома он отойти не успел, то еще не стемнело, а он уж был у своих дверей.

— Как, ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу, Белянки с тобой нет, значит, ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Никогда не угадаешь, мама! — отвечал Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну, уж двадцать-то не дадут!

— Я говорил — не угадаешь! А что ты скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что?! — вскричала мать Джека. — Да неужто ты оказался таким простофилей, что отдал мою Белянку, самую удойную корову во всей округе, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы полетят за окно. Так-то! Теперь живо спать! И есть не проси, все равно не получишь — ни кусочка, ни глотка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатку, грустный-прегрустный: и мать рассердил, и сам без ужина остался. Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, комната показалась ему очень странной. Солнце освещало только один угол, а вокруг все оставалось темным-темно. Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Какое-то диковинное дерево! А это его бобы, что мать накануне выбросила из окна в сад, проросли и превратились в огромное бобовое дерево. Оно тянулось все вверх,

вверх и вверх до самого неба. Выходит, старичок-то говорил правду!

Бобовый стебель вырос как раз за окном Джека и поднялся вверх, будто настоящая лестница. Вот Джеку и оставалось лишь отворить окно да вспрыгнуть на дерево. Так он и сделал. Полез Джек по бобовому стеблю и все лез, лез и лез, лез, лез и лез, пока, наконец, не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге и все шел, шел и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, позавтракать!

Ведь накануне Джек остался без ужина, вы же знаете, и был теперь голоден, как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж великан и людоед, и ничего на свете он так не любит, как мальчиков, зажаренных в сухарях.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. И не все ли равно: зажарят меня или я с голоду умру.

Что ж, жена людоеда была в конце концов совсем неплохая женщина. Вот отвела она Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин парного молока. Но не успел Джек покончить и с половиной всего этого, как вдруг — топ! топ! топ! — весь дом даже затрясся от чьих-то шагов.

— О господи! Да это мой старик! — ахнула великанша. — Что делать? Скорей, скорей, прыгай вот сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как в дом вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был на самом деле! На поясе у него болтались три теленка. Он отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это пахнет?

— Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут.
Мертвый он или живой,
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек! — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это пахнет тем барашком, что так прищелся по вкусу тебе вчера за обедом. Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, и Джек уже хотел было вылезти из печи и броситься наутек, но женщина непустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — Он всегда любит вздремнуть после завтрака.

И вот великан позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся пересчитывать монеты. Считал-считал, наконец, стал клевать носом и храпел так, что весь дом опять затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо спящего людоеда, схватил один мешок с золотом и давай бог ноги! — прямо к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, к себе в сад, а сам начал спускаться по стеблю, все ниже и ниже, пока, наконец, не очутился дома.

Рассказал Джек обо всем матери, показал ей мешок с золотом и говорит:

— Ну что, мама, правду я сказал насчет этих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

— Не знаю, каковы эти бобы, — отвечала мать, — но что до людоеда, думаю, это тот самый, что убил твоего отца и разорил нас!

А надо вам сказать, что когда Джеку было всего три месяца, в их краях появился страшный великан-людоед. Он хватал кого попало, но особенно не щадил людей добрых и щедрых. А отец Джека, хотя и был сам небогат, всегда помогал беднякам и неудачникам.

— Ах, Джек, — закончила мать, — подумать только, что людоед и тебя мог съесть! Не смей никогда больше лазить по этому стеблю!

Джек пообещал, и они зажили с матерью в полном довольстве на те деньги, что были в мешке.

Но в конце концов мешок опустел, и Джек, забыв про свое обещание, решил еще разок попытаться счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока не очутился, наконец, на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, уж не тот ли ты юнец, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день муж мой не досчитался одного мешка с золотом.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Правда, кое-что я бы мог насчет этого рассказать, но мне так хочется есть, что пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу выговорить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека в дом и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать медленно-медленно. Но вдруг — топ! топ! топ! — услышали они шаги великана, и добрая женщина опять спрятала Джека в печь.

Все случилось, как и в прошлый раз. Людоед вошел и сказал: «Фи-фай-фо-фут...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, и он сказал курице: «Несись!» — и курица снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и в два счета оказался за дверью. Но тут курица закудахта-ла и разбудила людоеда. И как раз, когда Джек выбегал из дома, он услышал за собой голос великана:

— Жена, оставь в покое золотую курочку!

А жена в ответ:

— Да что это ты, голубчик!

Вот и все, что Джек успел расслышать. Он со всех ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул: «Несись!» — и курица снесла золотое яичко.

С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей: «Несись!» — курица несла по золотому яичку.

Мать пожурила Джека за то, что он послушался ее и опять ходил к людоеду, но курочка все же пришла ей по душе.

А Джек, неутомонный парень, через некоторое время решил опять попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез, и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он поступил осторожней и не пошел прямо в дом к людоеду, а подкрался потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша вышла с ведром за водой, и — шмыг в дом! Залез в медный котел и стал ждать. Недолго ждал, вдруг слышит знакомое «топ! топ! топ!», и вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фо-фут, дух британца чую тут! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, стало быть, это тот сорванец, что украл твое золото и курицу с золотыми яйцами. Наверное, он в печке сидит.

И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не там спрятался!

— Вечно ты со своим фи-фай-фо-фут! — проворчала жена людоеда и принялась готовить мужу завтрак.

Людоед уселся за стол, но успокоиться все не мог и то и дело бормотал:

— А все-таки могу поклясться, что... — он вскакивал из-за стола, обшаривал кладовую, и сундуки, и буфеты...

Все уголки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался. Наконец, кончил завтракать и крикнул:

— Эй, жена, принеси-ка мне золотую арфу!

Жена принесла арфу и поставила ее на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела и пела, пока людоед не заснул и не захрапел так, будто гром загремел.

Вот тут-то Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и дополз на четвереньках до самого стола. Вскарабкался на стол, схватил арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и тут же увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек помчался сломя голову, а великан за ним. Ему ничего не стоило поймать Джека, но Джек первым кинулся бежать,

и потому ему удалось увильнуть от великана. Да к тому же он хорошо знал дорогу. Когда он достиг бобового дерева, людоед был от него всего в двадцати шагах. И вдруг Джек пропал. Людоед туда, сюда — нет Джека! Наконец, догадался взглянуть на бобовый стебель и видит: Джек из последних своих силенок старается, ползет вниз. Боязно стало великану спускаться по шаткому стеблю, но тут арфа опять позвала:

— Хозяин! Хозяин!

И великан прямо-таки повис на бобовом стебле, а тот весь затрясся под его тяжестью.

Спускается Джек все ниже и ниже, а великан за ним. Но вот Джек уж над самым домом. Тут он как закричит:

— Мама! Мама! Неси топор! Неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю да так и застыла от ужаса: из облаков торчали огромные ножищи великана.

Но вот Джек прыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель качается и трясется, и остановился поглядеть, что случилось. Тут Джек как ударит топором еще раз и совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею.

Джек отдал матери золотую арфу, и они стали жить не тушить. А про великана и не вспоминали.

Джонни-Пончик

ИЛИ-БЫЛИ на свете старик со старухой, и был у них сынок. Как-то утром старуха замесила тесто, скатала пончик и посадила его в печку, чтобы он испекся.

— Ты смотри за Джонни-Пончиком, пока мы с отцом будем на огороде работать, — сказала она сыну.

И отец с матерью ушли окучивать картошку, а сынка оставили смотреть за печкой. Но ему это вскоре надоело. Вдруг слышит он какой-то шум, взглянул на печку и видит — дверца печки сама собой открывается, и выскакивает оттуда Джонни-Пончик.

Как покатится Джонни-Пончик прямо к открытой двери! Мальчик бросился закрывать ее, но Джонни-Пончик оказался проворнее — выкатился за дверь, перекатился через порог, скатился со ступенек и покатился по дороге. Со всех ног погнался за ним мальчик, клича родителей. Те услышали крик, бросили свои мотыги и тоже пустились в погоню. Но Джонни-Пончик уже был далеко и вскоре скрылся из виду. А старик со старухой и мальчик так запыхались, что уселись на скамью дух перевести.

Вот покатился Джонни-Пончик дальше и вскоре прикатился к двум рабочим, что рыли колодец. Рабочие перестали работать и спрашивают:

— Куда спешишь, Джонни-Пончик?

А Джонни-Пончик им в ответ:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал и от вас я убегу!

— От нас? Ну это мы еще посмотрим! — сказали рабочие.

Бросили кирки и погнались за Джонни-Пончиком.

Но куда там! Разве его догонишь? Пришлось рабочим сесть у дороги передохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к двум землекопам, что канаву рыли.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросили они.

А Джонни-Пончик им опять свое:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от вас тоже убегу!

— От нас? Ну это мы еще посмотрим! — сказали землекопы.

Бросили заступы и тоже погнались за Джонни-Пончиком. Но Джонни-Пончик катился быстрее. Увидели землекопы — не поймать им Джонни-Пончика, оставили погоню и присели отдохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к медведю.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросил медведь.

А Джонни-Пончик отвечает:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал и от тебя я убегу!

— От меня? — проворчал медведь. — Ну это мы еще посмотрим!

И медведь как задаст работки своим ногам, как припустит за Джонни-Пончиком! Но тот бежал себе без оглядки, и вскоре медведь так отстал, что и сам увидел — не угнаться ему за беглецом. Ну, он и растянулся у дороги, передохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше и вскоре прикатился к волку.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросил волк.

А Джонни-Пончик ему свое:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от тебя я убегу-у-у!

— От меня! — огрызнулся волк. — Ну это мы еще посмотрим!

И волк пустился во всю прыть за Джонни-Пончиком. Но тот катился все быстрее и быстрее, так что волк тоже отчаялся догнать его и улегся отдохнуть.

А Джонни-Пончик покатился дальше. И вскоре прикатился к лисе, что тихонько лежала возле изгороди.

— Куда спешишь, Джонни-Пончик? — спросила лиса ласковым голосом.

А Джонни-Пончик опять:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

Тут лиса наклонила голову набок и говорит:

— Не расслышу я что-то, Джонни-Пончик. Подойди-ка поближе!

Джонни-Пончик подкатился к лисе и громко прокричал:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

— Никак не расслышу. Подойди еще чуточку ближе! — попросила лиса слабым голосом.

А сама вытянула в сторону Джонни-Пончика шею и приложила лапу к уху.

Джонни-Пончик подкатился еще ближе, наклонился к самому уху лисы и прокричал что было силы:

— Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчишки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!

— От меня? Ну нет! — твякнула лиса и мигом схватила Джонни-Пончика своими острыми зубами.

Том-мальчик с пальчик

В О ВРЕМЕНА великого короля Артура жил могущественный волшебник по имени Мёрлин — самый искусный и всесильный чародей, какого только видел свет. Этот знаменитый волшебник умел принимать чей угодно образ, даже зверя или птицы. И вот однажды он отправился путешествовать под видом простого нищего. А когда сильно устал, остановился в доме одного пахаря и попросил у него постель.

Крестьянин радушно принял волшебника, а жена его, очень добрая женщина, тут же принесла деревянный кувшин с молоком и тарелку грубого темного хлеба.

Мёрлина порадовала доброта пахаря и его жены. Но он заметил, что хотя все в их доме выглядит приветливо и уютно, да и еды, судя по всему, вдоволь, нет в нем счастья. И он спросил их, отчего бы это, и хозяева ответили:

— Нет у нас детей, вот мы и горюем.

А женщина со слезами на глазах добавила:

— Я была бы самой счастливой на свете, если бы только был у меня сын. Будь он даже ростом с палец своего отца, не больше, я бы и то была довольна!

Мёрлин представил себе мальчика ростом с пальчик, и это так развеселило его, что он решил исполнить желание доброй женщины. И в самом деле, вскоре у жены пахаря появился сынок, только ростом он был с палец своего отца, не больше!

Сама королева фей пожелала взглянуть на крошечного мальчика. Она влетела в окно, когда мать сидела на постели и любовалась малюткой. Фея поцеловала его и дала ему имя Том — мальчик с пальчик. Потом она позвала других фей и приказала им нарядить ее крестного сына. Рубашку ему сшили из тонкой паутины, камзол — из листьев чертополоха. Штанишки смастерили из перышков певчих птиц. На красные чулки пошла ко-

жура спелых яблок. На башмачки — мягкая мышиная кожа, а бантики на них завязали из длинных ресниц. Вместо шляпы на голову Тому надели дубовый лист, разве плохо? Зимой и летом, в праздник и в будни — вот как славно был Том одет! И мать, и все соседки просто налюбоваться на него не могли.

Том так и остался ростом с большой палец своего отца, а у того пальцы были самые обыкновенные. Зато с годами он превратился в хитрющего мальчишку и выучился всяким проказам. Он очень любил играть с другими мальчиками, особенно в кости. И когда, случалось, проигрывал им все вишневые косточки, то потихоньку забирался к своим соперникам в сумку, набивал косточками свои карманы, а потом незаметно вылезал оттуда и продолжал играть как ни в чем не бывало.

Но вот как-то раз вылезает он, как обычно, с краденными косточками из чужой сумки, и тут его — хватъ! — поймали с личным.

— Ага, крошка Томми! — закричал владелец сумки. — Теперь я знаю, кто таскает мои вишневые косточки. Ну, погоди, поплатишься ты за свои воровские проделки!

И с этими словами он посадил Тома в сумку с вишневыми косточками и так встряхнул ее, что косточкам бедного Тома не поздоровилось.

— Выпусти меня! — завопил Том. — Я больше не буду воровать, только выпусти меня!

Мальчишка открыл сумку, и Том очутился на свободе.

И правда, какое-то время после этого он совсем не таскал чужих вишневых косточек.

Том был так мал, что мать часто теряла его из виду, особенно когда была чем-нибудь занята. И вот как-то раз принялась она готовить пудинг. А Тому захотелось посмотреть, как она это делает. Он вскарабкался на край деревянной миски, но поскользнулся и полетел кубарем прямо в тесто. Мать ничего не заметила и выложила Тома вместе с пудингом в салфетку, а потом опустила в чугунок с водой.

Тесто забилося Тому в рот, и он не мог закричать. Но вода была горячая, и он стал так брыкаться и вертеться, что мать подумала: «Не иначе как заколдовал кто-то мой пудинг. Наверное, бес вселился в него!»

И она вытряхнула недопеченный пудинг из чугунка прямо за дверь.

А в это время мимо дома проходил бедный лудильщик. Он подобрал пудинг, сунул его в сумку и зашагал дальше. Но тут, наконец, Том выплонул все тесто и принялся так громко кричать, что лудильщик до смерти перепугался, бросил пудинг и убежал прочь. Пудинг упал и разломился на куски, а Том выкарабкался из него и, весь в тесте, побежал домой.

Мать очень огорчилась, увидев свое сокровище в столь плачевном виде. Она посадила Тома в чайную чашку и отмыла тесто, потом поцеловала сына и уложила в постель.

Как-то вскоре после приключения с пудингом мать Тома отправилась на луг доить корову и взяла Тома с собой. Дул сильный ветер, она испугалась, как бы Тома не унесло, и привязала его тонким шнурком к чертополоху. А корова увидела на голове у мальчика с пальчик шляпу из дубового листка, захотела им полакомиться и отправила его в рот, вместе с Томом и чертополохом. Том увидел страшные зубы коровы и закричал что было силы:

— Мама, мама!

— Где ты, Томми, мой маленький Томми? — отозвалась мать.

— Здесь, мама! — отвечал он. — Во рту у коровы!

А корова очень удивилась: кто это шумит у нее во рту? Она открыла от удивления рот и выронила Тома. К счастью, мать на лету подхватила Тома в передник, не то он сильно расшибся бы.

А несколько дней спустя отец сделал Тому из ячменной соломинки кнут — скотину погонять. Том побежал с этим кнутом в поле, да поскользнулся и скатился в борозду. Мимо пролетал ворон, подхватил Тома и полетел с ним через море, а над морем вдруг выпустил его из клюва.

И в тот же миг Тома проглотила большущая рыба. Но вскоре эту рыбу поймали и продали на кухню короля Артура. Когда же ее распотрошили, то увидели крошечного мальчика. Все очень удивились, а Том обрадовался, что опять вышел на свободу.

И вот мальчика с пальчик отнесли к самому королю и поставили перед ним на стол. Но он и тут нашелся: снял свою шляпу из дубового листка и низко поклонился королю, королеве, придворным дамам и Рыцарям Круглого Стола. Королю это так понравилось, что он тут же назначил мальчика с пальчик придворным карликом.

Говорят, что когда король выезжал куда-нибудь верхом, он часто брал Тома с собой. А если начинался ливень, мальчик с пальчик прятался в жилетном кармане его величества и спал там, пока дождь не прекращался.

Однажды король спросил Тома:

— А кто твои родители? Они, что ж, такие же малютки, как ты?

— Ой нет, ваше величество! — ответил Том. — Отец и мать у меня самые обыкновенные люди, вроде ваших крестьян. Они не ниже ростом, чем любой из ваших придворных. Только живется им куда хуже!

— Ну что же, — сказал король (он был щедрый господин и очень любил своего малютку-придворного), — можешь пойти

в мою сокровищницу — там хранятся все мои деньги — и взять столько монет, сколько ты в силах донести до отчего дома.

Глупышка Том даже запрыгал от радости. Притащил кошелек из мыльного пузыря, и король опустил в него серебряный трехпенсовик!

Нелегко было нашему герою взвалить себе на спину такую ношу! Наконец ему удалось это, и он тронулся в путь. И вот, не встретив никаких препятствий и отдыхая в дороге не более ста раз, он через два дня и две ночи благополучно достиг отцовского дома. Тут мать выбежала ему навстречу и унесла его в дом.

Но вскоре Том опять вернулся ко двору.

Надо сказать, что одежда Тома сильно пострадала и от теста, когда он упал в пудинг, да и в желудке у рыбы. И вот его величество приказал сшить Тому новый костюм, а вместо коня дать ему мышшь, чтобы он восседал на ней верхом, как положено рыцарю.

Придворные портные из зеленых стрекозиных крыльев сшили ему камзол. Придворные сапожники обули его в сапожки из цыплячьей кожи. А мечом славному рыцарю Тому послужила золотая булава. Конем — белая мышшь.

Конечно, было очень забавно видеть Тома в таком наряде да еще верхом на мышши, когда он вместе с королем и всей знатью выезжал на охоту. Все так и покатывались со смеху, как только он появлялся на своем лихом скакуне.

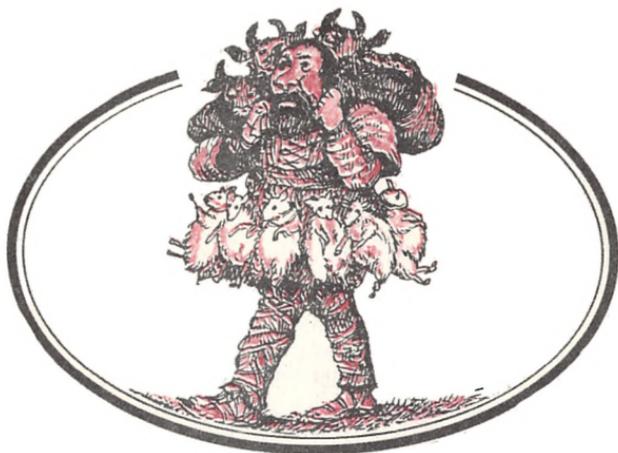
Том умел прекрасно держать себя, и это очень нравилось королю. Король приказал сделать для мальчика с пальчик маленькое кресло, и Тому разрешалось сидеть в нем на столе его величества. Король заказал также Тому золотой дворец высотой с ладонь, с дверью шириною в два пальца и подарил ему карету, запряженную шестеркой маленьких мышшек. Он возвел мальчика с пальчик в рыцари и приказал величать его сэром Томас.

Но тут королева вознегодовала, что мальчику с пальчик оказывают такие почести, и решила его погубить. Она сказала королю, что маленький рыцарь замышляет против него заговор.

Король тотчас послал за Томом, и бедного мальчика с пальчик заточили в мышшеловку. Да на счастье, кошка заметила, что в мышшеловке кто-то шевелится, и стала теревить ее лапкой, сломала задвижку и выпустила Тома на свободу. Тут он увидел на земле красивую большую бабочку, подкрался потихоньку и вскочил на нее верхом. Бабочка подняла его в воздух и перелетала с ним от куста к кусту, с дерева на дерево, с одного поля на другое, пока в конце концов не принесла его к дому родителей.

Как же обрадовались отец и мать, когда снова увидели своего мальчика с пальчик! Они стали его уговаривать никуда больше не уезжать от них. Но Тому, как мы знаем, и не хотелось возвращаться ко двору короля Артура, и он с радостью согласился навсегда остаться в родном доме.

Джек-Победитель Великанов

ЦАРСТВОВАНИЕ доброго короля Артура в графстве Корнуэлл, на мысу Лэндс-энд жил крестьянин, и был у этого крестьянина единственный сын по имени Джек. Джек был ловкий парень с таким быстрым и живым

умом, что никто и ни в чем не мог с ним потягаться.

В те дни на острове, именуемом Корнуэллская гора, обитал страшный великан — Корморен. Ростом он был с хороший дом, или замок, в обхват толще самого толстого дерева, а лицом — страшилище да и только. Был он так свиреп и грозен, что все окрестные города и села дрожали перед ним. Жил Корморен в пещере, в самом сердце горы, а когда ему хотелось есть, он брел по воде на большую землю и хватал все, что попадалось под руку. Завидев его, люди покидали свои дома и разбегались кто куда. Великан ловил их скот — ему было нипочем утащить на спине полдюжины быков за раз, а овец и свиней он просто называл себе на пояс, как связку сальных свечей. Многие годы он был грозой всего Корнуэлла.

Но вот в городской ратуше созвали совет, чтобы решить, как бороться с великаном. И туда зашел Джек. И Джек спросил:

- А какую награду получит тот, кто убьет Корморена?
- Все сокровища великана! — ответили Джеку.
- Тогда поручите это дело мне! — сказал он.

Раздобыл он себе рожок, кирку и заступ и, как только спустился темный зимний вечер, добрался до Корнуэллской горы и принялся за работу.

Не успело настать утро, а Джек уже вырыл яму, в которой мог поместиться целый дом с курятником. Потом покрыл ее

длинными ветками и соломой, а сверху еще землей присыпал, чтобы казалось, будто это ровное место. Уселся Джек на край ямы, подальше от жилища великана, и когда занялся день, приложил к губам свой рожок и заиграл веселый галоп. Великан проснулся и с криком выбежал из пещеры:

— Ах ты, негодяй! Как посмел ты нарушить мой покой? Я этого не потерплю! Вот погоди, поймаю тебя да изжарю себе на завтрак!

Но не успел великан выкрикнуть эти угрозы, как бухнулся в яму, от чего Корнуэллская гора даже вздрогнула.

— Что, великан, попался? — крикнул ему Джек. — Ну, а как же теперь насчет того, чтобы изжарить меня на завтрак? Может, лучше что другое съешь? Зачем тебе бедный Джек?

Поиздевавшись над великаном, Джек ударил его со всего размаха тяжелой киркой по макушке и убил наповал. Потом засыпал яму землей и отправился искать пещеру Корморена. Нашел пещеру, а в ней — груды сокровищ!

Городской магистрат узнал о подвиге Джека и объявил всем, что отныне Джека следует величать:

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ.

И пожаловал Джеку меч и пояс, на котором были золотом вышиты слова:

*СЕЙ КОРНУЭЛЛСКИЙ ОТРОК СМЕЛ —
ОН КОРМОРЕНА ОДОЛЕЛ.*

Весть о победе Джека вскоре разнеслась по всей Западной Англии. Дошла она и до другого великана, Бландебора, и тот поклялся при первой же встрече отомстить Джеку. Бландебор владел заколдованным замком, что стоял посреди дремучего леса.

И вот месяца четыре спустя Джек отправился в Уэльс и проходил по опушке этого леса. Он очень устал и присел отдохнуть возле веселого ручейка, да и заснул крепко. А пока он спал, к ручью пришел за водой сам Бландебор, увидел Джека, прочитал надпись на его поясе и сразу узнал, что это Джек — Победитель Великанов. Не долго думая, великан взвалил Джека на плечи и потащил в свой замок.

Дорогой пришлось ему пробираться через чащу, и шум ветвей разбудил Джека. С ужасом Джек понял, что попал в лапы великана. Но самое страшное было впереди!

Бландебор дошел до своего замка, отнес бедного Джека в огромную комнату и запер там, а сам пошел за другим великаном — своим братом, который жил в том же лесу, — чтобы вместе с ним полакомиться юношей.

Джек подождал-подождал, потом подошел к окну и увидел вдали двух великанов.

«Ну, — подумал Джек, — сейчас я либо умру, либо спасусь!» Тут он заметил, что в углу комнаты лежат крепкие веревки. Вот Джек взял две веревки, завязал на конце каждой надежную петлю, и пока великаны отпирали железную дверь замка, накинул им петли на шею, а концы веревок перебросил через балку и что было силы потянул вниз. Великаны и задохнулись. Джек отпустил веревки, выхватил свой меч и пронзил обоих братьев. Потом взял ключи Бландебора и отпер все комнаты замка. В комнатах он нашел трех девушек.

— Прекрасные леди! — сказал им Джек. — Я умертвил чудовище и его жестокого брата. Вы свободны!

Тут Джек вручил девушкам все ключи и пошел своей дорогой в Уэльс.

Джек спешил и шагал очень быстро, но заблудился. Ночь стала его в какою-то ложбину и увидел большой дом. Собрался с духом и постучал в ворота. И тут, к его изумлению, из дома вышел громадный великан о двух головах.

Однако он казался не таким свирепым, как другие великаны. Это был уэльский великан, и людям он причинял зло исподтишка, прикидываясь их другом. Джек попросился переночевать, и великан отвел его в спальню. А посреди ночи Джек услышал, как его хозяин бормочет в соседней комнате:

Хоть ты и лег на мою кровать,
С нее тебе уже не встать —
По ней дубинка пойдет плясать.

— Так вот что ты задумал! — прошептал Джек. — Узнаю твои уэльские шуточки! Но я тебя перехитрю!

Тут Джек вскочил с кровати, положил вместо себя бревно, а сам спрятался в углу. Глухой ночью уэльский великан вошел в комнату и принялся молотить тяжелой дубиной по кровати. Он был уверен, что перемолол Джеку все кости, но Джек наутро вышел из своего угла и, усмехаясь, поблагодарил хозяина за ночлег.

— Хорошо ли отдохнул? — спросил его великан. — Может, тебя что-нибудь беспокоило ночью?

— Да нет! — ответил Джек. — Вот только крыса какая-то раза два задела меня хвостом.

Подивился великан. Потом повел Джека завтракать и поставил перед ним пудовую миску мучного пудинга. Джеку не хотелось признаться, что ему столько не съесть. Вот он сунул себе

под куртку большой кожаный мешок и пока ел, незаметно перекладывал туда пудинг, а после завтрака сказал великану, что сейчас покажет ему чудо. Взял нож и распорол мешок — пудинг-то весь и вывалился.

— Погоди, погоди! — вскричал великан. — Такое чудо и мы можем тебе показать!

Схватил нож, вспорол себе брюхо и тут же упал замертво.

А случилось это как раз в те дни, когда единственный сын короля Артура попросил у отца кучу денег: он хотел попытаться счастья в княжестве Уэльском, где жила красавица, одержимая семью злыми духами. Король всячески отговаривал сына, но тщетно. Наконец, пришлось ему уступить, и принц тронулся в путь с двумя конями — на одном сам ехал, а на другом мешок с деньгами вез.

Через несколько дней принц въехал в один уэльский город и увидел на площади большую толпу. Он спросил людей, зачем они собрались, и те ответили, что стерегут покойника — не дают его хоронить, потому что он при жизни задолжал им большие деньги. Подвинулся принц жестокосердию этих людей и сказал:

— Ступайте, похороните его, а потом приходите ко мне — я выплачу все его долги сполна.

Тут принца осадил столько людей, что к вечеру у него осталось всего два пенса.

А в это время через город проходил Джек — Победитель Великанов. Щедрость принца пришлась ему по душе, и Джек попросился к нему на службу. Принц согласился взять Джека, и наутро они тронулись в путь вместе. Когда они выезжали из города, принца окликнула какая-то старуха. Она сказала:

— Вот уже семь лет, как покойник взял у меня в долг два пенса. Прошу вас, заплатите мне, как платили другим!

Принц сунул руку в карман, вытащил последние свои деньги и отдал их женщине. У Джека еще оставалось несколько монет, но путники в тот же день истратили их на обед, и оба оказались без гроша.

Перед самым заходом солнца королевский сын сказал:

— Где же нам ночевать, Джек? Ведь денег-то у нас нет.

На это Джек ответил:

— Ночлег найдется, господин мой! В двух милях отсюда живет огромный, страшный великан о трех головах. Ему нипочем сразиться одному с пятьюстами воинами сразу и разогнать их, как мух!

— Ну, — сказал принц, — тогда нам у него делать нечего! Великан проглотит нас одним махом. Да что там! Ведь мы с тобой в дупле его гнилого зуба уместимся!

— Пустяки! — возразил Джек. — Я пойду вперед и подготовлю тебе встречу. Оставайся здесь и жди, пока я не вернусь!

И Джек во весь опор поскакал дальше. Подъехал к воротам замка и застучал так громко, что стук его отдался от всех окрестных холмов. А великан заревел в ответ, словно гром загремел:

— Кто там?

Джек ответил:

— Это я, твой племянник, разве не узнаешь?

Великан спросил:

— Какие вести принес, мой племянничек?

— Плохие, дорогой дядюшка! — ответил Джек.

— Но-но! — сказал великан. — Разве можно приносить мне плохие вести? Ведь я — трехголовый великан. Я, как ты знаешь, выхожу сражаться против пятисот воинов в доспехах, и они разлетаются от меня во все стороны, как солома по ветру.

— Да, но сюда идет королевский сын с целой тысячей вооруженных воинов! — сказал Джек. — Они хотят убить тебя и уничтожить все твоё имущество!

— Вот как, племянник! — молвил великан. — Ну это и впрямь плохие вести! Я побегу спрячусь, а ты запри меня на замок, на застав и на задвижку да держи ключи при себе, пока принц не убежит отсюда.

Джек запер великана и поехал за принцем. В замке путники повеселились всласть, а великан лежал и трясся в подземелье.

Наутро Джек спозаранку запасся золотом и серебром для своего господина и посоветовал ему уехать на три мили вперед — ведь за три мили великан не мог учуять принца. Потом Джек вернулся и выпустил великана из подземелья.

— Чем тебя наградить за то, что ты спас мой замок от разграбления? — спросил великан.

— Да что там! — ответил Джек. — Ничего мне не надо. Вот разве отдай мне свою поношенную куртку, шапку да еще старый ржавый меч и ночные туфли, что валяются у тебя под кроватью.

— Ты не знаешь, чего просишь! — сказал великан. — Ведь это самые драгоценные мои сокровища. Стоит тебе надеть куртку, и ты сразу станешь невидимым. Шапка расскажет обо всем, что ты захочешь узнать. Меч изрубит на куски все, что ты им ударишь. А туфли в один миг унесут тебя, куда только пожелаешь. Но уж так и быть! Ты мне хорошо послужил. Дарю тебе от чистого сердца все, что ты просишь!

Джек поблагодарил великана, забрал подарки и ушел.

Он быстро нагнал своего господина, и они вместе вернулись ко двору короля Артура. Там Джек за все свои подвиги был по-

священ в Рыцари Круглого Стола. Но спустя некоторое время он снова отправился на поиски великанов. Не успел он далеко отъехать, как увидел пещеру. У входа в нее на деревянном чурбане сидел великан с узловатой чугунной палицей на боку. Вытаращенные глаза великана горели огнем, уродливое лицо его было свирепо, щеки походили на свиные окорока, а борода топорщилась, словно железные прутья. Волосы падали на его могучие плечи, как извивающиеся змеи, как шипящие гадюки.

Джек соскочил с коня, накинул куртку-невидимку и пошел к великану, бормоча про себя:

— Ага, вот ты где! Ну, ты и глазом не моргнешь, как я схвачу тебя за бороду!

Великан не видел Джека — ведь тот был в куртке-невидимке. И вот Джек подкрался к чудовищу и вогнал ему свой меч в спину по самую рукоятку. Великан мертвым повалился на землю. Тут Джек отрубил ему голову и отослал ее вместе с головой другого великана — его брата — королю Артуру. А потом и сам туда прибыл.

По этому случаю в королевском замке устроили большой пир. Но вдруг в самый разгар веселья гонец принес весть, что двухголовый великан Тандерделл услышал о смерти своих родичей и прибыл из северных долин, чтобы отомстить Джеку; он сейчас уже всего в одной миле от замка, и все окрестные жители бегут от него кто куда. Но Джек ничуть не испугался.

— Попробуй он сюда сунуться, я ему все зубы пересчитаю! А вас, господа, прошу выйти в сад и посмотреть, как будет убит великан Тандерделл!

Замок стоял на острове, окруженном глубоким и широким ровом. Ров был залит водой, и переходили через него по разводному мосту.

И вот Джек позвал слуг, чтобы те обрубili мост с боков почти до самой середины. Потом надел куртку-невидимку и выступил против великана с острым мечом в руках. Великан не видел Джека, но учуял его по запаху и закричал:

— Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут!
Мертвый он или живой—
Попадет на завтрак мой!

— Ах вот как! — молвил Джек. — Ну и обжора ты!

А великан снова закричал:

— Так это ты, негодяй, погубил моих родичей?! Вот я сейчас растерзаю тебя зубами, высосу из тебя кровь, а кости твои сотру в порошок!

— Сначала поймай-ка меня! — ответил Джек и сбросил свою куртку-невидимку, чтобы великан его увидел.

Потом надел туфли-скороходы и побежал прочь. А великан погнался за ним, и чудилось, будто это какой-то замок сдвинулся с места, и сама земля трясется под каждым его шагом.

Джек долго заставлял великана гоняться за собой — хотелось ему позабавить дам и кавалеров. Потом решил, что пора кончать игру, и легко взбежал на мост. Великан во весь дух мчался за ним с дубинкой в руках. Но не успел он добраться до середины, как мост провалился под тяжелым грузом, и великан рухнул вниз головой прямо в воду и стал ворочаться и барахтаться в ней, словно кит. А Джек стоял возле рва и потешался над ним. Но как ни злился великан, слыша насмешки Джека, как ни метался в воде, не удалось ему выбраться из рва, чтобы расчитаться с врагом.

Наконец Джек схватил вожжи, накинул их великану на головы и с помощью упряжки лошадей вытащил его на берег, потом отрубил своим острым мечом обе головы и преподнес их королю Артуру.

Некоторое время Джек провел в празднествах и развлечениях, а потом опять покинул прекрасных дам и рыцарей и отправился на поиски приключений. Через много лесов пробирался Джек, пока, наконец, не подошел к подножию высокой горы. И там, уже поздней ночью, увидел одинокий дом. Он постучал в дверь, и ему открыл старик, с волосами белыми как снег.

— Отец, — сказал ему Джек, — пусти переночевать! Я заблудился, и ночь застала меня в дороге.

— Входи! — ответил старик. — Добро пожаловать в мою уютную хижину.

Джек вошел, они уселись рядом, и старик повел такую речь:

— Сын мой, я вижу по надписи на твоём поясе, что ты великий победитель великанов. Так слушай же, сын мой! На вершине этой горы стоит заколдованный замок. Им владеет великан Галлигантюа. С помощью одного старого колдуна великан заманивает к себе рыцарей и дам и волшебными чарами превращает их в разных тварей. Но особенно меня печалит судьба дочери герцога. Они схватили ее в отцовском саду и унесли по воздуху в горящей колеснице, запряженной огненьшащими драконами. В замке ее заперли и превратили в белую лань. Многие рыцари пытались рассеять волшебные чары и освободить девушку, да никому это не удалось — у ворот замка сидят два страшных грифона, они уничтожают каждого, кто к ним приблизится. Но ты, сын мой, пройдешь мимо них невидимо. А на воротах замка ты увидишь высеченную крупными буквами надпись. Она подскажет тебе, как рассеять колдовство.

Джек поблагодарил старика и обещал, что утром попытается освободить дочь герцога, хотя бы ему это стоило жизни.

Наутро Джек поднялся, надел куртку-невидимку, волшебную шапку, туфли-скороходы и приготовился к битве.

Едва он поднялся на вершину горы, как тотчас увидел огнедышащих грифонов. Но он без страха прошел мимо них — ведь он был в куртке-невидимке. На воротах замка на серебряной цепи висел золотой рог, а под ним были высечены слова:

Кто в золотой рог заиграет,
Тот замок разрушит, но страха не узнает.
Колдуна и великана он победит
И всех воскресит. А король его наградит.

Как только Джек прочел эти строки, он задул в рог, и огромный замок затрясся до самого основания, а великана и колдуна охватило великое смятение. Они принялись кусать локти и рвать на себе волосы, чуя, что скоро придет конец их злой власти!

Великан нагнулся за своей палицей, и тут Джек одним ударом снес ему голову, а колдун поднялся в воздух, и вихрь унес его прочь.

Злые чары рассеялись. Все, кто был превращен в птиц и зверей, снова стали людьми, а замок исчез в клубах дыма.

Джек, как всегда, отправил голову великана ко двору короля Артура, а на другой день и сам поехал туда вместе с рыцарями и дамами, которых он освободил.

В награду за верную службу король уговорил герцога отдать свою дочь за честного Джека.

Они обвенчались, и все королевство веселилось на их свадьбе. А потом король подарил Джеку великолепный замок с богатыми угодьями, и Джек прожил там с женой остаток дней своих в любви и согласии.

Черный Бык Норроуэйский

ИЛИ НЕКОГДА король, и было у него три дочери. Старшие дочки были очень некрасивые и к тому же гордячки, а младшая — такая красавица, такая кроткая, что не только родители, но и все люди в королевстве не могли на нее нарадоваться.

И вот раз вечером сидели все три принцессы вместе и говорили о том, за кого им хотелось бы выйти замуж.

— Я бы пошла только за короля, — молвила старшая принцесса.

Средняя принцесса сказала, что выйдет замуж только за принца или герцога.

— Ах, какие вы гордячки! — рассмеялась младшая. — А я бы согласилась пойти хоть за Черного Быка Норроуэйского!

И больше принцессы об этом не говорили. А на другое утро только они сели завтракать, как за дверью раздался страшный рев — это Черный Бык Норроуэйский явился за своей невестой. Ну и перепугались все во дворце! Ведь Черный Бык был страшнлице из страшилищ.

Король с королевой не знали, как спасти дочь. Наконец они решили подменить невесту и вывели к чудовищу старуху птичницу. Посадили ее быку на спину, и тот умчался с ней прочь.

Вот бык прибежал в дремучий лес, сбросил свою ношу на землю и увидел, что невесту подменили. Тогда он помчался обратно и ворвался во дворец с еще более громким и свирепым ревом.

На этот раз король с королевой вывели к нему служанку, но им опять не удалось его обмануть.

Одну за другой отдали они быку всех служанок, а потом и двух старших дочерей, но и с ними бык обошелся не лучше, чем со старухой птичницей. Волей-неволей пришлось королю и королеве отдать ему свою младшую, любимую дочь.

Далеко унес ее Черный Бык. Мчался он дремучими лесами и безлюдными пустошами, пока не прибежал, наконец, к богатому замку, где в это время собралось много гостей. Владелец замка удивился, когда увидел на спине у страшного быка прелестную принцессу, однако пустил их в замок. Когда все сели за стол, принцесса заметила в шкуре Черного Быка булавку и вытащила ее. И вдруг дикий зверь превратился в прекрасного юношу!

Велика была радость принцессы, когда юноша упал к ее ногам и стал благодарить ее за то, что она рассеяла злые чары и расколдовала его; да и все в замке ликовали и веселились. Но увы! В самый разгар веселья юноша исчез. Обыскали все углы и закоулки, но так его и не нашли.

Только что принцесса себя не помнила от счастья, а теперь сердце у нее разрывалось от горя. И вот она решила обойти хоть весь свет, но найти прекрасного юношу.

Много путей и дорог исходила она, но долго, очень долго ничего не слышала о своем любимом.

И вот как-то брела она темным лесом и заблудилась. Спустилась ночь, и принцесса решила, что пришла ее смерть: или в лесу замерзнет, или с голоду умрет. Но вдруг она заметила между деревьями огонек. Пошла на этот огонек и увидела маленькую хижину. В хижине жила старенькая старушка. Старушка пригласила ее зайти, покормила и оставила ночевать.

Наутро старушка дала девушке три ореха и молвила:

— Не разбивай их, пока тебе самой горе чуть не разобьет сердца!

Потом показала принцессе дорогу и пожелала ей удачи.

И вот опять принцесса отправилась в путь. Вскоре мимо нее проехало несколько дам и кавалеров, и все они весело болтали о том, как будут праздновать свадьбу герцога Норроуэйского. Потом девушка нагнала еще каких-то нарядных людей. Они тоже торопились на свадьбу герцога и чего только не несли с собой!

Наконец принцесса добралась до замка, где толпы поваров и пекарей озабоченно сновали взад-вперед, не зная, за что взять-

ся сначала. Пока принцесса стояла и смотрела на них, за ее спиной раздался шум. Это вернулись с охоты знатные гости, и один из них крикнул:

— Дорогу герцогу Норроуэйскому!

И мимо принцессы промчались ее возлюбленный и прекрасная леди.

Тут принцесса почувствовала, что горе вот-вот разобьет ей сердце, но она вспомнила наказ старушки и разбила один орех. И тотчас из него вышла крошечная фея; в руках у нее была шерсть, которую она принялась расчесывать.

Принцесса поспешила в замок и спросила разрешения повидать прекрасную леди. Как только леди увидела крошечную фею, которая продолжала с усердием работать, она сказала, что ничего не пожалеет, лишь бы получить ее.

— Я подарю ее вам,— молвила принцесса.— Но с одним условием: отложите на один день вашу свадьбу с герцогом Норроуэйским и позвольте мне войти ночью в его комнату и посидеть у его постели.

Прекрасной леди так хотелось получить чудесный орех с маленькой феей, что она согласилась. И когда настала темная ночь и герцог крепко заснул, принцессу впустили к нему в опочивальню. Она села у его постели и запела:

Я искала тебя,
Я любила тебя,
Проснись,
Взгляни на меня.

Она все пела и пела свою песню, но герцог не просыпался. А утром принцессе пришлось уйти, и он так и не узнал, что она была в его спальне.

Тогда принцесса расколола второй орех. Из него вышла крошечная фея с прялкой. Она так понравилась прекрасной леди, что та охотно согласилась отложить свадьбу еще на день, лишь бы получить и этот орех с маленькой феей.

А принцессе и в эту ночь не удалось разбудить герцога. В отчаянии расколола она последний орех. Из него опять вышла крошечная фея и стала быстро-быстро наматывать шерсть на катушки.

Прекрасная леди получила и этот орех, и согласилась отложить свадьбу еще на день, и позволила девушке провести еще одну ночь в спальне герцога.

Но в это утро, когда герцог одевался, слуга спросил, что за странная песня и плач доносились из его спальни в последние две ночи.

— Я ничего не слышал,— сказал герцог.— Тебе, наверное, померещилось.

— А вы примите на ночь какое-нибудь снадобье, чтобы не заснуть,— посоветовал слуга.— Тогда тоже услышите песню и плач. Мне они вот уже две ночи как не дают спать.

Герцог послушался совета слуги. А принцесса ночью опять вошла к нему и села у его постели. Она тяжело вздыхала и думала, что видит его в последний раз. Но только герцог услышал голос своей возлюбленной, как тут же вскочил. Он очень обрадовался, что принцессе удалось его найти, и рассказал ей, что его заколдовала волшебница и злыми чарами заставила обручиться с ней.

— Но теперь ее чары рассеялись,— молвил он,— потому что мы с тобой опять вместе.

Принцесса была очень счастлива, что ей еще раз удалось расколдовать герцога, и согласилась выйти за него замуж. А злая волшебница, испугавшись герцогского гнева, покинула навсегда его страну, и больше никто о ней ничего не слышал.

В замке стали спешно готовиться к свадьбе, сыграли ее, и тем счастливо закончились приключения Черного Быка Норроуэйского и странствия младшей дочери короля.

Волшебная мазь

ТЕТКА ГУДИ была няней. Она ухаживала за больными и нянчила маленьких детей. Однажды ее разбудили в полночь. Она спустилась из спальни в прихожую и увидела странного косоглазого старичка. Он попросил тетку Гуди поехать к его жене — та была слишком слаба, как он объяснил, и не могла сама нянчить своего грудного ребенка.

Тетке Гуди не понравился странный посетитель, но дело есть дело. И вот она наскоро оделась и вышла с ним из дома. Он тут же усадил ее на черного как смоль скакуна с горящими глазами, и они понеслись куда-то с невиданной быстротой. Боясь упасть, тетка Гуди изо всех сил вцепилась в косоглазого старичка.

Они мчались и мчались, пока не остановились, наконец, у дверей небольшого домика. Тут они слезли с коня и вошли в дом. Хозяйка лежала в постели, а младенец — чудесный, здоровый мальш — рядом с ней. Вокруг играли дети.

Тетка Гуди взяла ребенка на руки, а мать протянула ей баночку с мазью и велела намазать ребенку глазки, как только он их откроет.

Через некоторое время ребенок приоткрыл глазки, и тетка Гуди заметила, что он тоже косит, как и отец. Она взяла баночку с мазью и намазала ребенку веки.

«Для чего бы это?» — ломала себе голову тетка Гуди. В жизни она не видывала, чтобы младенцам мазали веки. И вот она улучила минутку, когда никто на нее не смотрел, и легонько помазала свое правое веко.

Не успела она это сделать, как все будто изменилось вокруг. Убранство в комнате показалось роскошным. Женщина в постели превратилась в прекраснейшую леди, разодетую в белый

шелк. Младенец выглядел еще милее, чем прежде, а пеленки его сделались прозрачными и сверкающими, словно серебряная кисея. Зато его братишки и сестренки, что играли у постели, превратились в бесенят с приплюснутыми носами, острыми ушками и длинными волосатыми лапками. Они строили друг другу рожи, царапались, таскали за уши большую мать — словом, чего только не творяли. И тут тетка Гуди поняла, что попала в дом к бесам.

Но она ни слова об этом не проронила. А как только женщина поправилась и могла сама нянчить ребенка, тетка Гуди попросила хозяина отвезти ее домой. Он подвел к дверям черного как смоль коня с горящими глазами, и они поскакали так же быстро, как в прошлый раз, а может, еще быстрее, пока не достигли дома тетки Гуди. Косоглазый старик снял ее с коня, весьма вежливо поблагодарил и расплатился с нею так, как ей никогда еще не платили за подобные услуги.

На другой день — это был базарный день — тетка Гуди отправилась за покупками. Ведь она надолго отлучалась из дома, и ей кой-что понадобилось для хозяйства. Вот стала она приценяться к товарам и вдруг увидела того самого косоглазого старичка, что возил ее на черном как смоль коне! А что, вы думаете, он делал на базаре? Он ходил от прилавка к прилавку и с каждого брал что-нибудь: с этого фрукты, с того яйца... И никто как будто не замечал этого.

Тетка Гуди полагала, что не ее дело вмешиваться. Однако она решила, что не следует упускать такого щедрого клиента, не перемолвившись с ним словечком-другим. Вот подходит она к нему, отвешивает поклон и говорит:

— Добрый день, сэръ! Надеюсь, ваша жена и малыши чувствуют себя так же хорошо, как...

Но не успела она закончить, как странный старичок отпрянул от нее с удивлением и воскликнул:

— Как, вы меня сейчас видите?!

— Вижу вас? — переспросила она. — Ну, конечно! Так же ясно, как вижу солнце в небе. И даже более того, — прибавила она, — я вижу, что вы очень заняты... выгодными покупками.

— Вот как? Значит, вы слишком много видите, — сказал он. — А ну, скажите-ка, пожалуйста, каким глазом вы все это видите?

— Правым, конечно, — ответила она, довольная тем, что уличила его.

— Мазь! Мазь! — вскричал старый бес-ворюга. — Получай же за то, что суешься не в свои дела! Больше ты меня не увидишь!

Тут он ударил ее по правому глазу, и она тотчас перестала его видеть.

Но что хуже всего, с этого часа она окривела на правый глаз, да так и осталась кривой до самой своей смерти.

ИЛИ-БЫЛИ когда-то на свете король, королева и королевские дети. Ах, нет, детей-то как раз у короля с королевой и не было, хотя женаты они были уже давно. Но вот наконец родила королева мальчика. Короля в это время не было дома: он уехал в дальние страны, — и королева не стала давать имя сыну без отца.

— До возвращения короля, — сказала она, — мы будем называть мальчика просто Ничто-Ничего.

Однако короля пришлось ждать слишком долго, и мальчик успел вырасти в статного и красивого юношу.

Наконец король пустился в обратный путь. По дороге ему встретилась, глубокая, бурная река, и он никак не мог переправиться через нее. Тут подходит к нему великан и говорит:

— Я могу тебя перенести!

— А что ты возьмешь за это? — спрашивает король.

— Да что с тебя взять? Ладно уж, Ничто-Ничего! Садись ко мне на спину, и я живо тебя перенесу.

Король ведь не знал, что так прозвали его сына — Ничто-Ничего. Вот он и сказал:

— Ничто так ничто, ничего так ничего! А мою благодарность получишь в придачу.

Вернулся король домой и очень обрадовался и своей жене, и большому сыну. Королева рассказала ему, что без него сыну не дали никакого имени, а звали его просто Ничто-Ничего.

Бедный король так и всплеснул руками.

— Что я наделал! — воскликнул он. — Ведь я обещал отдать великану Ничто-Ничего! За то, что он перенес меня на спине через реку.

Король и королева были несказанно опечалены, но они решили:

— Когда великан придет, мы отдадим ему сына нашей птичницы. Он и не заметит, что мальчика подменили.

На другой день великан явился к королю за обещанным. Король тотчас велел позвать сына птичницы, и великан взвалил его себе на спину и унес.

Долго шел великан, пока не увидел подходящую скалу. Сел на нее передохнуть и спрашивает:

— Эй, ты там, на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А бедный паренек отвечает:

— Тот самый, когда моя матушка-птичница собирает яйца королеве на завтрак.

Тут великан очень рассердился, бросил мальчика и, разгневанный, вернулся назад к королю. На этот раз король и королева отдали ему сына садовника. Взвалил великан его к себе на спину и отправился восвояси. Добрался опять до той скалы, присел на нее отдохнуть и спрашивает:

— Эй, ты там, на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А сын садовника отвечает:

— Да, наверное, тот самый, когда моя матушка собирает овощи для королевского обеда.

Тут великан уж совсем рассвирепел, вернулся в королевский дом и пригрозил, что уничтожит всех, если ему на этот раз не отдадут Ничто-Ничего.

Пришлось отдать ему королевича. Вот дошел великан до скалы и спрашивает:

— Который теперь час?

А Ничто-Ничего отвечает:

— Тот самый, когда мой отец-король обычно садится за ужин.

— Вот теперь я получил, что хотел! — обрадовался великан. И он отнес Ничто-Ничего к себе домой.

Так и остался Ничто-Ничего в доме великана и жил там, пока не стал взрослым.

А у великана была красивая дочка. И вот она и Ничто-Ничего

полюбили друг друга. Как-то раз великан и говорит Ничто-Ничего:

— Завтра я тебе задам работенку! Есть у меня конюшня в семь миль длиной и в семь шириной. Ее не чистили семь лет. Вычисти ее завтра к вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро дочка великана принесла Ничто-Ничего завтрак и застала его в горе и печали: как ни старался он вычистить конюшню, не смог. Выгребет всю грязь, а она опять нарастает.

— Не печалься, я помогу тебе!— сказала дочка великана и кликнула клич всем тварям земным и всем птицам небесным.

И тотчас со всего света к ней сбежались звери и слетелись птицы. Они вынесли из конюшни всю грязь и успели вычистить ее до возвращения великана. И великан сказал Ничто-Ничего:

— Стыд тому умнику, что помог тебе! Ну, ничего, на завтра у меня найдется для тебя работенка потруднее! Есть у меня озеро в семь миль длиной, семь миль глубиной и семь миль шириной. Осуши его завтра к вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро Ничто-Ничего ранехонько принялся за работу и попробовал было ведром вычерпать воду из озера. Но озеро ничуть не убывало. Что делать? Тут дочка великана призвала на помощь всех рыб морских и приказала им выпить из озера воду, и они вмиг осушили его.

Увидел великан, что работа выполнена, разозлился и сказал:

— Ну, погоди! Вот завтра я задам тебе работенку так работенку! Есть у меня дерево высотой в семь миль и без единого сучка. А на самой верхушке гнездо, и в нем семь яиц. Принеси все яйца целехонькими, а не то попадешь-таки мне на ужин!

Наутро дочка великана позвала свою ручную змею, и та взвилась по могучему стволу до самой верхушки и достала все яйца целехонькими. Но когда Ничто-Ничего понес яйца великану, одно нечаянно разбилось. Как быть? И вот решил он бежать вместе со своей милой. Дочка великана захватила с собой волшебную склянку, и они пустились бежать что было духу.

Но не успели отбежать и на три поля, как оглядываются и видят: мчится за ними во весь опор великан.

— Скорей, скорей!— вскричала дочка великана.— Вынь у меня из волос гребешок и брось на землю!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос гребень и бросил на землю. И тотчас из зубцов поднялись густые заросли шиповника.

Не скоро удалось великану проложить себе дорогу через эти ключие заросли! Когда же он, наконец, пробрался сквозь них, Ничто-Ничего и его милая успели убежать далеко-далеко. Однако великан вскоре опять нагнал их и готов был вот-вот схватить.

Но тут дочка великана закричала:

— Вынь у меня из волос кинжал и брось на землю. Скорей, скорей!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос кинжал и бросил на землю. И в тот же миг из него выросла густая изгородь из острейших лезвий. Нелегко было великану через нее перебраться. Он ступал не спеша, осторожно, а тем временем беглецы мчались все дальше и дальше, и почти уже скрылись из виду.

Наконец великан перебрался через изгородь, и опять догнал их, и уже протянул руку, чтобы схватить Ничто-Ничего, но тут дочка великана достала свою волшебную склянку и бросила ее на землю. Склянка разбилась, и из нее выкатилась большая-пребольшая волна. А плавать великан не умел, так и пришлось ему бросить погоню и вернуться домой ни с чем.

А Ничто-Ничего с девушкой бежали все дальше, пока не прибежали, как вы думаете, куда? Да почти к самому замку его родителей. Но дочка великана так устала, что не могла дальше сделать ни шагу. И Ничто-Ничего отправился разыскивать ночлег, а девушке велел его ждать.

Пошел он прямо на огни королевского замка, да по дороге забрел в хижину птичницы — злой колдуньи. И вот, когда Ничто-Ничего спросил у нее, как пройти к замку, она произнесла над ним колдовское заклинание, и едва он добрался до замка, как тут же у входа упал на скамью, словно мертвый.

В замке его никто не узнал, — ведь прошло столько лет, как великан унес его. Король и королева хотели разбудить незнакомого юношу, но, сколько ни старались, ничего у них не получалось. И тогда король объявил, что та девушка, которая сумеет разбудить его, станет его женой.

А дочка великана все ждала и ждала своего милого. Она влезла на дерево, чтобы высмотреть его. А тем временем к тому самому месту пришла дочка королевского садовника. Под деревом был родник, и она хотела набрать в нем воды, как вдруг увидела в роднике отражение девушки. Увидела и решила, что это ее собственное отражение.

«Если я так мила, если я так хороша, зачем же посылать меня за водой?» — сказала себе дочка садовника, забросила подаль-

ше ведро и решила тотчас испытать, а не сможет ли она выйти замуж за спящего незнакомца.

Вот вернулась она домой и рассказала обо всем отцу. Но садовник очень удивился и подумал: — тут что-то неладно. Спустился сам к роднику и тоже увидел отражение девушки. Взглянул наверх и все понял.

Помог он дочке великана слезть с дерева и стал расспрашивать, откуда она и почему спряталась тут на дереве.

Ну, дочка великана ему все и рассказала. Тогда садовник не долго думая отвел девушку в королевский замок. И только она вошла туда, как тотчас увидела Ничто-Ничего, — он спал мертвым сном, сидя в кресле.

— Проснись, проснись! — позвала она. — Скажи мне хоть слово!

Но он не просыпался. Тогда король и королева спросили ее, откуда она знает этого юношу.

— Но ведь Ничто-Ничего столько лет прожил у нас в доме! — ответила девушка.

Как только король с королевой услышали это имя, они бросились обнимать и целовать спящего принца, а потом вдруг разрыдались оба.

— Что с вами? — спросила дочка великана. — О чем вы плачете?

— Мы так долго не видели нашего милого сына, — ответили они, — что думали, его уже нет в живых. А теперь он нашелся, но мы не можем его разбудить!

И тогда девушка вынула у себя из волос зеленую веточку и дала понюхать ее спящему принцу, и он тотчас проснулся. Велико же было его изумление, когда он увидел рядом с собой и родителей, и свою милую!

Ну, чтобы не тратить лишних слов, скажем, что Ничто-Ничего и великанова дочка вскоре обвенчались. Правда, королю с королевой хотелось женить своего сына на знатной принцессе, но дочь великана была тоже неплохая невеста. И все зажили счастливо и жили до конца своих дней. А злую птичницу-колдунью прогнали.

Осел, столик и дубинка

ЛОХО жилось бедному Джеку. Родной отец, и тот его обижал. И вот решил Джек убежать из дому и пойти искать счастья по белу свету.

Бежал он, бежал, совсем из сил выбился, как вдруг наскочил на маленькую старушку, собиравшую хворост. Джек так запыхался, что даже не попросил у старушки извинения. Но старушка была добрая. Она сказала, что Джек, по всему видно, славный малый, и если он пойдет к ней в работники, она ему хорошо заплатит. Джек согласился, потому что уже порядком проголодался.

Старушка привела Джека в свой домик — тот стоял в лесу, — и Джек прослужил ей двенадцать месяцев и один день. Когда год прошел, старушка позвала Джека к себе и сказала, что приготовила ему хорошую награду. Потом вывела из стойла осла и велела Джеку потянуть его за уши. Осел заревел: «И-а-а-а!» — и тут изо рта у него посыпались серебряные шестипенсовики, полукроны и даже золотые гинеи!

Парню пришлось по душе такая плата. Сел он на осла и поехал. Добрался до постоялого двора и заказал себе все самое лучшее. Но хозяин потребовал деньги вперед — иначе не хотел подавать ему. Тогда Джек отправился на конюшню, потаскал осла за уши и набил себе карманы деньгами. Да на беду в двери конюшни была щель, и хозяин все подсмотрел, а когда настала

ночь, подменил Джекова драгоценного осла своим обыкновенным. Джек ничего не заметил и утром отправился домой.

Теперь нужно вам сказать, что по соседству с домом Джека жила бедная вдова, у которой была одна-единственная дочка. Девушка дружила с Джеком, а потом они полюбили друг друга. Вот Джек и попросил отца позволить ему жениться на ней, но тот ответил:

— Не позволю, пока у тебя не будет денег, чтобы прокормить жену!

— Деньги у меня есть, отец! — сказал Джек.

Пошел к ослу и принялся тянуть его за длинные уши. Тянул-тянул, чуть уши ему не оторвал, но ни гинеи, ни даже полукроны не получил. Осел только ревел: «И-аа-и-аа!» — а денег не выплевывал.

— Это что за шутки такие? — рассердился отец.

— Не сердись, отец, — ответил Джек, — просто это не тот осел. Вчера у меня был другой, ей-ей!

— Не знаю, какой был вчерашний, только вижу, что ты сам остался прежним ослом!

Тут отец схватил деревянные вилы и вытолкал сына из дома. Джек бросился бежать со всех ног и все бежал и бежал, пока не влетел в какой-то дом. А была это столярная мастерская.

— Ты, как видно, славный малый! — сказал Джеку столяр. — Послужи-ка мне двенадцать месяцев и один день, и я хорошо тебе заплачу.

Джек согласился и прослужил у столяра год и один день.

— Ну, вот тебе твоё жалованье, — сказал хозяин и подал Джеку столик. — Крикни: «Столик, накройся!» — и на нем тотчас появятся любые кушанья и напитки.

Джек взвалил столик себе на спину и пошел куда глаза глядят. Шел-шел, пока не добрался до того постоянного двора, где ночевал раньше.

— Эй, хозяин! — закричал он. — Обед мне! Поживей да покусней!

— Очень сожалею, но у нас нет ничего, кроме ветчины и яиц!

— Это мне-то ветчину и яйца?! — воскликнул Джек. — Коли так, я и без вас обойдусь. А ну-ка, столик, накройся!

И в тот же миг на столике появились разные колбасы, индейка, жареная баранина, картофель, зелень. Хозяин постоянного двора только глаза выпучил от удивления, но ни словечка не проронил. Когда же настала ночь, он притащил с чердака свой столик, а столик Джека оставил себе. Столики с виду были почти одинаковые, и наутро Джек опять ничего не заметил. Ввалил никому-данный столик на спину и понес домой.

— Ну, отец, теперь можно мне жениться на моей милой?— спросил он отца.

— И не думай, если не сможешь ее прокормить!— ответил отец.

— Послушай, отец!— воскликнул Джек.— У меня есть волшебный столик. Крикну ему: «Столик, накройся!»— и на нем мигом появится все, чего я захочу.

— Так покажи мне его!— сказал старик.

Джек поставил столик посреди комнаты и приказал ему накрыться, но ничего на нем не появилось. Отец рассердился, схватил с полки жаровню и так огрел ею сына по спине, что тот взвыл от боли и бросился вон из дому.

Бедный Джек бежал сломя голову, пока не добежал до речки и не свалился в воду. Но какой-то человек вытащил его и попросил помочь ему построить мост через эту речку. А как, думаете вы, он строил мост? Да просто-напросто перекидывал дерево с берега на берег.

Вот Джек забрался на верхушку дерева и всей своей тяжестью повис на ней, а когда человек подрыл корни, Джек вместе с деревом повалился на другой берег.

— Спасибо!— сказал человек.— Сейчас я тебе заплачу за услугу.

Он отломил от дерева ветку и обстругал ее ножом.

— Вот, получай эту дубинку!— сказал он.— Скажи ей только: «Бей его, дубинка!»— и она свалит с ног любого, кто тебе досадит.

Джек очень обрадовался такой дубинке, и пошел прямо на постоянный двор, и, как только появился хозяин, закричал:

— Бей его, дубинка!

Не успел он это крикнуть, как дубинка вырвалась у него из рук и принялась колотить хозяина и по спине, и по голове, и по рукам, и по бокам, пока тот со стоном не повалился на пол. А ду-

бинка все не унималась: Джек не останавливал ее, пока хозяин не вернул ему осла и столик.

И вот поехал Джек домой на осле, со столиком на плечах и с дубинкой в руке. А когда приехал, оказалось, что отец его умер.

Отвел Джек ослика в стойло и таскал его за уши, пока ослиная кормушка не наполнилась деньгами.

Вскоре разнеслась по городу весть, что Джек вернулся домой и что денег у него куры не клюют. Тут все местные девицы принялись за ним охотиться.

— Вот что,— объявил им Джек,— я женюсь на самой богатой девушке в округе. Приходите завтра все к моему дому да прихватите в передниках свои деньги.

Наутро вся улица была полным-полна девушек, и каждая с трудом поддерживала свой передник с золотыми да серебряными деньгами. Прежняя невеста Джека тоже пришла, но у нее не было ни золота, ни серебра, только два медных пенса — вот и все ее богатство.

— Отойди-ка в сторонку, милая!— строго сказал ей Джек.— У тебя ведь нет ни золота, ни серебра, тебе здесь не место.

Девушка отошла. И тут из глаз ее градом покатались слезы, упали в передник и вдруг превратились в алмазы.

— Ну,— промолвил Джек,— выходит, ты богаче всех, так на тебе я и женюсь!

А остальным девицам пришлось уйти ни с чем.

Но как потом Джек сам говорил, он женился бы только на своей невесте, даже если бы у нее не было и одного пенса.

Джек и Золотая табакерка

ДОБРОЕ старое время — а оно и правда было доброе время, хотя было оно не мое время и не ваше время да и ничье-то время, — жили в дремучем лесу старик со старухой, и был у них один-единственный сын по имени Джек.

Джеку не случалось видеть никого, кроме своих родителей, но из книг он знал, что на свете живут и другие люди. Книг у него было очень много, и он каждый день читал их. А когда Джек читал про хороших принцесс, ему всякий раз так хотелось увидеть хоть одну из них! И вот в один прекрасный день, только отец его ушел рубить дрова, он возьми да и скажи матери, что собирается покинуть родной дом.

— Ну, что я здесь вижу? — сказал Джек. — Всё деревья да деревья. Хочется мне в чужих краях пожить, — и себя показать, и на людей посмотреть. Не все же с отцом-матерью сидеть!

Отец Джека долго не возвращался, и бедная старуха сама принялась наставлять сына:

— Так и быть, мой горемычный, коли задумал уходить, значит, лучше тебе уйти. Так тому и быть. Да благословит тебя господь... — Старая желала сыну добра, когда говорила так. — Но постой-ка, погоди! Скажи, какой пирог тебе испечь на дорогу, маленький с моим благословением или большой с моим проклятьем?

— Ну, конечно же, маленький, — ответил Джек.

И мать испекла ему маленький пирог. А потом поднялась на чердак и, пока Джек не скрылся из глаз, посылала ему вслед свои благословения.

Вскоре Джек повстречался с отцом, и старик спросил его:

— Куда идешь, мой горемычный?

Сын рассказал отцу то же, что и матери.

— Эх,— молвил отец,— горько мне, что ты нас покидаешь. Но раз уж ты решил уходить, значит, лучше тебе уйти.

Однако не успел Джек отойти, как отец опять окликнул его. Вытащил старик из кармана золотую табакерку и сказал Джеку:

— На́, возьми-ка эту коробочку и спрячь в карман. Только смотри не открывай ее, пока не окажешься на волосок от смерти!

И пошел Джек своею дорогой, и все шел и шел, пока из сил не выбился. Да и есть захотелось,— пирог-то он съел еще раньше. К тому времени настала ночь, и он едва различал дорогу. Вдруг вдалеке затеплился огонек, Джек зашагал на него и пришел к какому-то дому, разыскал черный ход и постучался в дверь. Из дома вышла служанка и спросила, чего ему надо. Джек ответил, что на дворе ночь, а ему негде переночевать. Служанка пригласила его в дом, к очагу, и подала ему всякой еды: и жареного мяса, и хлеба, и пива.

А пока Джек сидел у огня и ужинал, в комнату вошла молодая леди, хозяйская дочь,— посмотреть на него. Она тут же влюбилась в него, а он в нее. И вот молодая леди побежала к отцу, рассказала ему об этом и добавила, что прекрасный юноша сидит у них в кухне. Отец тотчас вышел к Джеку и стал его расспрашивать, что он умеет делать и всякое такое. А Джек, глупый парень, возьми да и скажи:

— Все умею!

Он имел в виду всякую пустяковую работу по дому.

— Ну хорошо,— сказал тогда отец девушки.— Раз ты все умеешь, завтра к восьми утра пусть разольется перед моим домом огромное озеро, а по озеру пусть поплывут самые большие, какие только есть на свете, военные корабли. Один корабль должен отдать мне королевский салют и последним выстрелом выбить ножку у кровати, на которой спит моя младшая дочь. А если ты всего этого не сделаешь, распрощаешься с жизнью!

— Ладно,— ответил Джек и отправился спать.

Он проспал почти до восьми, так что уж некогда было раздумывать, как теперь быть. И вдруг он вспомнил про золотую табакерку, которую дал ему отец. «Ну и ну,— подумал Джек,— никогда я не был вот так на волосок от смерти, как сейчас!»

Он пошарил у себя в кармане и вытащил отцовскую табакерку. И только он открыл ее, как из табакерки выскочили три человечка в красных шапочках и спросили:

— Что прикажешь?

— Вот что!— ответил Джек.— Сделайте так, чтобы сию минуту перед этим домом разлилось огромное озеро, а по нему поплыли самые большие, какие только есть на свете, военные корабли. Пусть один корабль даст королевский салют, да так, чтобы

последним выстрелом выбить ножку у кровати, на которой спит молодая леди — хозяйская дочь.

— Все сделаем! — сказали человечки.

И едва Джек успел отдать приказ человечкам, как пробило восемь и — бэнг! бэнг! — раздался залп с самого большого военного корабля. Джек вскочил с постели, бросился к окну и увидел такие чудеса, каких — уверяю вас — никогда не видывал! Да и не мог видеть, — ведь всю жизнь он провел с отцом и матерью в лесу.

Вот Джек оделся, помолился и вышел, ухмыляясь, — он был очень доволен, что все так хорошо получилось. А господин, отец девушки, подошел к нему и говорит:

— Ну что ж, молодой человек, должен сказать, ты и в самом деле ловкий парень! А теперь пойдем позавтракаем! — И он добавил: — Но тебе придется выполнить еще два задания. Вот выполнишь, тогда и женись на моей дочери.

За завтраком Джек не сводил глаз с молодой леди, а она с него. После завтрака господин приказал Джеку свалить все высокие деревья на многие мили вокруг, да не когда-нибудь, а ровно к восьми часам следующего утра.

Ну, не тратя лишних слов, скажем, что все было выполнено. Господин остался очень доволен и сказал Джеку:

— А теперь тебе вот какое дело, и это уж последнее. Построй мне к завтрашнему утру прекрасный замок на двенадцати золотых столбах. Пусть к замку явится вымуштрованный полк солдат, и ровно в восемь командир должен командовать: «На пле-чо!»

— Ладно! — ответил Джек.

А когда наступило третье утро, было сотворено третье и последнее великое чудо. Джеку разрешили жениться на молодой леди. Но если бы он только знал, что ждало его впереди!

По случаю помолвки дочери господин устроил большую охоту и пригласил на нее самых знатных гостей. Заодно он хотел показать и свой новый замок. А Джеку он подарил отличную лошадь и красное охотничье платье.

В то утро слуга, убирая одежду Джека, опустил руку в один из карманов его жилета и вытащил золотую табакерку. Несчастный Джек оставил ее там по оплошности! Слуга открыл табакерку, из нее выскочили три человечка в красных шапочках и спросили:

— Что прикажешь?

— Вот что, — сказал слуга, — перенесите этот замок подальше отсюда, куда-нибудь за море!

— Хорошо, — сказали человечки. — И тебя вместе с ним?

— Конечно! — ответил слуга.

— Ну, держись! — сказали человечки и полетели далеко-далеко за широкое море.

Вернулись знатные гости с охоты, а замка на двенадцати золотых столбах как не бывало! Бедняге Джеку пригрозили, что в наказание за обман у него отнимут его красавицу невесту. Но в конце концов порешили на том, что Джеку дается двенадцать месяцев и один день на поиски пропавшего замка. И он тронулся в путь на добром коне и с деньгами в кармане.

Да, так вот отправился бедняга Джек искать свой пропавший замок по горам и по долам, по равнинам и холмам, по дремучим лесам, по звериным тропам. Куда только не забредал, — рассказать невозможно, да и не хочется.

Наконец попал в те края, где жил мышинный король. У ворот королевского замка стоял на часах мышонок. Он попытался задержать Джека, но тот спросил:

— А где король? Мне надо его видеть!

Тогда мышонок показал Джеку дорогу. Мышинный король принялся расспрашивать Джека и любопытствовал, куда Джек держит путь. Что ж, Джек рассказал ему всю правду: как он потерял свой прекрасный замок и теперь вот отправился его искать, и что для этого ему дали сроку ровно год и один день. Под конец Джек спросил мышиноного короля, не слыхал ли тот чего-нибудь об этом.

— Нет, — ответил король, — но я владыка всех мышей на свете! Завтра утром я их созову. Может, они видели твой замок.

Джека хорошенько накормили и уложили спать. А утром он вместе с королем вышел в поле.

Король созвал мышей со всего света и спросил, не случилось ли им видеть большой и прекрасный замок на золотых столбах. Но все мыши ответили «нет», никто не видел его. Тогда старый король сказал Джеку, что есть у него еще два брата:

— Один из них — король всех лягушек, а другой, самый старший, — король всех птиц на свете. Ступай к ним! Может быть, они что-нибудь знают о пропавшем замке. Своего коня оставь пока у меня, а себе возьми любого из моих лучших скакунов. Да передай моему брату вот этот пирог. Тогда он поймет, от кого ты идешь. И запомни, ты должен сказать ему, что я здоров и очень хочу его видеть.

И мышинный король распрощался с Джеком.

Когда Джек выходил из ворот, мышонок-часовой сказал ему:

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Не стоит, — ответил Джек, — как бы король не рассердился! Но малыш стоял на своем:

— Лучше возьми меня с собой! Может, пригожусь тебе.

— Ну, прыгай ко мне в карман! — согласился Джек.

Мышонок взбежал по лошадиной ноге и спрятался у Джека в кармане.

И вот Джек пустился в дорогу. Это был только первый день пути, а путь предстоял такой дальний. Но в конце концов Джек

добрался до лягушачьего королевства. У ворот замка на часах стоял лягушонок с ружьем на плече. Он хотел было помешать Джеку войти, но когда Джек сказал, что желает видеть самого короля, пропустил его.

Только Джек подошел к дверям, как навстречу ему вышел лягушачий король и спросил, что ему надо. И Джек рассказал королю все с начала до конца.

— Ну, ну, заходи! — пригласил его король.

Джека и здесь хорошо угостили и уложили спать. А утром король созвал лягушек со всего света и спросил их, не случилось ли им видеть замок на двенадцати золотых столбах. Но лягушки смешно заквакали: «Ква-ква, ква-ква» — и ответили: «Нет!»

Пришлось Джеку взять другого коня и другой пирог и отправиться к третьему брату — королю всех птиц на свете.

У ворот маленький лягушонок-часовой попросил Джека:

— Возьми меня с собой!

Сначала Джек отказался, но потом крикнул:

— Прыгай! — и спрятал лягушонка в другой карман, а потом тронулся в путь.

На этот раз Джеку пришлось пройти втрое больше. Наконец, он добрался до места. Прелестная птичка стояла там на часах. Джек прошел мимо нее, — она ни слова ему не сказала. Джек поговорил с королем и рассказал ему все-все об исчезнувшем замке.

— Что ж, — ответил ему птичий король, — завтра утром ты услышишь, знают ли мои птицы что-нибудь про твой замок или нет.

Отвел Джек своего коня на конюшню, потом слегка закусил и улегся спать. А когда утром встал, вышли они с королем в поле. Птичий король кликнул по-своему, и к нему слетелись птицы со всего света.

Король спросил их:

— Видели вы замок на двенадцати золотых столбах?

И все птицы ответили:

— Нет!

— Очень жаль, — молвил король. — Но я не вижу среди вас нашего орла.

За орлом тотчас послали двух птичек. И когда он прилетел, король спросил, не видал ли он замка на золотых столбах, и орел ответил:

— Видел! Я прилетел как раз оттуда.

— Так слушай, — сказал ему король, — этот молодой джентльмен потерял его. Ты должен отнести его обратно к замку. Но постой, сначала подкрепись!

И тогда зарезали телянку и лучшие куски подали орлу, чтобы он наелся хорошенько, — ведь путь-то предстоял дальний, через море да еще с Джеком на спине.

И вот наконец Джек увидел свой замок. Тут он стал ломать себе голову, как же ему отыскать золотую табакерку. Мышонок предложил:

— Спусти меня на землю, и я принесу тебе табакерку!

И правда, мышонок незаметно прошмыгнул в замок и схватил табакерку. Но когда бежал назад, то нечаянно уронил ее, и его чуть не изловили. К счастью, ему удалось удрать!

— Принес? — спросил его Джек.

— Принес! — ответил мышонок.

— Ну, в путь! — сказал Джек. — Нам надо уже торопиться.

И он спрятал мышонка в карман, сам сел верхом на орла, и они полетели. Но случилось так, что как раз когда пролетали над морем, мышонок и лягушонок заспорили, кому из них держать табакерку. Они стали вырывать табакерку друг у друга и — вот беда-то! — уронили ее на дно моря.

— Ну что ж, — сказал лягушонок Джеку, — я ведь знал, что пригожусь тебе. Пусти-ка, я спрыгну в море!

Три дня и три ночи лягушонок пробыл под водой и, наконец, достал табакерку. На этот раз Джек спрятал свою табакерку поглубже в жилетный карман, и орел понес всех через море и через горы к замку птичьего короля. Здесь Джек поблагодарил короля всех пернатых на свете за помощь, попрощался с орлом, сел на коня и поскакал к лягушачьему королю.

Ему надо было спешить, ведь его срок — год и один день — подходил к концу!

Джек передал королю всех лягушек на свете привет от его старшего брата, взял нового коня и поскакал к мышиному королю. Он распрощался с королем всех мышей на свете, сел на своего коня и повернул к дому. Но бедный Джек так устал, что заснул в седле, и, если бы не три человека из табакерки, он наверняка заблудился бы и опоздал к сроку. Хорошо, что человечки вывели его на дорогу.

Наконец Джек приехал в дом к своему тестю. Но тот принял его совсем не ласково, — ведь Джек вернулся без замка. А что обиднее всего, — даже молодая леди, его невеста, не вышла встречать Джека: родители ее не пустили.

Но вот Джек, недолго думая, достал отцовскую золотую табакерку, открыл ее и приказал человечкам лететь скорее за замком. И не успели человечки опустить замок на землю, — глядь, а навстречу Джеку выбегает из дома его красавица невеста. Ну, они обвенчались, сыграли веселую свадьбу и зажили счастливо.

Питер-Простаюк

ИЛ В ОДНОЙ деревне парень. Звали его Питер. Был он мальчй добрый, пригожий, сильный, но уж очень простоватый. Материнских кур и то еле умел пересчитать, а их и было-то два десятка.

Когда мать давала Питеру шиллинг и просила купить всего на три пенса, он никак не мог сосчитать, сколько придется сдать. А пошлет его мать на базар, его непременно надуют.

И не то чтобы он был лентяй или пустомеля какой-нибудь, просто бедняге Питеру не хватало ума.

— Эх, мама,— говаривал Питер,— будь я хоть чуточку поумней, тебе бы куда легче жилось!

— Да, Питер,— вздыхала мать,— умом тебя бог обидел, что и говорить. Зато сердце у тебя доброе и силенок на двоих хватит, так что не печалься. Лучше сбегай наверх да принеси мне три пуговицы. Я пришью их к твоей куртке. Только запомни хорошенько — три пуговицы! Не две и не четыре, а три.

Но все равно, Питер не мог успокоиться, что он такой глупый, и то и дело приставал к матери, и спрашивал, как же ему набраться ума. Наконец мать не выдержала и сказала:

— Ну, коли тебе так уж хочется поумнеть, ступай к мудрой старухе, что живет вон на том холме. Говорят, она и впрямь мудрая. У нее и волшебные книги есть, и разные порошки, и травы. Она все знает, может, и тебе ума прибавит.

Питер закончил свою работу и отправился к холму. Возбравлся на самую вершину и увидел там хижину старой вещуньи. Из трубы валил дым, а на пороге спал черный кот.

«Хорошая примета»,— подумал Питер и постучал в дверь.

Никто не ответил. Тогда он осторожно приподнял щеколду и заглянул в дом. Спinoй к нему у огня сидела старуха и что-то помешивала в черном чугушке. Она не обернулась и не промолвила ни слова. Но Питер все-таки вошел в комнату и сказал:

— Добрый день, бабушка! Хороша погодка нынче, а?

Старуха ничего не ответила и продолжала помешивать в чугушке.

— Завтра, может, дождичек пойдет,— продолжал Питер.

Но старуха опять ничего не ответила.

— А может, не пойдет,— прибавил он, не зная, о чем говорить дальше.

А старуха все мешала и мешала что-то в черном чугушке.

— Ну, насчет погоды я все сказал, теперь можно и о деле,— расхрабрился Питер.— Я, видите ли, того, малость простоват. Так вот, не прибавили бы вы мне хоть чуточку ума? Потому что...

— Ума?— переспросила старуха. Тут она отложила ложку и в первый раз взглянула на Питера.— Что ж, изволь! Только вот какого ума ты просишь? Если генеральского или учительского,— я вряд ли помогу тебе. Ну, говори, какой ум тебе нужен?

— Да самый обыкновенный,— ответил Питер.— Не большой, не маленький,— такой, как у всех.

— Хорошо,— сказала старуха.— Будет у тебя такой ум, только сначала принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете. Понял? А когда принесешь, я загадаю тебе загадку,— чтобы узнать, то ли ты принес, что я велела. Ну, теперь ступай!

И, не дожидаясь ответа, она взяла чугунок и вышла с ним из кухни, так что Питеру оставалось только уйти.

Он спускался с холма и все думал о словах старой вещуньи. «Сердце того, кого я люблю больше всего на свете... Кто бы это мог быть?»

Не часто приходилось Питеру так ломать себе голову.

Вернулся он домой и рассказал матери, что ответила ему старуха. Мать подумала-подумала и говорит:

— По-моему, больше всего на свете ты любишь жирную свинину. Давай зарежем нашу старую свинью, а сердце ее ты отнесешь вещунье.

Зарезали старую свинью, вынули у нее сердце, и на другой вечер Питер понес его в хижину на холме.

Старуха сидела в кресле у огня и читала огромную книгу. Она не подняла головы, а Питер положил свиное сердце на стол и сказал:

— Вот, я принес сердце того, кого люблю больше всего на свете. Подойдет?

Старуха оторвалась от книги.

— Что бежит без ног? — спросила она. — Ответь-ка мне!

— Бежит без ног? — переспросил парень, почесал в затылке и задумался.

Думал-думал, даже голова заболела.

А старуха все читала свою книгу. Наконец Питер вымолвил:

— Вот что, я... я не знаю.

— Ну, выходит, ты принес не то, что я велела, — сказала вещунья. — Забирай это и уходи!

Бедному Питеру ничего не оставалось, как забрать свиное сердце и уйти. А когда он вернулся домой, то нашел свою мать в постели. Она занемогла вдруг и теперь лежала при смерти. Питер только успел проститься с ней, и она умерла. Долго стоял он у ее постели на коленях и все плакал и плакал, никак успокоиться не мог.

Он вспоминал, какая мать у него была добрая, ласковая, как она любила его, как жалела, когда он был маленький, как лечила все его синяки и ушибы, как чинила ему платье, кормила его и разговаривала с ним по вечерам.

«Как же мне теперь жить без нее? — думал Питер. — Ведь я любил ее больше всего на свете».

И тут он вспомнил слова вещуньи: «Принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете».

— Нет, ни за что я этого не сделаю! — воскликнул Питер.

Но на другое утро он решил, что можно и не вынимать сердце, а просто отнести мать на холм к старой вещунье.

Так он и сделал, — ведь именно теперь ему очень недоставало умной головы на плечах.

Вошел он со своей ношей к старухе и сказал:

— Теперь я вам и вправду принес то, что мне дороже всего на свете. Это моя покойная мать. Так что прибавьте мне ума, как обещали.

— Скажи-ка мне, — промолвила вещунья, — что такое — желтое, сияет, а не золото?

— Желтое, сияет, а не золото? — задумался Питер. — Это... это...

Но, хоть убей, не мог придумать ответа и, наконец, сказал:

— Не знаю.

— Ну, так и нынче не поумнеешь! Да ты, я вижу, и впрямь совсем простачок. Наверное, так никогда и не наберешься ума.

И пришлось Питеру опять ни с чем уходить от старухи ве-

щуньи. Но домой возвращаться ему не хотелось — очень уж тяжело было у него на душе. Сел он у дороги и горько заплакал.

Вдруг кто-то окликнул его ласковым голосом. Он поднял голову и увидел хорошенькую девушку, — она глядела на него и улыбалась.

— Что с тобой? — спросила она. — Такой здоровенный детина и плачешь!

— Я простачок, — отвечал Питер, — ума у меня не хватает. Да к тому же умерла моя мать и оставила меня одного-одинешенька. Как же мне теперь жить-то? Кто меня будет кормить, одевать, ходить для меня на базар? И слова не с кем теперь перемолвить, некому меня теперь утешить. Бедный я, горемычный!

— Ну-ну, не печалься, — сказала Дженни, так звали девушку. — За таким простачком, как ты, присматривать нужно. Хочешь, я пойду с тобой и буду о тебе заботиться?

— Что ж, если тебе так хочется, пойдем, — отвечал Питер. — Только ты сама скоро увидишь, что я дуралей, каких мало, да таким, видно, и останусь, если не удастся как-нибудь нажить себе ума.

— Это ничего! — сказала Дженни. — Как говорится: чем глупее жених, тем покладистее муженек. Хочешь взять меня в жены?

— А стряпать ты умеешь? — спросил Питер.

— Конечно! — ответила Дженни.

— А шить и штопать?

— Ну, еще бы!

— А считать яйца? А складывать фунты, шиллинги и пенсы?

— Умею, умею!

— Ну, тогда, если ты согласна выйти за меня, — обрадовался Питер, — я на тебе женюсь.

И пошли они в деревню вместе.

Вот схоронили мать Питера, вся деревня поплакала по ней, а потом Питер и Дженни сыграли свадьбу и зажили вместе в его домике.

Вскоре Питер увидел, — хоть и был он простачком, — что жена ему досталась, каких мало. Она и стряпала, и шила, и прибирала, — да все так весело и охотно, а главное — всегда умела порадовать его шутками да ласковым словом.

Правда, и Питер оказался неплохим мужем. Он тоже работал весело и с охоткой. Все ему было нипочем — лишь бы думать самому не приходилось. Не было для него ни слишком тяжелых нош, ни слишком длинных дорог. Счастливая получилась парочка, что и говорить!

— Знаешь что, Дженни,— сказал как-то вечером Питер.— Я понял, что люблю тебя больше всех на свете.

И тут его словно осенило.

— Слушай,— продолжал он,— да неужто вещунья хотела, чтобы я убил тебя и принес ей твое сердце? Как ты думаешь, неужто она этого хотела?

— Вряд ли,— ответила Дженни.— Да конечно, нет! Никто и не говорит — убивать. Ты можешь отвести меня к ней живую, как я есть, с сердцем и всем прочим.

— Ты очень хорошо это рассудила! — обрадовался Питер.— Как я сам не додумался? Верно, пойдем к ней вместе. Но, постой, сначала скажи, что бежит без ног?

— Река,— ответила Дженни.— Не трудно догадаться!

— Река? — повторил простачок.— Так оно и есть! И как это я сам не догадался? А теперь ответь, что такое: желтое, сияет, а не золото?

— Солнце! — ответила Дженни, не задумываясь.— Любой ребенок такую загадку отгадает.

— Солнце? — переспросил Питер удивленно.— Ну да,— оно и светит, и желтое, а не золотое. Что за голова у тебя, Дженни! Во всей Англии не найдется жены умнее тебя. Идем скорей, может, старуха и мне прибавит немножко ума, чтобы я стал достойным тебя.

И вот они вместе поднялись на холм и как раз застали вещунью дома.

— Наконец-то я привел вам ту, кого люблю больше всех на свете,— сказал Питер.— Вот она, тут и сердце ее, и вся она. И уж если вы и теперь не прибавите мне ума, значит, вы не мудрая женщина, а просто-напросто плутовка и обманщица!

— Присядьте-ка оба! — сказала старуха.

Они повиновались, а старуха повернулась к Питеру и сказала:

— Слушай мою загадку. Кто родился без ног, отрастил две, а потом четыре?

Бедняжка Питер думал-думал,— но все не находил ответа. Тут Дженни шепнула ему на ухо:

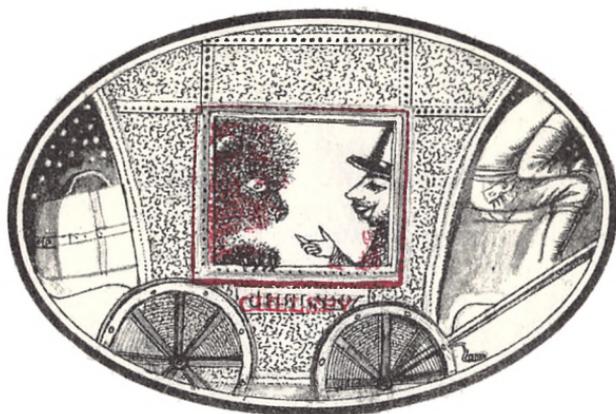
— Головастик! Ответь головастик.

— Головастик! — выпалил Питер.

— Верно,— сказала старуха.— Ну, я вижу, теперь у тебя и без меня ума хватает. Ты только почаще спрашивай совета у своей жены!

Что ж, Питер так и сделал, и остался очень доволен советом мудрой старухи.

Ночной пассажир

ОЧЬ стояла холодная. В дорожной карете было совсем темно. Когда путник сел, он заметил там еще одного пассажира. Долго они ехали молча. Наконец путник заговорил:

- Ну и холод! Так и продирает до костей, брр...
- Ррр... — поддакнул ночной пассажир.
- А шуба на вас что надо! Должно быть, хорошо греет?
- Рррр!!!
- Можно мне ее пощупать? — спросил путник.
- Рррр!!!
- Помогите! Спасите! Медведь!

Но ночной пассажир не стал ждать и выпрыгнул в окно кареты.

Синья Борода

ИЛИ-БЫЛИ три брата, Джек, Том и Билл. Билл был старшим, потом шел Том, а последним Джек. Они работали в поле далеко от дома, и каждый по очереди оставался готовить для всех обед.

В первый день остался дома Билл, старший из братьев. Зажарил Билл мясо над очагом, сварил репы, картошки, приготовил все как надо и протрубил в рог, — в то время еще не было колокольчиков, чтобы сзывать на обед.

Только он протрубил, как появляется из лощины старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и спрашивает:

— Ты звал обедать?

— Звал, только не тебя, — отвечает Билл.

Ему совсем не хотелось, чтобы старик съел весь обед, который он приготовил для себя и своих братьев.

— Ну, это мы посмотрим, — говорит Синья Борода.

И он вошел без приглашения в дом и съел весь обед.

Когда братья вернулись с поля, они спросили, что же Билл делал весь день, если не успел даже приготовить обед.

— Я сварил прекрасный обед, — сказал Билл, — но пришел старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и без приглашения сел за стол и съел весь обед.

На что Том, средний брат, сказал:

— Был бы я дома, не видать бы ему нашего обеда!

— Что ж,— ответил ему на это Билл,— завтра твоя очередь готовить, вот мы и посмотрим.

На другой день Том подвесил мясо жариться над очагом, а сам в это время начистил репы, картошки и тыквы, поставил их на огонь тушиться, испек свежий хлеб — словом, приготовил обед на славу и вышел на порог дома, чтобы протрубить в рог.

Не успел протрубить, как появляется из лощины старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и спрашивает:

— Ты звал обедать?

— Звал, только не тебя,— отвечает Том.

— Ну, это мы посмотрим,— говорит Синяя Борода.

И он вошел в дом и съел весь обед, только чуть-чуть тыквы оставил.

Когда братья вернулись, Джек спросил Тома:

— Что же ты не сберег для нас обед?

На что Том ответил:

— Завтра твоя очередь готовить, посмотрим, как ты его сбережешь.

На другой день Джек приготовил обед и вышел из дому, чтобы протрубить в рог. Тут из лощины появился старик

С бородой синее синьки,
С зубами острее вилки

и Джек ему говорит:

— Заходи, дедушка, отведай моей стряпни.

— Не хочу!— отвечает Синяя Борода.

— Ну как же так, обязательно заходи, будешь с нами обедать.

— Не хочу!— говорит Синяя Борода, потом обошел вокруг дома и направился назад к лощине.

А Джек, не будь дураком, пошел следом за ним и увидел, как Синяя Борода спустился в глубокую пещеру.

Как раз к этому времени братья вернулись домой, не увидели Джека и подумали, что Синяя Борода вместо обеда съел его са-

мого. Но только они сели за стол, как появился Джек и все им рассказал.

После обеда братья решили отправиться все вместе к пещере Синей Бороды. С собой они взяли большую круглую корзину с кожаной ручкой, к которой привязали длинную веревку.

— Ну, садись в корзину, мы тебя спустим в пещеру!— сказал Билл Джеку.

— Нет, по очереди,— сказал Джек.— Кто старший, тот первый.

Пришлось Биллу сесть в корзину первому, и братья спустили его в пещеру. А когда он дернул за веревку, они его вытащили и спросили, что же он увидел.

— Я спускался вниз, пока не увидел дом. Тогда я дернул за веревку.

— Зачем же ты так быстро дернул за веревку?— удивился Том.— Надо было посмотреть, что это за дом.

— Теперь твоя очередь спускаться, вот ты и посмотришь,— ответил Билл.

Том сел в корзину, и братья спустили его в пещеру, и он очутился прямо на крыше дома. Но испугался и тут же дернул за веревку.

— Вы оба ни на что не годитесь,— сказал Джек и сам сел в корзину.

Он спустился на дно пещеры, где стоял дом, и заглянул в окошко. В комнате он увидел девушку, прехорошенькую!

— Ты самая красивая девушка на свете,— сказал ей Джек.— Красивей я не встречал. Выходи за меня замуж!

— Нет,— ответила она.— Лучше уходи скорее отсюда! Синяя Борода убьет тебя.

— Что ты, Синяя Борода меня не тронет. Мы с ним друзья! Садись в эту корзину, и мои братья поднимут тебя наверх. А следом за тобой и я поднимусь.

Девушка с радостью согласилась, только перед тем как лезть в корзину, сняла с пальца колечко и протянула Джеку.

— Это кольцо желаний,— сказала она.— Береги его!

Джек взял колечко и дернул за веревку.

Когда братья вытащили наверх корзину и увидели в ней хорошенькую девушку, они тут же влюбились в нее и стали спо-

речь, за кого она пойдет замуж. И не только спорить — дело дошло даже до драки, хотя девушка прямо им сказала, что ни за кого не пойдет, кроме Джека.

— Нет, не бывать этому, — сказали братья. — Мы Джека оставим внизу.

И они отбросили корзину и принялись опять спорить и драться из-за девушки.

А бедный Джек ждал, ждал, пока за ним спустят корзину, да так и не дождался. И сидеть бы ему в этой пещере неизвестно сколько, не вспомни он про колечко, какое дала ему милая девушка. Джек покрутил колечко и сказал:

— Эх, хорошо бы мне сейчас сидеть дома, у жаркого очага, да попыхивать моей вересковой трубочкой!

Не успел сказать — как очутился дома. В очаге горел яркий огонь, а перед очагом сидела милая девушка.

— Ой, Джек! — воскликнула она, увидев его.

И они поженились. И когда я видел их в последний раз, были очень довольны и счастливы.

Выгодная сделка

ДАВНЮЮ пору в графстве Лінкольншир между полями и фермами всегда рыли канавы или рвы. Так уж было заведено.

Жил тогда в Намби фермер по имени Нэш. Дела у него шли неплохо, и он надумал прикупить себе землю, которая лежала по соседству с его собственной. Запросили за нее совсем недорого. По правде сказать, его даже смутило, что так недорого. Но он решил: значит, такая ему удача.

И он отправился в город, чтобы уладить все дела и подписать купчую, а вечером пошел посмотреть на свою новую землю. Шел он не спеша, обдумывая на ходу, где поставить новую калитку, — вы, наверное, знаете, что свои поля англичане испокон веку обносят живыми изгородями и для удобства делают в этих изгородях калитки, — да, так вот, где поставить новую калитку, а где перекинуть через ров еще один мостик. Без мостика теперь никак было не обойтись, иначе как же тачку с поля на поле перевозить, или там плуг, или еще что-либо.

Однако не успел он перепрыгнуть через ров и ступить на новую свою землю, как навстречу ему — ну, кто бы вы думали? — сам хвостатый, косматый страшила! Уфф, ну и великанище! А руки — не руки, а ручищи, длинной оглоблей.

— Что это ты тут расхаживаешь по моей земле, а? — строго спрашивает у фермера косматый страшила.

— По твоей? — только и посмел вымолвить мистер Нэш, хотя на языке у него вертелось и кое-что похлеще, да он счел, что

с таким здоровенным страшилой — ну точно шестигодовальый жеребец, не меньше! — заводиться не стоит, умней поговорить по-хорошему.

— А по чьей же? Это моя земля! — заорал страшила.

Ну, присели оба, чтобы обсудить, что и как. Мистер Нэш сказал, что это его земля и он ее не уступит. Страшила сказал, что — его и тоже уступать не собирается. Тогда мистер Нэш предложил отправиться вместе в город к судье и спросить, чья же это все-таки по закону земля.

— Не-ет уж! — запротестовал страшила. — Закон мне не указ. Справедливости от закона ждать нечего!

Словом, спору конца не видно было, и тогда страшила предложил: пусть фермер обработает поле, засеет его и все такое, а урожай они поделят поровну. Мистер Нэш, конечно, подумал, с чего это он должен всю работу на себя взвалить да еще урожай делить с этим хвостатым и косматым уродом, но промолчал. Зато кое-что придумал.

— Идет, — сказал он. — Поделим! Только сначала уговоримся, что ты возьмешь: верхки или корешки? И помни, уговор дороже денег! Не отступайся потом.

Страшила подумал-подумал и сказал, что на его долю пусть будут верхки. На том и порешили, твердо-натвердо.

Так что же придумал Билли Нэш? Он вскопал поле и посадил на нем картошку!

Вот и получилось, что, когда урожай созрел и страшила пришел за своей долей, ему досталась только увядшая ботва и ни одной картошины.

Ну и разозлился страшила! Он замахнулся было на фермера своим здоровенным косматым кулачищем, но уговор есть уговор. Ведь он сам выбрал верхки, так что пенять было не на кого. Но он поклялся, что на другой год его уж не обмануть, нет, теперь он выберет корешки, и все тут!

Билли Нэш с радостью согласился. Он перепахал поле и засеял его — ну, чем бы вы думали? — конечно, пшеницей!

И когда пришло время делить урожай, страшила разозлился еще больше. Еще бы, на его собственных глазах Билли ссыпал в мешки золотое зерно и увязывал в снопы солому, а ему, страшиле, достались лишь стебли да сухие корни.

Страшила рассвирепел точно буйвол.

— Ах ты плут, мошенник, крыса болотная, гусь лапчатый! — орал он на фермера, потрясая громадными косматыми кулачищами. — В другой раз ты у меня не отвертишься! Посеешь опять пшеницу, а жать будем вместе: я с одного конца, ты — с другого, и каждый возьмет, что успеет нажать.

Вы, конечно, понимаете, что страшила судил просто: раз он силен, что твой шестигодовалый жеребец, он успеет все поле пройти, пока фермер только-только начнет свою половину.

Так-то вот, и Билли Нэш не знал, что ему и ответить. Но хочешь не хочешь, а пришлось согласиться: очень уж страшила разошелся. И когда настала пора, Билли распахал поле и засеял его опять пшеницей. Засеять-то засеял, да только не переставал ломать себе голову, как ему и на этот раз перехитрить страшилу. А пшеница, как назло, уродилась богатая. И бедному фермеру покою не давала мысль, когда он по воскресеньям приходил полюбоваться на свою пшеницу, что почти вся она достанется этому мерзкому, наглomu лентяю страшиле.

А надо вам сказать, что как раз в тех местах жил один вещий старец. Говорили даже, будто он родился в канун святого праздника. Ну, да это ладно, а вот что он был седьмым отпрыском в седьмом колене, это уж точно. И умел предсказывать будущее и давать мудрые советы.

И вот как-то вечером, не сказавши никому, куда он собрался, Билли Нэш направился к этому старцу, чтобы спросить, что ему делать с его драгоценной пшеницей. Вещий старец произнес заклинание, а потом что-то такое нашептал Билли на ухо, отчего тот пришел в превеселое настроение и повернул домой, довольный-предовольный, думая про себя, что не зря заплатил мудрому старцу денежки.

На другой день — хотя то было и не воскресенье — Билли Нэш пошел поглядеть на свою пшеницу. Наглядевшись вволю, он решил, что расти она больше не будет, а будет только наливаться да созревать. Вот он и отправился прямехонько к кузнецу и попросил его сделать побольше железных прутьев, ростом с его пшеницу.

Назавтра — а может, то было и послезавтра — прутья были готовы, и Билли отнес их в поле и воткнул в землю рядом со стеблями пшеницы, но только не на своей половине поля, а на страшилиной.

И вот когда пшеница уже налилась золотом и свесила набок тяжелую голову, в погожий, ясный денек Билли Нэш вместе со страшилой отправились в поле и начали жать: один с одного конца поля, другой — с другого. Каждый казался очень довольным: ну ясно, ведь каждый думал про себя, как он обманет другого!

Так-то вот.

Жнецом мистер Нэш был хорошим и быстро продвигался вперед. А страшила понять не мог — он вообще-то был не очень сообразительным, — почему у него ничего не получается, и даже не заметил, что вместе с пшеницей старается срезать и железные прутья. Вот разиня! Ему то и дело приходилось останавливаться, чтобы наточить серп, — ясно, что железные прутья тупили его. И всякий раз он присаживался отдохнуть, потому что легко ли жать железные прутья, сами подумайте!

А мистер Нэш знай себе шел вперед, работая серпом просто играючи, вязал снопы и складывал их в скирды. Так они проработали весь этот погожий, ясный денек, а солнце так и наяривало у них над головой.

Наконец страшила не выдержал, выронил серп и с громким стоном повалился на землю.

— Забирай свою поганую землю! — завопил он. — И землю, и все, что на ней! Знать ее больше не хочу! И видеть ее не желаю!

И он поплелся прочь. И больше никогда не появлялся на земле Билли Нэша.

Его Величество король Томас

ИЛ в тихой деревушке на юге Англии один человек. Он служил церковным сторожем и жил с женой при церкви в очень уютном доме с камином.

Был у них кот — черный как уголь, только белое пятно на груди. Кота звали Томас.

В один зимний вечер церковный сторож что-то долго не возвращался домой. Жена сидела у камина и вязала, а старый Том грелся у огня. Она уже давно вскипятила чай, чайник давно уже успел остыть, а муж все не возвращался. Наконец он вбежал в дом, совсем запыхавшись, и закричал:

— Кто такой Том Тилдрам?

Он был так взволнован, что жена спросила:

— Да что случилось?

— Ты не поверишь, до чего странная история произошла только что со мной! — сказал муж.

— Ну так садись и рассказывай!

И они сели у огня, а старый Том между ними, и муж начал:

— Я сегодня чинил ограду, ту, что ближе к лесу, ты знаешь. Так вот, я уж почти все кончил, как вдруг услышал громкое «мяу!».

— Мяу! — сказал Томас.

— Вот-вот, так в точности, — кивнул муж. — Я огляделся и вижу... Ах нет, ты все равно мне не поверишь. Девять черных котов, совсем черных как уголь, только белое пятно на груди, ну вылитый наш Том, так важно, чинно несут... Ну, как ты дума-

ешь — что? Маленький черный гроб! Покрытый черным бархатом, а на крышке — золотая корона. Один кот подходит ко мне и говорит: «Мяу!»

— Мяу! — сказал Том.

— Вот-вот, в точности, — продолжал муж. — Смотрит на меня и говорит: «Передай Тому Тилдраму, что старый Тим Толдрам умер».

— Взгляни на нашего Тома! — воскликнула тут жена.

Но не успела она закончить, как старый кот Том вскочил, крикнул:

— О небо! Старый Тим Толдрам преставился, значит, теперь я — король!

И, не прибавив больше ни слова, прыгнул в камин и пропал навсегда...

Малышка Том и великан Денбрас

ОТ ВАМ одна из самых старинных сказок, какие рассказывали в Корнуэлле. Их еще называли там дурацкими сказками. А любил ее рассказывать старый веселый жестянщик из Леланта.

В далекие времена, когда в Корнуэлле было еще полным-полно великанов, неподалеку от залива Маунтс-Бей жил в деревне славный паренек, которого звали Малышка Том.

Славный-то он был славный, а вот работать не очень-то любил. Работал когда вздумается, а постоянным делом не хотел заниматься.

Правда, Том был невелик ростом — мы имеем в виду для тех старинных времен, когда, как говорят, все мужчины в Корнуэлле были один другого выше, — так, примерно, футов восьми¹. Зато плечи у него были широкие, спина крепкая, а руки и ноги словно из железа.

Его старушка мать часто говорила ему, чтобы он нашел настоящее дело и зарабатывал хотя бы себе на пропитание. Потому что, надо вам сказать, ел он всегда за двоих.

И вот однажды поутру, чтобы доставить удовольствие своей матушке, а может, потому что как раз в это время он ухаживал за одной красоткой из Кроласа, Малышка Том отправился в Маркет-Джу поискать там работы. Сами понимаете, не мог же он сделать предложение девушке, если сам ничего не зарабатывал. Первым делом Том зашел к одному человеку, по имени Хонни (это сокращенное от Ганнибала), — тот был жестяных дел ма-

¹ Восемь футов составляют примерно два с половиной метра.

стером, а кроме того, еще держал и трактир, чтобы любой мог зайти и выпить с ним по кружке доброго эля.

— Нужен вам сильный, молодой и покладистый работник? — спросил его Том.

— Очень сожалею, — ответил Хонни, — но постоянной работы у меня, пожалуй, сейчас не найдется. Но послушай! Мне надо отправить в Сент-Ивз воз с бочонками пива, и ты бы мог сослужить мне хорошую службу, а я тебе за это щедро заплачу. Ну как, по рукам?

Они тут же столковались. Том вывел четыре парных воловьих упряжки, хозяин сам помог Тому погрузить на повозку бочонки с пивом, да в придачу положил еще один бочонок для Тома, чтобы он не скучал в дороге и угощал бы добрых попутчиков, какие ему встретятся.

И, крикнув волам: «Эй-о-о!», Том выехал со двора.

Ехал он, ехал и вдруг — стоп! Прямо посреди дороги выросла высоченная каменная стена с широкими, крепкими воротами на запоре. Не пройдешь, не проедешь!

— Ах негодные великаны! Не иначе, это их рук дело! — рассердился не на шутку Том. — Ну где это слыхано — строить стену на проезжей дороге! Должно быть, это тот великашка Дёнбрас! Великан из великанов, силач из силачей! Э-э, да я тоже парень не промах. Еще посмотрим, кто кого!

И Том изо всех силенок приналег на каменные ворота и одним ударом распахнул их.

— Эй-о, пошли! — крикнул Том волам. — Эй-о!

И воз с пивом скрипя покатился по каменным плитам двора прямо к замку великана.

А надо вам сказать, что великан Денбрас к тому времени уже начал стареть и стал глуховат. Никогда бы в жизни он не услышал скрипа повозки, если бы не его собачонка: она подняла такой лай, что и мертвый бы проснулся.

Денбрас сел на кровати, потянулся, протер глаза, а потом вышел во двор. Сначала ни Тома, ни его повозки он не увидел, потому что ему и в голову не пришло смотреть себе прямо под ноги. И пока он озирался по сторонам, Том успел хорошенько рассмотреть великана.

Старый Денбрас был не меньше пятнадцати футов росту и, конечно, широк в плечах, но толстоват. Виною тому — обжорство и безделье, вот к старости у него и появилось брюшко. Космы на голове великана торчали, словно пучки сухого вереска, а зубы его сточились почти до самых десен — все оттого, что он жрал овец прямо с шерстью и костями!

Однако Мальшка Том ничуть его не испугался, хотя и повстречался с Денбрасом в первый раз.

— Хелло! — заревел-зарычал-заорал Денбрас, увидев наконец Тома. — Ты кто такой, жалкая малявка? Как посмел ты явиться сюда со своей скрипучей повозкой? А-а, никак, это пиво? Ты привез его мне? Вот не ожидал!

— Можешь отведать глоток, — сказал Том, — но пиво это я ве-зу не тебе, а в Сент-Ивз. А еду я через твой двор, потому что он стоит на проезжей дороге!

— Ах ты дерзкий щенок! — рассердился Денбрас. — Убирайся отсюда, пока цел, не то как наломаю прутьев да нахлестаю тебя!

— Ку-ка-реку! Не рано ли распелся, старый петух? — ответил ему Том.

Тут великан сделался темнее тучи от злобы и, не говоря больше ни слова, обхватил здоровенный вяз, вышиною в двадцать футов, и вырвал его прямо с корнями из земли.

Но пока он зачищал ствол от мелких веток и сучьев, чтобы получилась настоящая гладкая дубинка, Том сбросил с повозки все пивные бочки, снял одно колесо — и у него получился прекрасный щит; снял большую дубовую ось — и у него тоже получилась крепкая гладкая дубинка. Великан еще долго копался, зачищая свой «прутик», а Том уже ждал его наготове.

— А ну поторапливайся, — подгонял Том великана Денбраса. — Я жду тебя! Вот мой щит, а вот мой меч! — И он потрясал колесом и дубовой осью от телеги.

Наконец противники сошлись.

Но великан оказался совсем неповоротлив, да к тому же дубинкой он размахивал не целясь, как попало, из чего Том заключил, что он вдобавок еще и подслеповат. А сам Том был куда проворней. Он так ловко работал своей дубинкой, что бедный великан совсем запыхался.

Том давно уже мог ранить Денбраса острым концом дубовой оси, но всякий раз ему становилось жалко старика. И он лишь отражал своим колесом удары двадцатифутовой дубинки великана. Бедняга Денбрас то и дело бил мимо, а иногда, промахнувшись, грохался плашмя на землю.

Но Том благородно подавал ему руку, чтобы старику легче было подняться, и подносил даже бочонок с элем, чтобы подкрепить его силы.

Однако, увидя, что солнце клонится к закату, Том решил чуть пощекотать старика великана, чтобы заставить его двигаться побыстрей. И он, как ему показалось, легонько ткнул Денбраса своим копьём.

Но — о горе! — Мальшка Том сам не знал, какая у него сила, и сделал выпад слишком резко. Дубовая ось проткнула великана насквозь, и он опрокинулся на землю, словно поваленное дерево.

Том был в отчаянии. Он опустился рядом с великаном на колени и пытался подбодрить его словами.

— Не унывай, дружище! — говорил Том. — Ты скоро поправишься. Я нечаянно! Разве я хотел тебя обидеть? Кто бы мог подумать, что у тебя такая нежная кожа!

Но великан только стонал в ответ. Том осторожно вынул дубовую ось из раны и покрепче заткнул рану кусками дерева, который тут же нарезал. Старому Денбрасу немного полегчало. Тогда Том сбегал к повозке, вышиб дно у одного бочонка с пивом и поднес его великану ко рту словно кружку.

— Пей, голубчик, пей! — уговаривал он великана.

Наконец Денбрас заговорил.

— Теперь уж мне ничто не поможет, сынок! — чуть слышно произнес он. — Конец! Крышка!.. Но я умер в честном бою, верно?

— Верно, — чуть не плача, отвечал Том.

— А ты молодец! Настоящий корнуэллец. Ты честно сражался, и за это я люблю тебя. Это была славная и честная битва... Силы покидают меня. Наклонись ниже, сынок, я скажу тебе мою последнюю волю...

И старый Денбрас сказал Тому, что, раз у него нет никого родных, он делает Тома своим наследником и велит ему забрать все сокровища, какие он спрятал в пещере под замком.

— А теперь помоги мне подняться на вершину холма, — попросил он Тома.

Они с трудом взобрались на холм, и великан сел на свое любимое каменное ложе, прислонившись спиной к широкой плоской скале.

— Похорони меня честь по чести! — сказал он Тому. — Здесь, где я сижу сейчас. По законам стариков нашей страны. Вот камни, которыми ты окружишь меня. Большой койт¹ я давно приготовил. Похорони меня с честью и будь ласков к моей собаке!

— Я все сделаю, старый дружище, только не умирай!

Но великан покачал головой и испустил дух.

Том загородил Денбраса со всех сторон большими камнями, сложил ему руки на коленях — словом, сделал все честь по чести. А потом он спустился во двор замка, поставил на место колесо и дубовую ось, на что много времени ему не потребовалось, вывел на дорогу волов с повозкой, запер покрепче ворота замка и от-

¹ Койт — каменное кольцо, которым древние британцы накрывали могилу.

правился в Сент-Ивз. Благополучно вручил пиво кому было велено и уже по другой дороге вернулся на следующий день в Маркет-Джу.

То был праздник — канун иванова дня, — и на всех холмах жгли костры.

В Маркет-Джу на улицах танцевали под волынку и барабан. Хонни, хозяин трактира, веселился со всеми вместе. Он очень обрадовался, что Том вернулся и с повозкой, и с его быками в полном здравии.

— Молодец! — сказал он ему, когда Том закусил с дороги и выпил. — Оставайся у меня на год работать, я тебе положу хорошее жалованье.

— Не могу, — ответил Том, — хотя лучшего места мне не сыскать.

— Тогда почему же ты говоришь «нет»? — удивился Хонни. — Ты же только вчера просил у меня работы.

Но Том не хотел рассказывать, что у него выпшло с великаном Денбрасом, и он ответил:

— Видишь ли, за это время у меня умер дедушка, который жил в горах, и оставил мне в наследство землю и деньги. Я должен скорей пойти туда и похоронить старика честь по чести.

Под этим предлогом Том покинул гостеприимного хозяина и поспешил к своей возлюбленной в Кролас. Ей он все рассказал без утайки; они поженились и зажили в замке великана припеваючи.

Ночная погоня

ИЛА-БЫЛА на свете женщина. Как-то раз, ложась спать, она подумала:

«Завтра я должна встать ни свет ни заря, чтобы вовремя поспеть на базар».

Она собиралась продать на базаре яички и масло.

Спать она легла рано и проснулась, когда еще было совсем темно. Часов у нее не было, узнавать время по луне и по звездам она не умела, а потому решила, что уже пора вставать, хотя еще и полночь не пробило.

И вот в эту странную темную пору вывела она из конюшни сонного коня, приладила ему на спину две плетеные корзины — с маслом и с яичками, — накинула себе на плечи плащ, села верхом на коня и отправилась в путь. Путь ее в город лежал через Вересковую Пустошь — странное местечко, совсем не подходящее для ночных прогулок.

Не успела она далеко отъехать, как вдруг услышала громкий собачий лай и при свете звезд — к счастью, в ту ночь небо было ясное и звезд высыпало видимо-невидимо — увидела бегущего зайца.

Зяец бросился прямо к ней и, чуть не добежав до нее, вскочил на живую изгородь, всем своим видом словно говоря: «Подойди, возьми меня и спрячь!»

Женщина эта вообще недолюбливала охоту, поэтому не стала себя долго упрашивать, сняла с изгороди дрожащего зайца, спрятала его в одну из своих корзин и как ни в чем не бывало поехала дальше.

Однако очень скоро она опять услышала собачий лай и тут же увидела чудного всадника на лошади — ох, вы только представьте себе! — на лошади без головы. Всадник был весь черный, и голова — слава богу, на месте! — тоже черная, а на макушке из-под жокейской шапочки торчали рожки. Хуже того, глянув вниз, она увидела, что в стремяна он вдел вовсе не ноги, обутые во что-нибудь там, а раздвоенные копыта!

Черного всадника на лошади без головы со всех сторон обступили больше черные псы, сбежавшиеся, верно, на запах зайца. Псы были тоже совсем необычные. На голове у них были маленькие рожки, а когда они вертели хвостами, во все стороны так и сыпались искры, и, принюхавшись, женщина почувствовала запах серы. Страх, да и только!

Но она была женщина храбрая, и если уж решила спасти зайца и спрятать в свою корзину, то уж ни за что его не выдала бы. К тому же она знала, что хоть черт и умен, а все-таки не волшебник! Не мог он догадаться, куда девался заяц.

И вправду, черт поклонился ей и очень вежливо спросил, не видала ли она, в какую сторону побежал заяц. Она покачала головой: мол, не видела и не знает. И он затрубил в рог, прищпорил коня без головы и поскакал прочь с Вересковой Пустоши, а черные псы за ним, и скоро все скрылись из глаз, чему женщина была очень рада, как вы и сами можете догадаться.

Не успела она опомниться, как вдруг крышка корзинки, в которой, как она полагала, сидел полумертвый от страха заяц, откинулась, и из корзины поднялась прекрасная молодая леди, одетая во все белое.

— Я восхищена вашей храбростью, матушка, — сказала прекрасная леди. — Вы спасли меня от жестоких мучений. Когда я была обыкновенной женщиной, я совершила ужасный грех и была за это наказана. На земле и под землей меня преследовали злые духи, и был только один путь спастись от них — оказаться позади них, когда они преследуют меня. Сколько лет мне не удавалось это сделать! Теперь вы мне помогли, и я за это награжу вас. Отныне все ваши наседки будут нести по два яйца сразу, ваши коровы будут давать молоко круглый год, а ваш муж ни разу не победит вас в споре!

И с этими словами добрая фея исчезла. Больше женщина ее никогда не видела, но все вышло точно, как обещала фея.

Тростниковая Шапка

У, СЛУШАЙТЕ! Жил когда-то один богатый человек, и было у него три дочери. Вот задумал он узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Скажи, как ты меня любишь, доченька?

— Как жизнь свою!— отвечает она.

— Это хорошо,— говорит он. И спрашивает среднюю:— А как ты меня любишь, доченька?

— Больше всего на свете!— отвечает она.

— Очень хорошо,— говорит он. И спрашивает младшую:— А как же ты меня любишь, моя голубка?

— Я люблю тебя, как мясо любит соль,— отвечает она.

Ах как отец рассердился!

— Значит, ты меня вовсе не любишь,— говорит он.— А раз так, не смей оставаться в моем доме!

И он тут же прогнал ее прочь и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. И пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не пришла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое красивое платье, и пошла дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она наконец до какого-то дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает она.

— Нет, не нужна,— отвечают ей.

— Мне больше некуда идти,— говорит она.— Жалованья я не прошу, а делать буду что прикажут.

— Что же,— отвечают ей,— если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась, и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю-всю грязную работу. А так как она никому не сказала, как ее зовут, все прозвали ее Тростниковая Шапка.

Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. Но Тростниковая Шапка сказала, что очень устала и никуда не пойдет, и осталась дома.

А как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал. И уж поверьте мне, красивой ее никого не было на балу!

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на бал. Он с первого взгляда полюбил Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней.

Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другое утро служанки говорят ей:

— Что вчера было на балу!

— Что? — спрашивает Тростниковая Шапка.

— Знаешь, приехала туда одна молоденькая леди, а уж какая красавица, как разряжена! Наш молодой хозяин глаз с нее не сводил!

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Сегодня вечером опять бал, она, наверное, придет.

Но когда настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что слишком устала и не пойдет со всеми. Однако не успели слуги уйти, как она сбросила с себя тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин ее ждал. И танцевал опять только с ней, и не сводил с нее глаз. Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

На другой день служанки говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть на ту леди! Она опять была на балу. А наш молодой хозяин так глаз с нее и не сводил.

— Ну что ж, — говорит Тростниковая Шапка, — я бы не прочь взглянуть на нее.

— Так слушай, сегодня вечером опять бал. Идем с нами! Она наверное уж придет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала:

— Я очень устала. Если хотите, ступайте одни, а я останусь дома.

Но только они ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин был ей несказанно рад. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

И все же перед самым концом бала Тростниковая Шапка опять потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другой день служанки ей говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка! Не пошла вчера с нами, и теперь не видать тебе той леди. Балов больше не будет!

— Ах, как жалко! А мне так хотелось ее увидеть!— ответила Тростниковая Шапка.

Так-то вот.

А молодой господин?

Да чего он только ни делал, чтобы узнать, куда девалась Тростниковая Шапка, но все напрасно. Куда бы он ни ходил, у кого бы ни спрашивал—никто ничего о ней не знал. И он так затосковал, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Сварите молодому господину овсяную кашу,—приказали поварихе.— А то как бы не умер с тоски по красавице.

Повариха тут же принялась варить кашу. А в это время в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь?—спросила она.

— Кашу для молодого господина,—ответила повариха.— Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю!—попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка сама сварила для молодого господина овсяную кашу. А когда каша была готова, она бросила в нее украдкой кольцо.

Вот отнесли кашу больному. Он съел ее и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите ко мне повариху!—приказал он.

Повариха поднялась к нему.

— Кто варил кашу?—спросил он.

— Я,—соврала она с перепугу.

Но он взглянул на нее и сказал:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее готовил? Тебе за это ничего не будет.

— Коли так,— говорит она,— ее готовила Тростниковая Шапка.

— Позовите ко мне Тростниковую Шапку!— сказал он.

Вот пришла Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу?— спрашивает юноша.

— Я,— отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо?— спрашивает он.

— У того, кто мне дал его!— отвечает она.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую одежду и предстала перед ним в своем красивом платье.

Ну конечно, молодой человек очень быстро поправился, и они решили обвенчаться. Свадьбу хотели справить на славу и гостей созвали отовсюду. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. Но она так никому и не призналась, кто же она такая.

И вот, перед самой свадьбой, она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади!

— Невкусно получится,— заметила повариха.

— Неважно,— сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить,— согласилась повариха.

Настал день свадьбы. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким невкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно за другим все блюда и вдруг разрыдался.

— Что с вами?— спрашивает его молодой хозяин.

— Ах!— отвечал он.— Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит. И она ответила: «Как мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и прогнал ее из дома. А теперь вижу, что она любила меня больше всех. Но ее уж, видно, нет в живых.

— Посмотри, отец, вот она!— воскликнула Тростниковая Шапка, бросилась к отцу и обвила его шею руками.

С тех пор все они зажили счастливо.

Король Иоанн и кентерберийский аббат

ЦАРСТВОВАНИЕ короля Иоанна жил в Кентербери аббат. Свое аббатство он содержал с большой пышностью. Сто монахов каждый день обедали вместе с ним в трапезной монастыря, и всюду его сопровождали пятьдесят рыцарей в бархатных одеждах, украшенных золотыми цепями.

А надо вам сказать, что король Иоанн просто не терпел, когда кого-нибудь из его подданных почитали больше, чем его самого. И вот он вызвал кентерберийского аббата к себе.

Аббат, а с ним и вся его пышная свита — пятьдесят рыцарей в латах, бархатных плащах и золотых цепях на груди — явилась ко двору. Король вышел навстречу аббату и молвил:

— Как чувствуешь себя, святой отец? Слышал я, ты держишь еще более пышный двор, чем я. Это оскорбляет наше королевское достоинство и пахнет изменой.

— Сын мой, — отвечал аббат с низким поклоном, — все, что я трачу, это приношения благочестивых прихожан нашему аббатству. Я молю вашу светлость не гневаться за то, что я трачу на наше аббатство все деньги, что принадлежат ему.

— Э нет, почтенный прелат! — молвил король. — Все, что находится в нашем славном королевстве английском, все принадлежит только нам. И ты не должен держать столь пышный двор и позорить своего короля! Но я милостив, и, если ты ответишь мне всего на три вопроса, я сохраню тебе и жизнь и богатство.

— Постараюсь, мой сын,— отвечал аббат,— насколько хватит моего бедного разума.

— Скажи мне,— молвил король,— где середина земли? И сколько мне надобно времени, чтобы объехать вокруг света? И, наконец, угадай, что я думаю!

— Ваше величество, наверное, шутит,— пробормотал аббат, не зная, как ответить.

— Скоро ты увидишь, что это за шутки,— сказал король.— Если до конца недели не ответишь на все три вопроса, голова твоя распрощается с телом.

И король ушел.

С тяжелым сердцем пустился аббат в дорогу и первым делом заехал в Оксфорд. Он думал найти там ученого мужа, который ответил бы ему на три вопроса короля. Но не нашел и, печальный, поехал в Кентерберы, чтобы распрощаться навсегда со своими монахами.

По дороге он встретил пастуха: тот шел в овчарню.

— С приездом, господин аббат!— приветствовал его верный пастух.— Какие новости от нашего доброго короля Иоанна?

— Печальные новости, пастух, печальные,— промолвил аббат и рассказал, как принял его король.

— Не тужите, господин аббат,— сказал пастух.— Случается, что дурак разгадает то, чего не знает умный человек. Вместо вас я поеду в Лондон. Только одолжите мне ваше платье и пышную свиту. На худой конец, я умру вместо вас.

— Что ты, что ты, пастух!— сказал аббат.— Мне не пристало избегать опасности. И потому ты не можешь ехать вместо меня.

— Могу! И поеду, господин аббат. В вашем платье с капюшоном кто меня там узнает?

Что ж, аббат согласился, облачил пастуха в лучшие свои одежды и отправил его в Лондон. А сам надел простое монашеское платье, закрыл лицо капюшоном и вместе со своею свитой тоже прибыл ко двору короля.

— Добро пожаловать, господин аббат,— сказал король Иоанн пастуху, переодетому в платье аббата.— Я вижу, ты уже смирился со своей судьбой.

— Я готов отвечать вашему величеству,— промолвил пастух.

— Ах, так! Ну, вот первый вопрос: где середина земли?

— Здесь!— ответил пастух и ударил по земле епископским

посохом.— А если ваше величество не верит, прикажите измерить и тогда сами убедитесь.

— Святой Валаам!— воскликнул король.— Неглупый ответ! Ты, я вижу, весельчак. А теперь ответь мне на второй вопрос: сколько времени мне надо, чтобы объехать вокруг земли?

— Если ваше величество соизволит подняться вместе с солнцем и последует за ним до следующего восхода, то как раз успеет объехать вокруг земли.

— Святой Иоанн!— засмеялся король.— Я и не знал, что так быстро. Ну, с этим покончено. А теперь третий, и последний, вопрос: что я сейчас думаю?

— Это легко угадать, ваше величество,— ответил пастух.— Ваше величество думает, что перед вами сам кентерберийский аббат, но, как вы сейчас убедитесь,— тут пастух откинул с лица капюшон,— это всего лишь его скромный пастух, и он пришел просить вас простить и его, и святого отца.

Король расхохотался.

— Ловко ты провел меня! Выходит, ты умнее своего господина, и потому я ставлю тебя на его место.

— Ах нет, это невозможно,— возразил пастух.— Я не умею ни читать, ни писать.

— Ну, тогда будешь получать за свой быстрый ум шесть ноблей в неделю. И передай аббату, что я прощаю его!

Чайлд Роланд

РИ ПРИНЦА вечером в саду
Играли в мяч. Да на беду
К ним вышла Эллен, их сестра.
«Лови!» — ей крикнул младший принц,
Но мяч за церковь улетел,
За ним принцесса Эллен вслед.
Проходит час, потом другой.
Ночь на дворе. Принцессы нет.

«Иду ее искать!» — Чайлд Роланд говорит.
С ним братья. Ногу в стремя, конь хрипит.
Сил не жалея,
Поскакали во все концы земли.

Но год прошел, и два прошли,—
Принцессы так и не нашли.

И тогда старший брат отправился к знаменитому волшебнику Мёрлину, рассказал ему обо всем, что случилось, и спросил, не знает ли он, где леди Эллен.

— Прекрасную леди Эллен, наверное, унесли феи, — ответил Мёрлин. — Ведь она нарушила священный обычай — обошла церковь против солнца! И теперь она в Темной Башне короля эльфов. Только самый храбрый из рыцарей может освободить ее.

— Я освобожу ее или погибну! — сказал старший брат.

— Что ж, попытай счастья, — ответил волшебник. — Только горе тому, кто отважится на это без доброго совета!

Но старшего брата не испугала угроза. Он все равно решил отыскать сестру и попросил волшебника помочь ему. Мёрлин научил юношу, что ему следует делать в дороге, а чего не следует.

И старший брат леди Эллен отправился в страну фей, а двое младших и королева-мать остались ждать его дома.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавление от злых страстей?

Тогда к волшебнику Мёрлину пошел средний брат. И Мёрлин повторил ему все, что говорил старшему. И вот средний брат тоже отправился на поиски леди Эллен, а дома остались ждать его Чайлд Роланд и королева-мать.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавление от злых страстей?

Тогда решил отправиться в путь младший брат леди Эллен — Чайлд Роланд. Он зашел к своей матери-королеве и попросил у нее на это разрешения. Но королева сначала не хотела его отпускать: Чайлд Роланд был ее младшим и самым любимым сыном и потерять его значило для нее все потерять. Но он умолял ее и просил, и наконец королева егопустила. Она дала ему славный меч короля, разивший без промаха, и произнесла над мечом заклинание, дарующее победу.

И вот распрощался Чайлд Роланд с матерью-королевой и пошел к пещере волшебника Мёрлина.

— Скажи в последний раз, — попросил он Мёрлина, — как спасти леди Эллен и моих братьев?

— Что ж, сын мой, — ответил Мёрлин, — для этого нужны всего два условия. Они покажутся тебе очень простыми, но выполнить их нелегко. Одно условие — делать то-то и то-то, другое — не делать того-то и того-то. А делать тебе надо вот что: как попадешь в страну фей, руби отцовским мечом голову каждому, кто заговорит с тобой, пока не встретишься со своей сестрой Эллен. Не делать же ты должен вот что: не ешь ни куска и не пей ни глотка, как бы тебе ни хотелось есть и пить. А выпьешь глоток или съешь хоть кусок там, в стране фей, и не видать тебе больше солнца.

Чайлд Роланд поблагодарил Мёрлина за добрый совет и тронулся в путь. Он шел, и шел, и шел все дальше и дальше, пока не увидел табунщика, пасшего королевских коней. Чайлд Роланд сразу понял, что это кони короля эльфов, по их горящим глазам. А раз так, значит, он наконец попал в страну фей.

— Скажи мне, — обратился Чайлд Роланд к табунщику, — где находится Темная Башня короля эльфов?

— Не знаю, — ответил табунщик. — Пройди еще немного и увидишь пастуха. Может, он тебе скажет.

Тут Чайлд Роланд недолго думая выхватил свой славный меч, разивший без промаха, и голова табунщика слетела с плеч. А Чайлд Роланд пошел дальше. Он все шел и шел, пока не увидел пастуха, пасшего королевских коров. Пастуху он задал тот же вопрос.

— Не знаю, — ответил ему пастух. — Пройди еще немного, там увидишь птичницу, уж она-то знает.

Тут Чайлд Роланд снова поднял свой славный меч, разивший без промаха, и голова пастуха тоже слетела с плеч. А Чайлд Роланд прошел еще немного и увидел старуху в серой накидке. Он спросил ее, знает ли она, где находится Темная Башня короля эльфов.

— Пройди еще немного, — сказала ему птичница, — и ты увидишь круглый зеленый холм. От подножия до самой вершины он опоясан террасами. Обойди трижды вокруг холма против солнца и каждый раз приговаривай: «Откройте дверь, откройте дверь, позвольте мне войти». На третий раз дверь откроется, и ты войдешь.

Чайлд Роланд отправился было дальше, да вспомнил, что ему говорил волшебник. Вот выхватил он свой славный меч, разивший без промаха, но птичница уже исчезла, словно ее и не было.

Чайлд Роланд пошел дальше. Шел и шел, пока не достиг круглого зеленого холма, от подножия до самой вершины опоясанного террасами. Трижды обошел его против солнца и каждый раз приговаривал: «Откройте дверь, откройте дверь, позвольте мне войти».

На третий раз дверь и впрямь открылась. Чайлд Роланд вошел, дверь тут же захлопнулась, и он остался запертым в темноте.

Правда, здесь было не совсем темно, откуда-то проникал слабый свет, но Чайлд Роланд не видел ни окон, ни свечей и не мог понять, откуда он проникает, — разве что через стены и потолок? Вскоре он различил коридор со сводами из прозрачного камня. Но хотя вокруг был камень, воздух оставался чудесно теплым, как это всегда бывает в стране фей.

Вот миновал Чайлд Роланд этот коридор и подошел наконец к высокой и широкой двустворчатой двери. Она была полуоткрыта, и когда Чайлд Роланд открыл ее настежь, то увидел чудо из чудес.

Перед ним была огромная зала. Потолок ее подпирали золотые колонны, а между ними тянулись гирлянды цветов из бриллиантов, изумрудов и других драгоценных камней. Все ребра сводов сходились в середине потолка, и оттуда на золотой цепи свешивался огромный светильник, сделанный из одной полой и совершенно прозрачной жемчужины невиданной величины. Внутри жемчужины вращался громадный карбункул. Его яркие лучи озаряли всю залу, и казалось, будто светит заходящее солнце.

Зала была роскошно убрана, и в конце ее стояло пышное ложе с бархатным покрывалом, расшитым шелком и золотом, а на ложе сидела леди Эллен и расчесывала серебряным гребнем свои золотистые волосы. Едва она увидела Чайлд Роланда, как поднялась и сказала:

— Зачем ты здесь, мой милый брат?
На горе и беду.
Узнай, что кто пришел сюда,
Уж не уйдет назад.

Вернись домой, мой младший брат —
Свободы больше я не жду.
Оставишь голову ты тут,
На горе и беду.

Чайлд Роланд, брат, ты не ушел,
На горе и беду.
Сейчас король сюда влетит,
И жизни он тебя лишит.

Но Чайлд Роланд не послушал ее. Он сел рядом с леди Эллен и поведал ей обо всем, что с ним было. А в ответ она рассказала ему, как его братья один за другим достигли Темной Башни, но злой король эльфов заколдовал их, и теперь они лежат здесь, словно мертвые. Пока они говорили, Чайлд Роланд вдруг почувствовал сильный голод — ведь путешествие было таким длинным. Он сказал об этом сестре и попросил у нее что-нибудь поесть. Увы, он забыл про наказ волшебника Мёрлина!

С грустью поглядела на Чайлд Роланда леди Эллен и покачала головой. Но волшебные чары не позволяли ей напомнить о чем-либо брату.

Вот она поднялась, вышла из залы и вскоре вернулась с хлебом и молоком в золотой посуде. Чайлд Роланд уже готов был пригубить молоко, как вдруг взглянул на сестру и вспомнил, зачем пришел сюда.

— Ни глотка я не выпью и не съем ни куска, — сказал он, — пока не освобожу мою сестру Эллен!

Тут они услышали чьи-то шаги и громкий голос:

Фи-фай-фо-фут,
Кровь человека чую тут.
Мертвый он или живой,
Тут не ждет его покой.

И тотчас широкие двери распахнулись, и в залу ворвался король эльфов.

— Будем биться, если посмеешь, нечистый дух!— вскричал Чайлд Роланд и бросился к нему навстречу со своим славным мечом, разившим без промаха.

Они бились долго. Наконец Чайлд Роланд поставил короля эльфов на колени, и тот взмолился о пощаде.

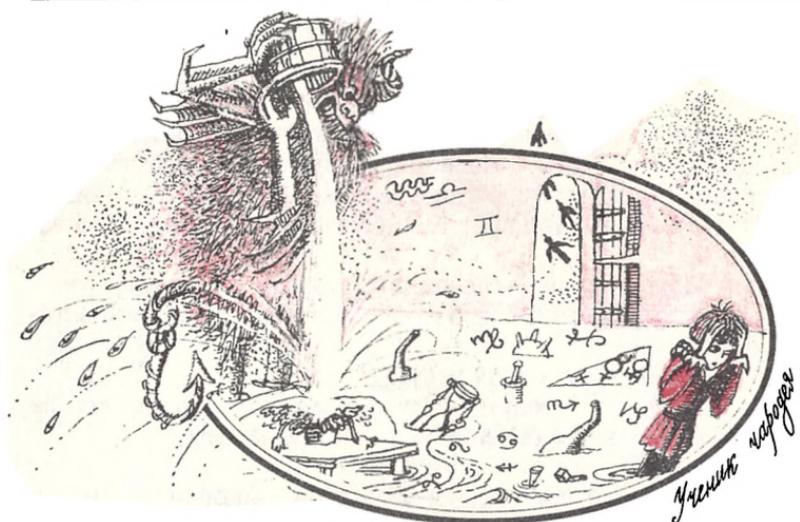
— Обещаю пощадить тебя,— сказал Чайлд Роланд,— если ты снимешь злые чары с моей сестры, вернешь к жизни моих братьев и выпустишь нас всех на свободу!

— Согласен!— сказал король эльфов.

Он поднялся с колен, подошел к сундуку и вынул из него склянку с кроваво-красной жидкостью. Смочил ею уши, веки, ноздри, губы и кончики пальцев обоим братьям, и те ожили.

Потом король эльфов прошептал несколько слов леди Эллен, и волшебные чары спали с нее. Тогда все четверо вышли из залы, миновали длинный коридор и покинули Темную Башню короля эльфов. Навсегда.

Ученик чародея

А СЕВЕРЕ Англии в графстве Йоркшир жил некогда великий чародей. Он говорил на всех языках и знал все тайны Вселенной. У него была огромная книга с железными застежками и железными уголками в переплете из черной телячьей кожи. Когда чародей хотел читать, он отпирал ее железным ключом. Только он один понимал эту книгу, в которой были собраны тайны темного царства духов.

У этого чародея был ученик. Он прислуживал своему учителю, но ему строго-настрого запрещалось открывать огромную черную книгу или заходить в тайные покои учителя.

И вот как-то раз, когда чародея не было дома, ученик не утерпел и прокрался в его покои. Там он увидел диковинные колбы и тигли, какими пользовался чародей, когда хотел превратить медь в золото и свинец в серебро; и всевидящее зеркало: когда чародей смотрелся в него, он видел все, что делается на свете; и волшебную раковину: стоило чародею приложить к ней ухо, и он слышал все, что хотел слышать.

Однако ученик напрасно возился с колбами и тиглями: ему так и не удалось получить из меди золото, а из свинца — серебро. Тщетно смотрел он в чудесное зеркало: в нем проплывали лишь дым да облака. А в раковине что-то глухо шумело, будто далекая морская волна била о неведомый берег.

«Ничего у меня не выходит, — решил ученик, — потому что я не знаю заклинаний, записанных в книге. А она заперта».

Он обернулся — и о чудо! — книга лежала не запертой: учитель перед уходом забыл вынуть ключ из замка. Ученик бросился к книге и открыл ее. Слова в ней были написаны красными и чер-

ными чернилами. Юноша почти ничего не мог понять. Но он все-таки провел пальцем по какой-то строке и прочел ее вслух.

И тут комната вдруг погрузилась во мрак, дом задрожал, громовые раскаты прокатились по всем покоям, и перед учеником чародея появилось ужасное страшилище, изрыгающее огонь, с глазами, словно горящие факелы. Это был сам дьявол Вельзевул, покорный чародею! Юноша нечаянно вызвал его заклинанием.

— Приказывай! — заревел дьявол громовым голосом.

Юноша застыл на месте, его пробирала дрожь, волосы встали у него дыбом.

— Приказывай, или я тебя задушу!

Но юноша не мог говорить. Тогда злой дух схватил его за горло и, обжигая своим огненным дыханием, заревел:

— Приказывай!

— Полей вон тот цветок! — в отчаянии выкрикнул юноша первое, что пришло ему в голову, и показал на герань, что стояла в горшке на полу.

Дух тут же исчез, но через миг вернулся с бочонком воды и вылил всю воду на цветок. Потом опять исчез и снова вернулся с бочонком на спине. И так раз за разом исчезал и возвращался, и все лил и лил воду на герань, пока воды в комнате не набралось по щиколотку.

— Довольно, довольно! — молил юноша.

Но дьявол не слушал его: он все таскал и таскал воду — ведь ученик чародея не знал заклинаний и не умел прогонять духов.

Вот вода поднялась уже парню до колен и продолжала еще прибывать. Дошла ему до пояса. А Вельзевул без передышки все таскал и таскал полные бочонки и поливал герань. Вскоре вода добралась юноше до подбородка, и он вскарабкался на стол. Потом она поднялась до самых окон, забила о стекла, забурлила вокруг ног ученика, залила его по пояс... по грудь... по шею... Напрасно он кричал — злой дух не унимался.

Он и по сей день таскал бы воду, поливал бы герань и, конечно, залил бы весь Йоркшир, да, на счастье, чародей вспомнил, что забыл запереть свою книгу, и вернулся. И в тот самый момент, когда вода уже пузырилась у самого подбородка бедняги ученика, чародей ворвался в свои покои, произнес заклинание и вернул Вельзевула его адскому пламени.

Дик Уиттингтон и его кошка

ЧЕНЬ ДАВНО, с тех пор прошло уже лет пятьсот, а то и больше, жил в Англии мальчик по имени Дик Уиттингтон. Отец и мать его умерли, когда он был совсем маленьким.

Дик был так мал, что еще не мог работать. Туго приходилось бедняжке. Обедал он скудно, а завтракать часто и вовсе не завтракал. Люди в его деревне были бедные и не могли ему дать ничего, кроме картофельных очисток да изредка черствой корки хлеба.

Но Дик не унывал и чувствовал себя совсем неплохо. Особенно любил он послушать, что говорят фермеры или какие-нибудь заезжие торговцы. Каждое воскресенье Дик приходил к деревенскому трактиру и, примостившись у придорожного столба, стоял и слушал. День бывал базарный, и все заходили в трактир выпить кружку-другую эля, а заодно и обсудить сделку или рассказать новости.

Там Дик и наслушался всяких небылиц про большой город Лондон.

А в те времена, надо вам сказать, деревенские жители полагали, что в Лондоне живут одни знатные господа, которые целыми днями только и делают, что поют да танцуют, и что все улицы в Лондоне вымощены чистым золотом.

И вот раз, когда Дик, как обычно, стоял у придорожного столба, через деревню проезжала большая повозка, запряженная восьмеркой лошадей с бубенчиками. У трактира возчик соскочил с козел, чтобы выпить кружку эля, и Дик, набравшись храбрости, спросил его:

— Куда вы едете?

— В Лондон, куда же еще! — ответил возчик.

— Эх, вот бы мне туда попасть! — вздохнул Дик.

И он рассказал возчику, что у него нет ни отца, ни матери и что ему давно хочется поехать в Лондон, посмотреть на чудеса, про которые он слышал. Ну, возчик был малый добрый и велел ему садиться рядом на козлы.

— А когда в другой раз поеду через вашу деревню, отвезу тебя назад, — сказал он, и они тронулись в путь.

Добрались благополучно до Лондона и покатали по лондонским улицам. Дик не уставал дивиться высоким башням, богатым соборам да церквам. Но ему не терпелось увидеть скорее золотую мостовую. И когда возчик остановился у какой-то гостиницы, Дик соскочил на землю и стал оглядываться по сторонам. Ему казалось: стоит только завернуть за угол, и он сразу увидит мостовую, мощенную золотом.

Но он обегал все улицы, а золота не нашел. Дик устал, и есть захотелось. И вот, измученный, полумертвый от голода, он свалился у дверей мистера Фитцуррена, богатого купца. Там его приметилла кухарка — презлая женщина.

— Что тебе здесь надо, ленивый бродяга? — закричала она на бедного Дика. — Отбою нет от этих нищих! Если ты не уберешься отсюда, я тебя помоями окачу!

Но тут как раз вернулся домой к обеду сам мистер Фитцуррен. Он увидел у своих дверей грязного и оборванного мальчика и спросил его:

— Почему ты здесь лежишь? Ты ведь большой, мог бы работать. Ленижай, верно?

— Что вы, сэр! — ответил Дик. — Вовсе я не лентяй. Я всей душой рад бы работать, да никого здесь не знаю.

— Бедняга. Ну, вставай! Пойдем со мной.

И он отвел его в свой дом, велел накормить хорошенько и дать ему посильную работу.

Дик совсем счастливо зажил бы в доме этого доброго купца, если бы не злобная кухарка. Она то и дело говорила ему:

— Помни, ты подчиняешься только мне. А ну-ка, живей поворачивайся! Вычисти вертел, отмой противень, разведи огонь, открой трубу, перемой всю посуду, да попроворней, а не то!.. — И она замахивалась на Дика черпаком.

Кроме того, она так привыкла одно сбивать, другое отбивать, что, когда не было мяса для отбивных, она была бедного Дика — по голове и плечам, половой щеткой и всем, что попадалось ей под руку. В конце концов про дурное ее обращение с Диком

узнала мисс Алиса, дочь мистера Фитцуррена. И Алиса пригрозила кухарке, что прогонит ее, если она не станет к Дикю добрее.

Кухарка стала чуть потише, зато на Дика свалилась новая беда. Кровать Дика стояла на чердаке, а там и в полу и в стенах было столько дыр, что мыши и крысы просто изводили его по ночам.

Как-то раз Дик вычистил одному господину ботинки, и тот дал ему за это целый пенни. Дик решил купить на эти деньги кошку. На другой день он увидел девочку с кошкой в руках и сказал ей:

— Продай мне кошку за пенни!

— Что ж, берите, господин! — ответила девочка. — Хотя моя кошка стоит дороже: она отлично ловит мышей!

Дик спрятал кошку на чердаке и никогда не забывал приносить ей остатки от своего обеда. Не прошло и нескольких дней, как мыши и крысы перестали его тревожить и он мог крепко спать по ночам.

Вскоре после этого один из торговых кораблей мистера Фитцуррена стал готовиться в дальнее плавание. По обычаю, слуги купца могли попытаться счастья вместе с хозяином и послать за море какие-нибудь вещи на продажу или деньги на покупку товара. Однажды купец пригласил всех слуг к себе в кабинет и спросил, что они желают послать.

У всех нашлось, чем рискнуть, кроме бедняги Дика. У него не было ни денег, ни вещей.

— Нет у меня ничего, — сказал бедный Дик. — Вот разве что кошка... Я ее недавно купил за пенни у одной девочки.

— Так неси свою кошку! — сказал мистер Фитцуррен. — Можешь послать ее.

Дик сходил на чердак за кошкой и отдал ее капитану корабля, сказав со вздохом:

— Теперь мыши и крысы опять не дадут мне спать по ночам.

Все посмеялись над необычным «товаром» Дика, одна мисс Алиса пожалела его и дала ему денег на новую кошку.

Это вызвало зависть у злой кухарки. Она стала издеваться над ним хуже прежнего и то и дело колола его злыми словами, насмехаясь, что он послал за море кошку.

— Как думаешь, — говорила она, — дадут за твою кошку столько денег, чтоб хватило на палку — тебя колотить?

В конце концов бедный Дик не вытерпел и решил бежать. Собрал он свои пожитки и рано утром первого ноября тронулся в путь. Дошел он до Холлоуэйя, присел там на камень — этот камень и по сей день называется Камнем Уиттингтона — и стал раздумывать, какую дорогу ему выбрать.

И, пока он раздумывал, колокола Бау Чёрч — а их в то время было всего шесть — начали звонить, и Дику показалось, будто они говорят ему:

Вернись скорее в Лон-дон,
Уиттингтон!
Дин-дон, дин-дон!
Лорд-мэр Уиттингтон!

«Лорд-мэр — я? — удивился Дик. — Да я что угодно вытерплю, лишь бы стать лорд-мэром и кататься в роскошной карете, когда вырасту большим! Ну что ж, пожалуй, вернусь и даже внимания не стану обращать на колотушки и воркотню кухарки, раз в конце концов мне суждено стать лорд-мэром Лондона».

Дик повернул обратно и, к счастью, успел проникнуть в дом и приняться за работу раньше, чем злая кухарка вошла в кухню.

А теперь последуем за мисс Кошкой к берегам Африки. Корабль с кошкой на борту долго плыл по морю. Наконец ветер пригнал его к той части африканского берега, где жили мавры — народ, англичанам не знакомый. Мавры толпами сбежались посмотреть на моряков, а когда ближе познакомились с ними, охотно принялись раскупать все удивительные вещи, которые привез корабль.

Тогда капитан послал образцы лучших товаров царю этой страны. Царь был так этим доволен, что пригласил капитана и его помощника к себе во дворец. По обычаю той страны, гостей усадили на дорогие ковры. Царь и царица сели на возвышение в конце зала. Но не успели внести кушанья, как в зал ворвались полчища крыс и мышей и вмиг сожрали все яства. Капитан был поражен и спросил:

— Как вы терпите, чтобы какие-то твари бесчинствовали на вашем столе? И часто это случается, ваше величество?

— Увы, — вздохнул царь, — каждый раз, когда вносят еду. Мои советники и ученые уже не раз держали совет по этому делу, но выхода нет! Я бы отдал половину моих богатств, лишь бы избавиться от этих тварей!

— У нас в Англии, — сказал капитан, — в каждом доме есть животное, которое прекрасно ловит мышей и крыс. Его зовут кошка. А разве в вашей стране кошки не водятся?

Царь попросил подробнее описать кошку, но все равно никто из придворных никогда не видел ее. И тогда царь спросил, где же достать это удивительное животное.

— У нас тут есть одна на борту корабля, — сказал капитан: он хорошо знал свое дело и не преминул расписать все достоинства мисс Кошки. — Правда, нам очень не хотелось бы с ней расста-

ваться. Ведь если ее не будет, мыши и крысы, чего доброго, уничтожат все наши товары!

Но царь так просил капитана уступить ему кошку! Он даже пообещал заплатить за нее золотом и драгоценными камнями.

— Ну что же, — молвил капитан, — чтобы услужить вашему величеству, так и быть, я принесу ее.

— Бегите, бегите! — вскричала царица. — Ах, как мне хочется поскорее увидеть это милое животное!

И капитан отправился на корабль. А тем временем для гостей приготовили новый обед. Капитан сунул мисс Кошку под мышку и прибыл во дворец как раз вовремя: весь стол опять был усеян крысами. Как только кошка увидела их, она не стала ждать приглашения — вырвалась из рук капитана и в несколько минут расправилась с этими тварями.

Царь был в восторге, а царица сказала:

— Пусть это чудное животное останется у нас! — и попросила царя: — Дайте за нее капитану что он хочет!

И царь заключил с капитаном сделку на все товары, какие были на корабле, причем за кошку дал в десять раз больше, чем за все остальное! Вскоре капитан покинул царский дворец и отплыл с попутным ветром в Англию.

После удачного путешествия он благополучно прибыл в Лондон. И вот однажды утром, только мистер Фитцуррен пришел к себе в контору и сел за письменный стол, чтобы проверить выручку и распределить дела на день, как вдруг кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросил мистер Фитцуррен.

— Ваш друг, — услышал он в ответ. — Я принес вам добрые вести о вашем корабле «Единороге».

Купец бросился скорее открывать дверь. И кого же он там увидел? Капитана и своего агента с большой шкатулкой под мышкой.

— Ваш корабль благополучно прибыл, — сказал капитан. — А вот список всех сделок, какие мы заключали на своем пути. — И он протянул мистеру Фитцуррену накладную.

Купец пригласил капитана и агента к столу, велел подать им вина и тогда только начал читать накладную. Он удивился и очень обрадовался огромной выручке, какую привез капитан «Единорога», но когда капитан рассказал ему про небывалую удачу Дика и открыл шкатулку с золотом и драгоценностями, он еще больше изумился.

— Пригласите скорей сюда мистера Уиттингтона! — приказал он слуге.

А Дик в это время чистил в кухне горшки. И как есть, весь в саже, явился к своему господину. Тот предложил ему сесть, обратился к нему на «вы» и назвал его «мистер Уиттингтон», так что бедняга Дик решил, что над ним просто смеются. Но мистер Фитцуоррен рассказал ему, что произошло, и показал шкатулку с его сокровищами.

Дик был на седьмом небе от счастья. Он попросил хозяина принять хоть часть его богатств: ведь он всем обязан был доброте мистера Фитцуоррена.

— Ах нет, что вы! — ответил купец. — Это все ваше! И я не сомневаюсь, что вы прекрасно всем распорядитесь.

Тогда Дик попросил хозяйку, а затем и мисс Алису принять часть его состояния. Но они тоже отказались, уверяя, что от души радуются его удаче. Не мог бедный мальчик оставить все себе одному. Он сделал богатые подарки капитану, его помощнику и всем слугам мистера Фитцуоррена. Даже злой старухе кухарке.

Мистер Фитцуоррен посоветовал Дикю послать за хорошим портным и одеться, как подобает джентльмену, и предложил Дикю остаться в его доме, пока не найдется для него лучшего.

Уиттингтон умылся, завил волосы, надел шляпу и хороший костюм и стал не менее привлекательным и элегантным, чем любой из молодых людей, бывавших в гостях у мистера Фитцуоррена. И мисс Алиса, которая раньше только жалела его и старалась ему помочь, теперь нашла его подходящим женихом. К этому стоит лишь добавить, что и сам Уиттингтон только и думал о том, как бы угодить мисс Алисе, и беспрестанно делал ей всякие подарки.

Мистер Фитцуоррен вскоре заметил их взаимную любовь и предложил им обвенчаться, на что оба охотно согласились. Был назначен день свадьбы, и в церковь жениха и невесту сопровождали лорд-мэр, свита олдерменов, шерифы и самые богатые купцы Лондона. После венчания всех пригласили на богатый пир.

История повествует нам, что мистер Уиттингтон и его супруга жили в богатстве и роскоши и были очень счастливы. Ричарда Уиттингтона (теперь его стали величать полным именем) один раз избрали шерифом Лондона и трижды лорд-мэром, а при Генрихе V он удостоился рыцарского звания.

До самого 1780 года можно было видеть фигуру сэра Ричарда Уиттингтона с кошкой в руках, высеченную из камня, над аркой старой Ньюгетской тюрьмы, которую он, видно забыв о своем прошлом, приказал выстроить для нищих и бродяг.

ИЛА-БЫЛА на свете женщина. Испекла она однажды пять пудингов, а когда вынула их из духовки, они оказались сыроваты. Вот женщина и говорит своей дочке: — Доченька, поставь-ка их вон на ту полку! Пусть они полежат немножко, может, подойдут еще. Она хотела сказать — дойдут.

А девушка подумала: «Что ж, если еще подойдут, эти я съем». И принялась их есть, и съела все — все до одного.

Но вот приспело время ужинать, мать и говорит дочке:

— Поди-ка принеси с полки пудинги. Я думаю, теперь они уже подошли.

Девушка пошла на кухню, но не увидела там ничего, кроме пустой посуды.

Вернулась она назад и говорит:

— Не подошли еще.

— Ни один? — спрашивает мать.

— Ни один, — отвечает дочка.

— Ну, подошли не подошли, один все равно возьмем к ужину.

— Как же возьмем, раз они не подошли еще? — удивилась девушка.

— Да уж все равно, — говорит мать, — пойди и принеси самый лучший.

— Лучший или худший, — говорит девушка, — я уже все их съела, так что и брать нечего.

Так-то вот. Ну, видит мать — делать нечего, придвинула к двери прялку и начала пряхть.

Прядет и подпевает себе:

Пять пудингов съела дочка,
Пять пудингов съела за день.

А в это время шел по улице король. Услыхал он, как она поет, да не расслышал о чем. Вот остановился и спрашивает:

— О чем это ты поешь, добрая женщина?

Матери стыдно стало за дочку, и она спела так:

Пять мотков шерсти напряла дочка,
Пять мотков шерсти напряла за день.

— О небо! — воскликнул король. — Я отроду не слыхал, чтобы кто-нибудь пряд так быстро! — Потом сказал женщине: — Послушай, я давно ищущ себе невесту и теперь хочу жениться на твоей дочери. Но только вот условие: одиннадцать месяцев в году твоя дочь будет есть любимые свои кушанья, носить самые красивые наряды, веселиться с кем только захочет, но последний месяц в году она должна будет прядать по пяти мотков в день, а не то я ее казню!

— Хорошо, — согласилась мать: очень уж ей захотелось выдать дочку за самого короля.

«Что же касается пяти мотков, — решила она, — придет время, что-нибудь придумается. А скорее всего, король и вовсе про них забудет».

Ну вот, сыграли свадьбу. Одиннадцать месяцев молодая королева ела любимые свои кушанья, одевалась в самые красивые наряды и веселилась с кем только хотела.

Когда же одиннадцатый месяц стал подходить к концу, она начала подумывать о мотках пряжи. «Помнит или не помнит о них король?» — гадала она.

Но король ни разу ни словом об этом не обмолвился, и она решила, что он совсем забыл про свое условие.

И вот в самый последний день одиннадцатого месяца король отвел ее в какую-то комнату, которой она никогда раньше не видела. В комнате не было ничего, кроме прялки да скамеечки.

— Ну, милая, — сказал король, — завтра я запрю тебя здесь. Тебе принесут немного еды и шерсть. И если к вечеру ты не спрядешь пяти мотков, твоя голова слетит с плеч!

И он ушел заниматься своими делами.

Бедняжка очень испугалась — ведь она всю жизнь была с ленцой, а прядать и вовсе не умела. «Что со мной будет завтра? — думала она. — И никто на всем свете не поможет мне!»

Села она на скамеечку и ах как горько заплакала!

Вдруг слышит — кто-то тихонько стучится в дверь. Она вскочила и быстро открыла ее. И кого же она увидела? Крошечного черного бесенка с длинным хвостом. Он взглянул на нее с любопытством и спросил:

— О чем ты плачешь?

— А тебе что?

— Да так просто. Ну, о чем ты плачешь, скажи?

— Если и скажу, лучше мне не станет.

— Кто знает! — проговорил бесенок и вильнул хвостиком.

— Что ж, — вздохнула королева, — пожалуй, мне и хуже не будет, если уж лучше не станет.

Взяла да рассказала ему и про пудинги, и про мотки пряжи — словом, про все.

— Слушай, я все придумал! — вскричал бесенок. — Каждое утро я буду подходить к твоему окну и забирать шерсть, а к вечеру приносить мотки пряжи.

— А что ты за это возьмешь? — спросила королева.

Бесенок покосился на нее и ответил:

— Каждый вечер я буду тебя спрашивать, как меня зовут. До трех раз. Если к концу месяца не угадаешь, пойдешь со мной!

Что ж, королева подумала, что за целый-то месяц она, уж конечно, отгадает его имя, и ответила:

— Хорошо, я согласна.

— Вот и прекрасно! — обрадовался бесенок и быстро завертел хвостиком.

На другое утро король отвел жену в комнату, где уж приготовлена была шерсть и еда на один день, и сказал:

— Вот тебе шерсть, милая. И если к вечеру ты не спрядешь ее, не сносить тебе головы!

Вышел из комнаты и запер дверь на замок.

Только он ушел, послышался стук в окно.

Королева вскочила и распахнула его. Видит — сидит на карнизе маленький черный бесенок.

— Где шерсть? — спросил он.

— Вот! — ответила королева и подала ему шерсть.

Вечером опять раздался стук в окно. Королева поспешно встала и открыла его. На этот раз черный бесенок держал в руках пять мотков пряжи.

— Бери! — сказал бесенок и протянул ей мотки. — А теперь скажи: как меня зовут?

— Билл, наверное? — молвила королева.

— Нет, не угадала, — сказал бесенок и еще быстрее завертел хвостиком.

— Ну, так Нед?

— Нет, не угадала,— сказал бесенок и завертел хвостиком.

— Может быть, Марк?

— Нет, не угадала,— сказал бесенок, еще быстрее завертел хвостиком и вдруг пропал.

Вечером пришел в комнату король. Видит — лежат пять мотков пряжи.

— Как я рад, милая!— сказал он.— Значит, сегодня мне не придется тебя казнить. А завтра утром ты опять получишь еду и шерсть.— И он ушел.

Так каждый день ей приносили шерсть и еду, и каждый раз, утром и вечером, появлялся маленький черный вьюн. И весь день королева сидела и думала; какое же имя ей назвать вечером. Но ни разу не угадала! И чем ближе к концу подходил месяц, тем злорадней смотрел на нее черный бесенок и тем быстрее вертел хвостом с каждым неверным ее ответом.

И вот настал предпоследний день.

Бесенок, как всегда, пришел с пятью мотками пряжи и спросил:

— Ну как же, угадала, наконец, мое имя?

— Никодимус?— молвила королева.

— Нет.

— Самуил.

— Нет.

— А, так, значит, Мафусаил?

— Нет, нет и нет!— крикнул бесенок, и глазки его загорелись, как два уголька.— Слушай! Остался один день! Не угадаешь — завтра вечером пойдешь со мной!

И пропал.

Королеве стало так страшно. Тут она услышала шаги. Король вошел в комнату, увидел пять мотков и сказал:

— Ну, милая, я думаю, завтра к вечеру ты опять нарядешь пять мотков, не так ли? И мне не придется тебя казнить! А сегодня я отужинаю с тобой.

Принесли ужин и вторую скамейку для короля.

Но не успел король проглотить и двух кусков, как вдруг бросил нож и расхохотался.

— Что с тобой?— спросила его королева.

— Ты только послушай!— ответил он.— Отправился я нынче на охоту в лес и заехал в какое-то незнакомое место. Там была заброшенная меловая яма. И вот почудилось мне, будто в ней что-то жужжит. Я соскочил с лошади, подошел к яме и заглянул вниз. И кого же я там увидел? Крошечного черного бесенка, смешного-пресмешного! Как ты думаешь, что он делал? Прял!

Быстро-быстро прятал на крошечной прялке. Прядет, хвостиком вертит и напевает:

Нимми-Нимми-Нот,
А зовут меня Том Тит Тот.

Как услышала это королева, чуть не подскочила от радости! Однако ни слова не сказала.

Наутро, когда черный вьон опять пришел за куделью, он поглядывал на королеву еще злораднее.

А под вечер королева, как всегда, услышала его стук в окно. Вот открыла она окно и видит: сидит бесенок на карнизе и ухмыляется — род до ушей. А хвостик-то, хвостик так и вертится, так и вертится!

— Ну, как же меня зовут? — спросил бесенок и отдал королеве последние мотки.

— Соломон? — молвила она, делая вид, будто ей страшно.

— Нет, не угадала! — засмеялся он и шагнул к ней.

— Ну, тогда Зеведей?

— Не угадала, — захихикал вьон еще злорадней и еще быстрее завертел хвостиком. — Подумай хорошенько! Еще один неверный ответ — и пойдешь со мной! — И он протянул к ней свои черные лапки.

Королева отступила на шаг-другой, поглядела ему прямо в глаза и со смехом промолвила:

Нимми-Нимми-Нот,
А зовут тебя Том Тит Тот.

Как услышал это бесенок, взвизгнул и пропал во тьме за окном. С тех пор его никто и не видел.

«Недавно я видел человека, который не верит в сказки, — так начал на заре нашего столетия одно из своих эссе прославленный английский писатель Гилберт Кит Честертон. — Я говорю не о том, что он не верит в происшествия, о которых говорится в сказках, — например, что тыква может стать каретой. Конечно, он и в это не верил... Но тот, о ком я говорю, не признавал сказок в другом, еще более странном и противоестественном смысле. Он был убежден, что сказки не нужно рассказывать детям. Такой взгляд (подобно вере в рабство или в право на колонии) относится к тем неверным мнениям, которые граничат с обыкновенной подлостью. Есть вещи, отказывать в которых страшно. Даже если это делается, как теперь говорят, сознательно, само действие не только ожесточает, но и разлагает душу... Так отказывают детям в сказках»¹

Отказывать детям в сказках поистине преступление. Тот, кто ребенком не верил в сказки, во взрослые годы не поверит ни во что. Сказки можно назвать поэтичным «букварем» жизни, который готовит человека к чтению великой и сложной книги бытия.

Вильгельм Гауф, автор «Маленького Мука» и «Карлика Носа», был прав, назвав Сказку любимой дочерью щедрой королевы Фантазии. Но если Фантазия — мать Сказки, то отец ее — Реальный Мир. И насколько привлекательной внешностью Сказка обязана матери, настолько глубиной внутреннего содержания — отцу. Подобно своему старшему брату Мифу Сказка выражает и формирует определенное мировосприятие и сквозь прихотливый лабиринт вымысла вводит в действительность. Недаром братья Гримм подчеркивали, что из сказок «легко выводится добрая мораль,

¹ Честертон Г. К. Писатель в газете. Художественная публикация. М., 1984, с. 110.

применимая и в реальной жизни. И хотя не в этом было их назначение и не для того они слагались, эти качества порождаются ими, подобно тому, как из здорового цветка вырастает хороший плод без какого-либо участия человека. Тем-то и сильна любая истинная поэзия, что никогда не может существовать без связи с реальной жизнью, ибо она из жизни возникает и к ней же возвращается, как возвращаются к месту своего зарождения облака после того, как они напоют землю»¹.

Дети попросту присвоили (или взрослые великодушно отдали им то, что создавали для себя, как отдают лучший кусок хлеба) большую часть сказок, равно как присвоили они «Робинзона Крузо» и «Гулливера». Возможно, произошло так потому, что уровень детского сознания в чем-то ближе тем наивным и одновременно мудрым представлениям о природе, о добре и зле, которые выработали народы в пору своего «младенчества», в пору начального познания мира и которые воплощены в сказках: в поэтических одеждах мир не только предстает более красочным, но и перестает быть пугающе непонятным. А может быть, заложенная изначально в человеке тяга к поэзии сильнее ощущается в детстве, и необходимо накопить в себе мощный ее заряд, чтобы суметь противостоять затем прозе жизни? Повседневность нередко страдает «сердечной недостаточностью», и прививку от этого мучительного недуга можно получить только в детстве.

С годами мы неизбежно утрачиваем детскую чистоту взгляда, но особенно плохо, если утрачиваем и воспитанную на сказках непоколебимую уверенность в конечном торжество справедливости. Недаром поэт мечтал:

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять...

Душа читателя любого возраста, омытая в волшебном роднике сказки, становится чище и просветленнее. Однако, чтобы душа начала расти, набирать силу и широту, в детстве к ней обязательно должна прикоснуться палочка сказочной феи. Маленькому человеку сказка, будоражащая воображение и в образной форме передающая опыт многих поколений, просто необходима, дабы подготовиться к встрече с большим миром, где могут ждать испытания не менее трудные, чем у фольклорных героев.

В народно-поэтическом творчестве всех народов сказки занимают почетное место. Они делятся на волшебные и богатырские (или рыцарские), житейские (бытовые) и балагурные, на сказки о животных, у кото-

¹ Цит. по кн.: Герстнер Г. Братья Гримм. М., 1980, с. 85.

рых оказываются на поверку человечьи повадки. Но в целом жанр этот отражает особенности традиционного уклада того или иного народа, его обычаи и верования, идеалы и устремления, а нередко также важнейшие вехи исторического пути.

Более ста лет назад английский исследователь и переводчик русской литературы Уильям Ролстон, рецензируя знаменитый трехтомный труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», пришел к выводу: «Это богатый рудник для всех, кто желает изучить настоящий предмет, узнать множество легенд, рассказываемых в разных славянских землях о небе и земле, солнце и луне, о горах и реках, громе и ветре, кто желает составить некоторые понятия о той точке зрения, с которой древние славяне глядели на жизнь и смерть, кто хочет ознакомиться с понятиями славянских крестьян нашего времени об окружающей их физической природе и о том духовном мире, какой они себе представляют»¹.

Точно так же, если мы хотим добыть драгоценные крупинки знания о духовном мире народов, населяющих Британские острова, то лучшим «рудником» для этого могут послужить их сказки. Гете сказал: чтобы понять поэта, надо отправиться в его страну. Но верно и другое: чтобы понять страну, необходимо знать творчество ее поэтов и первого среди них — народа.

Британский сказочный фольклор необычайно богат и разнообразен. Он дошел до нас из седой старины и хранит на себе печать тех эпох и тех культур, в недрах которых создавался. Современная Великобритания состоит из четырех основных исторически сложившихся частей: Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии (подразделяющихся, в свою очередь, на более мелкие административные единицы). Уэльсцы (валлийцы), северные шотландцы и ирландцы, а также коренные жители полуострова Корнуолл и острова Мэн — потомки древних кельтов. Кельтские племена (пикты, белги, гэлы, скотты, бритты и другие) пришли на Британские острова с европейского континента еще в первом тысячелетии до нашей эры и принесли с собой высокоразвитую культуру. Скотты передали впоследствии свое имя шотландцам, а от бриттов произошло латинское название Британия — его утвердили за завоеванными ими землями римские легионеры. Когда легионы ушли, на смену длившемуся несколько столетий владычеству Рима приходит в V — VI веках н. э. вторжение воинственных германских племен англвов, саксов, ютов и фризов. Англосаксы оттеснили кельтов на запад и север страны, а также в Ирландию и дали захваченной территории новое наименование — Англия. Британские остро-

¹ Русская старина, 1872, № 5, с. 787.

ва нередко подвергались также в те времена набегам скандинавских викингов — датчан и норвежцев (часть которых там и осела), а в 1066 году были покорены норманнами под предводительством Вильгельма Завоевателя, который стал английским королем и положил начало централизации государственной власти.

Отзвуки жестоких битв, что сотрясали некогда Британию, явственно слышны в ее фольклоре. Эти отзвуки слышны в ирландских сагах — эпических прозаических повествованиях со стихотворными вставками, великолепных памятниках кельтского культурного наследия. Их возлюбленным героем стал бесстрашный воин Кухулин, чей удар рогатым копьём неотразим, а самому ему, как гласит одна из саг, присущи лишь три недостатка: то, что он был слишком молод, слишком смел и слишком прекрасен. Эти отзвуки слышны в валлийских легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, которые послужили основой для множества литературных обработок — от созданной в XII веке «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и появившейся три столетия спустя блистательной эпопеи Томаса Мэлори «Смерть Артура», вошедшей в сокровищницу мировой классики, до трилогии современной английской писательницы Мэри Стюарт «Кристалльный грот», «Полые холмы», «Последнее волшебство» (1970—1979).

Отталкиваясь от романа Мэлори и пародируя не столько его, сколько порожденный им поток стилизаций под средневековье, в 1889 году Марк Твен написал остроумную историко-фантастическую повесть «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Артуровские легенды, зародившись в пятом веке, складывались на протяжении длительного времени и прошли несколько стадий в своем развитии. Фигура короля Артура, предстающего то неустрашимым воителем, то справедливым и мудрым правителем, выросла постепенно для кельтов в символ сопротивления иноземному нашествию — вначале англосакскому, а потом и норманнскому. Народ наделил в своих сказаниях Артура бессмертием, выразив веру в то, что он не умер, а лишь погрузился в сон вместе с преданными рыцарями и ждет заветного часа, чтобы прийти на помощь соплеменникам. Благодаря естественным контактам кельтов-валлийцев с другими народами король Артур и его славные рыцари, его добрый советчик — прорицатель и чародей Мерлин стали также достоянием английского фольклора, отправились в победоносное шествие по европейскому континенту, начав с мирного завоевания Франции. Та же участь постигла искусно вплетенную в артуровский цикл романтическую легенду о Тристане и Изольде, которая получила широчайшее распространение, дойдя до славянских земель.

По всему миру разнеслась слава о благородном разбойнике Робине Гуде. В балладах английских менестрелей он воспет как веселый и отважный защитник народа от всевозможных угнетателей, всегда готовый поднять бьющий без промаха лук во имя свободы и справедливости. Таким — туго натянувшим свой лук — изображен легендарный стрелок и на памятнике, воздвигнутом в его честь в городе Ноттингеме, столице того графства, где находится Шервудский лес, который служил пристанищем Робину Гуду и его лихим, не ведающим страха молодцам. Из народных баллад Робин Гуд шагнул на страницы классической литературы (он упоминается у Шекспира и Вальтера Скотта), как шагнули туда герои легенд артуровского цикла.

Богатство отечественного фольклора, вдохновлявшего многих поэтов, прозаиков и драматургов, обусловило особую популярность жанра литературной сказки в Англии. Щедрую дань этому жанру в XIX — XX веках отдали Чарлз Диккенс и Уильям Мейкпис Теккерей, Льюис Кэрролл и Эдвард Лир, Оскар Уайльд и Редьярд Киплинг, Беатрис Поттер и Памела Трэверс, Джеймс Барри и Алан Милн, Джон Толкин и Дональд Биссет. Благодатная почва для создания Алисы, побывавшей в Зазеркалье, и Мэри Поппинс, Счастливого Принца и Питера Пэна, медвежонка Винни-Пуха и добрых хоббитов — порождение авторской творческой фантазии — была подготовлена неистощимой фантазией народной. И словно подтверждая эту преемственность, проказливый чертенок Пак, или Робин Добрый Мальчик, знакомый нам по фольклору, появляется как действующее лицо в шекспировском «Сне в летнюю ночь», а много позже — в книгах киплинговских сказок.

Как и в других европейских странах, в Англии начиная с эпохи романтизма повышенный интерес к сказкам проявляется в разных формах. Наряду с писателями, отгалкивавшимися от народно-поэтической традиции, но творившими свой собственный воображаемый мир, усердно трудились ученые-филологи, собирая памятники британского фольклора и стремясь зафиксировать их в первоизданном виде, с сохранением всех диалектических, этнографических и иных особенностей. Наконец, был третий, промежуточный путь, каким шли Шарль Перро во Франции и братья Гримм в Германии, — когда фольклорная запись подвергалась тонкой стилистической правке, сохраняя вместе с тем очарование оригинала. Характеризуя такого рода литературные обработки, И. С. Тургенев отмечал по поводу переведенных им волшебных сказок Перро: «Они веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей; в них есть именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-про-

стого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла»¹.

С начала прошлого столетия и до нынешнего времени появилось множество собраний британского фольклора, выдержанных в разном ключе: от весьма вольных переделок до строго научных, систематизированных и прокомментированных публикаций. Но, пожалуй, наибольший успех выпал на долю того типа изданий, где первоначальные тексты при бережном отношении к ним подверглись все же некоторой литературной редакции или (если речь идет о наследии народов кельтской группы) переводу на общеанглийский язык, что облегчило восприятие массовому читателю. Примерами такого типа изданий XIX века могут служить ставшие уже «каноническими» собрания английских и кельтских сказок Джозефа Джекобса (старавшегося минимально править оригинальные тексты), шотландских сказок Роберта Чемберса и Эндрю Лэнга, ирландских — Уильяма Батлера Йейтса, выдающегося поэта и драматурга, лауреата Нобелевской премии, всю жизнь восхищавшегося богатством красок и образностью фольклора, который из поколения в поколение передавался на пре-красной и многострадальной земле Эйре.

В сложнейших исторических условиях складывался и развивался сказочный фольклор Британских островов. Напластования веков легли на него и видны как годичные кольца на срезе ствола могучего дуба. В самой древней, сердцевинной части обнаруживаются еще языческие поверья и мифы, магические и ритуальные обряды, которые оказались очень стойкими и начали потом сосуществовать даже с христианским миропониманием. В сказках продолжает жить то враждебный, то дружественный человеку многоликий мир фантастических существ — драконов и великанов, русалок и водяных, эльфов и фей, брауни и лепреконов, гоблинов и беснят.

Народ не может считаться покоренным, пока у него не отняли его песни и сказки. Вот почему так ожесточенно преследовали англосаксы ирландских, шотландских и валлийских бардов, справедливо видя в них главных хранителей кельтских традиций; но и самим англосаксам (их наиболее значительным произведением донорманнской эпохи стала героическая поэма о Беовульфе), довелось изведать натиск скандинавского и французского эпоса, который принесли с собой завоеватели, вторгшиеся с континента. Как самую священную реликвию оберегали крестьяне фольклор, доставшийся им от предков, и обогащали его новыми мотивами, отста-

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. Т. 10, М., 1982, с. 344.

ивая тем самым свою самобытность. Эта самобытность народов, создававших британские сказки, отчетливо проступает в них.

Даже в переводе на «стандартный» английский язык (а тем более на русский), когда утрачивается специфика того или иного диалекта, сохраняется неповторимый колорит, который присущ фольклору различных областей страны. При глубокой общности кельтских корней валлийские легенды не похожи на шотландские, а те, в свою очередь, — на ирландские саги; и все вместе они заметно отличаются от собственно английских сказок.

Наряду с этим бросается в глаза, что кое-какие герои и сюжеты кочуют из одного фольклора в другой, причем не только когда речь идет о народах, которые соседствуют друг с другом или живут в рамках одного государства. Так, к примеру, английская сказка «Выгодная сделка» (существует ее вариант под названием «Вершки или корешки?») напоминает русскую сказку «Мужик, медведь и лиса» из афанасьевского сборника; «Джонни-пончик» ведет себя точь-в-точь как наш «Колобок»; «Как Джек ходил счастья искать» весьма походит на гриммовских «Бременских музыкантов»; «Тростниковая шапка» вызывает в памяти не только «Короля Лира», но и «Золушку»...

Некоторые британские сказки уже прочно обосновались на русской почве («Три медведя», переложение которой сделал Лев Толстой, или «Три поросенка»), с иными читатель знаком пока хуже. Тем ценнее, что наша книга как бы приглашает последовать совету старинного сказителя притчи про строителя Гоба: повнимательнее взглянуть на чудесную «страну королей и королев, поэтов и пророков, ученых и колдунов, умных жен и глупых мужей, а может быть, даже и фей, и привидений, и говорящих птиц и зверей (которые говорят куда умнее, чем иные люди)». И тот, кому довелось узреть сквозь волшебное кольцо британских сказок страну народной фантазии, наверняка увидит там немало поучительного.

Сказки учат, но без назидательно поднятого перста. Тем более — сказки Альбиона, которые зачастую изрядно сдобрены традиционным британским юмором. Сплошь и рядом к ним можно применить пушкинские слова:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Ирландская история про ученика вора начинается со знаменательного предуведомления: «Старинные сказания пренебрегают мелкой моралью». А повествование «Ленивая красавица и ее тетушки» завершается признанием: «...по правде говоря, мальчишки и девочки, хотя эта история

и забавная, мораль в ней совсем неправильная». Тем не менее слушатель и читатель сказок непременно выносят из них большую и правильную мораль. Она состоит в том, что жадность и злоба, черствость и лень наказываются, а доброта и преданность, честность и смекаливость, упорство и трудолюбие вознаграждаются.

Не только азы житейской мудрости и этических норм помогает усвоить сказочный фольклор. «Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорической одеждою, облакающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу», — писал Гоголь¹.

Именно таковы лучшие сказки Британских островов, где высокая духовность озарена светом истинной поэзии.

Святослав Бэлза

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 тт. Т. 6, М., 1978, с. 398.

С 42 **Сквозь волшебное кольцо. Британские легенды и сказки.** Пер. с англ. Н. В. Шерешевской/ Послесл. С. И. Бэлзы; Ил. Л. И. Орловой.—М.: Правда, 1987.—480 с., ил.

Настоящий сборник знакомит читателей с сокровищами фольклора Британских островов — ирландскими, валлийскими, шотландскими и английскими легендами и сказками.

С 4703000000—1363
080(02)—87 1363—87

84.4 Вл

Редактор
В. Т. Башкирова

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 1363

Сдано в набор 30.10.86. Подписано к печати 28.05.87.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Эдисон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,00. Усл. кр.-отт. 60,50. Уч.-изд. л. 27,15.
Тираж 750 000 экз. (2-й завод: 150 001 — 250 000).
Заказ М-331. Цена 2 р. 60 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
Татарского обкома КПСС, 420066, Казань-66,
ул. Декабристов, 2.

